

1913.

Годъ 21.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА
ET
COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS
(OLIM DORPATENSIS).

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1913.

1913.

Годъ 21.

УЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1913.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 20 апрѣля 1913 г.

№ 1787.

Ректоръ: В. Алексѣевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія.

Стр

Проф. Θ. В. Тарановскій. Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ	401—633
Prof. Karl Konrad Grass. Grundriss der Lehre Jesu nach den drei ersten Evangelien	1— 51

Людовикъ XIV въ своемъ завѣщаніи отъ 2 августа 1714 года¹⁾, переданномъ на храненіе въ парламентъ²⁾, установилъ для правленія въ малолѣтство своего правнука, предполагаемаго наслѣдника престола, совѣтъ регентства, во главѣ котораго поставилъ герцога Орлеанскаго. Послѣдній не получилъ однако по завѣщанію никакой единоличной власти правленія, и всѣ государственныя дѣла, подлежащія рѣшенію королевской власти, должны были быть рѣшаемы не иначе, какъ по большинству голосовъ въ совѣтѣ³⁾. Хотя самъ Людовикъ XIV заявилъ парламенту, что его послѣдняя воля никому не извѣстна, и потому завѣщаніе его должно храниться до его смерти запечатаннымъ, тѣмъ не менѣе содержаніе завѣщательныхъ распоряженій, очевидно, не было тайной для придворныхъ сферъ, по крайней мѣрѣ, настолько, что герцогъ Орлеанскій имѣлъ основаніе опасаться насчетъ полноты предоставленной ему власти правленія. На другой день послѣ смерти Людовика XIV, 2 сентября 1715 г., состоялось, согласно волѣ покойнаго короля⁴⁾, засѣданіе парламента для вскрытія его завѣщанія, приведенія его въ исполненіе и обнародованія. Въ это засѣданіе явился герцогъ Орлеанскій и обратился къ парламенту съ рѣчью, въ которой сообщилъ послѣднее предсмертное волеизъявленіе покойнаго короля, сдѣланное устно непосредственно ему — герцогу. Согласно передачѣ герцога, король будто бы сказалъ, что въ своемъ завѣщаніи онъ сохранилъ за герцогомъ всѣ права, принадлежащія ему по рожденію, и прибавилъ, что, если въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ окажется что либо неудачное, это измѣнять. Эта послѣдняя воля короля подтверждала лишь то несомнѣнное право на

1) Recueil gén. des anc. lois franç., tome XX, p. 622—628.

2) См. édit, du mois d'août 1714, touchant le dépôt, la garde et l'ouverture du testament du roi, *ibidem*, pag. 631—634.

3) *Ibidem*, pag. 625: Voulons que toutes les affaires qui doivent être décidées par l'autorité du roi, sans aucune exception ni réserve, . . . soient proposées et délibérées au conseil de régence, et que les résolutions y soient prises à la pluralité des suffrages, et sans que le duc d'Orléans, chef du conseil, puisse seul et par son autorité particulière, rien déterminer, statuer et ordonner, et faire expédier aucun ordre au nom du roi mineur, autrement que suivant l'avis du conseil de régence.

4) *Ibidem*, pag. 633—634.

единоличное регентство, которое принадлежало герцогу Орлеанскому, какъ старшему агнату королевскаго дома. Герцогъ заявилъ, что онъ обладаетъ такимъ образомъ нѣсколькими основаніями, уполномочивающими его принять регентскую власть, но пожелалъ тѣмъ не менѣе, чтобы къ этимъ основаніямъ присоединилось еще рѣшеніе и одобреніе парламента ¹⁾. Представители королевской прокуратуры въ своемъ заключеніи по поводу обращенія герцога Орлеанскаго къ парламенту признали его вполне правильнымъ и подлежащимъ удовлетворенію, причемъ весьма тонко провели ту мысль, что завѣщаніе, къ вскрытію котораго парламентъ только еще собирался приступить, должно быть истолковано въ согласіи съ послѣднимъ устнымъ волеизъявленіемъ покойнаго короля, которое передано парламенту герцогомъ Орлеанскимъ и имѣетъ значеніе кодицилловъ къ писаному завѣщанію ²⁾. По вскрытіи и оглашеніи завѣщанія представители прокуратуры дали опять заключеніе въ томъ же направленіи: указали на необходимость толковать завѣщаніе не буквально, но по общему его

1) *Remontrances du parlement de Paris au XVIII-e siècle*, t. I, p. 6: Je suis donc persuadé que, suivant les lois du royaume, suivant les exemples de ce qui s'est fait dans de pareilles conjonctures et suivant la destination même du feu Roi, la régence m'appartient; mais je ne serai pas satisfait si à tant de titres qui se réunissent en ma faveur vous ne joigniez vos suffrages et votre approbation, dont je ne serai pas moins flatté que de la régence même.

2) *Ibidem*, p. 8: Que la naissance appelle M. le duc d'Orléans à la régence de ce royaume, qu'il semble même que la nature qui l'y a destiné ait pris plaisir à justifier son choix par des qualités éminentes qui le rendraient digne d'être élevé au titre de régent par les suffrages de cette auguste compagnie, quand on pourroit oublier que c'est la nature même qui le lui présente, et que, si la Cour suspendait encore sa délibération sur ce sujet, c'était par effet de sa religion pour le dépôt sacré qui a été remis entre ses mains; Que le terme fatal est arrivé où suivant l'édit qui accompagne ce dépôt leur premier devoir est de demander à la Cour l'ouverture du testament que le Roi lui a confié et la lecture de codicilles dont M. le duc d'Orléans vient de parler; Qu'ils ne peuvent craindre que la lecture de ces dispositions qui, suivant ce que M. le duc d'Orléans a appris de la bouche même du feu Roi, tendent à confirmer le droit de sa naissance, puisse y donner aucune atteinte et que le tempérament qu'il propose leur paraît si mesuré et si plein de sagesse qu'ils ne pouvaient rien faire de mieux que d'y joindre leurs suffrages.

духу¹⁾ и признали, что подъ именемъ главы совѣта покойный король разумѣлъ положеніе регента королевства, какъ это подтверждается и послѣднимъ предсмертнымъ волеизъявленіемъ короля, переданнымъ герцогомъ Орлеанскимъ²⁾. Парламентъ послѣдовалъ заключенію прокуратуры и провозгласилъ герцога Орлеанскаго регентомъ королевства³⁾. За этимъ главнымъ рѣшеніемъ послѣдовали другія частныя, направленныя на отмѣну согласно желанію регента другихъ частныхъ постановленій Людовика XIV; этимъ путемъ герцогъ Бурбонскій былъ немедленно допущенъ въ совѣтъ регентства въ званіи его предсѣдателя, должность дворцоваго коменданта была отнята у герцога du Maine и передана тому же герцогу Бурбонскому, командованіе придворнымъ войскомъ сосредоточено въ рукахъ регента, регенту предоставлено право произвольно увеличивать составъ совѣта регентства⁴⁾. Что касается взаимоотношенія единоличной власти регента и совѣта регентства, то герцогъ Орлеанскій самъ выразилъ желаніе сообразовать свои рѣшенія съ мнѣніемъ совѣта за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, изъятыхъ въ личное вѣдѣніе регента. Парламентъ утвердилъ такой порядокъ, ссылаясь на прецедентъ, установленный въ эдиктѣ отъ 26 декабря 1407 года⁵⁾, и умалчивая о противоположномъ прецедентѣ 1643 года⁶⁾. Такимъ образомъ вопросъ объ учрежденіи регентства въ 1715 году былъ рѣшенъ парламентомъ съ формально-юридической стороны вполне само-

1) *Ibidem*, p. 11: Que, si testament du Roi ne donnait à Monsieur le duc d'Orléans que le titre de chef du conseil de régence, il fallait plutôt s'attacher à l'esprit qu' à la lettre du testament; qu'il était toujours le premier par la volonté du Roi dans la régence du royaume, comme il l'était par son mérite et par l'élévation de son rang.

2) *Ibidem*, p. 12: Qu'ils peuvent donc dire avec raison que sous le nom de chef du conseil de la régence, le Roi a désigné effectivement Monsieur le duc d'Orléans pour régent du royaume, et les dernières paroles que le Roi lui a dites (qu'il n'avait fait aucun préjudice aux droits de sa naissance) expliquent encore suffisamment ses intentions.

3) *Ibidem*, p. 13: Les gens du roi retirés au parquet, la matière mise en délibération ainsi que ci-dessus, M. le duc d'Orléans a été déclaré régent en France pour avoir l'administration du royaume pendant la minorité du Roi.

4) *Ibidem*, p. 18—19, 14—15, 20—21, 23, 25—26, 26—27, 29—30.

5) *Ibidem*, p. 20, 23, 29.

6) См. у насъ выше стрн. 345—346.

стоятельно. На lit de justice отъ 12 сентября 1715 года состоялось лишь торжественное подтвержденіе королемъ парламентскаго постановленія¹⁾. Самъ парламентъ съ особеннымъ удовлетвореніемъ подчеркивалъ, что согласное съ законами установленіе регентства состоялось, благодаря его голосованію и рѣшенію²⁾.

При смѣнѣ царствованій въ XVIII столѣтіи соблюдается старинный обычай, согласно которому новый король при восшествіи на престолъ предписываетъ парламенту продолжать засѣданія и отправленіе правосудія, не взирая на перемѣну въ лицѣ государя³⁾. Принесенія новой присяги при

1) Постановление на lit de justic 12 sept. 1715 было редактировано слѣдующимъ образомъ: Le Roi, séant en son lit de justice, de l'avis du duc d'Orléans et des autres princes du sang, pairs de France et officiers de la couronne, a déclaré et déclare conformément à l'arrêt de son parlement du deux du présent mois du septembre... (Remontrances etc., t. I, p. 40). Редакція эта напоминаетъ соотвѣтственную формулу 1610 года (см. у насъ выше стрн. 344 текстъ и прим. 2-ое). При этомъ заявленіе, сдѣланное предварительно въ рѣчи канцлера, свидѣтельствуешь о томъ, что за парламентскимъ постановленіемъ было признано рѣшающее значеніе, которое король лишь подтвердилъ. Ses (sc. de Louis XIV) volontés, говорилъ канцлеръ, dont cette auguste compagnie a été dépositaire, ont été lues; la conjoncture présente a fait connaître la nécessité d'y apporter plusieurs changements, c'est ce qui a été fait par l'arrêt du deux de ce mois; le Roi vient tenir son lit de justice pour le confirmer par sa présence et son autorité. — Remontrances etc., t. I, p. 34. Препровождая постановление lit de justice 12 sept. 1715 о регентствѣ для регистраціи въ Chambre des comptes à Paris, королевскій эдиктъ не премкнулъ упомянуть, что постановление это состоялось conformément à la délibération et arrêt de notre dite cour de parlement du 2 du présent mois. — Recueil gén. des anc. lois franç., tome XXI, pag. 41—42.

2) Въ торжественномъ привѣтствіи королю отъ 6 сент. 1715 г. первый президентъ сказалъ: ... les droits de la naissance, nos lois et nos vœux, ont déferé à Monsieur le duc d'Orléans la régence. На lit de justice 12 sept. 1715 первый президентъ опять заявилъ: ... la nature, nos lois et nos suffrages ont déferé la régence... Представленіе отъ 7 февраля 1718 года начинается упоминаніемъ о томъ, que le Parlement confirma d'un vœu unanime le droit légitime... à la régence du Royaume. Въ представленіи отъ 26 іюля 1718 года парламентъ опять напоминаетъ регенту, que la régence qui lui était due à tant de titres, lui fut déferée par la compagnie, après avoir délibéré sur la demande qu'il en fit. См. Remontrances etc., t. I, p. 31, 36, 66, 96.

3) Lettre de cachet, du 1 septembre 1715, adressée aux officiers du parlement de Paris pour qu'ils continuent leurs fonctions: „... vous ayez,

этомъ уже не требовалось. Очевидно, что это было вызвано извѣстнымъ намъ прецедентомъ 1643 года¹⁾. Въ засѣданіи парламента отъ 2 сентября 1715 года первый президентъ обратилъ вниманіе собранія на это обстоятельство²⁾.

Поднимавшійся въ XVI и XVII вѣкахъ вопросъ о степени власти несовершеннолѣтняго короля получилъ, казалось, окончательное разрѣшеніе въ смыслѣ признанія и за несовершеннолѣтнимъ королемъ всей полноты суверенной власти³⁾. Тѣмъ не менѣе вопросу этому суждено было возникнуть въ XVIII столѣтіи въ связи съ отмѣной несовершеннолѣтнимъ Людовикомъ XV извѣстнаго іюльскаго эдикта 1714 года о допущеніи узаконенныхъ принцевъ къ престолонаслѣдію. Возбудили данный вопросъ узаконенные принцы: въ представленныхъ ими меморіалахъ, прошеніяхъ и протестахъ неоднократно указывалось, что дѣло о пересмотрѣ іюльскаго эдикта 1714 года должно быть отложено до совершеннолѣтія короля, потому что несовершеннолѣтній король лично не можетъ отмѣнить указа, изданнаго его совершеннолѣтнимъ предшественникомъ и не имѣетъ права уполномочить для такого дѣйствія другое лицо или учрежденіе⁴⁾. Принцы крови и ихъ защитники и сторонники возражали противъ приведеннаго положенія и настаивали на незыблемости основного принципа французскаго государственнаго права, согласно которому несовершеннолѣтній король обла-

nonobstant cette mutation, à continuer la séance de notre parlement et l'administration de la justice à nos sujets". Буквально тоже сказано въ соотвѣтственномъ указѣ отъ 10 мая 1774 года. См. *Recueil gén. des anc. lois franç.*, t. XXI, p. 1; tome I du règne de Louis XVI, p. 4. Въ примѣчаніи издателя къ послѣднему указу (р. 2, п. 1-а) приведена историческая справка о практикѣ предшествовавшихъ смѣнъ царствованій.

1) См. у насъ выше стрн. 348—349.

2) *Remontrances etc.* t. I, p. 4: Toutes les chambres ayant été assemblées, lecture de la lettre de cachet a été faite; après laquelle M. le premier président a fait observer à Messieurs qu'il n'était point fait mention de nouveau serment comme dans celle qui fut apportée au Parlement après la mort du roi Louis XIII.

3) См. у насъ выше стрн. 355 текстъ и прим. 3-е.

4) *Recueil général des pièces touchant l'affaire des princes légitimes et légitimez, mises en ordre*, Rotterdam, 1717, tome I, pag. 91—92; tome III, pag. 103, 169—170, 173. 394—396, 411.

даетъ всей полнотой суверенной власти и осуществляетъ ее чрезъ законно установленнаго регента; въ подтвержденіе ссылались на многовѣковую государственную практику, въ частности на эдиктъ Карла VI отъ 26 декабря 1407 года, на заявленіе парламента несовершеннолѣтнему королю Карлу IX и на случаи отмѣны при регентствахъ въ несовершеннолѣтіе Карла VI и Людовика XIV указовъ, изданныхъ ихъ предшественниками¹⁾. Признавая вышеуказанный принципъ, защитники принцевъ крови склонны были однако въ извѣстной степени отступать отъ него по вопросу о *lits de justice*. Они не сомнѣвались, что несовершеннолѣтній король можетъ вести *lit de justice*, но полагали, что онъ при этомъ лишь утверждаетъ своимъ авторитетомъ рѣшеніе судей, между тѣмъ какъ совершеннолѣтній король дѣйствуетъ на *lit de justice* личнымъ проявленіемъ своей полновластной воли; въ этомъ усматривали единственное различіе въ осуществленіи власти несовершеннолѣтняго и совершеннолѣтняго короля²⁾. Такой взглядъ напоминаетъ собою ученіе генеральнаго адвоката Талона, высказанное имъ въ 1644 году³⁾. Весь вопросъ, какъ мы знаемъ, былъ рѣшенъ въ смыслѣ признанія полновластія несовершеннолѣтняго короля, отъ имени котораго изданъ былъ эдиктъ отъ 8 іюля 1717 года, отмѣнившій іюльскій эдиктъ 1714 года. Такой исходъ былъ принятъ парламентомъ безъ возраженій. Въ несовершеннолѣтіе Людовика XV состоялось, наконецъ, *lit de justice*, на которомъ королевскіе указы были проведены въполнѣ авторитарно. Парламентъ, правда, протестовалъ про-

1) *Ibidem*, tome I, pag. 91 nota f., pag. 123; tome II, pag. 335—340; tome III, pag. 65. Позволимъ себѣ привести цитируемое мѣсто изъ указа Карла VI отъ 26 декабря 1407 года, какъ неизвѣстное изъ предыдущаго нашего изложенія. *Le Roi en quelque petit âge qu'il soit, dit Charles VI en son Edit solemnel, du 26 Decembre 1407, doit être dit, appelé, tenu et réputé Roi de France et jouir de tous droits, prééminences, dignitez et prérogatives, appartenans au Roi de France* (t. I, p. 92, nota).

2) *Ibidem*, tome II, pag. 335: La seule différence entre un Roi majeur et un Roi mineur, est que la volonté du Roi majeur impose dans un *Lit de justice*, au lieu que la présence d'un Roi mineur autorise seulement les suffrages des Juges, sans les gêner ni les prévenir.

3) См. у насъ выше стрн. 354.

тивъ него, но не потому, что полновластіе было проявлено королемъ несовершеннолѣтнимъ, а по другимъ мотивамъ болѣе общаго характера¹⁾, о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Въ ученіи объ юридической природѣ королевской власти парламентская догма XVIII столѣтія развиваетъ ранѣе выработанныя положенія о справедливой, или законной монархіи. Въ первые же дни царствованія Людовика XV королевскій адвокатъ на *lit de justice* 12 сентября 1715 года напоминаетъ королю, что справедливость составляетъ основу царствъ, и что, соблюдая ее, короли исполняютъ первую и главную изъ своихъ обязанностей²⁾. Эта мысль проходитъ красною нитью черезъ всѣ парламентскія представленія XVIII вѣка, пріобрѣтая все болѣе и болѣе осязательныя юридическія формы выраженія. Во имя справедливости и мудрости короли ограничиваютъ свою власть³⁾ и осуществляютъ такимъ образомъ идею справедливой, или законной монархіи⁴⁾, въ которой король, государство и законъ образуютъ одно нераздѣльное цѣлое⁵⁾. Законность представляетъ собою не только отвлеченное естественнопровое требованіе, предъявляемое къ королямъ, но и вѣковую традицію французской монархіи. Принципъ законности формулированъ въ древнѣйшемъ и торжественнѣйшемъ памятникѣ государственнаго права Франціи — въ Салическомъ законѣ⁶⁾. Обязатель-

1) *Lit de justice* de 26 août 1718, — *Remontrances* etc., tome I, pag. 107 sq.

2) *Remontrances* etc., t. I, p. 39.

3) T. I, p. 384: Mais, Sire, tout a ses bornes et ses limites et, quoique notre obéissance n'en connaisse point d'autres que celles de notre pouvoir, il est un terme où la puissance des rois s'arrête d'elle-même parce qu'elle est toujours guidée par la justice et par la sagesse (rem. 20 mars 1748). T. II, p. 87: Et quels avantages n'ont pas résulté, Sire, depuis la naissance de la Monarchie jusqu'à ce jour, de ce mélange heureux de souveraineté et de prudence, et de cette sage modération de l'une par l'autre! (rem. 27 nov. 1755).

4) T. I, p. 523: . . . l'idée d'une juste monarchie, où les sujets, soumis sans contrainte, trouvent dans l'autorité souveraine du Prince leur force et leur sûreté, où le Prince, assuré du coeur et de la foi des peuples, trouve dans leur liberté légitime sa gloire et son bonheur, où tout enfin concourt au bien général de l'État (rem. 9 avril 1753).

5) T. I, p. 525: Le Roi, l'État et la Loi forment un tout inséparable (rem. 9 avril 1753).

6) T. II, p. 438: Ainsi, par la sagesse et la justice de V. M., triomphera de nouveau cette maxime précieuse consignée dans l'un des actes les plus

ность его признавалась всѣми французскими королями. Парламентъ особенно охотно цитируетъ извѣстные слова Генриха IV, въ которыхъ этотъ великій монархъ рѣшительно отказывался отступать отъ начала законности и пользоваться когда либо произвольной властью¹⁾.

Законность понималась парламентомъ въ смыслѣ не только исключенія административнаго произвола, но и охраны историческихъ основъ государственнаго строя монархіи отъ измѣненій въ законодательномъ порядкѣ. Поэтому въ послѣдней четверти XVIII столѣтія въ эпоху реформъ, задуманныхъ въ духѣ обновленія государственнаго строя, парламентъ указывалъ королю на начало законности, какъ на преграду, которая должна удерживать королевскую власть отъ чрезчуръ смѣлыхъ преобразовательныхъ проектовъ, предлагаемыхъ совѣтниками короны²⁾.

Обязательное для короля начало законности не умаляетъ его верховныхъ правъ, но вводитъ ихъ осуществленіе въ предѣлы, соотвѣтствующіе справедливой монархіи. Король обладаетъ вполне независимымъ и нераздѣльнымъ правомъ законодательства, но издаваемые имъ законы регистрируются въ парламентъ и подлежатъ предварительному испытанію послѣдняго со стороны непротиворѣчія ихъ публичному порядку и правамъ гражданъ³⁾. Въ аналогичномъ

anciens et les plus solennels du droit public de la France „que le Gouvernement français l'emporte autant par l'autorité des lois que par la force des armes“; maxime qui présida à la naissance de la Monarchie française, qui fut la cause de ses progrès et de sa grandeur, et qui sera le gage immortel de sa durée et de sa gloire (rem. 18 janv. 1764). Къ этому мѣсту приведена слѣдующая цитата: Prologus legis Salicae: Placuit et convenit inter Francos et eorum procures ut . . . quia caeteris gentibus juxta se positus fortitudinis brachio praeminebat, ita etiam legum auctoritate praeccellerent (Liber legis Salicae, Parisiis, 1602, in 8-o).

1) Т. II, p. 550 et 880 (rem. du 13 février 1766 et du 19—20 mars 1768). См. у насъ выше стрн. 351 прим. 4-ое.

2) Т. III, p. 277—278: Mais lorsque des projets . . . conduisent à des injustices réelles et multipliées, mettent même en péril la constitution et la tranquillité de l'État. Il est de notre fidélité, sans chercher à mettre obstacle au cours de vos bienfaits, d'opposer la barrière des lois aux efforts imprudents qu'on hasarde pour engager V. M. dans une route dont on a Lui dissimulé les écueils et les dangers (rem. du 2-4 mars 1776).

3) Т. II, p. 564: Que le pouvoir législatif réside dans la personne du Souverain, sans dépendance et sans partage; que telle est cependant

положеніи находятся и остальные верховныя права короля, какъ это разъяснялъ парламентъ въ своихъ представленіяхъ по поводу отдѣльныхъ правъ и частныхъ случаевъ ихъ осуществленія. Такъ, королю принадлежитъ исключительное право чеканить монету; содержаніе этого права заключается не въ томъ однако, чтобы король произвольно устанавливалъ цѣнность монеты, а въ томъ, что король авторитетно удостовѣряетъ вѣсъ и качество металла, цѣнность же предопредѣляется условіями внутренняго и международнаго оборота, съ которыми король долженъ сообразоваться¹⁾. Такое требованіе не оставалось для парламента только отвлеченнымъ тезисомъ доктрины: оно служило реальнымъ основаніемъ для парламентскихъ представленій противъ произвольныхъ актовъ королевской власти въ данной области. Король одинъ имѣетъ право опредѣлять вѣдомства управленія и ихъ расходы, но и въ этомъ дѣлѣ онъ долженъ ограничивать себя и соблюдать экономію, о чемъ парламентъ въ правѣ и обязанъ дѣлать ему представленія въ его же собственныхъ интересахъ²⁾. Правосудіе отправляется отъ имени короля, но самъ король лично не судитъ: онъ пере-

la sage économie du Gouvernement français, qu'avant que la loi ait reçu sa dernière forme et qu'elle puisse être exécutée elle doit être vérifiée au Parlement, qui est le vrai consistoire des rois. Que cette vérification consiste dans l'examen que font les magistrats pour comparer la loi nouvelle avec les anciennes, dont ils sont dépositaires, et s'assurer qu'elle ne blesse ni l'ordre public ni les droits des citoyens (arrêté du 19 mars 1766).

1) T. I, p. 83—84: Le souverain a seul droit de faire battre monnaie dans ses états, mais ce n'est pas son empreinte qui donne la valeur; elle ne fait qu'assurer le public que l'espèce vaut le prix pour lequel elle est exposée, qu'elle est composée de telle quantité de matière de telle finesse, et ce n'est que la matière même qui en fait la valeur.... L'un de nos plus fameux auteurs... dit dans son traité des seigneuries que la monnaie dépend du droit des gens et qu'il est nécessaire que le prince la proportionne avec ses voisins, autrement ses sujets ne pourraient trafiquer avec eux (rem. du 4 juillet 1718).

2) T. II, p. 690: Votre parlement, Sire, reconnaît qu'il appartient au Roi seul de régler les départements et d'en fixer les dépenses; mais votre parlement, en vous demandant de recourir à l'économie, en tout temps nécessaire et que les circonstances rendent indispensable, s'adresse à V. M. pour les intérêts de V. M. Elle-même, et a recours à votre justice, Sire, pour le maintien de votre puissance (rem. du 1 mars 1767).

даетъ судъ установленнымъ учрежденіямъ и удерживаетъ непосредственно за собою только право помилованія¹⁾.

Такъ какъ сущность французской монархіи заключается въ указанномъ самоограниченіи королевской власти началомъ законности, вслѣдствіе этого акты короля, нарушающіе законы или же изданные не въ предписанной закономъ формѣ, признаются недѣйствительными. Такъ, въ 1765 году парламентъ призналъ недѣйствительными судебныя дѣйствія комиссіи, назначенной королемъ для замѣщенія опальнаго Реннского парламента²⁾. Въ 1768 году парламентъ отказался признать выраженное королемъ недовольство по поводу незаконныхъ дѣйствій должностнаго лица за законный судъ и наказаніе, которымъ должно было подлежать это лицо, привлеченное къ отвѣтственности парламентомъ³⁾. Въ 1784 году парламентъ призналъ недѣйствительнымъ актъ помилованія, данный не въ законной формѣ, и просилъ короля взять его обратно⁴⁾. Парламентъ считалъ недопустимымъ, чтобы именемъ короля покрывались дѣянія незаконныя. На этомъ основаніи онъ требовалъ цензуры и для книгъ, отпечатанныхъ въ королевской типографіи, разъ книги эти предназначались для публичнаго обращенія и содержали въ себѣ ученіе, противное основнымъ принципамъ государственнаго строя Франціи⁵⁾.

1) Т. III, p. 151: Que c'est encore une maxime gravée dans le coeur de tous les Français . . . que le Roi ne fait par lui-même que des grâces. et que si son autorité agit, lorsqu'il est question d'infliger des peines, il semble détourner ses regards pour ne voir et n'agir que par les ministres ordinaires de sa justice; les gouvernements arbitraires sont les seuls où les souverains prononcent par eux-mêmes des ordres rigoureux (rem. du 2 septembre 1770).

2) Т. II, p. 529—530 (rem. du 8 décembre 1765).

3) Т. II, p. 838—839: Arrêté, en outre, que la Cour tiendra toujours pour principe que les marques de mécontentement données par ledit Seigneur Roi, quelque affligeantes qu'elles puissent être pour ceux de ses sujets qui les éprouvent, ne portent ni ne peuvent porter le caractère d'une conviction, d'un jugement ni d'une punition légale (résolution du 3 mars 1768).

4) Т. III, p. 543—544: Représentations du 28 mars 1784 sur les lettres d'abolition accordées aux sieurs Radix de Sainte-Foix et Pylon.

5) См. Remontrances du 1 juin 1725 sur l'arrêt du Conseil rendu le 21 avril 1725 en faveur de la Collection des Conciles du père Hardouin, l. c., t. I, p. 187 sq., особенно pag. 193—194.

Самоограниченіе началомъ объективной законности придавало королевской власти, по ученію парламентской публичноправной доктрины, характеръ своего рода государственной должности, и парламентскія представленія называли иногда монарха первымъ и сувереннымъ магистратомъ въ государствѣ¹⁾.

Общій принципъ законности, являющійся предѣломъ для осуществленія королевской власти на всемъ пространствѣ государства, допускалъ еще особенности для тѣхъ частей государства, которыя сохранили свои политическія привилегіи, главнымъ образомъ относительно дѣйствія въ нихъ провинціальныхъ штатовъ. Король обязанъ соблюдать областныя привилегіи и въ частности считаться съ участіемъ провинціальныхъ штатовъ въ законодательствѣ и въ установленіи налоговъ²⁾.

1) Т. I, p. 157: Premier et souverain magistrat dans cet état . . . (rem. du 31 août 1722).

2) Т. II, p. 513. (rem. du 6 septembre 1765); т. III, p. 743 (rem. du 11—13 avril 1788). При этомъ въ иныхъ случаяхъ ссылались на особые договоры. См. Arrêt du parlement de Bretagne du 31 mai 1788: Que la stabilité des tribunaux de cette province, l'enregistrement dans les cours souveraines, et l'inaléviabilité des magistrats, étant des clauses expresses du contrat d'union de la Bretagne à la France, il s'ensuit qu'on ne peut y porter atteinte sans les concours des états de cette province. — Dufey, op. cit., т. II, p. 470. — Новѣйшій историкъ Бретанскаго парламента даетъ весьма интересную характеристику отношенія послѣдняго къ договору соединенія представляемой имъ провинціи съ французской короной. См. A. Le Moy, Le parlement de Bretagne et le pouvoir royal au XVIII-e siècle, Paris, 1909, pag. 78: La Bretagne n'avait jamais été conquise. Elle s'était liée à la France. Un contrat (celui de 1532) liait les deux parties. Assurément ce contrat avait bien vieilli; ce n'était plus guère qu'un „parchemin rongé de vers!“ Tant d'accrocs y avaient déjà été donnés au XVI-e et surtout au XVII-e siècle qu'il semblait puéril d'y faire encore illusion. En droit, cependant, ce contrat était intact et les Parlementaires bretons sauront admirablement le faire valoir, toutes les fois qu'ils croiront y trouver des armes contre le pouvoir royal. — О „договорахъ соединенія“, какъ объ основаніи для областныхъ привилегій говорить также J. N. Moreau въ своемъ сочиненіи: Exposition et defense de notre constitution monarchique française, Paris, 1789, tome II, pag. 224, 421—423. — Въ 70-ыхъ годахъ партія, протестовавшая противъ закрытія нормандскаго парламента, издала манифестъ, въ которомъ призывала „нормандскую націю“ порвать „договоръ“ съ французской короной вслѣдствіе нарушенія его королемъ, — см. Jules Flammermont, Le

Нарушенія и тѣмъ болѣе систематическое отрицаніе законности извращаютъ юридическую природу французской монархіи. Парламентъ съ ужасомъ замѣчалъ, что совѣтники короля не считаются съ этимъ принципомъ и ведутъ государство по наклонной плоскости къ деспотизму, и считалъ своимъ долгомъ предупреждать монарха насчетъ тѣхъ бѣдствій, которыми угрожаетъ странѣ подобная политика ¹⁾).

Приведенное ученіе объ ограниченіи монарха началомъ законности представляетъ собою лишь болѣе детальное развитіе тѣхъ же принциповъ, которые формулировались въ этомъ отношеніи до XVIII столѣтія. Отличительнымъ признакомъ ихъ является скрытое за ними признаніе абсолютнаго характера королевской власти, при наличности котораго всякое ограниченіе послѣдней выступаетъ какъ самоограниченіе, хотя бы и обязательное въ силу публичноправной традиціи. Потенціальный абсолютизмъ королевской власти отнюдь не отмѣняется традиціонными ея ограниченіями и въ случаѣ надобности проявляется актуально на *lits de justice*, на которыхъ король дѣйствуетъ всей полнотою своей власти, устраняя однимъ своимъ присутствіемъ всякія возраженія и ограниченія. Правда и до XVIII столѣтія дѣлались парламентомъ отдѣльныя попытки протеста противъ авторитарныхъ *lits de justice*, но ихъ не удалось превратить въ правотворящіе прецеденты, вслѣдствіе чего признавалось неоспоримымъ положеніе публичноправной догмы, согласно которому на *lits de justice* король имѣетъ право дѣйствовать всей полнотою власти, а парламентъ обязанъ безпрекословно повиноваться этому ²⁾). Въ XVIII столѣтіи парламентъ существенно мѣняетъ свою точку зрѣнія и распро-

chancelier Maupeou et les parlements, 2-me édition, Paris, 1885, pag. 540. П. А р д а ш е в ъ, Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка, томъ II, Кіевъ, 1906 г., стрн. 253—254.

1) Т. II, p. 435: Ce sont, Sire, ces principes tutélaires que veulent détruire ceux qui ont osé conseiller à V. M. d'employer contre les diverses classes de votre parlement les voies d'autorité absolue, qui excitent la réclamation générale; ils veulent substituer au gouvernement monarchique un gouvernement despotique et absolu: pour y parvenir ils ont dissimulé à V. M. les funestes effets d'un pareil changement (r e m. du 18 janvier 1764); то же Т. III, p. 693 et 721—722 (r e m. du 27 août 1787 et 11—13 avril 1788).

2) См. у насъ выше стрн. 352—353.

страняетъ и на *lits de justice* необходимость самоограниченія королевской власти, или вѣрнѣе, — ограниченія ея свободно вотированнымъ рѣшеніемъ парламента. Проявленіе королевскаго полновластія, которое фактически имѣетъ мѣсто и на *lits de justice* XVIII столѣтія, разсматривается парламентомъ какъ нѣчто незаконное и произвольное; о безпрекословномъ повиновеніи парламента торжественно объявленной ему абсолютной волѣ короля нѣтъ болѣе рѣчи. Новую свою точку зрѣнія парламентъ выражалъ въ непрестанныхъ своихъ протестахъ, безъ которыхъ не обошлось въ XVIII столѣтіи ни одно *lit de justice*¹⁾, и формулировалъ ее болѣе систематически въ представленіяхъ, причемъ въ послѣднихъ подводилъ подъ новую доктрину историческія основы.

Наше ознакомленіе съ новымъ ученіемъ парламентаріевъ начнемъ съ разсмотрѣнія ихъ протестовъ. Всѣ протесты исходили изъ отрицанія обязанности парламента безпрекословно повиноваться актамъ королевскаго полновластія и отстаиванія свободнаго обсужденія и рѣшенія дѣлъ парламентомъ даже на *lits de justice*. Протесты заявлялись парламентомъ какъ до засѣданія съ королемъ, такъ и во время его и послѣ.

По принятому обычаю парламентъ получалъ предварительное извѣщеніе отъ королевскаго двора о всякомъ предстоявшемъ *lit de justice*. При этомъ однако не сообщалось парламенту, какія именно дѣла будутъ рѣшаться въ присутствіи короля. Когда смотрѣли на *lits de justice* лишь какъ на торжественную форму провозглашенія въ парламентѣ актовъ королевскаго полновластія, парламентъ не возражалъ противъ послѣдняго обычая. Но когда парламентъ отказался отъ безпрекословнаго повиновенія актамъ королевскаго полновластія и распространилъ принципъ свободнаго обсужденія и рѣшенія и на *lits de justice*, тогда онъ сталъ требовать, чтобы ему предварительно сообщали, какіе эдикты и акты будутъ лично предложены королемъ на его разсмотрѣніе. Въ первый разъ требованіе это было

1) Безъ протеста не обошлось даже благопріятное для парламента *lit de justice* отъ 12 янв. 1774 г., возстановившее парламентъ послѣ революціи Мопу; см. *Remontrances etc.* t. III, p. 246—247.

поставлено на *lit de justice* отъ 26 августа 1718. Во время засѣданія первый президентъ заявилъ, что парламентъ спеціальнымъ рѣшеніемъ уполномочилъ его просить короля о томъ, чтобы предварительно сообщались тѣ дѣла, о которыхъ придется имѣть сужденіе на *lit de justice*, и этимъ дана была бы парламенту возможность высказать королю заранѣе обдуманное мнѣніе¹⁾. Неисполненіе королемъ такого требованія стало служить съ теченіемъ времени поводомъ для протестовъ, которые парламентъ подавалъ немедленно по полученіи увѣдомленія о предстоящемъ *lit de justice*, до засѣданія. Такъ передъ *lits de justice* отъ 8 іюня 1725 г., 20 сентября 1759 г., 21 іюля 1761 и 31 мая 1763 г. парламентъ постановилъ спеціальныя рѣшенія, въ которыхъ заявилъ, что онъ лишенъ возможности имѣть сужденіе о неизвѣстныхъ ему эдиктахъ, которые будутъ ему предложены на *lit de justice*, и потому впередъ отказывается считать постановленіе послѣдняго за свое рѣшеніе²⁾.

И на *lits de justice* соблюдались внѣшнія формы парламентскаго производства, такъ что постановленію рѣшенія предшествовало голосованіе. Въ виду безпрекословнаго повиновенія акту королевскаго полновластія голосованіе не сопровождалось открытымъ обсужденіемъ, происходило молча и имѣло значеніе простого обряда. Въ XVIII столѣтіи парламентъ протестовалъ противъ лишенія его свободы обсужденія и голосованія. Протесты этого рода заявлялись имъ или до засѣданія, какъ это имѣло мѣсто предъ приведен-

1) T. I, p. 111: Sire, aussitôt que le maître des cérémonies a remis à votre parlement la lettre de cachet par laquelle V. M. lui mandait de se rendre en ce lieu en robes rouges et en corps de cour ayant intention d'y tenir ce matin son lit de justice, le premier mouvement de la compagnie a été de répondre qu'elle obéirait aux ordres de V. M. et que les chambres seraient assemblées aussitôt que les officiers qui les composent seraient arrivés; et peu de temps après la compagnie ayant été assemblée et ayant prévu dans l'ignorance où elle était de ce dont il s'agissait, qu'il pourrait se présenter quelque occasion de délibérer, elle m'a chargé de représenter en ce cas-là à V. M. avec le profond respect que nous lui devons que si Elle voulait bien avoir la bonté d'ordonner que l'on nous communiquât les matières sur lesquelles Elle nous ordonnerait d'opiner, nous serions alors en état de lui dire le sentiment de son parlement.

2) T. I, p. 211; T. II, p. 257, 296, 303, 330, 331.

ными выше *lits de justice* 1759, 1761 и 1763 гг., или же во время самого засѣданія въ рѣчахъ предсѣдателей и генеральныхъ адвокатовъ¹⁾. При этомъ парламентъ въ такихъ случаяхъ просилъ, чтобы король разрѣшилъ отложить обсужденіе дѣла до обыкновеннаго засѣданія парламента. Съ этими заявленіями правительство не считалось, и постановленіе издавалось немедленно въ томъ же засѣданіи. Парламентъ въ свою очередь не довольствовался обычной отмѣткой въ регистръ о томъ, что регистрація состоялась на *lit de justice* по прямому повелѣнію короля, но дѣлалъ сверхъ того специальное постановление, въ которомъ протестовалъ противъ лишенія его свободы голосованія и сужденія. Постановленія эти дѣлались въ томъ же засѣданіи вслѣдъ за удаленіемъ короля изъ собранія²⁾, или непосредственно на другой день послѣ *lit de justice*³⁾, или же, смотря по обстоятельствамъ, нѣкоторое время спустя⁴⁾. Въ своихъ протестахъ парламентъ обычно заявлялъ, что онъ не считаетъ состоявшимся на *lit de justice* рѣшенія за свое постановленіе и сохраняетъ за собою право войти по поводу даннаго дѣла

1) Т. I, p. 631, 292; t. II, p. 126—127, 260, 303, 331; t. III, p. 166, 246—247, 681, 756.

2) Такъ было дѣло 8 іюля 1725 г., см. Т. I, p. 219; Avant de se séparer, le parlement arrêta qu'il serait fait registre que, lorsque le garde des sceaux était venu demander l'avis à Messieurs du Parlement, tous lui avaient déclaré qu'ils n'opinaient point sur ce qu'ils n'avaient point vu ni examiné et que le Roi serait supplié dès a présent en tous temps et en tous lieux de vouloir bien permettre que les édits, déclarations, ordonnances ou lettres patentes soient présentés au Parlement pour y être examinés avant de les faire publier.

3) Т. I, p. 115: Et le lendemain (послѣ *lit de justice*) samedi 27 dudit mois d'août . . . la Cour, toutes les chambres assemblées, a déclaré d'un voeu commun que dans les circonstances où elle s'est trouvée le jour d'hier . . . elle n'a pu, ni dû, ni entendu délibérer en aucune manière que ce soit sur tout ce qui y fut fait et publié le jour d'hier en la présence du Roi et par l'express commandement que M. le Garde des sceaux en fit en son nom et qu'elle n'y въ aucune part. Тоже было въ 1732 г., 1761 г., 1763 г., 1769 г., 1775 г., 1787 г.; см. т. I, p. 297—298; t. II, p. 314, 339; t. III, p. 66, p. 272, 688.

4) Т. III, p. 169—170, 266—267. Отмѣтимъ, что протестъ противъ *lit de justice* отъ 27 іюня 1770 г. долженъ былъ быть представленъ отъ имени куріи перовъ, но король самымъ рѣшительнымъ образомъ запретилъ перамъ собираться, и такимъ образомъ задуманный проектъ разстроился см. т. III, p. 125 et 139.

къ королю съ представленіемъ. Представленія по поводу актовъ, зарегистрированныхъ на *lit de justice*, составляютъ обычное для XVIII вѣка явленіе¹⁾. Нисколько не стѣсняясь традиціоннымъ проявленіемъ королевскаго полновластія, парламентъ впередъ заявлялъ о подачѣ представленій противъ *lit de justice* какъ до²⁾ такъ и во время самаго засѣданія въ присутствіи короля³⁾. Въ иныхъ случаяхъ парламентская оппозиція шла дальше. Такъ по отношенію къ *lit de justice* отъ 13 декабря 1756 г., приведшему къ крупному столкновенію съ правительствомъ и къ парламентской забастовкѣ, парламентъ 5 сентября слѣдующаго года постановилъ, что зарегистрированные на названномъ *lit de justice* деклараціи и эдикты частью совсѣмъ на подлежатъ исполненію впредъ до отвѣта на новое представленіе парламента, частью же могутъ быть исполняемы только съ весьма существенными ограниченіями⁴⁾. По отношенію къ *lit de justice* отъ 6 августа 1787 года парламентъ поступилъ еще болѣе рѣшительно: призналъ состоявшуюся на немъ регистрацію юридически ничтожною⁵⁾.

Какъ видимъ, парламентъ не признавалъ специфической юридической природы *des lits de justice* и хотѣлъ видѣть въ нихъ только засѣданія парламента, происходящія въ присутствіи короля. Въ виду этого парламентъ протестовалъ противъ отправленія *des lits de justice* не въ зданіи парламента (*palais de justice*), а въ королевскомъ дворцѣ⁶⁾ и противъ участія въ засѣданіи лицъ королевской свиты, не состоящихъ членами парламента⁷⁾. И то, и дру-

1) См. т. II, p. 163—164, 267, 339; т. III, p. 128, 368.

2) Т. II, p. 257, 295—296.

3) Т. II, p. 310; т. III, p. 681, 684.

4) Т. II, p. 170—171.

5) Т. III, p. 688; La Cour, délibérant sur ce qui s'est passé lors du lit de justice tenu hier à Versailles, déclare nulles et illégales les transcriptions ordonnées être faites sur ses registres.

6) Т. II, p. 257; т. III, p. 681, 756.

7) Т. II, p. 257, 296, 330; т. III, p. 266—267, 681, 756. Парламентъ училъ, что принимаютъ участіе въ засѣданіи и голосуютъ только дѣйствительные члены парламента — совѣтники и перы: *autres grands et notables personnages* королевской свиты имѣютъ на *lits de justice* только почетное мѣсто, а члены Большого Совѣта могутъ подавать лишь мнѣнія (*avis*). См. т. III, p. 257—258 (rem. du 8 janvier 1775).

тое являлось въ глазахъ парламента своего рода кассационнымъ поводомъ для непризнанія рѣшеній, состоявшихся въ подобныхъ засѣданіяхъ.

Сверхъ традиціонныхъ *lits de justice* въ XVIII столѣтіи имѣли мѣсто еще три засѣданія парламента въ присутствіи короля безъ соблюденія формальностей *des lits de justice*. Это — т. н. королевскія засѣданія (*séances royales*) отъ 3 марта 1766 г., 3 сентября 1770 года и 19 ноября 1787 года. Первые два изъ нихъ состояли въ одностороннемъ объявленіи лично королемъ своей воли и въ исполненіи ея парламентомъ безпрекословно и даже безъ обряда голосованія. 3 марта 1766 г. король лично далъ парламенту отвѣтъ на его предшествовавшее представленіе и повелѣлъ тутъ же на мѣстѣ изъять изъ регистровъ негодное королю постановленіе; при этомъ въ королевскомъ отвѣтѣ содержалось выраженіе крайняго неудовольствія и порицанія парламенту за его оппозиціонный образъ дѣйствій. Послѣднее обстоятельство дало поводъ назвать это засѣданіе „бичующимъ“¹⁾. Черезъ два дня парламентъ сдѣлалъ по поводу этого засѣданія представленіе, въ которомъ говорилъ исключительно объ обидѣ, нанесенной ему рѣзкимъ обличительнымъ тономъ королевскаго отвѣта, такъ что забылъ даже упомянуть о незаконности самой формы засѣданія²⁾. Умолчаніе парламента по вопросу о незаконности объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что самъ король, открывая чрезвычайное засѣданіе отъ 3 марта 1766 г. заявилъ, что оно не должно имѣть никакихъ послѣдствій³⁾, очевидно, въ смыслѣ измѣненія формъ выступленія короля въ парламентѣ. 3 сентября 1770 года король повелѣлъ тутъ же на мѣстѣ изъять изъ парламентскаго производства одно уголовное дѣло противъ должностнаго лица, возбужденное вопреки желанію короля, и запретилъ парламенту заниматься этимъ дѣломъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; повелѣніе короля было испол-

1) Séance royale du 3 mars 1766, dite de la flagellation, -- tome II, p. 554 sq.

2) T. II, p. 561.

3) T. II, p. 555: Lorsque le Roi a été monté sur les hautes sièges . . . s'étant assis et couvert . . . il a dit: „J'entends que la présente séance ne tire pas à conséquence“ . . .

нено безпрекословно, и запретъ принять безъ возраженій; никакого голосованія при этомъ не было¹⁾. Въ сдѣланномъ королю представленіи по поводу этого засѣданія вниманіе парламента было опять таки поглощено сущностью дѣла, и не было отведено мѣста возраженію противъ незаконности формы его проведенія; возраженіе это затерялось въ общемъ протестѣ противъ участвовавшихъ актовъ самовластиа, превращавшихъ французскую монархію въ царство произвола²⁾. Въ противоположность двумъ разсмотрѣннымъ случаямъ королевское засѣданіе отъ 19 ноября 1787 года было задумано и частью проведено въ духѣ новыхъ парламентскихъ воззрѣній. Король имѣлъ въ виду провести регистрацію одного финансоваго эдикта въ личномъ своемъ присутствіи, но съ соблюденіемъ обычнаго производства, главнымъ образомъ, значить, съ допущеніемъ свободнаго обсужденія дѣла членами парламента. Въ теченіе семи часовъ король спокойно слушалъ дебаты и довелъ дѣло до голосованія; но когда оставалось уже только подсчитать голоса, король вдругъ прервалъ эту процедуру и повелѣлъ зарегистрировать эдиктъ³⁾. Такое неожиданное проявленіе королевскаго произвола вызвало негодованіе среди членовъ парламента и рѣшительный протестъ тутъ же на мѣстѣ со стороны герцога Орлеанскаго; въ дальнѣйшемъ на этой почвѣ разыгрался острый конфликтъ между правительствомъ, парламентомъ и перами. Парламентъ счелъ засѣданіе отъ 19 ноября 1787 г. худшимъ зломъ для себя, чѣмъ *lit de justice*: задуманное въ новомъ духѣ законности, оно оказалось на дѣлѣ лишь новымъ проявленіемъ произвола⁴⁾.

1) Séance royale du 3 septembre 1770 pour l'enlèvement des arrêts, des arrêtés et des pièces de procédure concernant l'affaire du duc d'Aiguillon, — t. III, p. 153 sq.

2) T. III, p. 157—158.

3) T. III, p. 702—703.

4) T. III, p. 707: Un lit de justice serait moins redoutable qu'une séance. La loyauté de V. M. lui prescrirait d'enchaîner nos voix, si notre confiance, encouragée par Elle-même, n'était plus que le signal d'un exil ou d'un enlèvement (rem. du 26 novembre 1787). T. III, p. 722: La séance tenue par V. M. en son parlement le 19 novembre dernier, cette auguste séance qui devait, en rapprochant la vérité du Trône, préparer les moyens de raffermir à jamais dans le Royaume la liberté par la raison et le crédit par la liberté, ne ferait au contraire qu'y produire la défiance avec la ser-

Непрестанные и многообразные протесты, которые вызвали со стороны парламента *lits de justice*, а также настойчивыя парламентскія представленія противъ зарегистрированныхъ на нихъ законовъ свидѣлствуютъ о томъ, что парламентъ въ XVIII столѣтіи отрицалъ, въ сущности говоря, за королемъ право дѣйствовать актами его полновластія. Наиболѣе рѣшительное выраженіе этой новой точки зрѣнія мы встрѣчаемъ въ постановленіяхъ отъ 4 сентября 1763-го и 7 января 1771 года, въ которыхъ парламентъ заявилъ, что онъ разъ на всегда протестуетъ противъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ регистрацій, проведенныхъ подъ давленіемъ абсолютной власти короля¹⁾. Парламентъ сознавалъ, что новая позиція, занятая имъ по отношенію къ актамъ королевскаго полновластія, будетъ представлена королю какъ незаконная и антимонархическая, и тѣмъ не менѣе не отступалъ предъ подобной опасностью ради интересовъ государственнаго блага²⁾. Соображеніе цѣлесообразности не

virtude, s'il suffisait d'un acte du pouvoir absolu pour effacer les principes essentiels, les preuves historiques et les lois positive: sur lesquelles reposent depuis treize cents ans les droits de vos sujets (rem. du 11—13 avril 1788).

1) T. II, p. 411—412: Votre Parlement croirait donc, Sire, manquer aux lois de l'État, et par conséquent à V. M., dont l'autorité n'a point de base plus assurée que celle des lois, si, par quelque considération que ce pût être, il se dispensait de vous représenter qu'il ne reconnaîtra jamais comme une vérification la publication des édits et déclarations faite, même en présence de V. M., sans délibération, et s'il voyait en silence l'atteinte portée à une loi si précieuse à la Nation, principe de la législation française aussi ancien que la Monarchie. — T. III, p. 175: Déclare en outre ladite Cour qu'elle proteste pareillement et d'avance contre tous engregistremens d'édits, déclarations ou lettres patentes, forcés par l'exercice du pouvoir absolu, et contre lesquels il est du devoir de ladite Cour de réclamer constamment, soit en faveur des lois, soit en faveur des peuples, par toutes les voies que peuvent lui inspirer et lui permettre sa fidélité, son respect et sa soumission.

2) T. II, p. 340: (Votre parlement) connaît les obstacles et les contradictions auxquels (ses remontrances) doivent s'attendre en réclamant contre des résolutions qui paraissent avoir été inspirées fortement et persévéramment à V. M., décidées d'une manière absolue, exécutées en sa présence, avec l'appareil le plus éclatant; il prévoit, Sire, sous quelles couleurs sa fermeté pourra vous être présentée et mise en contraste avec l'autorité sous laquelle on essayera peut-être de faire naître une discussion pour la substituer à celle du fond des objets sur lesquels votre parlement est forcé

могло однако служить достаточнымъ основаніемъ для самого парламента, столь ревностно проповѣдывавшаго начало законности. Пришлось искать положительныхъ юридическихъ данныхъ для обоснованія парламентскихъ притязаній на свободу дебатовъ на *lits de justice*. Неоспоримымъ фактомъ являлось то обстоятельство, что свободные дебаты на *lits de justice* не допускались съ 1563 года, такъ какъ съ этихъ именно поръ признано было несомнѣнное право короля дѣйствовать на *lits de justice* актомъ своего полновластия. Послѣ 1563 года имѣлся лишь одинъ случай принципиальнаго протеста противъ *lits de justice*, рѣзко выраженный въ рѣчи генеральнаго адвоката Омера Талона на *lit de justice* отъ 15 января 1648 года¹⁾. Въ своей рѣчи О. Талонъ указалъ, что свобода обсужденія была исконнымъ порядкомъ на *lits de justice* съ самаго начала ихъ введенія (съ 1369 года); лишеніе парламента свободы дебатовъ въ 1563 году было вызвано преходящими обстоятельствами даннаго момента, и потому не должно почитаться за обязательный прецедентъ; установившійся съ тѣхъ поръ порядокъ является такимъ образомъ незаконнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ²⁾. Инцидентъ 15 января 1648 года прошелъ въ XVII вѣкѣ безъ желатель-

de réclamer; mais aucun de ces périls ne doit affaiblir ses très humbles remontrances et sur la forme et sur le fond de ce qui s'est passé au lit de justice; dès qu'il s'agit du service essentiel de V. M., du salut de l'État, des intérêts véritables de votre autorité même, tout obstacle doit augmenter son activité et animer sa voix pour faire entendre à V. M. les vérités qui doivent Lui découvrir le tableau le plus intéressant pour Elle et le plus capable de L'étonner (rem. du 24 juin 1763).

1) См. у насъ выше стрн. 352—353.

2) Mémoires de Omer Talon: . . . la fonction des officiers de votre parlement n'a jamais été diminuée; la présence de nos rois ne leur a point fermé la bouche, et l'on ne s'étoit pas avisé d'user de puissance souveraine comme l'on fait à présent, jusques en l'année 1563, que le prétexte de la religion, le refus des ecclésiastiques de contribuer à une guerre sainte, rendit pour cette fois la nouveauté tolérable. Chose étrange pourtant que ce qui s'est fait une fois sans exemple, ce que nous pouvons soutenir avoir été contraire à son principe, passe maintenant pour un usage ordinaire, principalement depuis vingt-cinq années, que dans toutes les affaires publiques, dans les nécessités feintes ou véritables de l'Etat, cette voie s'est pratiquée! — Nouvelle collection des mémoires relatifs à l'histoire de France par M. M. Michaud et Poujoulat, tome XXX, pag. 210, col. 1-a.

ныхъ для парламента послѣдствій¹⁾, но въ XVIII столѣтіи вспомнили о немъ и стали оперировать доводами О. Талона въ пользу новыхъ, или пожалуй, обновленныхъ притязаній. Въ представленіи отъ 20 января 1760 года парламентъ указывалъ на то, что въ доброе старое время короли сами всегда требовали свободнаго обсужденія дѣлъ, и что только впослѣдствіи *lits de justice* превратились въ „нѣмья зрѣлища²⁾“. Тоже положеніе было болѣе подробно развито въ представленіи отъ 24 іюня 1763 года съ прямою ссылкой на извѣстное заявленіе О. Талона³⁾. Опорочивъ такимъ образомъ прецедентъ 1563 года и найдя основаніе для своихъ притязаній въ болѣе раннихъ, исконныхъ и потому юридически обязательныхъ порядкахъ, парламентъ добивался возстановленія ихъ въ полной силѣ и приглашалъ короля Людовика XVI обезсмертить свое имя возрожденіемъ полной парламентской свободы⁴⁾ Для большей убѣдительности

1) Хотя парламентъ всячески стремился создать изъ него обязательный прецедентъ. Первый президентъ заявлялъ тогда: *puisque le Roi souffroit que les édits qu'il avoit fait publier fussent lus en la compagnie, et délibérés; qu'il falloit prendre avantage de cette occasion comme d'un acte de possession, pour s'en servir à l'avenir dans pareilles rencontres: pour cet effet qu'il falloit prendre garde de ne pas offenser la Reine, de crainte que dans ce commencement le Roi y trouvant à redire et improuvant ce qui auroit été fait, ce ne fût un moyen pour empêcher l'établissement de ce droit, dans lequel le parlement vouloit s'établir pour contredire à l'avenir les édits que le Roi feroit vérifier en sa présence, si la compagnie se maintenoit en ce droit de le pouvoir examiner et d'y pouvoir délibérer.* — *Mémoires de Omer Talon*, I. c., p. 213, col. 2-a.

2) Т. II, p. 275: *Alors le Roi, tenant son conseil dans son parlement, exigeait de tous les magistrats „par leur loyauté et le serment qu'ils avaient à lui prêté, et les requérait que, loyalement et en leur honneur et comme tous ils sont, ils le conseillassent tout ouvertement“ A ces séances si chères à la nation ont succédé des spectacles muets qui ne rappellent le souvenir des anciennes délibérations que pour avertir qu'elles sont aujourd'hui interdites aux magistrats et qui, loin de fortifier la confiance et de ranimer comme autrefois le courage des peuples, ne semblent plus exciter que la consternation et l'abattement.*

3) Т. II, p. 344—346. — Издатели ошибочно поставили дату du *lit de justice*, на которомъ произнесъ свою рѣчь О. Талонъ, именно, — 1618 г., (см. p. 346, nota 1-a, col. 2-a in fine) вмѣсто 1648-го.

4) Т. III, p. 339: *La vérité ne craindra point de se montrer au milieu de l'appareil éclatant qui environne V. M.; l'expérience prêter son appui à la bonté de votre âme, et quand la postérité ira consulter les annales*

своихъ требованій парламентъ старался доказать путемъ историческихъ справокъ, что всѣ почти законы, проведенные авторитарно на *lits de justice*, оказывались на практикѣ неприемлемыми, и естественною силою вещей дѣйствіе ихъ отмѣнялось *desuetudine*, а нерѣдко и самъ король приостанавливалъ ихъ дѣйствіе¹⁾. Во всякомъ случаѣ, увѣряли парламентскія представленія, со временъ регентства правительство обычно прибѣгало къ актамъ королевскаго полновластія для покрытія государственныхъ дефицитовъ и всякаго рода иныхъ упущеній и недостатковъ управленія: всѣ законы, проведенные на *lits de justice*, оказывались вредными для государства²⁾.

Непризнание за королемъ права на проявленіе полновластія на *lits de justice* измѣняетъ самую сущность королевской власти. Законная монархія, по ученію парламентской доктрины XVIII вѣка, совершенно несовмѣстима съ какими бы то ни было актами абсолютной власти³⁾. Даже

de la Monarchie, elle y verra sans doute avec étonnement qu'un jeune prince, au milieu même de l'acte le plus imposant de la majesté royale, n'a pas voulu s'en rapporter à ses lumières seules et qu'il n'a pas dédaigné de recevoir publiquement l'avis de tous ceux qui, jusques-là, n'avaient été que les témoins de l'exercice de sa puissance; un trait aussi glorieux suffira seul pour immortaliser V. M., et les fastes de la justice en déposeront à tous les siècles à venir (рѣчь генеральнаго адвоката на *lit de justice* отъ 12 марта 1776 года).

1) Т. III, p. 261: Ces différens édits, déclarations et lettres patentes, tous registrés au lit de justice ou par voie de pure autorité, ont de tout temps été regardés comme des actes de l'autorité la plus absolue qui ait jamais été déployée dans la Monarchie; ils ont excité, dans les occasions rares où l'histoire les rapporte, des réclamations fondées, le plus souvent fructueuses, et ces lois sont enfin, ou par d'autres lois ou par désuétude, demeurées sans effet, par les inconvénients et l'étendue même des principes et des ordres qui y étaient contenus (rem. du 8 janvier 1775).

2) Т. III, p. 742 (rem. du 11—13 avril 1788). Какъ бы въ отвѣтъ на это заявленіе парламента хранитель печати въ рѣчи на *lit de justice* отъ 8 мая 1788 года выступилъ въ защиту осуждаемаго парламентомъ института и привелъ длинный перечень благодѣтельныхъ законовъ, проведенныхъ актомъ королевскаго полновластія, — см. т. III, p. 751—752.

3) Т. II, p. 473: Quel que soit le pouvoir suprême de V. M., quelque respectable que soit l'usage d'une autorité dont Elle n'est comptable qu'à Dieu, vous ne désapprouverez pas, Sire, que votre palement Vous représente que les lois et les formes inconciliables avec les actes de pouvoir absolu sont le seul gage de la conservation d'une juste monarchie (rem. du 4 mars 1766).

тъ проявленія королевскаго полновластія, которыя прежде считались вполнѣ законными, разсматриваются теперь какъ произволъ, и самое названіе абсолютизма отождествляется съ произволомъ и деспотизмомъ. Полный отказъ отъ абсолютизма и правленіе исключительно по законамъ составляетъ обязанность короля, которую онъ торжественно принимаетъ на себя въ коронаціонной присягѣ¹⁾. Хотя король, какъ носитель суверенной власти, отвѣтственъ за свои дѣйствія только передъ Богомъ, тѣмъ не менѣе коронаціонная присяга разсматривалась парламентомъ не только какъ обѣтъ короля Господу, но и какъ религіозная санкція обязательства короля по отношенію къ народу, который взаимно обязывается предъ королемъ вѣрноподданической присягой²⁾.

Конструкція законной монархіи не исчерпывается опредѣленіемъ положенія носителя верховной власти. Существенно важнымъ для нея является выясненіе организационныхъ принциповъ всего подчиненнаго правительственнаго и общественнаго строя государства. Парламентская доктрина XVIII столѣтія обращаетъ на эту сторону дѣла особенное вниманіе.

Правительственный строй законной монархіи выводится не изъ фактической невозможности для монарха лично вѣ-

1) Т. III, p. 291: Mais il n'est que trop ordinaire aux partisans des nouveautés de ne dévoiler leur système que par degrés et de chercher à induire le gouvernement des premières démarches qui l'engagent insensiblement dans une route dont ils lui cachent le terme, afin de l'entraîner ainsi plus loin que ne le croit et ne le veut un monarque ami des lois, qui, dans la cérémonie la plus auguste, vient de jurer à la face des autels d'en être le protecteur et l'appui et qui a déclaré ne vouloir régner que par elles (r e m. du 2—4 mars 1776).

2) Т. II, p. 563: (La Cour le 20 mars 1766) a arrêté qu'elle continuera de tenir pour maxime inviolable qu'au Roi seul appartient la puissance souveraine dans son royaume, qu'il n'est comptable qu'à Dieu de l'exercice du pouvoir suprême, que le lien qui unit le Roi et la Nation est indissoluble par sa nature, que des intérêts et des devoirs réciproques entre le Roi et ses sujets ne font qu'assurer la perpétuité de cette union, que la Nation a intérêt que les droits de son chef ne souffrent aucune altération, que le chef a intérêt que les membres ne perdent aucun des droits essentiels qui leur appartiennent, que les peuples jurent obéissance et fidélité au Roi, que le Roi, chef souverain de la Nation et ne faisant qu'un avec elle, promet à ses peuples justice et protection sous la religion du serment.

дать всё дѣла управленія и не изъ вытекающихъ отсюда порученій („приказовъ“), а изъ юридической необходимости раздѣлить въ видахъ справедливости двѣ основныя функціи государственной власти, — законодательство и исполненіе закона, — и изъ вызваннаго этимъ постояннаго, основаннаго на законѣ учрежденія правительственныхъ установлений. Монархъ законодательствуетъ и для исполненія законовъ создаетъ законодательнымъ же путемъ постоянныя правительственныя учрежденія. Послѣднія имѣютъ постоянную функцію — исполнять законы, и функція эта отнюдь не должна быть смѣшиваема съ законодательной функціей монарха. Это недопустимое смѣшеніе понимается не только какъ надѣленіе правительственныхъ учреждений правомъ законодательствовать, о чемъ не можетъ быть рѣчи, но и какъ нарушеніе ихъ законной компетенціи вмѣнательствомъ со стороны монарха. Строй законной монархіи извратился бы, если бы должностныя лица вынуждены были непрестанно испрашивать высочайшія повелѣнія для рѣшенія дѣлъ своей компетенціи, и еслибы такимъ образомъ король вовлекался во всё подробности и мелочи текущаго управленія¹⁾. Такимъ образомъ законная монархія представляетъ собою полное отрицаніе системы личнаго управленія и основана на самоограниченіи монарха путемъ имъ же установленныхъ постоянныхъ учреждений, которымъ и ввѣряется управленіе подъ именемъ исполненія и храненія законовъ²⁾. Указан-

1) T. I, p. 283: Non, Sire, dans un gouvernement aussi sage que le vôtre, les attributs du souverain et les fonctions des magistrats qu'il a établis ne peuvent être confondus: c'est au souverain à donner les lois, c'est aux magistrats à les faire exécuter avec toute l'autorité dont il les a rendus dépositaires à cet effet. Mais que dans le cours des affaires qui se présentent tous les jours, les magistrats soient tenus de consulter sans cesse et que le souverain s'impose la nécessité d'entrer dans la discussion que la connaissance des affaires particulières entraînerait après elle, qu'il soit permis de le dire, ce serait changer en quelque sorte l'économie de l'ordre public du royaume. (rem. du 4 août 1732).

2) T. I, p. 467; L'observation des lois est l'affermissement des empires; de là cette sage économie du gouvernement monarchique, tel que celui sous lequel nous avons le bonheur de vivre, où le souverain, source de tout pouvoir, veut bien se lier lui-même en établissant sous lui des puissances secondaires, qui, par leur constitution, sont chargées du dépôt des lois et d'en maintenir l'exécution (рѣчь перваго президента къ королю на высо-

ное самоограниченіе отнюдь не умаляетъ верховныхъ правъ короля, но придаетъ лишь особый закономѣрный характеръ ихъ осуществленію, такъ какъ въ рукахъ короля остается вся полнота власти, изъ которой проистекають полномочія и функціи правительственныхъ учреждений. Сущность законной монархіи требуетъ, чтобы установленіе учреждений и должностныхъ лицъ происходило въ общемъ законодательномъ порядкѣ; сообщеніе правительственныхъ полномочій отдѣльнымъ лицамъ внѣ общаго законодательнаго порядка, нерѣдко подъ вліяніемъ мимолетнаго желанія короля, ведетъ къ государственнымъ бѣдствіямъ и къ извращенію строя законной монархіи¹⁾. Не только самый актъ монаршаго установленія правительственныхъ учреждений подлежитъ закономѣрнымъ формамъ, но должны быть соразмѣряемы съ основными принципами законной монархіи и тѣ полномочія, которыя получаютъ отъ короля должностныя лица. Полномочія эти должны быть точно опредѣлены и строго ограничены, и никакому должностному лицу въ государствѣ не должна быть ввѣряема неопредѣленная и безграничная власть, такъ какъ абсолютная власть принадлежитъ одному королю и во всей полнотѣ своей не можетъ быть передана никому дру-

чайшемъ приѣмѣ парламентской депутаціи 16 августа 1751 г.). — Въ иныхъ случаяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія парламентъ пользовался терминологіей Монтескье и говорилъ о *pouvoirs intermédiaires* (T. I, p. 568, rem. du 9 avril 1753), но влагалъ въ терминъ свое содержаніе, именно, — неизмѣнно имѣлъ въ виду правительственныя учрежденія, въ то время какъ Монтескье считалъ посредствующими властями сословія съ ихъ прерогативами (см. нашу статью: Политическая доктрина въ Наказѣ императрицы Екатерины II, Киевъ, 1903, стрн. 23—25).

1) T. II, p. 544: *Votre parlement, Sire, reconnait et ne cessera jamais de reconnaître que dans la personne de V. M. est essentiellement la plénitude du pouvoir suprême, que du trône où réside la majesté royale émanent et le caractère des magistrats et toute l'autorité qu'ils exercent; qu'il est par conséquent au pouvoir de V. M. de communiquer ce caractère auguste; mais cette communication est l'acte le plus étroitement lié avec ordre de la législation et ne peut être faite que par une loi valablement et solennellement vérifiée; il est de la constitution de l'État et de l'intérêt même du trône que le pouvoir du Souverain ne puisse se communiquer à des sujets par un acte illégal, quelquefois surpris à une volonté momentanée, et presque toujours funeste dans ses conséquences au bien de l'État et aux véritables intérêts du Monarque* (rem. du 13 février 1766).

гому¹⁾). Особенно неправомѣрнымъ и вреднымъ для государства оказывается надѣленіе чрезвычайными и неопредѣленными полномочіями лицъ военныхъ, такъ какъ это противорѣчитъ самой задачѣ военнаго сословія, — защищать населеніе, а не начальствовать надъ нимъ, — и такъ какъ въ рукахъ носителя вооруженной силы возможность злоупотребленія правительственной властью несравненно больше²⁾). Въ военныхъ комиссарахъ и правителяхъ съ чрезвычайными полномочіями парламентъ видѣлъ мѣстныхъ деспотовъ, дѣятельность которыхъ компрометируетъ королевскую власть, оскорбляетъ законъ и его слугъ, создаетъ, наконецъ, ненавистное средостѣніе между монархомъ и народомъ³⁾).

1) Т. I, p. 44: Le pouvoir absolu ne doit jamais se communiquer à une seule personne. Les rois ont seuls le droit de l'exercer, parce que Dieu, dont ils le tiennent immédiatement, les doue ordinairement d'une sagesse et d'une prudence qui les portent à ne l'employer qu'au bien et à l'avantage de leur peuple; il y a même peu de cas où ils veulent se fier à leurs seules lumières et où ils se déterminent sans prendre l'avis de leur conseil (rem. du 13 mai 1716).

2) Т. II, p. 425: Il était réservé à nos jours de voir des sujets se placer entre le Roi et les ministres de sa justice souveraine, ceindre, pour ainsi dire, le bandeau royal, s'approprier la puissance du Monarque, régner enfin sur les peuples étonnés. Si vos peuples frémissent, Sire, en voyant ainsi transmettre les droits incommunicables de la Royauté, leurs alarmes redoublent en le voyant passer entre les mains des gens de guerre, qui doivent obéir aux lois et non les donner, qui doivent défendre le citoyen, et non lui commander; dont les fonctions, si nécessaires pour la sûreté de l'État et de la patrie quand l'État et le Monarque arment leurs mains, deviendraient, ainsi que leur vertu même, funestes à l'un et à l'autre s'ils se dépouillaient en leur faveur de l'autorité (rem. du 18 janvier 1764).

3) Т. II, p. 420 (rem. du 26 décembre 1763); т. II, p. 425, 426, 428, 436 (rem. du 18 janvier 1764). — Столкновенія парламентовъ съ мѣстными „царьками“ изъ провинціальныхъ администраторовъ имѣли мѣсто издавна. Такъ еще Du Haillan сообщаетъ: Depuis que nos guerres civiles ont commencé de troubler tout l'ordre politique de la France, les gouverneurs se sont licentiez d'outrepasser leur pouvoir, ont fait les Roys en leurs gouvernemens, ont méprisé, voire fouillé la justice, et se sont malacordez avec les Parlemens. Car les uns vouloient pouvoir beaucoup, et les autres tout, et parmi ces diuisions, les affaires ne se sont pas mieux portez, — De l'estat et succez des affaires de France, Paris, 1595, pag. 329. — Подобные конфликты разбирались и разрѣшались въ государственномъ совѣтѣ. См., нпр., Boniface Hyacinthe, Arrests notables de la Cour du Parlement de Provence, Cour des comptes, aydes et Finances du même Païs, Lyon, 1708, tome III, livre I, titre V, chap. 1, fol. 58—59:

Сообразно приведеннымъ началамъ организаціи правительственнаго строя въ законной монархіи устанавливается парламентской доктриной слѣдующая схема раздѣленія властей, поддерживающая гармонію между суверенной властью, закономъ и его исполнителями. Власть учредительная и рѣшающая пребываетъ въ монархѣ, власть направляющая въ законѣ, власть исполнительная и охранительная въ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ¹⁾. Всѣ три указанныя власти должны имѣть каждая въ сферѣ своей компетенціи извѣстную самостоятельность и независимость, въ сохраненіи которыхъ всѣ онѣ взаимно заинтересованы²⁾. Всѣ три власти образуютъ единое цѣлое, связанное столь органически, что поврежденіе или уничтоженіе одной изъ нихъ, напримѣръ магистратуры, влечетъ за собою крушеніе двухъ другихъ, слѣдовательно, и самой королевской власти³⁾. Такова была оригинальная доктрина парламента

Arrest du Conseil d'état entre le Gouverneur de Provence et la Cour de Parlement, du 8 mars 1635.

1) T. II, p. 136: Or toute l'harmonie politique dépend essentiellement de trois mobiles, qui doivent agir de concert par une progression de mouvement uniformes et combinés: l'autorité souveraine, la loi, les ministres de la loi. — Le pouvoir d'institution et de détermination réside dans le Souverain, le pouvoir de direction réside dans la loi, le pouvoir d'exécution et de conservation réside dans les ministres de la loi (rem. du 22 août 1756).

2) T. II, p. 137: Il est donc essentiel pour le salut de l'État que le Souverain, les lois et les magistrats conservent leur supériorité, leur efficacité, leur caractère. Il est essentiel pour la conservation de la magistrature dans l'État que l'on y respecte le Souverain et les lois; pour la conservation des lois, que le législateur et les ministres de la loi aient, chacun dans le rang qui lui convient, la puissance et la force qu'exigent leurs fonctions; enfin il est essentiel pour la conservation de l'autorité du Souverain que les magistrats dépositaires des lois président en son nom à toute l'économie politique et qu'ils exercent avec dignité et liberté la puissance convenable pour soumettre les membres de l'État aux volontés légales du Souverain (rem. du 22 août 1756).

3) T. II, p. 146: Le monarque, la loi, les magistrats forment un ensemble, un tout indivisible: le monarque pour gouverner en législateur et en père, la loi pour établir la règle et la confiance, les magistrats pour maintenir l'autorité, la justice, la subordination par leur exemple et par l'exercice des lois. C'est cette sainte et indissoluble union qui est le principe de toute justice, de tout ordre. Les magistrats ne peuvent être anéantis que par la subversion des lois, et, s'il n'y a plus de lois, que devient l'autorité royale? (rem. du 22 août 1756).

о раздѣленіи властей въ законной монархіи¹⁾, каковую форму правленія парламентъ видѣлъ въ государственномъ строѣ Франціи, хотя и замѣчалъ, что она нерѣдко нарушается и искажается, противъ чего не переставалъ протестовать въ своихъ представленіяхъ. Приведенная схема раздѣленія властей сложилась въ судебной и политической практикѣ парламента и была окончательно сформулирована въ началѣ второй половины XVIII столѣтія по внѣшней аналогіи съ извѣстнымъ ученіемъ Монтескье, но по внутреннему содержанію независимо отъ послѣдняго. Бывали случаи, когда парламентская доктрина ссылалась и на ученіе Монтескье (не называя впрочемъ его имени). Такъ въ представленіи отъ 27—29 мая 1783 года парламентъ приводитъ разлученіе законодательной и судебной властей (*la séparation du pouvoir législatif d'avec le pouvoir judiciaire*) какъ основаніе для несмѣняемости и независимости судей²⁾. Подобные случаи являются однако лишь исключеніями и не отмѣняютъ ни въ чемъ оригинальной парламентской доктрины раздѣленія властей. Чтобы завершить характеристику послѣдней, необходимо въ заключеніе указать, что въ основѣ ея лежитъ полное отдѣленіе гражданскаго управленія отъ военнаго, каковое отдѣленіе парламентъ устанавливалъ исторически и на чемъ ему приходилось настаивать въ своихъ представленіяхъ въ виду участвовавшей во второй половинѣ XVIII вѣка практики надѣленія военныхъ лицъ общедминистративными полномочіями³⁾.

1) Приведенная парламентская доктрина отличается отъ той схемы раздѣленія властей, которую развивали короли въ XVII вѣкѣ послѣ фронды. См. *Déclaration du 21 octobre 1652*, *Recueil gén. des anc. lois franç.*, t. XVII, p. 300; E. Glasson, *Le parlement de Paris*, tome I, pag. 394—395. Иную схему раздѣленія властей развивали *états de la ligue* примѣнительно къ законодательной функціи; см. у насъ выше стрн. 359 прим. 1-ое.

2) Т. III, p. 490.

3) Т. III, p. 590: *Les États ne subsistent que par les lois et ils périssent avec elles; l'établissement du pouvoir militaire est le présage le plus certain de leur commune subversion. Tôt ou tard, on voit les armes méconnaître l'autorité qui compte sur leur appui. Pénétrés de ces principes que la raison démontre et que le temps a prouvés par trop d'exemples, les rois prédécesseurs de V. M., modérant leur puissance pour l'affermir, ont élevé la justice au-dessus de la force, en déclarant qu'ils soumettaient eux-mêmes*

Юридическая природа французской монархіи опредѣляется не только извѣстной организаціей правительственныхъ учреждений, но и опредѣленной регламентаціей соціального строя населенія. Послѣдняя регламентація выражается въ признаніи въ законѣ сословныхъ различій, такъ какъ французская монархія — монархія сословная. Различіе состояній по своему происхожденію восходитъ къ началу народа и государственности; оно образуетъ драгоцѣнную цѣпь, соединяющую сувереннаго короля съ его подданными¹⁾. Сословный строй не только основывается на положительныхъ законахъ Франціи, но и опирается на общій божественный планъ вселенной, который является его верховнымъ источникомъ: различному по степени распредѣленію генія и силы въ мірозданіи соотвѣтствуетъ въ организованномъ обществѣ различіе состояній, и въ этомъ заключается залогъ упорядоченнаго и прочнаго существованія человѣческихъ обществъ²⁾. Всѣ сословія сливаются въ общемъ долгѣ подданства королю, но каждое изъ нихъ несетъ государству специальную службу³⁾. Сообразно этому за каждымъ изъ

leurs intérêts aux lois civiles, leurs volontés aux lois fondamentales de leur empire (rem. du 5 septembre 1784). См. также у насъ выше стрн. 426 текстъ и прим. 2-ое.

1) Т. III, p. 287: La monarchie française, par sa constitution, est composée de plusieurs états distincts et séparés. Cette distinction de conditions et de personnes tient à l'origine de la Nation; elle est née avec ses mœurs; elle est la chaîne précieuse qui lie le Souverain avec ses sujets (rem. du 2—4 mars 1776).

2) Т. III, p. 279: Cet ordre ne tient pas seulement de tout bon gouvernement: il a pris sa source dans les institutions divines; la sagesse infinie et immuable dans le plan de l'Univers fit entrer une dispensation inégale de force ou de génie, dont le résultat ne peut manquer d'être dans l'ordre civil une inégalité dans les conditions des hommes. C'est cette loi de l'Univers qui, malgré les efforts de l'esprit humain, se maintient dans chaque empire et y entretient à son tour l'ordre qui le fait subsister (rem. du 2—4 mars 1776).

3) Т. III, p. 287: Dans l'assemblée formé par ces différents ordres, tous les hommes de votre royaume vous sont sujets, tous sont obligés de contribuer aux besoins de l'État. Mais dans cette contribution même, l'ordre et l'harmonie générale se retrouvent toujours. Le service personnel du Clergé est de remplir toutes les fonctions relatives à l'instruction, au culte religieux et de contribuer au soulagement des malheureux par ses aumônes. Le Noble consacre son sang à la défense de

нихъ должны быть признаваемы особыя права и привилегіи, преимущественно же подлежать охранѣ прерогативы дворянства, съ нарожденіемъ и ростомъ котораго неразрывно связано установленіе и развитіе самой монархіи¹⁾. Сословныя права и привилегіи являются историческимъ достояніемъ, и обязанность сохранять ихъ основывается на уваженіи къ приобрѣтеннымъ правамъ, къ чему власть обязывается въ силу основного требованія естественнаго права, общенароднаго и положительныхъ законовъ страны²⁾. Отмѣна сословныхъ различій и привилегій привела бы къ низпроверженію гражданскаго общества и полному смятенію государственной жизни и потому совершенно не возможна³⁾.

l'État et assiste de ses conseils le Souverain. La dernière classe de la Nation, qui ne peut rendre à l'État des services aussi distingués, s'acquitte envers lui par les tributs, l'industrie et les travaux corporels. Telle est, Sire, la règle antique des devoirs et des obligations de vos sujets (rem. du 2—4 mars 1776).

1) T. III, p. 378: S'il est vrai que l'existence de la Noblesse est essentiellement liée à celle de la Monarchie, puisqu'elle est née et s'est perpétuée avec elle, s'il est vrai également que la Noblesse ne peut exister sans distinctions, les anéantir subitement ou en amener peu à peu l'extinction, c'est, en dégradant ce premier ordre, porter un coup funeste à la constitution nécessaire de l'État (rem. du 8—19 mai 1776).

2) T. III, p. 278: La première règle de la justice est de conserver à chacun ce qui lui appartient, règle fondamentale du droit naturel, du droit des gens et du gouvernement civil, règle qui ne consiste pas seulement à maintenir les droits de propriété, mais encore à conserver ceux qui sont attachés à la personne et qui naissent des prérogatives de la naissance et de l'état (rem. du 2—4 mars 1776).

3) T. III, p. 279: De cette règle de droit et d'équité il suit que tout système qui, sous une apparence d'humanité et de bienfaisance, tendrait, dans une monarchie bien ordonnée, à établir entre les hommes une égalité des devoirs et à détruire ces distinctions nécessaires, amènerait bientôt le désordre, suite inévitable de l'égalité absolue et produirait le renversement de la société civile, dont l'harmonie ne se maintient que par cette gradation de pouvoirs, d'autorités, de prééminences et de distinctions qui tient chacun à sa place et garantit tous les états de la confusion (rem. du 2—4 mars 1766). T. III, p. 288: Ces institutions (sc. les conditions diverses des états) ne sont pas de celles que le hasard a formées et que le temps puisse changer. Pour les abolir, il faudrait renverser toute la constitution française. On peut, par la voie législative, changer ce qui a été établi par elle. Mais ce que le génie, ce que les mœurs, ce que le vœu général d'une nation dans la formation et pendant toute la durée d'un empire lui rend propre, ne peut être changé (rem. du 2—4 mars 1776).

Въ такой же мѣрѣ, какъ сословность, подлежитъ безусловному признанію и охранѣ корпоративная организація, подъ которую парламентская доктрина подводила наряду съ сословными и территориальными общинами, экономическими компаніями и товариществами также и академіи, университеты и судебныя учрежденія. Всѣ эти корпорации являются послѣдовательными звеньями той цѣпи, которая связываетъ короля съ его подданными¹⁾. Признавая сословность однимъ изъ устоевъ французской монархіи, парламентъ выступалъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ „пагубнаго равенства“ (*funeste égalité*), которое начинали проводить политическіе реформаторы послѣдней четверти XVIII столѣтія²⁾.

Изложенныя нами основы правительственнаго и сословнаго строя не только восполняютъ общую схему организаціи законной монархіи, но и вносятъ новыя черты въ ея юридическую конструкцію. Разсматриваемая съ высоты суверенной власти короля, она представляется какъ форма правленія, въ которой власть монарха ограничена объективнымъ началомъ законности. Единеніе короля, закона и государства — такова ея формула. Дѣло мѣняется, когда мы дополняемъ схему снизу правительственнымъ и сословнымъ строемъ. Въ основѣ послѣднихъ лежитъ законъ, и этотъ законъ, опредѣляя функціи правительственныхъ учреждений и привилегіи сословій, создаетъ изъ нихъ для тѣхъ и другихъ извѣстнаго рода субъективныя публичныя права. Получается новая формула для выраженія законной монархіи: единеніе короля, закона, магистратовъ и сословій. Въ этой формулѣ ограниченіе королевской власти основывается не на одномъ лишь объективномъ началѣ законности, но и на

1) Т. III, p. 345—346: Tous vos sujets, Sire, sont divisés en autant de corps différents qu'il y a d'états différents dans le Royaume: le Clergé, la Noblesse, les cours souveraines, les tribunaux inférieurs, les officiers attachés à ces tribunaux, les universités, les académies, les compagnies de finance, les compagnies de commerce, tout présente, et dans toutes les parties de l'État, des corps existants qu'on peut regarder comme les anneaux d'une grande chaîne dont le premier est dans les mains de V. M. comme chef et souverain administrateur de tout ce qui constitue le corps de la Nation. — Дальше говорится въ томъ же духѣ о communautés, jurandes и т. п. (рѣчь генеральнаго адвоката на liç de justice отъ 12 марта 1776 года).

2) Т. III, pag. 292 (rem. du 2—4 mars 1776).

признаніи субъективныхъ публичныхъ правъ¹⁾, пока лишь за учрежденіями, сословіями и корпораціями²⁾. Но разставъ на путь субъективнаго преобразованія начала законности, парламентская доктрина не могла уже остановиться и пошла дальше. Подобно тому какъ всѣ сословія сливаются въ общемъ долгѣ подданства королю, въ подкладкѣ всѣхъ сословныхъ привилегій образуется нѣкоторая сумма субъективныхъ публичныхъ правъ, общихъ всѣмъ подданнымъ. На нихъ мы теперь и остановимся.

Возможность субъективныхъ публичныхъ правъ предполагаетъ въ подданныхъ качество субъектовъ права, — свободныхъ лицъ, а не рабовъ. Наличие такого качества рассматривалась еще старыми легистами какъ отличительный признакъ королевской монархіи отъ монархіи сенъериальной и признавалась во французской монархіи, которую неизмѣнно относили къ первому типу. Подданные французскаго короля люди свободные, а не рабы, — постоянно твердили легисты и парламентъ; повторяютъ это и представленія XVIII вѣка³⁾, причемъ видятъ въ этомъ не рефлексивное дѣйствіе объективнаго *status*'а законной монархіи, но субъективный *status* самихъ подданныхъ. Изъ свободного состоянія вытекаютъ и основныя субъективныя публичныя права французскихъ подданныхъ, — право ихъ на т. н. личную свободу и право на неприкосновенность частной собственности. Оба эти права выводятся парламентской доктриной не изъ требованій естественнаго права, но изъ положительнаго законодательства, изъ „конституціи“ Франціи⁴⁾.

1) О важности различія въ ограниченіи государственной власти объективнымъ началомъ законности и субъективными публичными правами см. O. Gierke, Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien, Breslau, 1880, S. 272—274, 297—304.

2) Въ изданныхъ парламентаріями *Maximes du droit public françois* сословныя права отнесены къ составу свободы личности, см. у насъ выше стрн. 237.

3) Такъ въ представленіи отъ 18 января 1764 г. парламентъ цитируетъ извѣстныя слова Омера Талона о свободномъ состояніи подданныхъ французскаго короля, сказанныя имъ въ рѣчи на *lit de justice* отъ 15 января 1648 г. *Remontrances*, t. II, p. 422; *Mémoires de Omer Talon*, l. c. pag. 210, col. 2-a.

4) Т. II, p. 575: . . . le droit de propriété, ce droit si précieux à l'homme et que le Français tient, ainsi que sa liberté, non seulement de la nature,

Личная свобода разсматривается не какъ привилегія, которую власть жалуетъ, но какъ право подданныхъ, которое правительство обязано уважать¹⁾. Личная свобода конкретно понимается парламентомъ какъ свобода отъ произвольнаго задержанія и право подвергнуться послѣднему лишь на точномъ основаніи закона по приказу компетентной власти, данному въ предписанной закономъ формѣ. Такого рода личную свободу подданныхъ парламентъ признаетъ исконнымъ учрежденіемъ французскаго государственнаго права²⁾. Парламентъ считалъ необходимымъ охранять неприкосновенность личной свободы и потому протестовалъ противъ произвольныхъ арестовъ, предпринимавшихся административными властями³⁾. Наиболѣе существеннымъ нарушеніемъ, и въ сущности говоря, отрицаніемъ личной свободы была практика *lettres de cachet*. Такъ смотрѣлъ на нее парламентъ⁴⁾ и протестовалъ противъ обнаруживавшагося въ ней злоупотребленія власти во имя права личной свободы⁵⁾.

mais immédiatement de la constitution de l'État et de la loi... (rem. du 1 juin 1766); см. также t. II, p. 473 (rem. du 4 mars 1764).

1) Т. III, p. 720: *La liberté n'est point un privilège, c'est un droit, et respecter ce droit est le devoir de tous les gouvernements* (rem. du 11—13 avril 1788).

2) Т. III, p. 717: *C'est une maxime de notre monarchie, que nul citoyen ne peut être constitué prisonnier sans un décret du juge. Tous les rois de deux premières races l'ont reconnue. Hugues Capet l'a trouvée en montant sur le Trône; toutes les ordonnances du Royaume, sous la troisième race, l'ont confirmée. Elle a fondé la seule distinction qui se trouve dans nos lois entre les prisonniers, les uns pour crimes et les autres pour dettes. Enfin l'ordonnance de 1670, conforme sur ce point à toutes les précédentes, a mis le sceau à cette maxime, en exigeant, que les prisonniers pour crimes soient interrogés dans les vingt quatre heures après l'emprisonnement...* (rem. du 11—13 mars 1788). Несомнѣнно, что парламентъ черезчуръ ужь отодвигаетъ въ глубь вѣковъ „историческое“ право личной свободы. Но столь же несомнѣнно, что въ старыхъ ордонансахъ третьей династіи содержалось признаніе этого права.

3) См., напр., *Représentations sur la conduite du lieutenant de roi de Saint-Quentin*, du 28 février 1768, *Remontrances*, t. II, p. 836—838.

4) Такъ, въ представленіи отъ 11—13 марта 1788 года, изложивъ постановленіе ордонанса 1670 года, гарантирующее личную свободу (см. выше прим. 2-ое), парламентъ восклицаетъ: *disposition impuissante, précaution dérisoire, tant que l'usage des lettres de cachet subsistera* (t. III, p. 717).

5) Т. III, p. 442 sq.: *Représentations*, du 25 août 1778, sur l'abus des lettres de cachet. Т. III, p. 714 sq. (rem. du 11—13 mars 1788).

Не смотря на патетическое заявленіе парламента, что уже Гуго Капетъ нашелъ личную свободу вполнѣ гарантированной въ законодательствѣ, на самомъ дѣлѣ болѣе исконнымъ и болѣе признаннымъ было другое субъективное публичное право французскихъ подданныхъ, — право на неприкосновенность ихъ частной собственности¹⁾. Въ сущности говоря, самъ парламентъ сознавалъ это и, отправляясь отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, конструировалъ личную свободу на основаніи неприкосновенности частной собственности и по аналогіи съ нею, причемъ не безъ основанія рассчитывалъ, что такое построеніе будетъ болѣе вразумительно для правительства²⁾. Неприкосновенность частной

1) Эту особенность политической жизни и публичноправной доктрины стараго порядка подмѣтилъ Фурноль и указалъ, что вопросы личной свободы приобрѣли значеніе въ глазахъ юристовъ-публицистовъ только въ XVIII вѣкѣ; до этого же времени исключительное вниманіе было сосредоточено на неприкосновенности частной собственности. Quand le roi emprisonnait ou exilait les parlementaires, il semblait qu'il abusât moins de son pouvoir et qu'il fit un moindre tort à leurs droits, que s'il eût confisqué leurs charges, qui étaient dans leurs patrimoines, — E. Fournol, Esquisse d'une reconstitution doctrinale de l'ancien droit public français, Paris, 1899 (Extr. d. l. Nouv. rev. hist. d. dr. fr. et étr.), pag. 14. — Считаемо необходимымъ добавить, что у Монтескье можно найти несомнѣнные слѣды старой точки зрѣнія, согласно которой неприкосновенность частной собственности ставилась выше личной свободы. См. *L'esprit des lois*, livre XXVI, chap. XV, абз. 2: C'est un paralogisme de dire que le bien particulier doit céder au bien public: cela n'a lieu que dans les cas où il s'agit de l'empire de la cité, c'est-à-dire de la liberté du citoyen: cela n'a pas lieu dans ceux où il est question de la propriété des biens, parce que le bien public est toujours que chacun conserve invariablement la propriété que lui donnent les lois civiles.

2) Т. II, p. 473: . . . le droit de propriété, droit toujours respecté, qui garantit à chaque citoyen la possession de ses fonds et de ses revenus, dont sans doute V. M. ne voudrait jamais se permettre de priver un citoyen par autorité absolue, n'est que plus éminemment applicable à la possession de la liberté naturelle, le plus précieux de tous les biens, celui qui seul décide du prix, de l'utilité, presque de la réalité même de tous les autres (rem. du 4 mars 1764). — И въ *Maximes du droit public françois* личная свобода поставлена послѣ неприкосновенности частной собственности (см. у насъ выше стрн. 231, 237). Характерно при этомъ и то, что, въ то время какъ неприкосновенность частной собственности подробно обоснована на рядѣ данныхъ положительнаго права, свобода личности формально дедуцируется изъ общаго принципа свободы подданныхъ (см. у насъ выше стрн. 237—238).

собственности признавалась прочнымъ историческимъ достояніемъ положительнаго государственнаго права страны ¹⁾ Она не подрывалась въ корнѣ никакой незакономѣрной практикой въ родѣ *lettres de cachet*, уничтожавшей личную свободу. Бывали лишь частичныя и къ тому же косвенныя ея нарушенія при примѣненіи на практикѣ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и королевскихъ пожалованій. Противъ такихъ нарушеній парламентъ неизмѣнно выступалъ съ протестомъ, потому что признавалъ за собою специальное право на защиту частной собственности, не погашаемое никакой давностью (*le droit imprescriptible de défendre la propriété*) ²⁾.

Сверхъ личной свободы и неприкосновенности частной собственности парламентская доктрина конструировала еще одно субъективное публичное право подданныхъ, именно, — право на судебную защиту. Оно выводилось ею изъ того обязательства, которое предполагается между королемъ, какъ защитникомъ законовъ, и его подданными, и заключается въ обязанности власти приводить въ исполненіе законы, когда того требуютъ подданные ³⁾. Судебная защита понимается въ смыслѣ исполнѣ закономѣрнаго отправленія суда съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій правосудія. Требованіе, чтобы законныя формы и гарантіи суда соблюдались, относилось парламентской доктриной къ содержанію субъективнаго публичнаго права на судебную защиту. Поэтому парламентъ заявлялъ, что подданные имѣютъ право судиться

1) Т. III, p. 389: Un des droits de vos sujets qu'il importe le plus à votre autorité même de maintenir, c'est là propriété. Les rois en sont les protecteurs et les gardiens; vos ancêtres vous ont transmis avec la Couronne ces maximes inviolables; tous ont reconnu qu'ils ne devaient et vous plus heureusement encore, vous ne voulez pas, Sire, y porter la plus légère atteinte. Nul citoyen ne peut être dépouillé de sa propriété que par l'effet d'un acte volontaire ou d'une condamnation légale; c'est le texte des lois et le vœu connu de votre cœur (r. m. du 25 avril 1777).

2) Т. III, p. 604 (r. m. du 13 février 1785).

3) Т. II, p. 197: Le Souverain, qui est le protecteur (de la loi), contracte l'obligation de la faire exécuter toutes les fois que les citoyens réclament, suivant et aux termes des lois, la justice qui leur est due (r. m. du 3 juillet 1759).

въ послѣдней инстанціи въ верховныхъ судахъ¹⁾, равно имѣютъ право на несмѣняемость судей²⁾.

Какъ видимъ, перечень субъективныхъ публичныхъ правъ подданныхъ въ парламентской доктринѣ не великъ³⁾. Знаменательна однако вообще самая ихъ наличность: она свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ конструктивныхъ пріемовъ догматизаціи положительнаго государственнаго права.

Въ сущности говоря, мы уже изложили основную схему законной монархіи, какъ она конструировалась въ парламентской доктринѣ XVIII столѣтія. Всѣ ея главныя и руководящія положенія отмѣчены. Теперь намъ остается лишь прослѣдить болѣе подробное развитіе важнѣйшихъ изъ этихъ положеній. Таковыми по обстоятельствамъ вре-

1) Т. II, p. 712: Le droit, Sire, de juger en dernier ressort par les cours dépositaires de l'autorité souveraine, étant un droit propre aux sujets de V. M. dont la conservation fait partie de l'ordre public, et d'ailleurs l'entreprise des gens du Conseil des parties tendant à grever les peuples par les longueurs d'un degré de juridiction de plus qu'ils n'en doivent subir suivant les lois du Royaume, votre parlement ne peut se dispenser de s'élever avec la plus grande force contre cette entreprise (rem. du 22 février 1767). Разрядка наша.

2) Т. III, p. 263—264: Le droit d'inamovibilité dans les offices... ce droit primitif et inhérent à la constitution de la Monarchie, que les rois n'ont pas créé, mais qu'ils ont toujours reconnu, protégé et soutenu de leur autorité, est moins celui des magistrats que celui des justiciables, de l'honneur, de la vie et de la propriété desquels il est la principale sauvegarde (rem. du 8 janvier 1775). Разрядка наша.

3) *Maximes du droit public françois* относили къ числу субъективныхъ публичныхъ правъ подданныхъ еще свободное избраніе мѣста жительства, свободное общеніе съ другими людьми, свободу занятій и т. п. (см. у насъ выше стрн. 237 прим. 4-ое). Свободное избраніе мѣста жительства входило вообще въ составъ личной свободы въ тѣсномъ смыслѣ, — свободы отъ произвольнаго ареста и административной высылки, практиковавшихся въ силу *lettres de cachet*. Свобода общенія формулирована безъ надлежащей юридической опредѣленности. Столь же неопредѣленна и свобода занятій, особенно если имѣть въ виду цеховую регламентацію ремеселъ, которую парламентъ отстаивалъ. Характерно, наконецъ, заключительное „и т. п.“, недопустимое съ точки зрѣнія строго юридической конструкціи. Все это представляетъ лишнее доказательство недостаточной разработки публицистами стараго порядка вопроса о свободѣ личности (см. у насъ выше стрн. 434 прим. 1-ое).

мени являлись вопросы правительственного строя и заключительная проблема основных законовъ государства.

По вопросамъ правительственного строя необходимо остановиться подробнѣе на выясненіи положенія парламента, который занималъ въ немъ центральное мѣсто и видѣлъ самое свое призваніе въ охранѣ законности. Предварительно однако приходится сказать нѣсколько словъ объ отношеніи парламента къ генеральнымъ штатамъ.

Въ представленіяхъ XVIII столѣтія мы не встрѣчаемъ уже спеціальнаго ученія о томъ, что парламентъ является депозитаріемъ, представителемъ и замѣстителемъ генеральныхъ штатовъ. Парламентъ достаточно силенъ, чтобы не ссылаться на производныя полномочія. Послѣднія впрочемъ не забываются окончательно: въ иныхъ случаяхъ парламентъ связываетъ свое право представлять королю о жалобахъ и нуждахъ народныхъ съ прекращеніемъ собраній генеральныхъ штатовъ¹⁾. Самый институтъ генеральныхъ штатовъ, не смотря на полное прекращеніе ихъ созыва, не считался отмѣненнымъ и въ XVIII столѣтіи. По поводу извѣстнаго спора между законными и узаконенными принцами изъ за правъ престолонаслѣдія и стороны, и правительство заговорили о генеральныхъ штатахъ какъ о признанномъ институтѣ положительнаго государственнаго права, толковали объ ихъ компетенціи въ данномъ дѣлѣ, предвидѣли возможность ихъ созыва²⁾. Таково было формально-юридическое отношеніе къ генеральнымъ штатамъ. Само собою разумѣется, что по существу правительство и не помышляло о томъ,

1) Т. I, p. 101: En effet, par quelles voies les plaintes et les besoins de vos peuples peuvent ils parvenir jusqu'à vos pieds? Aucun corps de l'État ne s'assemble sans votre permission. Vотре parlement, Sire, est continuellement assemblé pour rendre la justice à vos sujets, au nom et à la décharge de V. M., c'est le seul canal par lequel la voix de vos peuples ait pu parvenir jusqu'à vous depuis qu'il n'y a point eu d'assemblée d'états généraux (rem. du 26 juillet 1718).

2) Въ одномъ анонимномъ публицистическомъ трактатѣ 1771 года — *Principes de la législation françoise prouvés par les monumens de l'Histoire de cette Nation, relatifs aux affaires du temps* (Bibl. Nat. Le.⁴ 50) — дѣло между законными и узаконенными принцами приводится какъ прямое доказательство юридической дѣйствительности института генеральныхъ штатовъ (pag. 59—69).

чтобы придать этому потенциальному, такъ сказать, институту актуальное осуществленіе. Не помышлялъ объ этомъ и парламентъ. Имѣется весьма вѣское основаніе предполагать, что именно опасеніе предъ возможнымъ собраніемъ генеральныхъ штатовъ побудило парламентъ воздержаться отъ вмѣшательства въ дѣло узаконенныхъ принцевъ и передать его на усмотрѣніе регента¹⁾. Затѣмъ въ многочисленныхъ случаяхъ протеста противъ дѣятельности правительства парламентъ исчислялъ самыя разнообразныя его преступленія противъ историческихъ основъ монархіи, но при этомъ ни разу не упомянулъ о прекращеніи созыва генеральныхъ штатовъ. Даже въ протестахъ противъ новыхъ налоговъ парламентъ выступалъ непосредственно отъ имени народа и не считалъ нужнымъ апеллировать къ генеральнымъ штатамъ, прямо призваннымъ къ вотированію податей. И только въ 1787 году подъ давленіемъ внѣшнихъ событій Парижскій парламентъ счелъ нужнымъ напомнить королю, что установленіе налоговъ должно основываться на согласіи плательщиковъ, и тогда же потребовалъ созыва генеральныхъ штатовъ²⁾. Этотъ шагъ парламентъ вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу предъ отечествомъ и ссыался на него какъ на доказательство того, что въ эпоху полного распада истинные принципы монархіи сохранились только въ парламентѣ³⁾. Считаемо нужнымъ замѣтить по этому поводу, что одинъ изъ этихъ принциповъ — участіе генеральныхъ штатовъ въ управленіи — и самъ парламентъ предпочиталъ держать подъ спудомъ, вполне довольствуясь ролью замѣстителя генеральныхъ штатовъ.

1) Lacroix, Histoire de France pendant le dix-huitième siècle, Paris, 1808, tome I, pag. 167—168.

2) Т. III, р. 682 et 684 (рѣчь перваго президента на lit de justice отъ 6 августа 1787 г.); т. III, р. 689—690 (протестъ отъ 13 авг. 1787 г.), 693 (arrêt du 27 août 1787); то же въ 1788 году, т. III, р. 703, 777 sq. — Наиболѣе раннее требованіе созыва генеральныхъ штатовъ предъявилъ Руанскій парламентъ въ 1760 году; затѣмъ послѣдовали такія же требованія отъ Парижской Cour des aides въ 1771 г. и отъ parlement de Besançon въ 1783 году; см. Fayard, op. cit., т. III, р. 141, 171, 314; F. Roquaing, L'esprit révolutionnaire avant la révolution, Paris, 1878, р. 404. Glasson, op. cit., т. II, р. 263.

3) Т. III, р. 737—738 (rem. du 30 avril 1788). Цитируется у насъ выше на стрн. 318 въ прим. 1-омъ.

Хотя парламентъ ссыался на свое званіе представителя и замѣстителя генеральныхъ штатовъ, какъ мы это отмѣтили только что и какъ намъ придется отмѣчать еще ниже, тѣмъ не менѣе онъ далеко не считалъ этого своего званія единственнымъ и наиболѣе сильнымъ титуломъ для обоснованія своего положенія въ системѣ правительственнаго строя. Исторія въ истолкованіи парламентской публичноправной доктрины доставляла Парижскому парламенту болѣе древній, болѣе почетный и, главное, непроеизводный и самостоятельный титулъ, надѣляющій его правомъ непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Намъ уже извѣстно установленіе прямого преемства между парламентомъ и феодальной куріей бароновъ и прелатовъ. Представленія XVIII столѣтія шагнули дальше въ глубь вѣковъ и усмотрѣли первое зарожденіе парламента въ непосредственныхъ народныхъ собраніяхъ франковъ первыхъ вѣковъ монархіи¹⁾. Изъ этой ячейки парламентъ развивался органически, мѣняя внѣшнія формы организаціи, но сохраняя неизмѣнной свою сущность. Завоеваніе и расширеніе территоріальныхъ предѣловъ государства затруднило собираніе общенародныхъ вѣчъ и ограничило ихъ случаями чрезвычайной важности; для обыкновенныхъ государственныхъ дѣлъ образовался особый совѣтъ вельможъ, составленный изъ лицъ, стоявшихъ у текущаго управленія²⁾. Феодализація разрушила единство монархіи; естественнымъ послѣдствіемъ этого была замѣна совѣта вельможъ собраніемъ непосредственныхъ королевскихъ вассаловъ, составившихъ курію бароновъ и перовъ Франціи; въ это собраніе были введены и совѣтники изъ легистовъ, о чемъ парламентъ упоминаетъ вскользь и глухо, имѣя въ виду выставить на первый планъ свое историческое родство съ перами³⁾. Посте-

1) Т. II, p. 26: Qu'il nous soit permis, Sire, ... de vous représenter que, dans le premier âge de la Monarchie, le parlement était l'Assemblée générale de la nation, que tous les Francs étaient Pairs (rem. du 27 novembre 1755).

2) Т. II, p. 26—27 (rem. eadem).

3) Т. II, p. 27: Ce changement (s.c. produit dans le Royaume par l'introduction du gouvernement féodal) en fit naître un pareil dans le Parlement; il ne fut plus composé que des vassaux immédiats de la Couronne, qui prirent le nom des Barons et de Pairs de France: toute autre

пенное воссоединеніе феодальныхъ владѣній съ короной превращало аггіёге-вассаловъ короля въ бароновъ королевства, и послѣдніе становились членами парламента, все болѣе и болѣе увеличивая его составъ по мѣрѣ успѣховъ въ дѣлѣ собиранія земли¹⁾. Въ составѣ этого новаго многочисленнаго учрежденія образовались два собранія, — одно обыкновенное, другое всеобщее, которыя отличались между собою только количествомъ членовъ: въ первое входили ближайшіе обычные совѣтники, во второе — всѣ. Оба эти собранія засѣдали одинаково подѣ личнымъ предсѣдательствомъ короля и носили общее названіе королевскаго совѣта, королевской палаты, а съ XIII вѣка — парламента²⁾. Обычное собраніе парламента въ 1302 году сдѣлано осѣдлымъ въ Парижѣ. Это обстоятельство ничуть не измѣнило его природы: здѣсь было не новообразованіе, но продолженіе развитія одной и той же первоначальной ячейки³⁾. Такимъ образомъ парламентъ народился вмѣстѣ съ самой монархіей и въ теченіе тринадцати столѣтій сохраняетъ одно и тоже мѣсто и осуществляетъ однѣ и тѣ же функціи въ правительствѣ стрѣ страны⁴⁾. Приведенная генеалогія являлась вполне достаточнымъ обоснованіемъ самостоятельнаго и независимаго положенія Парижскаго парламента.

Не смотря на всѣ свои приведенныя „историческія права“, парламентъ никогда не противопоставлялъ себя ко-

personne, à l'exception des conseillers lettrés, ne pouvait pas y être appelée, parce qu'elle était réputée étrangère aux affaires qui se traitaient dans cette assemblée (rem. eadem). Послѣдняя разрядка наша — Въ другомъ мѣстѣ парламентъ не ведетъ своей исторіи далѣе „собранія прелатовъ и бароновъ“, которое относитъ къ Карлу Великому и его наслѣдникамъ, см. t. II, p. 877 (rem. du 19—20 mars 1768).

1) T. II, p. 27 (rem. du 27 novembre 1755).

2) T. II, p. 27—28 (rem. eadem).

3) T. II, 30 (rem. eadem).

4) T. II, 26: Sire, il y a treize cents ans que la Monarchie subsiste, il y a treize cents ans que votre parlement, sous quelque dénomination qu'il ait été connu, forme toujours le même tribunal et exerce les mêmes fonctions dans l'État. Son administration, quant à la manutention des lois, n'a jamais cessé d'être la même jusqu'à ce moment; et il a toujours conservé le glorieux avantage d'être la vraie Cour de France, parce qu'il est né avec l'empire des Français pour être une branche de la forme essentielle du gouvernement (rem. eadem).

ролевской власти какъ нѣчто ей равное. Напротивъ того, онъ неизмѣнно выводилъ всю свою власть изъ королевскаго полномочія и дѣйствовалъ всегда отъ имени короля¹⁾. Парламентъ рѣзко выдѣляется однако изъ всѣхъ другихъ учрежденій, установленныхъ королемъ, такъ какъ онъ тѣсно и непосредственно связанъ съ самимъ королемъ. Присутствіе короля всегда предполагается въ парламентѣ²⁾. Не канцлеръ, но самъ король является начальникомъ парламента³⁾. Парламентъ представляетъ собою особый правительственный организмъ, въ которомъ король является главой, а совѣтники — членами⁴⁾. Не въ какомъ либо другомъ учрежденіи, а только въ парламентѣ обрѣтается дѣйствительное пребываніе королевскаго величества⁵⁾. Парламентъ является публичнымъ и законнымъ совѣтомъ короля, стоящимъ выше негласнаго кабинетнаго совѣта⁶⁾. Парламентъ поэтому имѣетъ

1) T. I, p. 105: L'autorité qu'il exerce, Sire, est la vôtre, ses jugements sont intitulés du nom auguste de V. M. et commencent par „Louis, par la grâce de Dieu, etc.“ Le greffier en chef de votre parlement, qui signe tous les arrêts, est secrétaire de V. M. comme le sont les secrétaires d'État parce que les jugements qui se rendent à votre parlement en votre nom doivent être revêtus des mêmes solennités que les ordres qui émanent de la propre personne de V. M., qui est toujours réputée présente à son parlement (rem. du 26 juillet 1718).

2) См. конецъ предыдущаго примѣчанія.

3) T. I, p. 423—424 (rem. du 4 mars 1751), p. 511 (рѣчь перваго президента на высочайшемъ приемѣ парламентской депутаціи 3 января 1753 г.); t. II, p. 29 (rem. du 27 novembre 1755).

4) T. II, p. 32: Nos souverains et leurs parlements ne faisaient qu'un même corps également indivisible; cet auguste corps subsiste toujours: vous en êtes, Sire, le chef; les magistrats de votre parlement en sont les membres (rem. du 27 novembre 1755).

5) T. II, p. 791: C'est au Parlement qu'est le siège propre de la majesté royale La place permanente du trône y est marquée par un cube, symbole de stabilité, et demeure toujours réservée au Roi, dont la majesté, même en son absence, est toujours censée l'occuper (rem. du 1—5 juin 1767).

6) T. III, p. 732: Il est vrai, Sire, que votre parlement est le conseil de V. M.; mais il en est le conseil public, le conseil légal, non celui du cabinet. Au conseil du cabinet, le Roi admet, le Roi éloigne qui bon lui semble. Au conseil légal, le Roi ne peut appeler ni exclure personne. Au conseil du cabinet, le choix du Prince n'est suivi ni d'examen, ni de serment, ni de réception délibérée; au conseil légal, le caractère indélébile d'officiers du souverain n'est imprimé que par une réception libre, précédée de l'examen

право непосредственнаго обращенія къ престолу и не допускаетъ никакого средостѣнія между собой и монархомъ¹⁾. Въ виду всего указаннаго парламентъ признавалъ, что его авторитетъ неотдѣлимъ отъ авторитета короля, такъ что посягательство на авторитетъ парламента есть въ тоже время посягательство на авторитетъ самого короля²⁾. На послѣднемъ положеніи парламентъ основывалъ свои притязанія на особенную защиту своихъ правъ королемъ отъ посягательствъ со стороны духовенства и административныхъ учреждений. Въ мотивировкѣ этихъ притязаній парламентъ не довольствовался однако одними юридическими доводами и прибѣгалъ къ политической аргументаціи. Такъ, въ одномъ изъ своихъ представленій парламентъ намекнулъ королю, что, такъ какъ линія Бурбоновъ обязана своимъ воцареніемъ на французскомъ престолѣ парламенту, представители ея въ свою очередь обязаны предъ парламентомъ къ особенному покровительству и защитѣ его правъ³⁾.

Являясь законнымъ совѣтомъ короля и образуя съ королемъ одинъ корпусъ, парламентъ представляетъ собою не только авторитетъ короля, но и авторитетъ всего государства. Онъ — хранитель священныхъ правъ короны и вольностей королевства (*dépositaire des droits sacrés de la couronne et des libertés du royaume*)⁴⁾. Его права — принадлежать государству⁵⁾. Противоположеніе авторитета короля авторитету государства вытекаетъ изъ сущности законной

et du serment. Le conseil du cabinet a la confiance du Roi; le conseil public a la confiance du Roi et de la loi (rem du 11—13 avril 1788).

1) Т. II, p. 594: votre parlement ne reconnaîtra jamais d'intermédiaire entre son souverain et lui, (et) que l'accès auprès du trône dépende d'un tiers qui peut être personnellement intéressé à en écarter votre parlement (rem. du 17 août 1766). На этомъ основаніи парламентъ отказывался даже принимать высочайшіе указы, которые передавались ему въ видѣ постановленій королевскаго совѣта и не сопровождались *lettres patentes* короля, непосредственно обращенными къ парламенту. См. т. I, p. 75—76, 147, 391, 507—508, 509.

2) Т. I, p. 193 (rem du 1 juin 1725).

3) Т. III, p. 150 (rem. du 2 septembre 1770).

4) Т. I, p. 167 (рѣш. du garde des sceaux на lit de justice отъ 22 февраля 1723 г.).

5) Т. III, p. 727: nos droits ne sont point à nous, ils appartiennent à l'État (rem. du 11—13 avril 1788).

монархіи, въ которой парламентская доктрина различала три конститутивных элемента: короля, государство и законъ, требуя, чтобы они находились въ нераздѣльномъ единеніи¹⁾. Приведенная формула законной монархіи составляетъ прямую противоположность абсолютистическаго поглощенія государства монархомъ (*l'état c'est moi*): она постулируетъ единство, но единство расчлененное, въ которомъ каждый изъ составныхъ элементовъ достигаетъ самоопредѣленія. Обоснованіе власти парламента не только на авторитетѣ короля, но и на авторитетѣ государства придаетъ этому учрежденію самостоятельное значеніе въ общемъ строѣ законной монархіи.

Сверхъ короля и государства у парламента оказывается еще одинъ источникъ его полномочій, это — народъ. Парламентъ признаетъ себя въ XVIII столѣтіи представителемъ народа. Въ этомъ отчасти проявляется старое ученіе о парламентѣ, какъ представителѣ и замѣстителѣ генеральныхъ штатовъ. Парламентъ не настаиваетъ однако на этомъ юридическомъ титулѣ и обосновываетъ свое право быть представителемъ народа на государственной необходимости. Послѣ прекращенія созыва генеральныхъ штатовъ, народъ вынужденъ безмолствовать²⁾; осталось одно лишь свободное сословіе, которое могло доводить до короля вопль народный; это — парламентъ; онъ и сталъ въ силу необходимости представлять народъ предъ лицомъ монарха³⁾. Парламентъ считалъ себя представителемъ не какихъ либо абстрактныхъ

1) См. у насъ выше стрн. 407 текстъ и прим. 5-ое.

2) Въ одномъ представленіи 1768 годъ по поводу незаконности чрезвычайной юрисдикціи Большого Совѣта парламентъ говоритъ, что генеральные штаты неизмѣнно протестовали противъ нея, и затѣмъ продолжаетъ о послѣдующемъ времени: *En effet, Sire, les sentiments de la Nation ne sont pas changés à cet égard et elle vient de les manifester par son silence, la seule voie qui lui fût ouverte* (t. II, p. 884—885).

3) Т. I, p. 101 (цитируется выше на стрн. 437-ой прим. 1-ое). Т. II, p. 845—846: *Tous les particuliers sont dans la dépendance, leur voix est étouffée par la crainte; il n'y a qu'un corps libre, toujours subsistant, tel que votre parlement, qui puisse se faire entendre et porter au pied du trône les cris que la Nation y porterait elle-même si votre parlement falsait une information juridique des faits dont elle se plaint à V. M. (rem. du 18—20 mars 1768).*

правъ народа, но выполнѣ конкретныхъ его нуждъ¹⁾. Во имя послѣднихъ парламентъ считалъ себя въ правѣ обсуждать по существу финансовыя законопроекты²⁾, доводилъ до престола жалобы и опасенія народа³⁾, и признавалъ себя истолкователемъ пожеланій всей націи⁴⁾.

Парламентъ объединялъ всѣ приведенные источники полномочій и считалъ себя одновременно представителемъ короля и подданныхъ, полагая свою функцію въ приведеніи подданныхъ къ должному повиновенію и въ доведеніи до короля голоса народныхъ нуждъ⁵⁾. Сообразно двойственному, а съ присоединеніемъ государства даже тройственному характеру лежащаго на немъ представительства, парламентъ признавалъ⁶⁾ себя въ своей дѣятельности обязаннымъ предъ королемъ, подданными и государственнымъ пра-

1) T. I, p. 77: Le Parlement n'a d'autorité que celle qui lui a été accordée par les rois prédécesseurs de V. M. Cette autorité ne doit jamais être employée qu'à faire exécuter les ordonnances de nos rois. Nous sommes encore obligés de faire ce qui est en nous pour entretenir le bon ordre dans le royaume, pour procurer la tranquillité publique et pour représenter dans l'occasion à V. M. les besoins et les inquiétudes de ses sujets (rem. du 27 juin 1718).

2) T. I, p. 59, 127 и др.

3) T. II, p. 840.

4) T. II, p. 523—524 (rem. du 6 septembre 1765). — Въ связи съ осуществленіемъ представительства націи парламентъ называлъ свой архивъ (dépôts de greffe) національнымъ (dépôts nationaux), — см. t. II, pag. 568—569.

5) T. II, p. 430: En confiant (aux magistrats) ce dépôt (des lois), d'une part, le souverain les a revêtus de son autorité pour faire respecter ses droits et les lois; d'une autre part, il les a associés à l'obligation de veiller à la conservation des droits légitimes des peuples. Sous ce double aspect, les magistrats représentent et le roi et ses sujets: le roi, pour ramener ses sujets par la rigueur des peines à l'obéissance, s'ils osaient s'en écarter; les peuples, pour porter au pied du trône les témoignages de leur soumission et de leur amour et les expressions respectueuses de leurs plaintes et de leurs réclamations (rem. du 18 janvier 1764). См. также t. III, p. 491 (rem. du 27—29 mai 1783).

6) Свою борьбу съ притязаніями Большого Совѣта на юрисдикцію, въ качествѣ высшей надъ парламентами инстанціи, Парижскій парламентъ мотивировалъ слѣдующимъ образомъ: (Le parlement) vous doit, Sire, de ne point laisser avilir ou énerver l'autorité que vous lui avez confiée pour la dispensation de la justice. Il doit aux sujets de ne point se prêter à l'introduction, onéreuse pour eux, d'un nouveau degré de juridiction, où l'on remettrait en doute leurs droits les plus importants, quoique assurés

вопорядкомъ, или же — предъ королемъ, государствомъ и плательщиками налоговъ (*les contribuables*)¹⁾.

Совмѣщая разнородныя полномочія и полагая своей задачей примиреніе интересовъ короля, государства и подданныхъ, парламентъ противопоставлялъ себя „правительству“ (*le gouvernement*)²⁾, какъ совокупности должностныхъ лицъ и учреждений, дѣйствующихъ по одному лишь полномочию отъ короля и въ интересахъ одной лишь монархической власти. Конкретными представителями такого правительства являлись, очевидно, въ глазахъ парламента министры и королевскій совѣтъ.

Особому положенію, которое занималъ парламентъ въ системѣ государственныхъ учреждений страны, соответствовали его права и вольности, обеспечивавшія самостоятельность его дѣятельности. Парламентскія права и вольности, конструированныя самимъ парламентомъ, были слѣдующія: несмѣняемость парламентаріевъ, исключительное право парламента судить собственныхъ членовъ по всѣмъ ихъ преступленіямъ и проступкамъ, полная свобода сужденія и голосованія при рѣшеніи дѣлъ, неприкосновенность парламентскаго дѣлопроизводства и архива. Несмѣняемость магистратуры основывалась на положительномъ законодательствѣ страны, въ томъ числѣ на знаменитомъ ордонансѣ Людовика XI отъ 1467 года³⁾, и на признанномъ за парламентаріями правѣ собственности на ихъ должности⁴⁾. Эти

par la décision des tribunaux établis par les Loix pour les juger souverainement. Enfin, il doit à l'ordre public, qu'il est chargé de maintenir, de s'opposer à ce qu'il soit altéré dans une portion aussi importante que l'est la constitution du premier tribunal de la Monarchie, — t. II, p. 714, rem. du 1—5 juin 1767; разрядка наша.

1) Т. III, p. 263 (rem. du 8 janvier 1775).

2) Т. I, p. 193 et 196 (rem. du 1 juin 1725).

3) Т. II, p. 180—181 (rem. du 4 avril 1759), 200 (rem. du 3 juillet 1759), 562 (arrêté du 19 mars 1766).

4) Т. III, p. 240 (рѣчь генеральнаго адвоката на lit de justice отъ 12 ноября 1774 г.). Замѣтимъ, что въ XVIII вѣкѣ нѣкоторые публицисты отрицали это основное положеніе парламентской доктрины. См. F. D. P. L., *Traité historique de la souveraineté du Roi et des droits en dépendans à commencer à l'établissement de la Monarchie*, Paris, 1754, tome I, pag. 269—270: . . . c'est improprement que les Officiers disent qu'ils ont acheté le droit de rendre la justice, puisque ce droit est inaliénable dans la per-

позитивныя юридическія основанія восполнялись въ иныхъ случаяхъ ссылкой на естественное право и политическія соображенія о заинтересованности самихъ королей въ томъ, чтобы у нихъ былъ особый разрядъ независимыхъ и самостоятельныхъ лицъ, которые могли бы доводить истину до подножія престола, не опасаясь лишиться за это своего положенія ¹⁾). Естественноправовая квалификація заставляла по временамъ парламентаріевъ смотрѣть на несмѣняемость магистратуры, какъ на „первоначальное право“, настолько „присущее монархической конституціи“, что, въ сущности говоря, нельзя говорить объ его созданіи королями, а лишь о неизмѣнномъ его признаніи съ ихъ стороны ²⁾). Быть можетъ, на этой почвѣ создалось въ парламентской доктринѣ представленіе о томъ, что подтвержденіе закона о несмѣняемости совершается въ торжественной формѣ обязательствъ, которыя непрерывно въ теченіе многихъ вѣковъ заключаютъ короли ³⁾), очевидно, съ народомъ. Подсудность парламентаріевъ по всѣмъ преступленіямъ парламенту же, а не какому либо иному суду и тѣмъ болѣе не какой либо чрезвычайной комиссіи, признана положительнымъ законодательствомъ страны и никогда не оспаривалась королями ⁴⁾). Парламентъ и есть тотъ компетентный судъ, безъ рѣшенія котораго магистратъ не можетъ быть лишенъ должности согласно извѣстному ордонансу 1467 года о несмѣняемости ⁵⁾).

sonne du Roi, et que la finance qu'ils remettent dans les coffres de S. M. pour en obtenir l'exercice, n'en est pas le prix, mais un cautionnement de leur fidélité, et qu'ils ne prévariqueront point: on ne ferait non plus aucune injustice proprement dite à ces officiers supprimés, en leur remboursant la finance de leur cautionnement.

1) Т. III, p. 264: (Le principe de l'inamovibilité) est également fondé sur le droit naturel, sur le droit positif de l'État et sur l'intérêt qu'ont les rois mêmes à se conserver un ordre des personnes qui, spécialement chargées de leur faire connaître la vérité, puissent la porter jusqu'au Trône, sans être retenues par la crainte de perdre leur état pour s'être fidèlement acquittées de leur devoir (r. m. du 8 janvier 1775).

2) Т. III, p. 263—264, — цитируется у насъ выше стрн. 436, прим. 2-ое.

3) Т. II, p. 502: L'inamovibilité des magistrats est le symbole de tout à la fois, le gage de la stabilité de l'État et la loi la plus solennellement consacrée par des engagements que tous nos rois ont successivement contractés depuis plusieurs siècles (r. m. du 6 septembre 1765).

4) Т. I, p. 117 (r. m. du 29 août 1718).

5) Т. II, p. 536 (r. m. du 2 février 1766).

Исключительная подсудность парламенту уравнивает парламентаріевъ съ перами королевства¹⁾ и имѣть въ виду, устраняя возможность клеветы, обезпечить ихъ самостоятельность и независимость²⁾. Парламентъ непрестанно ссыался на свою привилегію судить собственныхъ членовъ въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда парламентаріи подвергались административной высылкѣ посредствомъ *lettres de cachet*. Свобода сужденія и голосованія при рѣшеніи дѣлъ вытекаетъ, по ученію парламентской доктрины, изъ самой сущности парламента, который учрежденъ вѣдь для того, чтобы по всѣмъ дѣламъ его компетенціи представлять монарху свободное рѣшеніе магистратовъ, основанное на голосѣ ихъ совѣсти³⁾. Это — древнее право, которымъ парламентъ неизмѣнно пользовался въ теченіе ряда поколѣній⁴⁾. Свобода сужденія и голосованія настолько существенна для правопорядка, что мѣры, направленные къ ея ограниченію и стѣсненію, явились бы новшествомъ, крайне труднымъ и, быть можетъ, даже невозможнымъ для проведенія въ жизнь⁵⁾. Во всякомъ случаѣ отмѣна свободы голосованія была бы крайне нецѣлесообразной въ интересахъ самого монарха, такъ какъ она окончательно закрыла бы доступъ къ престолу правдѣ, которой и безъ того трудно туда пробиться⁶⁾. Неприкосновенность парламентскаго дѣлопроизводства и ар-

1) Т. II, p. 535 (rem. eadem).

2) Т. I, p. 124—125 (rem. du 10 décembre 1718).

3) Т. I, p. 117: Nous n'avons l'honneur d'être tous officiers de V. M. que pour délibérer en toute liberté sur les affaires qui se présentent et pour dire nos avis suivant les mouvements de nos consciences (rem. du 29 août 1718). См. также т. II, p. 204—206 (rem. du 28 août 1759).

4) Т. III, p. 500: Nos pères, disait, sous Henri III, le premier président de Thou, ne nous ont point appris à demander au Louvre l'avis que nous devions prendre. Cette liberté sainte est le droit le plus utile et le plus précieux de votre parlement (rem. du 27—29 mai 1783).

5) Т. I, p. 282: La pleine et entière liberté d'agir selon les temps et les circonstances, à mesure qu'elles se présentent, fait toute la force, quelquefois même toute l'importance de nos jugements. Tout ce qui pourrait tendre à lier les mains à votre parlement et à gêner cette liberté indéfinie dont il a toujours joui dans l'administration de la justice, paraîtrait également nouveau et difficile, pour ne pas dire impossible dans son exécution (rem. du 4 août 1732).

6) Т. I, p. 117 (rem. du 29 août 1718).

хива неизбежно вытекает изъ двухъ основаній: изъ уваженія къ правамъ частныхъ лицъ и изъ ненарушимости правъ государственныхъ. Въ бумагахъ и архивъ парламента находятся документы, служащіе доказательствомъ всевозможнаго рода правъ частныхъ лицъ; съ другой стороны, тамъ же хранятся государственные акты, опредѣляющіе основы публичноправнаго строя страны. Интересы гражданскаго оборота и государственнаго правопорядка привели къ тому, что дѣлопроизводство и архивъ парламента исконно считаются неприкосновенными¹⁾.

Особое мѣсто, которое занимали парламенты въ государственномъ строѣ монархіи, оттънялось еще ученіемъ о корпоративномъ единствѣ всѣхъ парламентовъ страны. Ученіе это, какъ мы знаемъ, намѣчалось еще до XVIII вѣки²⁾, но въ XVIII столѣтіи получило окончательную формулировку и наиболѣе полное практическое осуществленіе. Парламентъ, какъ исконное учрежденіе монархіи, ведущее свое начало отъ куріи прелатовъ и бароновъ и даже отъ первоначальныхъ народныхъ собраній франковъ, какъ законный совѣтъ короля, какъ единственное истинное мѣстопробываніе королевскаго величества, — единъ. Онъ обнимаетъ собою какъ Парижскій парламентъ, первый и метрополитальный, такъ и всѣ провинціальныя парламенты, являющіеся его отдѣленіями, или вѣрнѣе, его распространеніемъ. Парижскій парламентъ и его колоніи — парламенты провинціальныя — образуютъ единое сословіе, во главѣ котораго стоитъ король³⁾. Самое единство парламентовъ представляетъ собою

1) Т. III, p. 723 (rem. du 11—13 avril 1788).

2) Такъ, представленія XVIII вѣка цитируютъ извѣстныя слова L'Hospital'a, сказанныя имъ въ рѣчи отъ 7 сентября 1560 года: Si un Roi pouvait, comme autrefois a été fait, administrer sa justice souveraine par un seul parlement, il le ferait; et divers parlements ne sont que diverses classes du Parlement du Roi, — t. II, p. 190 et 196 (rem. du 3 juillet 1759).

3) Т. II, p. 138: Le parlement de Paris est la première et la métropolitaine cour du Royaume, suivant les expressions de François I. Tous les autres en sont des détachements ou, pour mieux dire, des extensions. Ainsi la cour métropolitaine et toutes ses colonies sont des diverses classes d'un seul et unique parlement, les divers membres d'un seul et unique corps, animés du même esprit, nourris des mêmes principes, occupés du même objet (rem. du 22 août 1756). Т. II, p. 207: Toutes les cours du Royaume ont un chef commun, qui est le Souverain (rem. du 28 août 1759).

не болѣе, какъ естественное слѣдствіе единства королевской власти¹⁾. Доктрина единства парламентовъ получила въ XVIII столѣтіи полное практическое осуществленіе. Заступничество Парижскаго парламента за провинціальныя, присоединеніе провинціальныхъ парламентовъ къ представленіямъ и заявленіямъ Парижскаго парламента, а также всевозможныя коллективныя выступленія всѣхъ парламентовъ страны составляютъ столь частыя и обычныя для XVIII вѣка явленія, что мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ихъ перечисленіи²⁾.

Ученіе о корпоративномъ единствѣ парламентовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ распространеніе правъ и вольностей Парижскаго парламента на парламенты провинціальныя. Равенство всѣхъ парламентовъ не устраняло однако почетныхъ преимуществъ и фактическаго преобладанія Парижскаго парламента, въ качествѣ первенствующаго и метрополитальнаго. Сверхъ этого Парижскій парламентъ пользовался одной привилегіей, которая рѣзко выдѣляла его изъ остальныхъ, именно, — онъ одинъ являлся куріей перовъ³⁾. Эта привилегія установлена исторически, благодаря непо-

1) Т. II, p. 189: Le principe de l'unité de l'autorité royale renferme le principe de l'unité de la magistrature (rem. du 4 avril 1759). Указанный принципъ единства нашелъ себѣ въ одномъ представленіи такую формулировку: Un seul souverain, un seul tribunal, un seul système des lois (t. II, p. 34, rem. du 27 novembre 1755).

2) См. t. I, p. 125; t. II, p. 130—133 sq., 172, 414, 423, 440, 485, 501, 527, 534, 587, 663, 839; tome III, p. 146. — Dufey, op. cit., t. II, p. 239, 295, 311—312 и др. — Коллективныя выступленія парламентовъ вызвали со стороны короля специальный édit qui défend aux parlements de se servir des termes d'unité, d'indivisibilité et de classes, et d'envoyer aux autres parlements, hors les cas prévus par les ordonnances, des mémoires, remontrances, arrêts et arrêts relatifs aux affaires qui seront portées devant elles par les ordres du roi ou à cause de leur ressort, reg. en lit de justice du 7 décembre 1770, см. Recueil gén. des anc. lois franç., tome XXII, pag. 501. — Въ 1718 году Парижскій парламентъ сдѣлалъ попытку созвать депутатовъ всѣхъ „верховныхъ палатъ“ (cours souveraines) Парижа, — податной, счетной палаты и монетнаго двора, для совмѣстнаго засѣданія въ Chambre de Saint-Louis по поводу вопроса о перечеканкѣ монеты. Вслѣдствіе прямого запрета со стороны регента это единеніе всѣхъ верховныхъ палатъ не состоялось. См. t. I, p. 68.

3) T. I, p. 582: le nom de Cour des Pairs ne fut jamais attribué qu'à votre parlement (rem. du 9 avril 1753).

средственному происхожденію Парижскаго парламента отъ феодальной курии прелатовъ и бароновъ¹⁾. Характеръ курии перовъ находилъ выраженіе и подтвержденіе въ исключительной подсудности перовъ Парижскому парламенту, которую парламентская доктрина признавала неоспоримымъ и несомнѣннымъ правомъ какъ парламента, такъ и перовъ²⁾.

Въ XVII вѣкѣ парламентъ сдѣлалъ попытку созвать перовъ по собственному почину, но по требованію короля вынужденъ былъ отказаться отъ ея осуществленія и даже отъ своего права на подобное дѣйствіе. Въ XVIII вѣкѣ парламентъ признаетъ за собою несомнѣнное право созывать перовъ по собственному почину. Право это парламентская доктрина выводила, такъ сказать, изъ самаго существа курии перовъ. Перы имѣютъ право во всякое время принять участіе въ засѣданіи парламента; приглашеніе со стороны парламента есть только поводъ для осуществленія перами принадлежащаго имъ права; изъ права перовъ засѣдать въ парламентѣ неизбѣжно вытекаетъ право парламента приглашать ихъ³⁾. Созывъ перовъ парламентомъ представляетъ собою осуществленіе естественнаго права всякой корпораціи собирать своихъ членовъ по собственному почину⁴⁾. Право

1) Т. III, p. 140 (rem. du 15 juillet 1770).

2) Т. I, p. 144—146 (rem. du 1 mars 1721), 510—511 (rem. du 3 janvier 1753), 584 (rem. du 9 avril 1753).

3) Т. II, p. 97—98: Si (les princes et les pairs) peuvent prendre séance au Parlement toutes les fois qu'ils le veulent, serait-il possible qu'il fût des cas où, malgré le désir qu'ils auraient d'y venir prendre leurs places, ils ne le pussent néanmoins, jusqu'à ce que le parlement vous eût fait connaître les causes qui rendraient leur présence nécessaire? A l'égard de l'invitation faite aux princes et aux pairs, nous aurons l'honneur, Sire, de vous représenter que votre parlement n'a fait qu'user d'un droit qui dérive essentiellement du droit même de Pairie. C'est une faculté nécessairement réciproque entre le corps et les membres que les membres puissent en tout temps se réunir au corps et qu'en tout temps aussi le corps puisse appeler les membres (rem. du 11 mars 1756). Ссылка на права самихъ перовъ какъ въ этомъ, такъ и въ предыдущемъ (см. прим. 2-ое) случаѣ особенно важна въ виду того, что après les droits de la souveraineté, les droits les plus augustes dans l'État sont ceux de la pairie, — т. II, p. 481 (rem. du 4 mars 1764).

4) Т. II, p. 98—99: Les convocations des princes et des pairs, qui sont en usage pour instruire et juger le procès criminel d'un pair, sont d'une nature très différente des simples invitations; celles là sont de

это вмѣстѣ съ тѣмъ основывается на древнѣйшемъ обычаѣ французской монархіи, подтверждавшемся всѣми королями, и потому стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній¹⁾. Парламентъ въ особенности считалъ себя въ правѣ созывать перовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось имѣть сужденіе по поводу нарушенія основныхъ государственныхъ законовъ²⁾, такъ какъ перы являлись въ глазахъ парламента прирожденными защитниками закона, обязанными по долгу своего высокаго положенія и присяги къ охранѣ государственнаго права монархіи³⁾. Парламентъ не только конструировалъ свое право, но и неоднократно осуществлялъ его въ XVIII столѣтіи, созывая перовъ для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ, главнымъ образомъ, для протеста противъ нарушеній основныхъ законовъ⁴⁾. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ созванные парламентомъ собранія куріи перовъ не могли состояться вслѣдствіе запрещенія короля; тѣмъ не менѣе два изъ нихъ, насколько намъ извѣстно, состоялись и были доведены до конца⁵⁾.

Мы уже отмѣтили, что куріей перовъ признавался только Парижскій парламентъ. Вполнѣ понятно, что и право созыва перовъ считалось неотъемлемой привилегіей одного лишь Парижскаго парламента. Въ 1763 году Тулузскій парламентъ потребовалъ собранія въ немъ куріи перовъ. Па-

rigueur et peuvent être sujettes à quelques formalités ; celles-ci, uniquement fondées sur l'importance de la matière qui mérite d'être délibérée avec tous les membres de la Cour des Pairs, sont l'exercice du droit naturel qui appartient à tout corps à l'égard de ses membres. Ces sortes d'invitations ne sont assujetties à aucunes formalités (rem. du 11 mars 1756). Срвн. t. I, p. 582 (rem. du 9 avril 1753).

1) T. I, p. 509 : Ce droit, consacré par le plus ancien usage, confirmé dans tous les temps par les rois, vos prédécesseurs, reconnu par V. M. même, est hors de toute atteinte (rem. du 20 décembre 1752).

2) T. II, p. 94 (arrêt du 21 février 1756).

3) T. II, p. 419 : les Pairs de France . . . défenseurs nés de la loi, liés à la manutention du droit public de la Monarchie par le titre de dignité qui les honore et par le serment qui constitue les devoirs de cette dignité (rem. du 26 décembre 1763).

4) T. I, p. 507 ; t. II, 93, 217, 424, 443, 674, 890—891, 891—892.

5) Въ 1763 и 1764 гг., — t. II, p. 424 et 443. Въ 1758 году король призналъ право парламента созывать перовъ, увѣдомляя объ этомъ короля. См. Glasson, Le parl. de Paris, t. II, p. 253.

рижскій парламентъ протестовалъ противъ нарушенія его привилегіи и отстаивалъ свое исключительное право, не смотря на возраженія со стороны провинціальныхъ парламентовъ¹⁾.

Мы старались до сихъ поръ показать, что парламентъ отводилъ себѣ совершенно особое и до извѣстной степени исключительное мѣсто въ системѣ государственныхъ учреждений. Теперь намъ необходимо указать, что такому особенному положенію парламента соотвѣтствовала и особенность его функцій. Специфической своей функціей и задачей въ государственной дѣятельности и жизни страны парламентъ считалъ охрану законности, удержаніе законной монархіи отъ вырожденія въ произвольное правленіе. Объ этомъ мы встрѣчаемъ въ парламентскихъ представленіяхъ многократныя и весьма торжественныя заявленія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ законной монархіи, учила парламентская доктрина, является учрежденіе магистратовъ, призванныхъ къ соблюденію законовъ и принциповъ королевства и къ сообразованію съ ними общаго управленія государствомъ²⁾. Поэтому парламентаріи величаютъ себя хранителями и толкователями законовъ (*dépositaires et interprètes des lois*)³⁾, въ особенности же, — существенныхъ принциповъ конституціи правленія⁴⁾. Содержаніемъ формальнаго начала охраны законности является сочетаніе королевской власти съ справе-

1) См. Fayard, op. cit., т. III, p. 170—172.

2) Т. I, p. 528: Nous avons, Sire, dans les ordonnances multipliées des rois, vos prédécesseurs, des monuments authentiques de leur attention à assurer aux lois cet empire souverain, le plus sûr garant de l'autorité royale . . . De là l'établissement, nécessaire à la monarchie, des magistrats chargés par état, engagés plus étroitement encore par serment, de garder et faire observer toutes les lois et maximes du Royaume, et d'y conformer la police générale dont ils ont la manutention (rem. du 9 avril 1753). Поэтому парламентъ признаетъ себя обязаннымъ, согласно словамъ извѣстнаго ордонанса 1467 г., — de veiller à la direction des faits par lequel est maintenue et policée la chose publique du Royaume (т. II, p. 194, rem. du 3 juillet 1759).

3) Т. I, p. 37 (рѣчь генеральнаго адвоката на lit de justice отъ 12 сентября 1715 г.).

4) Т. II, p. 204: Le corps entier de la magistrature est le dépositaire de ces principes, qui tiennent essentiellement à la constitution du gouvernement (тезисы 7 августа 1759 г.).

дливостью и свободы подданныхъ съ ихъ долгомъ повиновения монарху¹⁾. Сообразно этому парламентъ признаетъ себя отвѣтственнымъ предъ королемъ за сохраненіе его власти, предъ народомъ за безопасность имущества и личности²⁾; однимъ словомъ, онъ отвѣтственъ предъ королемъ и предъ націей за сохраненіе французской конституціи³⁾.

Мы уже отмѣтили выше, что кромѣ общихъ условій законной монархіи были еще особыя условія, на которыхъ осуществлялась власть французскаго короля въ отдѣльных провинціяхъ, сохранившихъ свои былыя вольности. Если хранителемъ основныхъ устоевъ законной монархіи являлся Парижскій парламентъ, то на стражѣ провинціальныхъ вольностей стояли провинціальныя парламенты⁴⁾, самое учрежденіе которыхъ парламентская доктрина приурочивала къ защитѣ провинціальныхъ правъ и прерогативъ⁵⁾.

1) T. III, p. 713: Le devoir de votre parlement est de veiller sans cesse sur les besoins des peuples et les droits du Souverain: les peuples peuvent être égarés par des factions, les rois ne sont que trop exposés à des surprises; il parle au rois de liberté, il parle aux peuples de soumission: il rend cette soumission honorable par ses exemples, il rend l'autorité solide par ses principes; rallier en un mot la puissance royale à la justice, la liberté publique à la fidélité, telle est, Sire, la fonction essentielle de votre parlement (r. m. du 11—13 mars 1788).

2) T. II, p. 190: ... les magistrats préposés pour répondre au Roi de la manutention de son autorité et aux peuples soumis à leur juridiction de la sûreté de leur fortune et de leur vie.... (тезисы 29 мая 1759 г.).

3) T. II, p. 428: Votre parlement se trouve forcé, Sire, de dévoiler à V. M. le danger de tous ces faits et de tous ces funestes conseils (сказано по поводу злоупотребленій властью герцога Fitz-James въ Тулузѣ и стремленія центральнаго правительства покрыть ихъ), et de vous faire connaître qu'ils ne tendent à rien moins qu'à changer la constitution fondamentale du gouvernement français, à détruire la liberté légitime des peuples, à ébranler la stabilité du Trône, à transporter la puissance souveraine entre les mains de ceux qui ne laisseraient au Monarque que l'ombre et l'appareil de la royauté. Votre parlement est comptable du développement de ces vérités importantes à votre personne sacrée, à son auguste postérité et à la Nation (r. m. du 18 janvier 1764).

4) T. II, p. 506: La grande question du droit des États de Bretagne sur les impositions particulières ne doit pas non plus être l'objet des représentations que votre parlement, Sire, adresse à V. M. Le parlement séant à Rennes est de droit le dépositaire et le garant des prérogatives de la province (r. m. du 6 septembre 1765).

5) T. III, p. 743: Chaque province a demandé un parlement pour la défense de ses droits particuliers (r. m. du 11—13 avril 1788).

Указанная функція по охранѣ законности противоположала парламентъ правительству, надъ дѣятельностью котораго парламентъ надзиралъ съ точки зрѣнія законмѣрности его дѣйствій. Правительство, недовольное протестами со стороны парламента, обвиняло магистратовъ въ томъ, что они отождествляютъ законность со своими узко-сословными интересами. Парламентъ возмущался подобнаго рода обвиненіями и торжественно заявлялъ въ представленіяхъ, что онъ стоитъ всегда безусловно на принципіальной точкѣ зрѣнія законности¹⁾.

Лежавшая на парламентѣ функція охраны законовъ осуществлялась имъ въ двойной формѣ: въ порядкѣ изданія закона и въ порядкѣ его исполненія. Первой формою являлось регистрированіе новыхъ законовъ, второй — судебная дѣятельность парламента.

Право регистраціи обосновывалось исторически по извѣстной намъ уже схемѣ генетическаго выведенія полномочій парламента путемъ преемства отъ феодальной куріи прелатовъ и бароновъ и даже отъ непосредственныхъ народныхъ собраній древнихъ франковъ²⁾. Регистрація законодательныхъ актовъ въ парламентѣ является ничѣмъ инымъ, какъ историческимъ продолженіемъ права прежнихъ собраній на участіе въ законодательствѣ: она восполняетъ собою отсутствующее въ новое время предварительное обсужденіе закона³⁾. Въ историческомъ обоснованіи своего права пар-

1) По поводу передачи суда надъ бретанскими парламентаріями чрезвычайной комиссіи Парижскій парламентъ заявилъ королю: *Le malheur de l'Etat, Sire, serait à son comble, les atteintes portées à sa constitution sans remède, si la réclamation qu'excitent les excès qui se commettent en Bretagne ne faisait d'autre impression sur V. M. que de Lui paraître l'expression du désir qu'auraient quelques officiers du parlement de Bretagne qui ont repris leur service ordinaire d'obtenir le renvoi d'un procès criminel. Votre parlement n'apporte à V. M. ni des désirs de particuliers, ni des intérêts de juridiction, ni des demandes à fin de renvoi du procès criminel, mais des maximes de l'État et de sûreté publique* (t. II, p. 543, rem. du 13 février 1766). Слова, подчеркнутыя разрядкой, взяты изъ отвѣта короля на предшествовавшее представленіе (t. II, p. 538).

2) См. у насъ выше стрн. 439.

3) Т. II, p. 32: *Vous apercevez, Sire, que le droit de délibération en vertu duquel votre parlement procède à l'enregistrement des édits de nos*

ламентъ обращаетъ особенное вниманіе на послѣдній періодъ, начавшійся со времени т. н. осѣдлости парламента (съ начала XIV вѣка)¹⁾, и въ результатъ его разсмотрѣнія приходитъ къ заключенію, что всѣ законодательные акты неизмѣнно регистрировались въ парламентѣ, и что весьма немногочисленны исключенія, когда нѣкоторые законы направлялись непосредственно въ низшія инстанціи, — бальяжи и сенешоссеи; исключенія эти были несомнѣнно противозаконны, такъ какъ низшія инстанціи не предназначены для регистраціи законовъ, и потому парламентъ дѣлалъ постановленія о недѣйствительности регистраціи, произведенной въ низшихъ инстанціяхъ²⁾.

Парламентъ раздѣлялъ право регистраціи съ другими „верховными палатами“ страны, но при этомъ парламентская доктрина требовала, чтобы въ первую голову регистрація производилась въ парламентѣ и только потомъ уже въ другихъ палатахъ³⁾.

Регистрація являлась въ принципѣ провѣркой (*vérification*) закона со стороны его правомѣрности, но, какъ мы уже знаемъ, парламентъ входилъ въ обсужденіе новыхъ законовъ по существу и со стороны ихъ цѣлесообразности. Парламентская доктрина XVIII столѣтія старалась объяснить такое распространеніе испытанія законовъ. Для устойчи-

rois n'est pas seulement fondé sur un motif d'utilité publique, mais qu'il est essentiel à la constitution de votre parlement et de la Monarchie; que ce droit est le même qu'il a exercé de toute ancienneté, le même que nos souverains ont perpétuellement reconnu, tantôt en venant en personne traiter dans cette cour les affaires les plus importantes de l'État, tantôt en demandant que le Parlement suppléât, par son suffrage et son enregistrement, la délibération, qui, par quelques circonstances particulières, n'avait pu précéder la rédaction de la loi (rem. du 27 novembre 1755). См. также t. II, p. 877 (rem. du 19—20 mars 1768); t. III, p. 727—732 (rem. du 11—13 avril 1788).

1) T. I, p. 88—96 (rem. du 26 juillet 1718).

2) T. I, p. 96: S'il se trouve quelque peu d'exemples de lettres patentes envoyées directement aux baillis et sénéchaux en affaires de très petite conséquence, on trouve aussi les arrêts qui ont cassé leur enregistrement, et effectivement ces juges subalternes qui ne sont fait que pour exécuter ne pouvant donner que des sentences, il paraîtrait bien contraire à la majesté d'une loi que l'on dit sentence d'enregistrement (rem. du 26 juillet 1718).

3) T. II, p. 661 (rem. du 31 août 1766).

ности законности необходимо, чтобы законы соблюдались неукоснительно и подвергались измѣненіямъ и отмѣнѣ не иначе, какъ въ силу государственной необходимости; сужденіе о наличности послѣдней парламентъ бралъ на себя¹⁾ и этимъ открывалъ себѣ широкій просторъ для разсматриванія законовъ по существу съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

Парламентская регистрація признавалась необходимымъ условіемъ дѣйствительности закона. И это положеніе парламентская доктрина обосновывала исторически. Самую формулировку положенія она заимствовала изъ посольской инструкціи, данной при Карлѣ IX²⁾, и со словъ президента de Harlay, сказанныхъ королю Генриху III³⁾. Затѣмъ приводились историческіе прецеденты, свидѣтельствующіе о томъ, что сами короли отказывались признавать дѣйствительность законодательныхъ актовъ, не прошедшихъ чрезъ парламентскую регистратуру⁴⁾. Что касается парламентской практики XVIII столѣтія, то въ ней могутъ быть отмѣчены случаи, когда парламентъ аннулировалъ королевскіе эдикты и деклараціи (въ 1753 и 1755 гг.) на томъ основаніи, что они не были имъ зарегистрированы⁵⁾.

Въ соотвѣтствіи съ основнымъ правомъ парламента на свободное обсужденіе и голосованіе по всѣмъ дѣламъ его вѣдѣнія и регистрація должна выражаться въ свободномъ испытаніи закона (*libre vérification de la loi*), на каковомъ парламентская доктрина XVIII столѣтія настаиваетъ съ особенной силой⁶⁾. Понятіе свободного испытанія закона обни-

1) T. I, p. 43: La majesté des édits exige une inviolable observation; il n'y a qu'une évidente nécessité publique qui puisse en autoriser le changement; et cette nécessité, Sire, ne paraît point ici (rem. du 13 mai 1716).

2) T. II, p. 344 (rem. du 24 juin 1763) et 417 (rem. du 26 décembre 1763): ... en France rien ne peut être réputé loi qu'après qu'un arrêt de son parlement en a ordonné la publication.

3) T. II, p. 17 (тезисы 14 ноября 1755 г.) et p. 69 (rem. du 27 novembre 1755): ... entre les lois publiques, celle-là est une des plus saintes, et laquelle vos prédécesseurs ont plus religieusement gardée, de ne publier ni loi ni ordonnance qui ne fût vérifiée en cette compagnie.

4) T. II, p. 70 sq. (rem. du 27 novembre 1755).

5) T. I, p. 516; t. II, p. 106—107.

6) T. II, p. 33 (rem. du 27 novembre 1755), 274 (rem. du 20 janvier 1760), 344 (rem. du 24 juin 1763), 411 (rem. du 4 septembre 1763), 417—418 (rem. du 26 décembre 1763), 564—565 (arrêt du 20 mars 1766) и др.

мало собою право производить измѣненія и ограниченія въ регистрируемомъ законѣ¹⁾, право отказывать въ регистраціи²⁾ и право сопровождать регистраціи du très exprès commandement du roi явными и тайными оговорками относительно ихъ вынужденности и незаконности³⁾. Эти права признавались и практиковались парламентомъ и ранѣе, но находили свой предѣлъ въ проявленіи королевскаго полновластія на lits de justice. Въ XVIII столѣтіи парламентъ пошелъ дальше и сталъ выводить изъ своего права свободного испытанія закона полное отрицаніе актовъ королевскаго полновластія на lits de justice⁴⁾. При такомъ положеніи дѣла регистрація превратилась въ прямое участіе парламента въ законодательствѣ съ притязаніемъ на veto. Парламентская доктрина отрицала впрочемъ подобную квалификацію регистраціи и признавала свободное испытаніе закона самостоятельной функціей, не посягающей на исключительное право монарха издавать законы⁵⁾.

1) Примѣры разнаго рода ограниченій (à la charge que . . . , avec la réserve . . . , avec une clause) и измѣненій см. t. I, p. 49, 458; t. II, p. 828; t. III, p. 385 и др.

2) Весьма характерно, что парламентъ обосновывалъ свое право отказывать въ регистраціи на коронаціонной присягѣ короля. Т. III, p. 166: Louis XI a déposé dans nos registres la formule du serment de son avènement à la Couronne, par lettres registrées au Parlement le 22 avril 1482; et il a voulu, par cet acte solennel, que les magistrats ne perdisent jamais de vue l'obligation qui leur est imposée d'acquitter en cette partie les rois du serment qu'ils font à leur sacre, et d'y vaquer tellement que, par la faute des magistrats, aucunes plaintes n'en puissent devenir, ni aux rois charge de conscience. C'est dans le même esprit, Sire, et en vertu de cette même obligation, que votre parlement, dans une occasion bien moins importante, a déclaré, le 1-er mars 1583: Qu'attendu que l'édit est contre les lois fondamentales de l'État, auxquelles lois on ne peut déroger . . . votre parlement n'a puissance de procéder à sa vérification. Permettez, Sire, à votre parlement d'employer, aux pieds de votre trône, les mêmes expressions et que votre cœur paternel juge, avec cette bonté qui lui est propre, si votre parlement a pu procéder à l'enregistrement de l'édit qu'il avait plu à V. M. de lui envoyer (заявленіе перваго президента на lit de justice 7 декабря 1770 года, воспроизводящее предварительное постановленіе парламента отъ 5 декабря 1770 г.; послѣднее см. t. III, p. 163).

3) См. нпр., t. I, p. 76, 153; t. III, p. 394, 438.

4) См. у насъ выше стрн. 412—422.

5) Т. III, p. 741: S'agit-il d'une loi? C'est aux cours à la vérifier

Такъ какъ свобода сужденія и испытанія закона была признана безусловно несомвѣстимою съ подчиненіемъ авторитарнымъ актамъ королевской власти, то она неминуемо приводила въ отдѣльныхъ случаяхъ къ прямому неповиновенію парламента королю. Парламентъ отнюдь не смущался этимъ и открыто заявлялъ о лежащей на немъ обязанности легальнаго неповиновенія и пассивнаго сопротивленія незаконномѣрнымъ актамъ королевской власти¹⁾. Хотя пар-

librement; mais le droit de vérifier librement les lois n'étant pas celui de les faire, les cours ne peuvent ni forcer ni suppléer la volonté du Roi; votre parlement, Sire, l'a déjà protesté et le répètera aussi souvent que vos ministres tâcheront d'obscurcir cette vérité (rem. du 11—13 avril 1788).

1) T. I, p. 529: Votre parlement s'est toujours fait gloire de donner (à vos sujets) l'exemple de l'obéissance.... Mais s'il est des occasions où son attachement inviolable aux lois et au bien public semble ne pouvoir s'allier avec une obéissance sans bornes, alors il serait criminel envers vous-même et envers l'État d'oublier ce que lui disait en 1567 un chancelier de France (de l'Hôpital): Vous n'avez juré garder tous les commandemens du Roi, bien de garder les ordonnances qui sont ses vrais commandemens. Ou ce qu'il disait lui-même en 1604 au Souverain: Si c'est désobéissance de bien servir, le Parlement fait ordinairement cette faute, et, quand il se trouve conflit entre la puissance absolue du Roi et le bien de son service, il juge l'un préférable à l'autre, non par désobéissance, mais pour son devoir, à la décharge de sa conscience (rem. du 9 avril 1753). Последнее мѣсто, подчеркнутое разрядкой, приводитъ слова, съ которыми обратился президентъ de Harlay къ королю Генриху IV. Слова эти цитировались парламентомъ и въ другихъ случаяхъ, — см. t. III, p. 172, rem. du 7 décembre 1770. — T. II, p. 676—677: C'est donc moins, Sire, le juste soin de conserver les anciennes prérogatives de la magistrature que le zèle le plus pur et le plus affectueux pour la gloire de V. M. et l'obligation indispensable de maintenir les règles dont l'infraction intéresse tous les ordres de l'État et compromet la sûreté de tous les citoyens, qui ont été les motifs de la respectueuse et légitime résistance, que votre parlement ne cessera jamais d'opposer à une procédure contraire au droit public du Royaume et à des principes reconnus par V. M. et chers à l'équité de la justice (rem. du 5—8 décembre 1766). Срвн. t. III, p. 262—263 (rem. du 8 janvier 1775). — Парламентъ указываетъ, что его обязанность неповиновенія установлена самими королями, и въ подтвержденіе ссылается на старые ордоанасы и эдикты, въ которыхъ повелѣвалось магистратамъ не приводить въ исполненіе королевскихъ указовъ, которые оказались бы въ противорѣчій съ тѣмъ или инымъ основнымъ ордоанасомъ; см. t. I, pag. 602—604 (rem. du 9 avril 1753).

ламентъ при этомъ ссылался на прецедентъ 1604 года, тѣмъ не менѣе необходимо указать, что принципъ неповиновенія и сопротивленія королю былъ развитъ полностью только въ XVIII столѣтїи, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ неповиновенія актамъ королевскаго полновластія на *lits de justice*. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду формальное признаніе права на сопротивленіе: фактическое сопротивленіе парламентовъ примѣнялось издавна въ видѣ забастовокъ всей магистратуры. Замѣтимъ, наконецъ, что парламентская доктрина, сохраняя лояльность по отношенію къ монарху, приписывала всѣ нарушенія законовъ, противъ которыхъ приходилось протестовать, не самому королю, но его совѣтникамъ, такъ что сопротивленіе оказывалось направленнымъ не противъ королевской власти, но противъ злоупотребленія ею со стороны совѣтниковъ короны¹⁾.

Съ правомъ регистраціи непосредственно связано право представленій. Парламентская доктрина XVIII столѣтія разработала нѣкоторыя стороны юридической конструкціи послѣднихъ. Съ формально-юридической стороны парламентскія представленія не разсматривались какъ акты политической или судебной власти; это были лишь всеподданныйшія ходатайства, подобныя молитвамъ, съ которыми люди обращаются къ Божеству²⁾. Поэтому подобно тому, какъ

1) Т. II, p. 798: *L'histoire nous apprend qu'il n'est presque pas de lois qu'on n'ait tenté de détruire ou d'altérer; point de principes essentiels d'ordre public et de gouvernement, point de maximes de la Monarchie, qu'on n'ait essayé d'ébranler, d'intervertir ou d'abolir; de sorte que, sans l'inflexible résistance du Parlement à ces tentatives, par lesquelles on abusait contre les rois des commandements des rois-mêmes (разрядка наша), il n'y aurait plus de lois entières, plus d'ordre public assuré, et par conséquent plus de monarchie solide, ni de monarque affermi (rem. du 1-5 juin 1767).* Срвн. у насъ выше стрн. 412, прим. 1-ое.

2) Т. II, p. 192: . . . *que la voie des remontrances ne fut jamais un acte d'autorité ni de juridiction; que son parlement n'a fait autre chose que d'adresser au Roi ses très humbles et très respectueuses remontrances; que la Divinité se plaint à se laisser vaincre par la violence que semble lui faire l'unanimité de vœux et de supplications; que S. M. royale, qui en est la plus vive image, ne saurait regarder ni comme importun, ni comme dangereux, un concours qui ne peut être à craindre que pour ceux qui voudraient écarter la vérité du trône (артикулы, принятые парламентомъ 29 мая 1759 г. для представленія королю).*

всемогущество Божье не умаляется возможностью молитвъ со стороны людей и даже склоняется въ сторону ихъ прошеній, такъ и королевское полномасіе отнюдь не нарушается возможностью даже настойчивыхъ представленій; напротивъ того, рѣшеніе короля нерѣдко склоняется въ пользу возбужденныхъ въ нихъ ходатайствъ¹⁾. Не смотря на приведенную основную точку зрѣнія, исполненную смиренія предъ королевской властью и чуждую какихъ либо формально-юридическихъ притязаній, парламентъ все же считалъ себя въ правѣ притязать на то, чтобы его представленія выслушивались королемъ, и смотрѣлъ на отказъ со стороны короля въ принятіи представленія какъ на фактическое уничтоженіе одной изъ своихъ существеннѣйшихъ функцій²⁾. Такъ какъ представленія не были связаны ни съ судебной, ни съ административной дѣятельностью парламента и составляли самостоятельную функцію, то предметъ ихъ не былъ ограниченъ судебно-административнымъ кругомъ даннаго парламента: представленія имѣли своей задачей доводить до свѣдѣнія монарха правду, и потому въ нихъ можно было говорить обо всемъ, что совершается на всемъ пространствѣ государства³⁾.

1) T. I, p. 293: Ceux qui, comme nos rois, trouvent en eux la plénitude de la souveraine puissance, semblent n'avoir pas besoin d'assigner des termes aux prières, aux supplications, aux humbles remontrances de leurs officiers. Dieu même, dont ils sont l'image, attend souvent de nous des vœux réitérés, et, s'il est permis de le dire, sa bonté quelquefois veut être en quelque sorte importunée (рѣчь генеральнаго адвоката на литъ де justice du 3 septembre 1732).

2) T. II, p. 134: (Le 4 août 1756) le Parlement arrêta que „les gens du Roi seront chargés de représenter audit seigneur Roi que son parlement ne pourrait être qu'alarmé d'un refus, quoique indirect, de laisser parvenir toute vérité jusqu'au trône; que refuser de recevoir les remontrances, ce serait anéantir de fait une des fonctions les plus essentielles de son parlement et mettre la Cour dans l'impossibilité de s'occuper d'aucun autre objet.

3) T. II, p. 839—840: L'exercice journalier de l'administration de la justice peut être circonscrit dans les limites d'un territoire, mais l'obligation de faire parvenir la vérité jusqu'au trône ne connaît point de bornes, elle est fondée sur un attachement qui ne doit en connaître aucune . . . Rien ne peut, Sire, dispenser votre parlement de vous faire parvenir la vérité, et loin que des magistrats dussent examiner, avant de la présenter, si les objets qui l'intéressent sont de leur ressort, ils se rendraient coupables s'ils la taisaient sous le prétexte des bornes de leur territoire, parce que

Королю несомнѣнно принадлежало право внять голоса парламентскихъ представлений или оставить ихъ безъ послѣдствій, но конституціонныя соглашенія, если позволено такъ выразиться, стараго порядка требовали внимательнаго къ нимъ отношенія. Несоблюденіе королемъ этого соглашения вело къ конфликтамъ съ парламентомъ, столь частымъ въ исторіи XVIII столѣтія ¹⁾.

Парламентскія представленія обычно содержали въ себѣ возраженія противъ неправомерности или нецѣлесообразности новыхъ законовъ, присланныхъ для регистраціи, или же доводили до свѣдѣнія короля о нарушеніяхъ законности въ текущемъ управленіи. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія встрѣчаются случаи, когда парламентъ посвящаетъ свои представленія возбужденію новаго законопроекта; дѣлается это или по почину самаго парламента, или по предложенію короля ²⁾. Указанное нововведеніе, начавшееся передъ паденіемъ стараго порядка, не успѣло, само собою разумѣется, отразиться на общемъ характерѣ парламентскихъ представленій.

Второй видъ дѣятельности парламента, входящей въ составъ его специфической функціи по охранѣ законовъ, составляла его юрисдикція. Съ точки зрѣнія государственнаго права насъ интересуетъ лишь вопросъ объ обезпеченіи за отправленіемъ правосудія независимости и самостоятельности. Отправленіе правосудія на точномъ основаніи закона и внѣ воздѣйствія со стороны правительственной власти

vosre pouvoir, Sire, ne reconnaît d'autres bornes que celles de votre empire (rem. du 18—20 mars 1768).

1) Въ иныхъ случаяхъ парламентъ позволялъ себѣ упрекать короля въ томъ, что онъ дѣйствуетъ прямо наперекоръ его представленіямъ. См. t. II, p. 243—244 (rem. du 18 septembre 1759).

2) Въ 1781 году парламентъ сдѣлалъ представленіе королю о необходимости усиленія уголовной репрессіи противъ подлоговъ и лжесвидѣтельствъ. Въ 1784 году по предложенію короля парламентъ представилъ меморіаль о преобразованіи судоустройства и судопроизводства. Въ 1787 году парламентъ постановилъ ходатайствовать предъ королемъ о сообщеніи протестантамъ правъ гражданскаго состоянія, но не привелъ этого постановленія въ исполненіе, такъ что правительству пришлось самому взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ. См. tome III, pag. 476, 544—545, 694—695.

составляетъ одно изъ основныхъ требованій законной монархіи¹⁾. Это положеніе неукоснительно проводилось въ парламентской доктринѣ, и парламентъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выступалъ противъ его нарушеній. Наибольшимъ нарушеніемъ законнаго отправленія суда являлась, по ученію парламентской доктрины, передача судебныхъ функцій парламента чрезвычайнымъ комиссіямъ или Большому Совѣту. Когда въ 1765 году была отправлена въ Бретань комиссія съ полномочіями замѣнить въ отправленіи суда забастовавшій парламентъ, Парижскій парламентъ вошелъ къ королю съ представленіемъ, въ которомъ призналъ недѣйствительными всѣ акты дѣятельности комиссіи, и указалъ, что послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить парламентъ, такъ какъ она основана не на постоянномъ законѣ, а на временномъ порученіи²⁾. Въ 1774 году при возстановленіи парламентовъ послѣ „революціи Моцу“ правительство пожелало гарантировать отправленіе правосудія отъ парламентскихъ забастовокъ и съ этою цѣлью внесло въ „возстановительный эдиктъ“ спеціальную статью, въ которой разъ на всегда установило порядокъ замѣщенія забастовавшаго парламента членами Большого Совѣта³⁾. Парламентъ протестовалъ противъ указаннаго постановленія, исходя изъ того положенія, что вся дѣятельность парламента неразрывна и не можетъ быть подѣлена, и регистрація безусловно не можетъ быть поручена членамъ

1) Т. I, p. 568: Les monarchies ne se soutiennent, Sire, que par l'observation d'un ordre invariable dans l'administration de la justice (rem. du 7 avril 1753).

2) Т. II, p. 529: La nullité de tous les jugemens que cette commission pourra rendre est prononcée par les lois . . . Ces inconvénients, Sire, paraissent avoir été pressentis par ceux qui ont conseillé à V. M. d'établir en Bretagne cette commission; mais ils ont cru les prévenir en faisant donner aux commissaires le pouvoir de tenir le Parlement; ils ont tâché de substituer de nouveaux magistrats aux anciens et ils ont espéré de confondre par ce moyen le Parlement avec la commission et d'en pallier le vice. Néanmoins, Sire, la loi s'élève au-dessus de ces détours; elle en découvre l'impuissance; l'autorité que V. M. a communiquée à ces commissaires, n'étant point irrévocable, ne peut, dans les principes de droit public du Royaume, suffire pour la formation du Parlement (rem. du 8 décembre 1765).

3) L'édit portant rétablissement du Grand Conseil, art. 13, Recueil gén. des anc. lois franç., tome I du règne de Louis XVI, pag. 61.

Большого Совѣта¹⁾. Неприкосновенность юстиціи нарушалась далѣе тѣмъ, что Большой Совѣтъ нерѣдко отмѣнялъ судебные приговоры парламента. Парламентъ считалъ такіа отмѣны незаконными, такъ какъ усматривалъ въ нихъ нарушение основного положенія о силѣ судебныхъ рѣшеній верховныхъ палатъ, являющихся высшими судебными инстанціями въ государствѣ²⁾. Исходя изъ послѣдняго положенія парламентъ протестовалъ противъ введенной ордонансомъ 1774 г. (о парламентской дисциплинѣ) *Cour plénière* для суда надъ парламентаріями³⁾, находя, что эта *Cour plénière* окажется высшей инстанціей надъ верховнымъ судомъ парламента и этимъ нарушитъ законный строй юстиціи въ государствѣ⁴⁾.

Во имя охраны закона парламентъ неустанно протестовалъ противъ всякихъ изъятій изъ законной подсудности и учрежденія чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій⁵⁾, а также

1) Т. III, p. 259—260 (rem. du 8 janvier 1775).

2) Т. I, p. 303—313 (rem. du 15 mai 1733); t. II, p. 419 (rem. du 26 décembre 1763), 765 (rem. du 1—5 juin 1767); t. III, p. 444—448 (rem. du 21 janvier 1779). Въ 1767 году парламентъ наложилъ цензурный запретъ на одно сочиненіе, въ которомъ выставлялось незыблемымъ положеніе о томъ, что Большой Совѣтъ имѣетъ право отмѣнять приговоры парламента. См. t. II, p. 713 (arrêt du 9 mars 1767).

3) Ordonnance concernant la discipline du parlement, novembre 1774, art. 32: . . . pour instruire et juger lesdites forfaitures (sc. des officiers de nos parlements), nous tiendrons notre cour plénière, à laquelle nous appellerons les princes de notre sang, le chancelier et garde des sceaux de France, les pairs de France, les gens de notre conseil et les autres grands et notables personnages qui par leurs charges et dignités ont entrée et séance au lit de justice. — Recueil gén. des anc. lois franç., t. I, du règne de Louis XVI, p. 56. — См. у насъ выше стрн. 416 прим. 7-ое.

4) Т. III, p. 257: De droit constitutif et national, votre parlement, qui est la Cour de France, a de tout temps été la première Cour du Royaume, et toute cour formée, quoiqu'en idée quant à présent, mais avec l'annonce d'un droit de jugement et par conséquent de supériorité sur le Parlement d'un degré, le dégraderait, le dénaturerait et porterait en même temps une vraie atteinte à l'ordre judiciaire et à l'essence de la Cour de France (rem. du 8 janvier 1775).

5) Т. I, p. 316—317 (rem. du 18 décembre 1733); t. II, p. 475 (rem. du 4 mars 1764), 537 (rem. du 2 février 1766), 549 (rem. du 13 février 1766), 565 (rem. du 1 juin 1766), 800—803 (rem. du 1—5 juin 1767), 927 (rem. du 22 décembre 1767), 929 (rem. du 6—8 mai 1768).

противъ незаконнаго расширенія компетенціи военнаго¹⁾ и церковнаго суда²⁾.

Наиболѣе частымъ нарушеніемъ законной подсудности были эвокаціи въ Большой Совѣтъ, практиковавшіяся по усмотрѣнію правительства совершенно независимо отъ установленныхъ для нихъ въ законѣ поводовъ. Парламентъ искони боролся съ злоупотребленіемъ эвокаціями и продолжалъ упорную борьбу и въ XVIII вѣкѣ³⁾. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ этой борьбы. Постараемся лишь сгруппировать тѣ доводы, которые выдвигала парламентская доктрина противъ незаконныхъ эвокацій. Злоупотребленіе эвокаціями прямо нарушаетъ ясныя и несомнѣнныя постановленія ордонанса de Blois о силѣ судебныхъ рѣшеній парламента⁴⁾, противорѣчитъ естественному и національному праву⁵⁾, смѣшиваетъ судъ съ администраціей, между тѣмъ какъ законная монархія зиждется на ихъ раздѣленіи⁶⁾, нарушаетъ правильную градацію посредствую-

1) Т. III, p. 590 (rem. du 5 septembre 1784).

2) Т. I, p. 506—507.

3) Въ XVIII вѣкѣ незаконныя эвокаціи участились. Aujourd'hui, заявлялъ парламентъ въ представленіи отъ 9 апрѣля 1753 г., qu'il importe plus que jamais de maintenir l'autorité ordinaire et souveraine des cours de parlement, des évocations, sans porter aucun des caractères anciens et respectables de votre autorité, sans être revêtues de votre sceau ni délibérées dans votre parlement, dépositaire des ordonnances, des évocations obtenues par surprise s'exécutent contre toutes sortes de règle et souvent les magistrats voient leur dignité blessée jusqu'à devenir en quelque sorte de juges parties, par des significations autrefois regardées comme criminelles et punies sous les yeux et avec l'approbation du Souverain (t. I, p. 579). — Борьбу съ эвокаціями мы считаемъ одной изъ наиболѣе прочныхъ парламентскихъ традицій. Ей не противорѣчатъ отдѣльные случаи временъ царствованія Людовика XIV, когда совѣтники парламента просили о назначеніи ихъ въ составъ чрезвычайныхъ судовъ (см. Joseph Hitier, La doctrine de l'absolutisme, Paris, 1903, pag. 151): подобные факты компрометируютъ лица, но не учрежденіе.

4) Т. I, p. 565—566 (rem. du 9 avril 1753).

5) Т. II, p. 664 (rem. du 5—8 décembre 1766).

6) Т. II, p. 669: C'est par des vues d'une saine politique que nos lois ont mis des bornes immuables entre administration et la justice; par là, l'esprit de chacun de ces ministères s'est conservé; par là, l'autorité a été maintenue, le trône affermi, la liberté et la confiance publique assurées (rem. du 5—8 décembre 1766).

щихъ между монархомъ и народомъ властей¹⁾, и ведетъ такимъ образомъ къ разложенію законной монархіи²⁾. Съ особенной силой ополчался парламентъ противъ эвокацій *des appels comme d'abus* и другихъ дѣлъ, законно имъ возбужденныхъ противъ церковныхъ лицъ и учреждений, такъ какъ видѣлъ въ этихъ эвокаціяхъ нарушение своей исторической функціи по береженію государственнаго суверенитета отъ агрессивныхъ поползновеній папской супрематіи и потворство ультрамонтанской политикѣ духовенства³⁾. Не менѣе энергичный протестъ вызывала эвокація уголовныхъ дѣлъ перовъ, такъ какъ она нарушала несомнѣнныя привилегіи этого высшаго въ государствѣ состоянія⁴⁾.

Всѣ приведенныя возраженія противъ эвокацій представляютъ собою новыя варіаціи на старыя темы, которыя развивались парламентомъ и ранѣе. Парламентская доктрина XVIII столѣтія выдвинула однако одно совершенно новое возраженіе противъ эвокацій въ высшей степени принципиальнаго характера, построение котораго къ тому же весьма характерно для всей парламентской концепціи государственнаго строя. Возраженіе это заключается въ отрицаніи за Большимъ Совѣтомъ, куда эвоцировались дѣла изъ парламента, характера законодѣрнаго и, если такъ позволено выразиться, конституціоннаго учрежденія.

Въ противоположность парламенту, ведущему свое происхожденіе по прямой линіи отъ первоначальныхъ народныхъ собраній франковъ, Большой Совѣтъ является новообразованіемъ, которое создано спустя болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ послѣ основанія монархіи, призвано къ жизни временными условіями государственной смуты и съ самаго начала своего существованія отмѣчено первороднымъ грѣхомъ неконституціонности⁵⁾. Когда создавался Большой Совѣтъ,

1) T. I, p. 568 (rem. du 9 avril 1753).

2) T. I, p. 569; t. I, p. 353—354 (rem. du 7 avril 1737).

3) T. I, p. 232 et 238 (rem. du 9 janvier 1731), 267 (rem. du 3 septembre 1731), 279 (rem. du 4 août 1732), 309—310 (rem. du 15 mai 1733), 497—498 (arrêté du 18 avril 1752); t. III, p. 525 sq. (rem. du 15 février 1784).

4) T. I, 140—141 (rem. du 1 mars 1721) et 583—584 (rem. du 9 avril 1753).

5) T. II, p. 35: (Le Grand Conseil), ce nouveau genre de tribunal inconnu dans la Monarchie pendant plus de mille ans, préparé par les trou-

все судоустройство было ужь прочно и окончательно организовано. Для новаго трибунала не оказалось уже мѣста, и онъ такъ и остался органически не связаннымъ съ государственнымъ строемъ монархіи, излишнимъ въ немъ и, слѣдовательно, предназначеннымъ влачить свое существованіе насчетъ компетенціи законныхъ судебныхъ установленій¹⁾. Юрисдикція, предоставленная Большому Совѣту эдиктами 1497 и 1498 годовъ, незаконна съ формальной стороны и несостоятельна по существу. Незаконность ея вызывается тѣмъ, что упомянутые учредительные акты не были зарегистрированы въ парламентъ и, слѣдовательно, не имѣютъ, въ сущности говоря, обязательной силы закона²⁾. Внутренняя несосто-

bles qui agitèrent les règnes malheureux de Charles VI, de Charles VII et de Louis XI, annoncé par la multiplication des désordres qui intervertirent le cours régulier de la justice, né tout à coup sous les auspices d'un acte qui blessait les formes essentielles de la constitution de l'État, toléré plutôt que reconnu dans l'ordre des juridictions, devenu, presque en naissant, rival du corps entier de la magistrature dans lequel résident essentiellement le dépôt des lois du Royaume et le caractère légitime de leur autorité (rem. du 27 novembre 1755). См. также t. II, p. 855—856 (rem. du 19—20 mars 1768). Парламентъ специально опровергаетъ мнѣніе о томъ, будто Большой Совѣтъ обязанъ своимъ происхожденіемъ пожеланію генеральныхъ штатовъ de Tours 1483 г., см. t. II, p. 880—883 (rem. du 19—20 mars 1768). Такое опроверженіе вызвано тѣмъ, что самъ король въ январскомъ эдиктѣ 1768 года, содержавшемъ регламентъ для Большого Совѣта, призналъ его une compagnie . . . établie conformément aux vœux des états-généraux (см. Recueil gén. des anc. lois franç., t. XXII, p. 471). Срвн. t. III, p. 249 (рѣчь генеральнаго адвоката на lit de justice 12 ноября 1774 г.).

1) T. II, p. 62: Nés dans État longtemps après l'époque du dernier plan de gouvernement, (les gens du Grand Conseil) ont trouvé tout le système économique de la justice fixé et distribué dans cette juste proportion des différens degrés de juridictions; ils ont trouvé cet ordre, complet en lui-même, en possession de juger indistinctement les causes et les personnes de tous les citoyens (rem. du 27 novembre 1755). T. II, p. 870: Ainsi le Grand Conseil ne présentait, lors de son origine, qu'un membre surnuméraire inutile au corps auquel on voulait l'ajouter et qui ne pouvait subsister qu'aux dépens des autres membres de ce même corps (rem. du 19—20 mars 1768).

2) T. II, p. 43—44: Il est dans les édits dont nous venons de parler un vice radical, qui ne permet pas qu'on puisse y trouver le caractère de la loi publique: ils n'ont point été vérifiés dans votre parlement, et le Grand Conseil ne pourrait aujourd'hui les réclamer comme des titres légi-

тельность этой юрисдикции вытекает из того, что она не была приурочена къ какой либо территоріи; а такъ какъ безъ территоріи нѣтъ юрисдикціи, то, строго говоря, у Большого Совѣта ея вовсе не оказывается въ закономѣрномъ смыслѣ¹⁾. Въ виду этого все учрежденіе Большого Совѣта съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ представляется чѣмъ то иллюзорнымъ, — системой химерической (*ce système chimérique*)²⁾. Въ дѣйствительности юрисдикція Большого Совѣта развивалась не на почвѣ закона, а путемъ узурпаціи со стороны самого совѣта, которой сами короли нерѣдко ставили предѣлы въ своихъ ордонасахъ и эдиктахъ³⁾, а также благодаря произволу королей, о чемъ парламентъ прямо не говоритъ, но что вытекаетъ съ очевидностью изъ всего его разсужденія⁴⁾.

Фактическое значеніе Большого Совѣта усилилось, благодаря тому, что король Францискъ I довѣрилъ ему разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ, связанныхъ съ примѣненіемъ конкордата, противъ котораго протестовалъ парламентъ⁵⁾. Такая

times, sans déclarer hautement qu'il ignore ou qu'il méprise celle de vos lois qu'on a toujours reconnue pour être la plus sainte et la plus intimement liée avec les maximes fondamentales de l'Etat (rem. du 27 novembre 1755). См. также t. II, p. 859 (rem. du 19—20 mars 1768).

1) Т. II, p. 42—43: Quelle est néanmoins, Sire, la juridiction que les gens du Grand Conseil pourraient prétendre en vertu de l'édit de 1498? Cet édit ne présente l'idée d'aucun démembrement fait sur le territoire des juges ordinaires distribués dès lors dans le Royaume; il ne peut donc attribuer aux gens du Grand Conseil ni objet certain, ni justiciables déterminés, droits qui ne peuvent subsister sans territoire (rem. du 27 novembre 1755). См. также t. II, p. 74—75 (rem. eadem) et 799—800 (rem. du 1—5 juin 1767).

2) Т. II, p. 66 (rem. du 27 novembre 1755).

3) Т. II, p. 717—752 (rem. du 1—5 juin 1767).

4) Это явствуется изъ той оцѣнки, которую парламентъ давалъ учредительнымъ эдиктамъ 1497 и 1498 гг., а также изъ намековъ по поводу политики королей въ XVIII вѣкѣ; см., нпр., t. II, p. 675 (rem. du 5—8 décembre 1766).

5) Т. II, p. 44—45: En 1516, parut le Concordat. Cet ouvrage de la politique de Léon X et de la confiance de François I-er dans un de ses ministres trouva dans le Parlement une résistance proportionnée à son attachement inviolable à la Pragmatique, cette loi de l'Eglise et de l'Etat, rempart le plus assuré de nos libertés. C'est l'époque, Sire, et le principe de l'agrandissement du Grand Conseil. François I-er qui savait qu'un enregistrement fait par impression grande et comme par contrainte ne pouvait pas déterminer son parlement à se conformer au

передача важнаго государственнаго дѣла Большому Совѣту была, по мнѣнію парламента, дѣломъ безусловно противозаконными. Самъ Францискъ I не только передъ смертію сожалѣлъ о допущеніи подобнаго беззаконія ¹⁾, но и при жизни своей признавалъ недѣйствительными нѣкоторые изъ своихъ ордонансовъ на томъ основаніи, что они были зарегистрированы не въ парламентъ, а въ Большомъ Совѣтъ ²⁾.

Въ виду всего сказаннаго парламентъ признавалъ незаконными всѣ притязанія Большого Совѣта на юрисдикцію, конкурирующую съ его собственной компетенціей, и придавалъ всѣмъ аггрессивнымъ его выступленіямъ значеніе чисто личныхъ выходокъ извѣстной группы лицъ, стремящихся къ власти. При этомъ парламентъ отказывался понять, какимъ образомъ удавалось Большому Совѣту выдавать свои притязанія за интересы королевской власти, между тѣмъ какъ они направлены, въ сущности говоря, противъ нея ³⁾.

Принципіальное отрицаніе законѣрности и конституціонности Большого Совѣта весьма характерно для общей парламентской концепціи государственнаго строя законной монархіи. Какъ видимъ, парламентъ учитъ, что съ его собственнымъ образованіемъ закончилась вся политическая организація и за дальнѣйшими новообразованіями не признаетъ законѣрнаго характера. Незаконныя новообразованія усложняли государственный строй только фактически; въ юридическомъ же отношеніи они не вносили въ него никакихъ измѣненій, такъ что, напримѣръ, не смотря на учрежденіе Большого Совѣта, права парламента не подверглись ни от-

Concordat, au préjudice des maximes fondamentales du Royaume, attribua aux gens du Grand Conseil la connaissance de tout ce qui serait relatif à l'exécution de cet acte (r e m. du 27 novembre 1755).

1) Т. II, p. 45: Il ne faut point, Sire, d'autres preuves justificatives de la conduite de votre parlement que les regrets que témoignèrent, à l'article de la mort, François I-er et le ministre dont il avait suivi les conseils (r e m. eadem).

2) Т. II, p. 887: en 1539 François I-er, révoquant des lettres surprises à sa religion, annonça parmi les motifs de révocation, qu'elles ne furent „oncques vérifiées au Parlement, ains seulement au Grand Conseil“ (r e m. du 19—20 mars 1768).

3) Т. II, p. 790 (r e m. du 1—5 juin 1767).

мѣнѣ, ни какому либо раздѣленію¹⁾. Свое собственное положеніе парламентъ считаетъ особенно прочнымъ потому, что можетъ связать свое происхожденіе съ первоначальнымъ образованіемъ монархіи. Это то отождествленіе законности съ первоначальнымъ строемъ политической организациі и составляетъ весьма характерную особенность публичноправной догматики стараго порядка²⁾.

Мы исчерпали всѣ важнѣйшіе вопросы догматической системы положительнаго государственнаго права. Теперь намъ остается лишь разсмотрѣть ученіе, являющееся ея завершеніемъ, именно, — ученіе объ основныхъ законахъ.

Признаніе наличности въ положительномъ государственномъ правѣ Франціи основныхъ законовъ существовало, какъ мы знаемъ, издавна въ судебной и политической практикѣ парламента. Въ XVIII столѣтіи парламентъ ссылается въ этомъ отношеніи на прецеденты XVI вѣка³⁾. Юридическая природа основныхъ законовъ заключается въ томъ, что они безусловно обязательны и для законодателя, который долженъ соразмѣрять съ ними свои акты правового

1) Т. II, р. 70: Ce nouvel établissement (s.c. du Grand Conseil) ne forma pas dans l'État une révolution. Les droits dont votre parlement trouvait un principe invariable dans l'ordre même de la Monarchie ne se sont ni perdus ni partagés (rem. du 27 novembre 1755).

2) Припомнимъ, что таже точка зрѣнія была примѣнена въ XVI вѣкѣ для отрицанія притязаній нѣкоторыхъ парламентаріевъ, шедшихъ дальше господствующей парламентской доктрины. Guy Coquille отрицалъ за парламентской магистратурой характеръ особаго état de la Justice на томъ основаніи, что его не было en l'ancien établissement de ce Royaume; объ этомъ см. у насъ выше стрн. 358, прим. 1-ое.

3) Т. II, р. 876—877: Votre parlement, Sire, ne craint point de rappeler à V. M. ces paroles à jamais mémorables que le premier président de Harlay adressait en 1586 au roi Henri III: „Sire, disait ce magistrat, nous avons deux sortes de lois: les unes sont les ordonnances de nos rois, qui se peuvent changer selon la diversité des temps et des affaires; les autres sont les ordonnances du Royaume, qui sont inviolables par lesquels vous êtes monté au trône, et cette couronne est conservée par vos prédécesseurs. Entre ces lois publiques, celle-là est une des plus saintes et laquelle vos prédécesseurs ont le plus religieusement gardée de ne publier ni loi ni ordonnance qui ne fût vérifiée en cette compagnie. Ils ont estimé que violer cette loi c'est aussi violer celle par laquelle ils sont fait rois et donner occasion à leurs peuples de mécroire de leur bonté“ (rem. du 19—20 mars 1768). Т. III, р. 163 et 166 (rem. du 7 décembre 1770) — ссылка на прецедентъ 1583 года.

творчества; въ этомъ отношеніи оказываетъ содѣйствіе монарху парламентъ путемъ испытанія и регистраціи всѣхъ вновь издаваемыхъ законодательныхъ актовъ; за сохраненіе основныхъ законовъ парламентъ отвѣтственъ предъ королемъ и націей¹⁾.

По своему матерьяльному содержанію основные законы опредѣляютъ собою конституцію государства (*constitution de l'état, constitution française*)²⁾. Конституція эта не осложняетъ монархіи аристократическимъ элементомъ, но безусловно предохраняетъ ее отъ деспотизма³⁾.

Что касается происхожденія основныхъ законовъ, то парламентская доктрина относитъ ихъ установленіе къ древности и связываетъ съ первоначальнымъ основаніемъ монархіи и во всякомъ случаѣ съ временами, близкими къ нему⁴⁾. Парламентскія представленія говорятъ о первобытномъ порядкѣ монархіи (*l'ordre primitif de la monarchie*), о первобытныхъ учрежденіяхъ націи (*constitutions primitives de la Nation*), о планѣ древняго правленія (*plan de notre ancien gouvernement*)⁵⁾ и приписываютъ предкамъ особенную политическую мудрость и зрѣлость, которая дала имъ возможность постигнуть истинную конституцію государства⁶⁾. Въ этой древней конституціи и содержались основные законы. Они передавались затѣмъ изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ преемственной, непрерывной и точной традиціи (*tradition successive, non interrompue, exacte des maximes*

1) Т. I, p. 94—95 (rem. du 26 juillet 1718); t. III, p. 178—179 (rem du 17 janvier 1771). — Т. III, p. 262: L'établissement de toute loi nouvelle, d'après le contexte et la généralité de laquelle il n'existerait plus de lois immuables, puisqu'elle autoriserait à les changer toutes à volonté, serait contraire... à tous les principes de la Monarchie (rem. du 8 janvier 1775).

2) Т. I, p. 581 (rem. du 9 avril 1753); t. II, p. 418 (rem. du 26 décembre 1763).

3) Т. III, p. 738: Non, Sire, point d'aristocratie en France, mais point de despotisme; telle est la Constitution (rem. du 11—13 avril 1788).

4) Т. II, p. 35, 36 (rem. du 27 novembre 1755).

5) Т. II, p. 57—58 (rem. du 27 novembre 1755); t. III, p. 690 (arrêt du 13 août 1787).

6) Т. II, 60: Enfin, Sire, une politique plus mûre et plus élevée a fait concevoir à nos ancêtres des idées plus étendues sur la véritable constitution d'un État (rem. du 27 novembre 1755), говорить парламентъ по поводу возвышенія легистовъ въ средніе вѣка.

fondamentales, des vérités du droit public, du gouvernement politique)¹⁾, благодаря которой они превратились въ непре-ложные законы (les lois immuables), которые прочно запечатлѣлись въ умахъ и сердцахъ французовъ²⁾. Сообразно этому парламентъ признавалъ себя депозитаріемъ законовъ, которые сохранились безъ измѣненія отъ первыхъ вѣковъ монархіи³⁾.

Спрашивается, какіе же законы признавались основными. Въ своихъ представленіяхъ парламентъ постоянно ссылаясь то на тотъ, то на другой основной законъ, представляя на первый планъ главнымъ образомъ свое собственное право испытанія и регистраціи королевскихъ ордона-совъ⁴⁾. Но болѣе или менѣе систематическій перечень всѣхъ основныхъ законовъ мы встрѣтили только въ двухъ парламентскихъ актахъ: въ представленіи отъ 13 декабря 1770 г. и въ постановленіи отъ 3 мая 1788 года⁵⁾. Сочетая оба эти перечня, изъ которыхъ первый все же отрывоченъ, и только второй болѣе или менѣе полонъ, мы можемъ указать, что парламентъ признавалъ основными слѣдующіе государственные законы: 1) неизмѣнность монархической формы правленія; 2) неотчуждаемость коронныхъ правъ; 3) право царствующаго дома на престолъ съ соблюденіемъ Салическаго закона о престолонаслѣдіи; 4) право націи свободно вотиловать налоги на генеральныхъ штатахъ, правильно составляемыхъ и регулярно созываемыхъ; 5) сохраненіе провинціаль-ныхъ кутюмовъ и капитуляцій; 6) несмѣняемость магистратовъ; 7) право парламента всякой провинціи свободно испытывать (vérifier) акты королевской воли и регистрировать ихъ лишь постольку, поскольку они соотвѣтствуютъ учредительнымъ законамъ провинціи (lois constitutives de la

1) Т. I, p. 273 (rem. du 3 septembre 1731); t. II, p. 32, 36 (rem. du 27 novembre 1755); t. II, p. 577, 581 (rem. du 1 juin 1766).

2) Т. II, p. 429, 432—433 (rem. 18 janvier 1764).

3) Т. III, p. 699: Dépositaire de ces lois qui, depuis les premiers siècles de la Monarchie, se sont conservées jusqu'à nos jours sans altération, votre parlement croit devoir représenter à V. M. combien il serait dangereux d'y porter atteinte (rem. du 20 janvier 1788).

4) См. у насъ выше стр. 469 прим. 3-ье, а также Lemaire, op. cit., pag. 215—216.

5) Т. III, p. 171, 745—746.

province) и основнымъ законамъ государства; 8) право каждаго гражданина отвѣчать исключительно предъ его естественными судьями, т. е. тѣми, которые указаны въ законѣ; 9) наконецъ, право, безъ котораго всѣ другія были бы бесполезны, — право гражданина въ случаѣ задержанія быть немедленно переданнымъ въ руки компетентныхъ судей.

Обстоятельства, при которыхъ былъ изданъ парламентомъ приведенный перечень основныхъ законовъ¹⁾, придали ему боевой характеръ, который чувствуется съ особенною силою въ установленіи правъ генеральныхъ штатовъ и обезпеченіи личности отъ произвольныхъ арестовъ. Хотя парламентъ и признавалъ въ принципѣ право генеральныхъ штатовъ на вотированіе налоговъ, но въ обычное время не настаивалъ на его конкретномъ осуществленіи и тѣмъ болѣе не требовалъ регулярнаго созыва генеральныхъ штатовъ. Обычно парламентъ довольствовался замѣной вотума штатовъ свободнымъ испытаніемъ финансовыхъ эдиктовъ въ парламентѣ. Отреченіе отъ послѣдняго есть уже отступленіе отъ традиціонной конституціи стараго порядка²⁾. Что касается свободы личности, то, хотя парламентъ и признавалъ ее, но никогда не придавалъ ей столь существеннаго значенія, какое отведено ей въ постановленіи отъ 3 мая 1788 года, кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, когда дѣло шло о протестѣ противъ незаконнаго задержанія самихъ парламентаріевъ.

Если однако снять съ приведеннаго перечисленія основныхъ законовъ его боевую окраску, то оно можетъ служить для догматической характеристики стараго порядка. Необ-

1) Мы имѣемъ здѣсь въ виду постановленіе отъ 3 мая 1788 г., какъ содержащее болѣе полный перечень основныхъ законовъ. Объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно было издано, см. Fa y a r d, op. cit., t. III, p. 344—347; G l a s s o n, op. cit., t. II, p. 466—467, 470—473.

2) Отреченіе это наступило съ того момента, какъ парламентъ сталъ требовать созыва генеральныхъ штатовъ (см. у насъ выше стрн. 438 прим. 2-ое). Объ этомъ отреченіи парламентъ прямо упоминаетъ въ постановленіи отъ 3 мая 1788: *Considérant que les entreprises des ministres sur la Magistrature ont évidemment pour cause le parti qu'a pris la Cour de résister à des impôts désastreux, de se reconnaître incompétente en matière, de subsides, de solliciter la convocation des États généraux* (t. III p. 745 — разрядка наша).

ходимо однако замѣтить, что перечисленіе это все же оказывается неполнымъ. Въ немъ нѣтъ упоминанія о внѣшнемъ суверенитетѣ государства въ смыслѣ независимости его отъ папской супрематіи, о свободахъ галликанской церкви, о правахъ и привилегіяхъ перовъ, о корпоративномъ единствѣ парламентовъ. Такой пропускъ объясняется тѣмъ, что въ моментъ составленія приведеннаго перечня всѣ эти права никѣмъ не оспаривались, — потому о нихъ и забыли. Такое отношеніе къ дѣлу, легко оправдываемое политическими соображеніями, не допустимо однако съ точки зрѣнія догматической конструкціи, тѣмъ болѣе что самъ парламентъ считалъ своимъ призваніемъ установленіе правильныхъ отношеній между государствомъ и церковью, и признавалъ права и привилегіи перовъ священными и наиболѣе важными послѣ суверенныхъ правъ монарха. Недостаточно внимательное отношеніе къ точному установленію количества и содержанія основныхъ государственныхъ законовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что публичноправная догматика стараго порядка не достигла той опредѣленности, которою должна отличаться наука положительнаго государственнаго права особенно по данному вопросу ¹⁾. Парламентская доктрина находила возможнымъ довольствоваться въ ученіи объ основныхъ законахъ общимъ понятіемъ первобытнаго устройства и традиціи, наполняя его конкретнымъ содержаніемъ сообразно встрѣчавшейся надобности и выдвигая на первый планъ главнымъ образомъ парламентскія права и вольности.

Въ заключеніе нашего обзора парламентской публично-правной доктрины XVIII столѣтія намъ необходимо остановиться на вопросѣ, можно ли считать эту доктрину положительной догматикой государственнаго права стараго

1) Весьма характерно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что перечисленіе основныхъ законовъ въ *Maximes du droit public françois* (см. у насъ выше стрн. 245) не совпадаетъ въ точности ни съ однимъ изъ отмѣченныхъ перечисленій ихъ въ двухъ указанныхъ парламентскихъ представленіяхъ, изъ которыхъ одно появилось раньше *Maximes* и потому могло служить для него источникомъ, а другое позже и потому могло, казалось бы, сообразоваться съ образцомъ, даннымъ въ систематическомъ трактатѣ, вышедшемъ изъ-подъ пера парламентаріевъ.

порядка, и не является ли она, напротив того, абстрактнымъ естественноправовымъ ученіемъ, политическимъ постулатомъ парламента, чуждымъ характера позитивности. Вопросъ этотъ приходится ставить особенно въ виду того, что въ спеціальной литературѣ о парламентѣ Глассонъ отмѣчаетъ вліяніе на его представленія, главнымъ образомъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, политико-философскихъ идей вѣка, причемъ дѣлаетъ упрекъ историкамъ въ томъ, что они не учитываютъ этого вліянія¹⁾. Слѣды отмѣченнаго вліянія самъ Глассонъ видитъ въ теоретичности парламентскихъ представленій и въ несоотвѣтствіи ихъ построеній дѣйствительному положенію дѣла въ государственной жизни²⁾. Все предшествовавшее наше изложеніе достаточно, думается намъ, свидѣтельствуешь о томъ, что парламентъ основывалъ свои догматическія построенія на положительномъ законодательствѣ и на обычаяхъ (традиціи), такъ что имъ никоимъ образомъ нельзя отказать въ позитивности. Не слѣдуетъ однако забывать, что юридическая позитивность обозначаетъ лишь строгое соотвѣтствіе требованіямъ закона и отнюдь не тождественна съ позитивнымъ въ научномъ смыслѣ изображеніемъ дѣйствительной жизни. Государственная практика весьма часто далеко уклоняется отъ требованій государственныхъ законовъ, и дѣйствительность стараго порядка представляетъ собою разительный примѣръ такого уклоненія. Нельзя винить парламента за то, что, будучи призванъ къ охранѣ законности, онъ строилъ свои публичноправныя конструкціи по законамъ, а не по уклонявшейся отъ него практикѣ. Систематическое почти уклоненіе государственной власти отъ законовъ, изданныхъ и признанныхъ ею самой, является весьма характернымъ признакомъ абсолютизма³⁾. Это хорошо понимали, напримѣръ, нѣкоторые нѣмецкіе публицисты стараго порядка: они сознавали, что всѣ ихъ догматическія построенія, деонтоло-

1) Glasson, op. cit., t. II, p. 72.

2) Ibidem, p. 156, 177, 191, 199, 314. См. также статью Глассона въ Grande Encyclopédie s. v. Parlement (fol. 1122, col. 1-a).

3) См. поучительныя указанія по этому вопросу у П. Ардашева, Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка, томъ I, СПб., 1900, стрн. 106—110, 111—112, 113—114.

гическія по существу, во многомъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и потому предлагали восполнять догму положительнаго государственнаго права изображеніемъ картины дѣйствительнаго соблюденія его въ государственной практикѣ¹⁾.

Такимъ образомъ нѣкоторое общее разногласіе парламентской доктрины и политической дѣйствительности объясняется общими свойствами публичноправной догмы и особенностями абсолютизма. Къ этому считаемъ необходимымъ добавить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ парламентъ шелъ въ своихъ притязаніяхъ дальше, чѣмъ его уполномочивали на то положительное законодательство и традиція; подобные случаи отмѣчались нами: въ основѣ ихъ лежали узурпаціонные акты парламента, за которыми не удавалось закрѣпить значенія обязательнаго прецедента. Отдѣльныя отступленія не отмѣняютъ однако общаго догматическаго характера парламентской публичноправной доктрины.

Что касается вліянія политико-философской мысли, то послѣднее сказалось въ способѣ доказательства и въ языкѣ, а не въ существѣ парламентскихъ представленій. Представленія всегда отправляются отъ положительнаго законодательства и обычая и прибѣгаютъ къ раціоналистическимъ разсужденіямъ только для подтвержденія ихъ разумности, такъ что въ нихъ мы имѣемъ дѣло не съ раціоналистическимъ дедуцированіемъ правъ, а съ нѣкоторой раціонализаціей положительнаго законодательства, какъ это и отмѣчалось нами выше въ соотвѣтственныхъ случаяхъ²⁾. Только съ 1787 года парламентъ начинаетъ болѣе поддаваться вліянію политической философіи³⁾ и включаетъ въ свои представле-

1) См. наше изслѣдованіе: Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи, Варшава, 1904 г., стрн. 154, 268.

2) Увѣреніе Глассона, будто Руанскій парламентъ говорилъ въ представленіи 1766 года о договорѣ, связывающемъ монарха и народъ, въ смыслѣ естественнаго права (op. cit., t. II, p. 314), основано на простомъ недоразумѣніи. Когда Руанскій парламентъ заявлялъ, что *le roi s'était engagé solennellement à rétablir empire (des lois) et avait ainsi renouvelé le serment qu'il avait fait à la nation*, то имѣлъ виду частное заявленіе короля о соблюденіи законности и видѣлъ въ немъ подтвержденіе коронаціонной присяги.

3) См. Fayard, op. cit., t. III, p. 330—331.

нія цѣлыя тирады объ общественномъ договорѣ въ духѣ Руссо, но съ исключеніемъ его радикализма¹⁾; слѣдуетъ однако замѣтить, что и въ данномъ случаѣ теорія общественнаго договора является не болѣе какъ теоретическимъ фундаментомъ, подводимымъ подъ зданіе, возведенное на почвѣ положительнаго права.

Чтобы убѣдиться въ правильности сказаннаго нами о роли политическаго раціонализма въ парламентскихъ представленіяхъ, достаточно остановиться на тѣхъ случаяхъ, когда парламентъ ссылается на естественное право и права націи, эти наиболѣе ходкіе лозунги вѣка просвѣщенія. Такъ, требованія естественнаго права приводятся въ пользу такихъ положеній, какъ: право парламента созывать перовъ, необходимость установленія налоговъ законодательнымъ путемъ, незыблемость законной подсудности, право перовъ на участіе въ парламентѣ, несмѣняемость магистратуры, неизмѣнность сословныхъ привилегій, какъ пріобрѣтенныхъ правъ, — и выставляются противъ чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій и незаконныхъ эвокацій²⁾. Всѣ приведенныя положенія выводятся предварительно изъ положительнаго права, и лишь затѣмъ демонстрируется ихъ обязательность съ точки зрѣнія права естественнаго, но на основаніи послѣдняго не постулируется ни одинъ институтъ государственнаго права, котораго бы не было въ національной традиціи. Всѣ ссылки на права націи, отъ имени которой выступаетъ и парламентъ, носятъ преимущественно чисто риторическій характеръ и во всякомъ случаѣ не идутъ далѣе признанія субъективныхъ правъ подданныхъ и правъ генеральныхъ штатовъ или же необходимости служенія государя народу въ томъ смыслѣ, какъ это понимала теорія законной монархіи³⁾. Ни о какихъ правахъ націи, которыя выходили бы за предѣлы публичноправной традиціи „тысячелѣтней монархіи“, нѣтъ и помину въ парламентскихъ представленіяхъ.

1) Remontrances etc., t. III, p. 715.

2) Т. II, p. 99, 347, 546, 664; t. III, p. 140, 264, 278—279.

3) См. t. II, p. 190, 196, 219, 417, 428, 436, 507, 513, 523—524, 525—526, 539, 563, 689; t. III, p. 288, 690. См. также Glasson, op. cit., t. II, p. 21.

Изложивъ догму положительнаго государственнаго права Франціи при старомъ порядкѣ, мы должны теперь отмѣтить отраженіе парламентской доктрины въ литературѣ. Вліяніе первой на послѣднюю стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣятельность парламента была единственнымъ источникомъ установленія и храненія той традиціи, которая опредѣляла положительныя правовыя основы государственнаго строя¹⁾. Поэтому во всѣхъ произведеніяхъ, которыя посвящены были полностью конструированію положительнаго государственнаго права или занимались этимъ въ связи съ общими политическими темами и въ отдѣльных частяхъ своихъ, такъ или иначе воспроизводилась парламентская догма.

Въ практикѣ парламентскихъ представленій и постановленій политическаго характера сложилось то ученіе о законной монархіи, которое затѣмъ было возведено Боденомъ и Луазо въ теорію монархіи королевской и публичной сенъеріи, противопоставляемой сенъеріальной и тиранической монархіи и частной сенъеріи²⁾. Въ практикѣ же парламента выработано то стройное ученіе о магистратурѣ и правительственной организаціи монархіи, которое дало возможность Бодену провести важное различіе между государственнымъ устройствомъ (*état, status reipublicae*) и управленіемъ (*gouvernement, ratio imperandi*). Нечего ужъ и говорить о томъ, что тѣ сдержки монархической власти, которыя были выдвинуты Claude de Seyssel'емъ и Du Hail-lan'омъ, имѣли реальнымъ своимъ основаніемъ фактъ противовѣса парламента произволу королевской власти.

Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ возможности прослѣдить всѣхъ, даже важнѣйшихъ проявленій парламентской догматической конструкціи въ литературѣ. Ограничимся поэтому лишь тѣмъ, что отмѣтимъ наиболѣе

1) La France, говоритъ Fustel de Coulanges, n'avait pas alors de constitution écrite; on peut dire que c'était la magistrature qui lui tenait lieu de constitution, — *op. cit.*, *Revue des deux mondes*, 1871, livraison du 1-er octobre, pag. 597.

2) Въ литературѣ правильно отмѣчено, что въ противоположеніи королевской монархіи сенъеріальной проявилось сознательное стремленіе отдѣлить науку государственнаго права отъ частнаго. См. E. Fournol, *Esquisse d'une reconstitution doctrinale de l'ancien droit public français*, Paris, 1899 (*Extr. d. l. Nouv. rev. hist. d. dr. fr. et étr.*), pag. 11—12.

выдающіяся изъ нихъ, причемъ будемъ обращать преимущественное вниманіе на вопросъ о правахъ и политическихъ функціяхъ самого парламента, такъ какъ то или другое рѣшеніе этого вопроса само по себѣ уже является показателемъ опредѣленнаго отношенія къ парламентской догмѣ.

Крайніе абсолютисты XVI вѣка, проникнутые такимъ представленіемъ о монархической власти, которое не допускало даже ея самоограниченія и этимъ исключало возможность облеченія положительнаго государственнаго строя въ правовыя формы, совершенно замалчивали политическія функціи парламента. Такъ, Carolus Degressalio ничего не говоритъ объ „испытаніи“ (*vérification*) законодательныхъ актовъ и описываетъ самую регистрацію такъ, какъ еслибы она всегда происходила только на *lits de justice*¹⁾. Подобно этому и Vinc. de la Loupe не упоминаетъ о функціи парламента по охранѣ законовъ и приписываетъ эту функцію исключительно канцлеру²⁾, прямая зависимость котораго отъ короля дѣлала осуществленіе имъ такой функціи практически невозможнымъ³⁾. Antoine Loisel, творецъ извѣстной формулы: *si veut le roi, si veut la loi*, смотритъ на испытаніе законовъ въ парламентѣ (*vérification des édits aux Cours*

1) Carolus Degressalio Carcassonensis, *Regalium Franciae libri duo*, Paris, 1545, pag. 105: Quando oportet ordinationes, hoc est leges, condere, Rex conuocat nonnullos Praelatos, Praesides, ac etiam Consiliarios parlamentorum regni sui ad se, et suum magnum consilium: quorum consilio, facta per illustrissimum Cancellarium Franciae propositione, leges, quas regias ordinationes vocant, promulgat: prout factum fuit anno 1510 in ordinationibus Lugduni edictis.

2) Vinc. de la Loupe, *Premier et second livre des dignitez, magistrats et offices du Royaume de France. Ausquels est de nouveau adiousté le tiers liure de ceste matiere outre la reueue et augmentation d'iceux*, Paris, 1560, pag. 46₂: Le vray estat de Chancelier est de ne rien seeller (soit par importunité ou autrement) qui ne soit bon, ciuil et de iustice, et selon l'ordonnance, qui ne soit délibéré par le Conseil: et si les lettres qu'on lui présente sont autres, les canceler, c'est à dire, rompre. — О парламентѣ авторъ говоритъ (pag. 49₂—53₂), какъ объ учрежденіи исключительно судебномъ.

3) О томъ, какъ короли дѣлали канцлеровъ титулярными должностями и передавали государственную печать смѣняемымъ и покорнымъ *gardes des sceaux*, см. le vicomte G. d'Avenel, *Richelieu et la monarchie absolue*, 2-me éd., Paris, 1895, t. I, p. 37—38.

Souveraines) лишь какъ на продолженіе обычая римскихъ императоровъ передавать свои указы въ сенатъ и не входить въ обсужденіе юридической природы регистраціи¹⁾. Онъ же, въ сущности говоря, отрицаетъ за парламентами характеръ верховныхъ судовъ, такъ какъ ставитъ выше ихъ Большой Совѣтъ и называетъ его членовъ верховными судьями государства²⁾.

Но всѣ тѣ писатели, которые сознавали необходимость облечь государственный строй Франціи въ юридическія формы, и съ которыми мы только и должны считаться при изученіи догмы положительнаго государственнаго права, неизмѣнно признавали функцію парламента по охранѣ законовъ и основывали свои публичноправныя конструкціи на практикѣ парламента въ этомъ отношеніи. Разительнымъ примѣромъ этого служить Боденъ. Мы уже указали выше, какъ широко пользовался Боденъ судебной практикой парламентовъ. Не меньшее значеніе имѣла для него ихъ политическая дѣятельность³⁾.

Парижскій парламентъ, говоритъ Боденъ, былъ древнимъ сенатомъ французскаго королевства; онъ предшествовалъ большому и инымъ совѣтамъ короля, такъ какъ самъ былъ его частнымъ совѣтомъ⁴⁾. Въ этомъ своемъ качествѣ парламентъ не имѣлъ строго опредѣленной компетенціи и получилъ ее вмѣстѣ съ территоріальной юрисдикціей только съ того времени, какъ приобрѣлъ постоянную осѣдность⁵⁾. Хотя съ этихъ поръ парламентъ пересталъ быть ближай-

1) Loisel Antoine, Divers opuscules, éd. par Claude Joly, Paris, 1652, pag. 15.

2) Ibidem, pag. 13: Le Grand Conseil est fondé principalement pour regler les ressorts des Parlemens, et entreprises qu'ils pourraient faire les uns sur les autres. Et l'on pourroit dire que Messieurs du Grand Conseil sont en quelque façon les souverains Preteurs de ce Royaume.

3) Характеристику отношенія Бодена къ парламенту даетъ André Lemaire, op. cit., p. 118—119.

4) Les six livres de la Republique, ed. 1599, par Gabriel Cartier, livre III, chap. I, pag. 354: Nous voyons... la Cour de Parlement de Paris auoir esté l'ancien Senat du Royaume de France, auparavant le grand conseil et le conseil priué, et le conseil estroit.... livre IV, chap. IV, pag. 600: le Parlement estoit Conseil priué des Rois, lequel Conseil pour n'auoir puissance ordinaire, ne fait rien de soy.

5) Ibidem, livre III, chap. I, p. 357—358; livre IV, chap. IV, p. 599.

шимъ совѣтомъ короля, тѣмъ не менѣе значеніе его усилилось въ другомъ отношеніи: парламенты стали постояннымъ учрежденіемъ (*Cour ordinaire*) и сословіемъ, а члены ихъ носителями постоянныхъ и несмѣняемыхъ должностей, а не исполнителями временныхъ порученій¹⁾. Среди всѣхъ парламентовъ первенствующее мѣсто занимаетъ Парижскій, какъ въ силу непосредственнаго своего происхожденія отъ древнѣйшаго сената королевства, такъ и вслѣдствіе того, что онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и куріей перовъ²⁾. Парламентъ поэтому стоитъ выше Большого Совѣта, въ подтвержденіе чего Боденъ ссылается на эдиктъ Карла VIII о томъ, чтобы въ официальныхъ актахъ наименованіе Парижскаго парламента предшествовало Большому Совѣту³⁾.

Хотя со времени осѣдлости парламентъ потерялъ значеніе ближайшаго совѣта короля по государственнымъ дѣ-

1) *Ibidem*, livre IV, chap. IV, pag. 600—601: les Parlemens . . . sont ordinaires des ordinaires: et le Roy mort demeurent en leur puissance (iaçoit que tous mandemens et commissions expirent par la mort de celui qui les a ottroyees) et ne portent point de duel: et qui plus est les premieres confirmations du nouveau Roy sont tousiours ottroyees aux Parlemens, comme il a tousiours esté prattiqué depuis le Roy Louis onzieme: de sorte que leur puissance non seulement est ordinaire, ains aussi perpetuelle: non seulement en corps, ains aussi en chacun des membres, officiers et ministres des Parlemens.

2) *Ibidem*, livre III, chap. VI, pag. 464: entre tous les Parlemens de France, le Parlement de Paris a la prerogative d'honneur par dessus tous, et s'appelle encores la Cour des Pairs de France, ayant cognoissance des Pairs, priuatiement à tous autres . . . p. 465: et mesme entre tous les Procureurs du Roy celui du Parlement de Paris a tousiours eu la prerogative d'honneur par dessus tous autres, qui doyent tous serment aux Cours souveraines, horsmis le Procureur general au Parlement de Paris, qui ne doit serment sinon au Roy. — Livre III, chap. I, pag. 358: (le Parlement de Paris) s'appelloit, comme encores à present, par prerogative d'honneur, la Cour de Parlement (sans queue) comme on peut uoir es lettres qu'elle escrit au Roy: au lieu que les autres nouvellement establies y adioustent Parlement de Rouen, de Bourdeaux, de Dijon.

3) *Ibidem*, livre III, chap. VI, pag. 464: Et combien que du temps de Charles VIII le grand Conseil maniait les affaires d'estat, si est ce que par edict expres, le Roy ordonna qu'en tous edicts et mandemens où il seroit faict mention de la Cour de Parlement et du grand Conseil, la Cour seroit tousiours premise: l'edict est verifié le XIII Juin MCCCCXCIX. — Объ установленіи юрисдикціи Большого Совѣта при Карлѣ VIII, см. livre III, chap. I, pag. 358.

ламъ, тѣмъ не менѣе за нимъ осталась весьма важная законоохранительная функція, проявляющаяся въ процессѣ регистраціи. Последней Боденъ придаетъ весьма важное значеніе. Характерно при этомъ то обстоятельство, что онъ говоритъ о ней въ главѣ, посвященной вопросу о повиновении, которымъ обязаны магистраты по отношенію къ законамъ, и суверенному государю¹⁾.

Предѣломъ власти сувереннаго монарха Боденъ признаетъ въ видѣ общаго правила законъ Божественный и естественный. Сверхъ того монархъ не можетъ отмѣнить тѣхъ положительныхъ законовъ, которые опредѣляютъ самый строй государства, и на которыхъ покоится самая верховная власть, нпр., Салическаго закона²⁾. Обычаи, которые не имѣютъ прямого отношенія къ государственному устройству, не обезпечиваются подобнымъ образомъ въ своей неизмѣнности; тѣмъ не менѣе по традиціи они подлежатъ измѣненію лишь съ принятіемъ большихъ предосторожностей, къ числу которыхъ Боденъ относитъ созывъ генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ³⁾. Что же касается измѣненія законовъ, то его надо производить съ крайней осмотрительностью даже въ томъ случаѣ, когда имѣется полная увѣренность, что новый законъ несомнѣнно лучше стараго; особенно опасно измѣненіе законовъ, опредѣляющихъ государственный строй⁴⁾.

1) Livre III, chap. IV: De l'obeissance que doit le magistrat aux loix et au Prince souverain, pag. 409 sq.

2) Livre I, chap. VIII, pag. 137: Quant aux loix qui concernent l'estat du Royaume et de l'establissement d'iceluy, d'autant qu'elles sont annexees et unies avec la couronne, le Prince n'y peut deroguer, comme est la loy Salique: et quoy qu'il face tousiours le successeur peut casser ce qui aura esté fait au prejudice des loix Royales, et sur lesquelles est appuyé et fondé la majesté souueraine.

3) Ibidem, p. 137: Mais quant aux coustumes generales et particulieres, qui ne concernent point l'establissement du Royaume, on n'a pas accoustumé d'y rien changer, sinon après auoir bien et deuément assemblée les trois estats de France en general, ou de chacun Baillage en particulier, non pas qu'il soit necessaire de s'arrester à leur aduis, ou que le Roy ne puisse faire le contraire de ce qu'on demandera, si la raison naturelle, et la iustice de son vouloir luy assiste.

4) Livre IV, chap. III, pag. 574—575: la loy, pour bonne qu'elle soit, ne vaut rien, si elle porte un mespris de soy mesme: or est-il que la nou-

Приведенными естественными и традиционными предѣлами власти монарха опредѣляется и обязанность повиновенія магистратовъ законамъ и королевскимъ повелѣніямъ. Важнѣйшимъ предѣломъ власти и повиновенія являются Божественный и естественный законы, нарушение которыхъ совершенно освобождаетъ магистратовъ отъ повиновенія даже изданному закону¹⁾. Что же касается другихъ видовъ ограниченія, или вѣрнѣе самоограниченія монарха положительными государственными законами и традиціями страны, а также соображеніями государственной пользы, то нарушение этихъ предѣловъ не освобождаетъ магистратовъ отъ повиновенія безусловно, такъ что законъ, уже изданный

ueauté en matière de loix, est tousiours mesprisee: et au contraire la reuerence de l'antiquité est si grande, qu'elle donne assez de force à la loy pour se faire obeïr de soi-mesme sans Magistrat: au lieu que les edicts nouveaux, avec les peines y apposees, et tout le deuoir des officiers, ne se peuuent entretenir, sinon avec bien grande difficulté: de sorte que le fruit qu'on doit recueillir d'un nouuel edict, n'est pas si grand que le dommage que tire apres soy le mespris des autres loix, pour la nouveauté d'une. Et pour le trancher court, il n'y a chose plus difficile à traiter, ni plus douteuse à reussir, ni plus perilleuse à manier, que d'introduire nouvelles ordonnances. Ceste raison me semble fort considerable. J'en mettray encores une qui n'est pas de moindre poids: c'est que tout changement des loix qui touchent l'estat est dangereux: car de changer les costumes et ordonnances, concernans les successions, contrats ou seruitudes de mal en bien, il est aucunement tolerable: mais de changer les loix qui toucheut l'estat, il est aussi dangereux comme de remuer les fondemens ou pierres angulaires qui soustiennent le faix du bastiment, lequel en ce faisant s'esbranle, et reçoit bien souuent plus de dommage (oultre le danger de sa ruine) que de proffit de la nouvelle estoffe, mesmements s'il est ia vieil et caduc.

1) Livre III, chap. IV, p. 413—414: si les lettres du Prince n'attribuent aucune cognoissance au Magistrat, ni du faict, ni du droit, ains seulement l'exécution luy en est donnée, le Magistrat n'en peut prendre aucune cognoissance, si les lettres ne sont notoirement fausses ou nulles, ou contre les loix de nature Or si le subiect d'un seigneur particulier ou iusticier, n'est pas tenu d'obeïr en termes de droit, si le Seigneur ou le Magistrat passe les bornes de son territoire, ou de la puissance qui luy est donnée, ores que la chose qu'il commande fust iuste et honneste, comment seroit tenu le Magistrat d'obeïr, ou d'exécuter les mandemens du Prince en choses iniustes et deshonnestes? car en ce cas le Prince franchit et brise les bornes sacrées de la loy de Dieu et de nature. — Затѣмъ далѣе Боденъ опровергаетъ тѣхъ ученыхъ, которые увѣряютъ, будто монарху дозвоительно нарушать естественное право (ib., p. 415).

съ нарушеніемъ этихъ предѣловъ, они должны приводить въ исполненіе¹⁾. Иное дѣло, когда не послѣдовало еще окончательной публикаціи закона, и онъ присланъ лишь для регистраціи: тогда магистраты имѣютъ право представить королю о его несправедливости, и такія представленія достигаютъ своей цѣли; Боденъ ссылается на примѣръ протеста, путемъ котораго Парижскій парламентъ добился отъ короля Людовика XI того, что несправедливый законъ взятъ былъ обратно²⁾.

Право представленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность магистратовъ, которая основывается въ свою очередь на обязанности монарха соблюдать государственные законы, причемъ послѣдняя обязанность одинаково дѣйствительна, независимо отъ того, была ли она закрѣплена присягой или нѣтъ. Обязанность представить королю о несправедливости или нецѣлесообразности новаго закона не освобождаетъ магистратовъ отъ обращенія его къ исполненію, если король безусловно этого потребуетъ. Здѣсь магистраты должны дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ: въ однихъ случаяхъ они дѣлаютъ два-три послѣдовательныхъ представленія и только въ случаѣ окончательной ихъ безуспѣшности

1) *Ibidem*, p. 417: lors que les ordonnances de Louis XII furent publiées en Parlement (1498 le XV juing), pource qu'il y en auoit plusieurs qui ne les trouuoient pas bonnes, le Procureur general requit qu'elles fussent gardees, et que defenses fussent faictes de les reuoyer en doute, sur peine de leze maiesté, comme il se trouue aux registres de la Cour: c'estoit apres la publication des ordonnances.

2) *Ibidem*, p. 417—418: Mais d'autant que Louis XI auparavant auoit usé de menaces grieues enuers la Cour de Parlement, qui refusoit publier et verifier quelques edicts qui estoient iniques, le President Lauacrie, accompagné de bon nombre de Conseillers en robes rouges, alla faire ses plaintes et remonstrances, pour les menaces qu'on faisait à la Cour: le Roy voyant la grauité, le port, la dignité de ces personnages, qui se vouloyent demettre de leur charge, plutost que verifier les edicts qu'on leur auoit enuoyé, s'estonna et redoutant l'autorité du Parlement, fit casser les edicts en leur presence, les priant de continuer à faire Justice, et leur iura qu'il n'enuoyeroit plus edict qui ne fust iuste et raisonnable. Cest acte fut de bien grande importance pour maintenir le Roy en l'obeissance de la raison: qui autrement auoit tousiours usé de puissance absoluë. Обращаемъ вниманіе на послѣднія слова подчеркнутыя нами разрядкой. Они свидѣтельствуютъ, что Боденъ понималъ самоограниченіе власти совершенно въ духѣ парламентской доктрины.

приступаютъ къ публикаціи и исполненію, въ другихъ — подчиняются первому же послушному указу¹⁾.

Боденъ признаетъ несомнѣннымъ, что „испытаніе“ новаго закона, какъ относительно его правомѣрности, такъ и цѣлесообразности, должно быть вполне свободнымъ²⁾. Въ полномъ согласіи съ парламентскими традиціями Боденъ доводитъ свободу испытанія (*libre vérification*) вплоть до пассивнаго сопротивленія неправомѣрнымъ актамъ королевской власти путемъ сложенія должности³⁾. Только соображенія политическаго оппортунизма заставляютъ его предпочесть въ иныхъ случаяхъ сопротивленію безусловное

1) *Ibidem*, pag. 414—415: Car combien que nous ayons dit que le Prince doit garder le serment par luy fait à son peuple, s'il s'est obligé par serment, et ores qu'il ne fust obligé par serment, neantmoins il doit garder les loix d'estat et Republique où il est souuerain: toutes fois il ne faut pas conclure, que si le Prince contreuient en tel cas à son deuoir, que le magistrat ne luy obéisse: car ce n'est pas au magistrat de prendre cognoissance, ou contreuenir aucunement à la volonté de son Prince es loix humaines, ausquelles le Prince peut deroger. Mais si le Magistrat cognoist que le Prince casse le plus juste ou le plus proffitable edict, pour donner lieu au moins iuste et moins proffitable au public, il peut tenir l'exécution de l'edict ou mandement en souffrance jusqu'à ce qu'il ait fait ses remonstrances, comme il est tenu de faire, non pas une, mais deux et trois fois: et si nonobstant ces remonstrances le Prince veut qu'il soit passé outre, alors le magistrat le doit executer, voire dès la premiere iussion, si le delay estoit perilleux. — Слѣдуетъ отмѣтить, что Боденъ признавалъ извѣстное юридическое значеніе и за коронаціонной присягой французскихъ королей. Правильный анализъ этого вопроса даетъ *Lemaire*, *op. cit.*, p. 124—125.

2) *Ibidem*, pag. 420—421: Aux edicts et mandemens non publiez, et qu'on apporte (aux magistrats) pour verifier, ils ont liberté de les examiner, et faire leurs remonstrances au Prince deuant que les publier, encores qu'il ne soit question que de l'interest particulier de quelqu'un: à plus forte raison s'il y va de de l'interest et dommage que peut souffrir, ou de l'utilité qui peut reussir à la Republique: laquelle si elle est fort grande, couure aucunement l'iniustice de l'edict.

3) *Ibidem*, pag. 421: Il est beaucoup plus expedient pour la Republique, et plus seant pour la dignité du Magistrat de se demettre de l'estat (comme fit le Chancelier de Philippe II Duc de Bourgogne) que de passer une chose inique: combien que le Duc voyant la constance invariable de son Chancelier, qui vouloit quitter les seaux, reuoqua le mandement par luy fait: et souuent ceste constance et fermeté des Magistrats, a sauué l'honneur des Princes, et retenu la Republique en sa grandeur, quand il y va de l'équité naturelle.

повиновение во имя государственной пользы и ради того, чтобы чрезмѣрно не раздражать несправедливаго монарха и этимъ не вызвать еще большого зла¹⁾.

При регистраціи въ силу спеціальнаго послушнаго указа парламентъ охраняетъ принципъ свободнаго испытанія тѣмъ, что дѣлаетъ въ такихъ случаяхъ въ регистрѣ особую оговорку — *de expresse v. expressissimo mandato regis*, иногда *multis vicibus iterato*. Боденъ оцѣниваетъ значеніе такой оговорки, какъ истый парламентарій: онъ видитъ въ ней единственно возможное съ формальной юридической точки зрѣнія примиреніе королевскаго полновластія съ парламентской свободой регистраціи. По существу же онъ придаетъ послѣдней большое моральное значеніе, такъ какъ указываетъ, что эдикты, зарегистрированные *de expresse mandato*, весьма туго поддаются практическому осуществленію и большею частью даже совсѣмъ предаются забвенію. Поэтому Боденъ обращаетъ особенное вниманіе читателя на то, какъ короли добивались исключенія изъ регистровъ нежелательной для нихъ оговорки, и не безъ удовольствія рассказываетъ о тѣхъ мѣрахъ, какія принималъ парламентъ, чтобы все же сохранить слѣды оказаннаго на него давленія²⁾.

1) *Ibidem*, pag. 421: Mais s'il n'y a plus de remede aux fautes du Prince souverain, et qu'il mande aux Magistrats que ses actions soient excusées envers les subjects, il vaut beaucoup mieux obeïr, et en ce faisant, couourir et enseuelir la memoire d'une meschancete la faite, qu'en le refusant l'irriter pour faire pis, et ietter le manche apres la coignée.

2) *Ibidem*, pag. 418: et des lors mesmes que (Louis XI) n'estoit que Dauphin, il ennoya querir les Presidents de la Cour, et leur dit qu'ils eussent à effacer la clause, *De expresse mandato*, que la Cour auoit fait mettre sur la verification des priuileges ottroyez au Comté du Maine, autrement qu'il ne sortiroit de Paris que cela ne fust fait, et qu'il laisseroit la commission que le Roy luy auoit donnee: la Cour ordonna que les mots seroyent effacez: mais afin qu'on peust voir ce qui estoit biffe, elle ordonna que le registre seroit gardé, qui se trouue encores en la sorte qu'il fut ordonné, en date du XXVIII Juillet MCCCCXLII. Or les mots *De expresse mandato*, et de *expressissimo mandato*, et quelquefois *multis vicibus iterato*, qui se trouuent fort souuent es registres des cours souveraines, sur la publication des dicts, ont telle consequence, que tels edicts et priuileges ne sont gardez, ou bientost apres oubliez et delaissez par souffrance des Magistrats: et par ce moyen l'estat a esté conserué en sa grandeur qui autrement fust ruiné par les flatteurs des Princes, qui arrachent tout ce qu'ils veulent: et les Rois estans bien

Что же касается *lits de justice*, то они отнюдь не отмѣняютъ въ принципѣ парламентской свободы, такъ какъ на нихъ, по толкованію Бодена, дѣйствуетъ не парламентъ, но исключительно король¹⁾. Напомнимъ при этомъ, что и эти регистраціи сопровождаются неизмѣнной оговоркой *de expresso mandato regis*.

Такимъ образомъ мы видимъ, что подъ вліяніемъ парламентской практики Боденъ отступаетъ отъ строгихъ принциповъ своего ученія о монархическомъ суверенитетѣ и весьма далека отъ приложенія ихъ къ государственному строю Франціи во всей ихъ неумолимой послѣдовательности²⁾. Отступленія эти заходятъ столь далеко, что самый терминъ „абсолютный“, столь существенный въ опредѣленіи власти монарха³⁾, употребляется самимъ же Боденомъ для обозначенія тѣхъ проявленій королевской власти, съ которыми боролся парламентъ во имя законности⁴⁾. Такого рода колебанія и даже самопротиворѣчія объясняются тѣмъ, что ученіе Бодена основано не на формально-логической дедукціи изъ абстрактныхъ посылокъ, но на фактахъ государственной жизни, которая, само собою понятно, далека отъ прямолинейности. Отступая отъ формально-логической прямолинейности, Боденъ признаетъ даже за существенный признакъ „королевской монархіи“ наличность въ ея „управленіи“ элементовъ аристократическихъ и демократическихъ⁵⁾. Послѣдніе признаются имъ слѣдовательно и во

aies quelquesfois qu'on a usé de ces restrictions ont tousiours esté bien aimez des suiets, sans que la verification portast effect au suiet, ni desobeissance au Roy à bien parler, ni charge à la conscience des magistrats.

1) Livre III, chap. VI, pag. 453: En quoy plusieurs s'abusent, qui pensent que la verification des edicts, lettres ou priuileges, est faite par la Cour, quand le Roy y est present, veu que la Cour a les mains liees: et qu'il n'y a que le Roy qui commande. На это толкованіе Бодена обратилъ вниманіе Lemaire, *op. cit.*, p. 119. — О значеніи *lits de justice* въ глазахъ Бодена см. еще у насъ выше стрн. 293 текстъ и прим. 5-ое.

2) Отступленія эти отмѣчаетъ Lemaire (*op. cit.*, pag. 119, 122, 124, 125, 126), но не объясняетъ ихъ происхожденія.

3) Livre I, chap. VIII, pag. 128, 130—131 (. . . des rois de France . . . qui ont dit-il la puissance absolue . . .), 138.

4) См. у насъ выше стрн. 483, прим. 2-ое.

5) Les six livres de la république. l. VI, chap. VI princip., *ed. cit.*, pag. 1013: . . . ce n'est pas assez de soutenir que la Monarchie

Франціи, въ которой онъ несомнѣнно видѣлъ не сенъеріальную, а королевскую монархію. Но тогда увѣренія Бодена о томъ, что Франція представляетъ собою „простую и чистую монархію“¹⁾, а также его нападки на аристократическіе замыслы парламентаріевъ²⁾ необходимо понимать съ нѣкоторыми оговорками, на которыя даетъ право допускаемое имъ осложненіе государственнаго устройства (*état, status reipublicae*) особымъ порядкомъ управленія (*gouvernement, ratio imperandi*)³⁾. Недостаточная опредѣленность Бодена въ установленіи взаимоотношенія между королевскимъ суверенитетомъ и положительными государственными законами, между абсолютизмомъ короля и свободой парламента вполнѣ соотвѣтствуетъ неопредѣленности и расплывчатости тѣхъ своего рода конституціонныхъ соглашеній, которыя лежали въ основѣ государственнаго строя Франціи.

Подобно Бодену воспринялъ ученіе о законной монархіи и Le-Bret. И онъ разсматриваетъ вопросъ о предѣлахъ свободной парламентской регистраціи въ главѣ, посвященной выясненію должнаго повиновенія магистратовъ повелѣніямъ и рескриптамъ государя⁴⁾. За исключеніемъ случаевъ крайней необходимости, когда интересы государства требуютъ отъ магистратовъ безусловнаго повиновенія, Le-

est le meilleur estat, et qui moins a d'incommodité, si on ne dit Monarchie Royale: et ne suffit pas encores de dire que l'estat Royal est le plus excellent, si on ne monstre aussi qu'il doit estre temperé par le gouvernement Aristocratique et Populaire. — На это мѣсто обратилъ вниманіе G. d'Avenel, op. et edit. cit., t. I, pag. 10.

1) См. у насъ выше стрн. 293 прим. 4-ое.

2) *Les six livres de la république*, l. II, chap. I, edit. cit., pag. 262—263: On a voulu dire et publier par escrit que l'estat de France estoit aussi composé des trois Republiques, et que le Parlement de Paris tenoit une forme d'Aristocratie, les trois estats tenoyent la Democratie, et le Roi representoit l'estat Royal: qui est une opinion non seulement absurde, ains aussi capitale. См. у насъ выше стрн. 293.

3) См. A. Lemaire, op. cit., p. 118.

4) Le-Bret, *De la souveraineté du Roy*, Paris, 1632, livre II, chap. VI: Des commandemens et des Rescripts du Prince Souverain et de l'obeissance qui leur est due (pag. 188 sq.). — Регистрація признается имъ вообще необходимой, какъ для всѣхъ законовъ и ихъ аутентическихъ толкованій, такъ и специально для актовъ объ отчужденіи домена (см. livre II, chap. VI, pag. 200; livre III, chap. I, pag. 326).

Bret считаетъ нормальной обязанностью парламентовъ не регистрировать несправедливыхъ законовъ и дѣлать по поводу нихъ королю представленія¹⁾. Хотя онъ и рекомендуетъ парламентамъ прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, которыя могли бы отвратить короля отъ изданія несправедливыхъ и неполезныхъ законовъ, но не говоритъ, какія это средства, и во всякомъ случаѣ не упоминаетъ объ оставленіи должности и о судейской забастовкѣ. Когда нѣтъ надежды преодолѣть намѣреніе короля, Le-Bret предписываетъ безусловное подчиненіе, требуемое во имя королевскаго суверенитета²⁾.

Еще болѣе точное воспроизведеніе парламентской доктрины находимъ у болѣе узкихъ догматиковъ, какъ напримѣръ у Guy Coquille, а также въ произведеніяхъ самихъ парламентаріевъ, какъ напр. у La Roche-Flavin. Guy Coquille признаетъ парламентскую регистрацію необходимымъ условіемъ обязательности закона для подданныхъ³⁾; догматизи-

1) Livre II, chap. VI, pag. 195: Il me semble qu'il faut distinguer les temps: car si c'est pour subvenir à une nécessité pressante pour le bien public: J'ose dire que la resistance qu'on ferait à verifier (les edicts), seroit une pure désobéissance: *Necessitas magnum humanae imbecillitatis patrociniū, omnem legem frangit.* Mais hors le cas de nécessité, j'estime qu'il y va de la reputation des cours souveraines, faire au Prince de serieuses remontrances, et de tascher par toutes sortes de moyens de le destourner de tels conseils.

2) Ibidem, pag. 196: Et mon opinion est que les Compagnies Souveraines doivent perseuerer, jusques à ce qu'ils ayent obtenu quelque chose: ou qu'ils en ayent du tout perdu l'esperance. Car alors il se faut resoudre à l'obeissance, suiuant la constitution de l'Empereur Justinian, in auth. de mandatis princip. § deinde, et auth. ut nulli iudicium § et hoc. Et de l'Edict que le Roy Charles IX fit publier touchant les remontrances des Magistrats au Prince: autrement la Majesté et autorité Royale seroit par ce moyen sujette aux volonteis de ses Officiers, ce qui seroit trop prejudiciable à l'Estat. Не смотря на несомнѣнную склонность Le Bret ставить монархическій принципъ выше принципа законности, все же нельзя видѣть въ ученіи Le Bret образецъ чистой теоріи абсолютизма, какъ это дѣлаетъ d'Avenel, op. et edit. cit., t. I, p. 173. Уже на примѣрѣ Бодена мы видѣли, что недостаточно брать у авторовъ общія опредѣленія и необходимо прослѣдить, какое они имъ даютъ истолкованіе въ частномъ приложеніи къ порядку управленія (въ Боденовскомъ смыслѣ).

3) Guy Coquille Sieur de Romenay, Les oeuvres, Paris, 1665, tome II, fol. 2: Les Loix et Ordonnances des Roys doivent estre pu-

руя право своего времени, онъ отрицаетъ за парламентомъ право вносить измѣненія въ законодательные акты при ихъ регистраціи¹⁾; въ трактатахъ о свободахъ галликанской церкви онъ стоитъ прочно на почвѣ парламентской догмы о взаимоотношеніи государства и церкви²⁾. Произведеніе de la Roche-Flavin, специально посвященное парламенту³⁾, даетъ систематическое изложеніе парламентской публично-правной догмы начала XVII вѣка⁴⁾. Всякое его положеніе въ точности основано на томъ или другомъ постановленіи или представленіи парламента. Главное значеніе парламентовъ для государственнаго строя Франціи La Roche-Flavin видитъ въ испытаніи законодательныхъ актовъ⁵⁾ и въ силу этого признаетъ парламентъ противовѣсомъ королевской власти (*contrepoids à la puissance royale*)⁶⁾. Благодаря наличности такого противовѣса, во Франціи установилась законная монархія, противопоставляемая произвольному абсолютизму⁷⁾.

bliées et verifiées en Parlement, ou en autre Cour souueraine, selon le sujet de l'affaire; autrement les sujets n'en sont liez. Et quand la Cour adjouste à l'acte de publication que ç'a esté de l'exprés mandement du Roy, c'est une marque que la Cour n'a pas trouué l'Edict raisonnable.

1) *Ibidem*, tome I, fol. 228: Auparauant l'Edict de Roussillon de l'an 1564 lesdites Cours de Parlement et autres Souueraines auoient accoustumé d'user des modifications des Edicts, qui estoient comme un controle de la puissance du Roy, car ces modifications estoient tenuës pour loy. Mais par ledit Edict leur a esté interdit d'en user, et leur a esté reserué seulement, si aucun Edict se trouue en difficulté d'en faire humbles remonstrances.

2) См. особенно tome I, fol. 170, гдѣ авторъ даетъ заключительное обобщеніе своихъ трактатовъ и рассматриваетъ свободы галликанской церкви какъ коррелятъ королевскаго суверенитета.

3) Bernard La Roche-Flavin. Treize livres des parlemens de France, Bordeaux, 1620.

4) См. Glasson, *op. cit.*, tome I, pag. 111—112.

5) *Op. cit.*, livre XIII, chap. XVII, num. III, fol. 704.

6) *Ibidem*, num. XII, fol. 704—705.

7) *Ibidem*, num. IX, fol. 704: Nostre Monarchie de France n'est un royaume absolu, où la volonté du Roy est loy, sa parole arrest, et sa vie discipline exemplaire de bien, ou mal faire: en laquelle maniere ont commandé plusieurs Empereurs Romains, ou à mieux dire, tyrans, usurpans autorité entiere sur la vie et mort, biens et honneurs des sujets. Tel est aujourd'huy le grand Knes ou Duc de Moscouie, qui surpasse en seuerité ou rigueur de commander, tous les Monarques du Monde, ayant gaigné telle

Воспроизведение парламентской традиционной доктрины находимъ въ политическомъ трактатѣ Claude Joly, содержащемъ элементы публичноправной догмы¹⁾, а также въ курсѣ государственнаго права аббата Флери, съ которымъ мы подробно познакомились выше.

Вліяніе парламентской доктрины отразилось на произведеніяхъ Монтескье. Проводниками этого вліянія были фамилічныя традиціи рода, принадлежавшаго къ наслѣдственной магистратурѣ, и собственная служба знаменитаго политика въ должности президента (président à mortier) парламента въ Бордо. Послѣдняя дала ему возможность, по собственному его признанію, изучить государственное право своего отечества. Монтескье понималъ, что право это представляетъ собою въ дѣйствительности лишь жалкіе остатки законовъ, которые произволъ власти скрывалъ отъ подданныхъ; тѣмъ не менѣе онъ признавалъ его положительнымъ правомъ страны и полагалъ, что оно можетъ быть уничтожено властью только вмѣстѣ съ гибелью ея самой²⁾. Въ произведеніяхъ Монтескье мы не найдемъ цитатъ изъ парламентскихъ постановленій и представленій. Насколько намъ удалось прослѣдить, только въ трехъ мѣстахъ

autorité sur ses sujets, ecclesiastiques et seculiers, qu'il peut disposer à sa volonté de leurs biens et vies, sans que personne luy ose contredire en aucune chose. Ils confessent publiquement la volonté du Prince estre la volonté de Dieu, et tout ce qu'il faict le faire par la volonté de Dieu.

1) Claude Joly, Recueil de maximes véritables et importantes pour l'institution du roi. Contre la fausse et pernicieuse politique du cardinal Mazarin, prétendu sur-intendant de l'éducation de Sa Majesté, Paris, 1652. Анализъ этого трактата даетъ Jean Brissaud въ специальной работѣ: Un libéral au XVII-e siècle Claude Joly (Paris, 1898), въ которой и отмѣчаетъ зависимость взглядовъ автора отъ парламентской догмы (pag. 14, 19, 35, 37, 38, 51—56, 60—61). См. также E. Fournol, Esquisse d'une reconstitution doctrinale de l'ancien droit public français, Paris, 1899 (Extr. d. l. Nouv. rev. hist. d. dr. fr. et étr.), pag. 6 sq. Lemaire, op. cit., pag. 170—175; Ferdinand Bouchez, Le mouvement libéral en France au XVII-e siècle, thèse, Lille, 1908, pag. 111—137.

2) Pensées et fragments inédits de Montesquieu, Bordeaux, 1899, tome I, pag. 271, v. 12—18: j'ai été d'une profession où j'ai acquis des connoissances du droit de mon pays, et surtout du droit public, si l'on doit appeller ainsi ces foibles et misérables restes de nos loix, que le pouvoir arbitraire a pu jusqu'ici cacher, mais qu'il ne pourra jamais anéantir qu'avec lui-même.

Духа законовъ имѣются прямыя ссылки на данныя парламентской практики¹⁾. Не смотря на это, во всемъ ученіи Монтескье о монархическомъ правленіи, какъ правленіи умѣренномъ, нельзя не замѣтить прямого вліянія парламентской доктрины.

Въ Персидскихъ письмахъ Монтескье противопоставляетъ фактическую немоощь парламентовъ тому значенію, которое имѣютъ ихъ непогашаемыя давностью права для обезпеченія законмѣрности государственнаго строя, и на этомъ основаніи привѣтствуетъ политическую реставрацію парламентовъ при регентствѣ²⁾. Такое же значеніе элемента, умѣряющаго монархическую власть, признаетъ Монтескье за парламентомъ и въ наброскахъ мыслей для основнаго труда своей жизни³⁾. причемъ придаетъ этому элементу

1) Въ пятой главѣ VI-ой книги (абз. 9) цитируются слова Белльевра (de Bellièvre), президента Парижскаго парламента время Людовика XIII по вопросу о правѣ короля лично творить судъ надъ подданными. — Въ 33-ей главѣ XXVIII-ой книги (абз. 1 и 3) дѣлается ссылка на парламентскія формулы судебныхъ приговоровъ, и дается толкованіе этихъ формулъ въ связи съ институтомъ судебного поединка. — Въ главѣ 41-ой той же XXVIII-ой книги (абз. 1 in fine) указывается одно судебное рѣшеніе Парижскаго парламента отъ 19 марта 1409 года какъ образчикъ тѣхъ мѣръ, которыя принималъ парламентъ для пресѣченія злоупотребленій со стороны церковной власти.

2) *Lettres persanes, lettre XCII: Les parlemens ressemblent à ces ruines que l'on foule aux pieds, mais qui rappellent toujours l'idée de quelque temple fameux par l'ancienne religion des peuples. Ils ne se mêlent guère plus que de rendre la justice; et leur autorité est toujours languissante, à moins que quelque conjoncture imprévue ne vienne lui rendre la force et la vie. Ces grands corps ont suivi le destin des choses humaines: ils ont cédé au temps qui détruit tout, à la corruption des mœurs qui a tout affaibli, et à l'autorité suprême qui a tout abattu. — Mais la régent qui a voulu se rendre agréable au peuple, a paru d'abord respecter cette image de la liberté publique; et comme s'il avoit pensé à relever de terre le temple et l'idole, il a voulu qu'on les regardât comme l'appui de la monarchie, et le fondement de toute autorité légitime* (*Oeuvres de Montesquieu, éd. an 1759 à Amsterdam et à Leipzig, tome V, pag. 208—209*).

3) *Pensées et fragments inédits de Montesquieu, tom II, Bordeaux, 1901, pag. 388, num. 1962: Je disois: „Quoique les Parlements de France n'ayent pas grande autorité, ils ne laissent pas de faire du bien. Le Ministère ni le Prince ne veulent pas en être désapprouvés, parce qu'ils sont respectés. Les Rois sont comme l'Océan, dont l'impétuo-*

характеръ конститутивный для государственнаго строя, такъ что отрицаетъ у короля право упразднить парламентъ или отнять у него какую либо изъ его основныхъ функций¹⁾.

Данное въ Духѣ законовъ опредѣленіе монархіи, какъ единоличнаго правленія по „прочнымъ и установленнымъ“ и даже *expressim* — по „основнымъ законамъ“²⁾, вполне соответствуетъ той конструкции образа правленія во Франціи³⁾, которая была развита парламентомъ. Непрестанное желаніе Монтескье отдѣлить монархію отъ деспотіи и столь же непрестанное опасеніе по поводу легкости вырожденія первой во вторую⁴⁾, является несомнѣннымъ отраженіемъ той бдительности, съ которою парламентъ неустанно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы власть не переходила въ произволъ, и воспроизведеніемъ того противоположенія, которое существовало между законной „конституціей“ Франціи и ея фактическимъ правленіемъ⁵⁾.

sité est souvent arrêtée, quelquefois par des herbes, quelquefois par des cailloux“.

1) Въ 1738 году по поводу слуховъ о томъ, что король собирается изъять изъ вѣдѣнія парламента les appels comme d'abus, а также на прямо поставленный вопросъ, можетъ ли король упразднить парламентъ, Монтесье отозвался одной и той же фразой: le Roi ne peut pas faire tout ce qu'il peut. См. *Pensées et fragments inédits*, tome II, pag. 452, num. 2042 et pag. 460, num. 2049 in fine.

2) Livre II, chap. I, абз. 1: ... le (gouvernement) monarchique, celui où un seul gouverne, mais par des lois fixes et établies. Livre II, chap. IV, абз. 1: gouvernement monarchique, c'est-à-dire ... celui où un seul gouverne par des lois fondamentales (разрядка наша).

3) П (Montesquieu) appelle du nom de monarchie le gouvernement de tout ce qui est royaume en Europe, et sous ce nom générique il ne désigne presque jamais qu'une espece, la France. — Анонимный рефератъ De l'autorité de Montesquieu dans la révolution présente (1790) въ Bibliothèque de l'homme public ou Analyse raisonnée des principaux ouvrages françois et étrangers sur la politique en général, la législation, les finances, la police, l'agriculture et le commerce en particulier, et sur le droit naturel et public, par Condorcet, Peysonel et le Chape-lier, Paris, 1790, tome VII, pag. 28.

4) См., нпр., livre VIII, Chap. XVII, абз. 6: Les fleuves courent se mêler dans la mer: les monarchies vont se perdre dans le despotisme.

5) Et je ne crois pas, говорить Фурноль, qu'il soit bien nécessaire d'insister sur cette idée que lorsqu'il (s.c. Montesquieu) parlait du gouvernement monarchique que, c'était la France contemporaine ou la France déjà passée qu'il considérait et qu'en montrant dans une forte et persistante

Для устранения указаннаго противорѣчія между юридически должнымъ и фактически существующимъ и для удержанія монархіи отъ вырожденія въ деспотію необходимо учрежденіе, которое являлось бы хранилищемъ законовъ, въ особенности основныхъ законовъ¹⁾. Такимъ хранилищемъ не можетъ быть совѣтъ государя, исполнительный по существу органъ его преходящихъ велѣній. Охрана законности можетъ быть ввѣрена только особому политическому сословію, специальной функціей котораго было бы обнародовать законы, когда они уже изготовлены, и напоминать о нихъ, когда о нихъ забываютъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Монтескье въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду парламентъ. Весьма характерно, что функція по охранѣ законовъ представляется у Монтескье какъ непрестанное извлеченіе законовъ изъ пыли, подъ которой они похоронены²⁾. Такая характеристика, съ одной стороны, вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительной дѣятельности парламента; съ другой стороны, она отражаетъ въ себѣ то положеніе парламентской догмы, согласно которому законы, опредѣляющіе публичноправный строй государства, сложились еще въ древности.

Охрана законности осуществляется путемъ подачи представлений по поводу неправомѣрныхъ актовъ королевской

opposition, l'état monarchique et le despotique, c'était la constitution traditionnelle de la France qu'il opposait au régime menaçant où il la voyait courir, et c'était donc l'état de droit de la monarchie française qu'il décrivait pour la détourner de l'état de fait où elle tendait. — E. Fournol, Esquisse d'une réconstitution doctrinale de l'ancien droit public français, Paris, 1899 (Extr. d. l. Nouv. rev. hist. d. dr. fr. et étr), pag. 13 — Припомнимъ кстати, что самъ Монтескье пользовался терминомъ constitution примѣнительно къ монархіи, т. е. къ Франціи; см. L'esprit des lois, livre V, chap. XI. абз. 1: Le gouvernement monarchique a un grand avantage sur le despotique. Comme il est de sa nature qu'il y ait sous le prince plusieurs ordres qui tiennent à la constitution, l'Etat est plus fixe, la constitution plus inébranlable, la personne de ceux qui gouvernent plus assurée (разрядка наша).

1) Livre II, chap. IV, абз. 10: ... Il faut ... un dépôt de lois Le conseil du prince n'est pas un dépôt convenable. Il est, par sa nature, le dépôt de la volonté momentanée du prince qui exécute et non pas le dépôt des lois fondamentales.

2) Ibidem: ... un corps qui fasse sans cesse sortir les lois de la poussière où elles seroient ensevelies.

власти. Монтескье упоминаетъ о представленіяхъ, какъ объ умѣреніи государевой власти въ монархіи¹⁾ и видитъ въ нихъ средство противъ возможныхъ злоупотребленій, порождаемыхъ самымъ существомъ единоличнаго правленія, рѣшительнаго и быстро дѣйствующаго²⁾. Монтескье не оста-

1) Упоминаніе это сдѣлано въ отрицательной формѣ указанія на то, что въ деспотическомъ правленіи il n'y a point de tempérament . . . de remontrances . . . (livre III, chap. X, абз. 2). — Въ основной главѣ, посвященной выясненію основъ публичноправнаго строя монархіи (livre II, chap. IV) представленія подразумѣвается подъ „жалобой и мольбой“ (la plainte et la prière), предъ которыми склоняется естественная гордость монарховъ (абз. 7). Уподобленіе представленій мольбѣ и даже молитвѣ, съ которой люди обращаются къ Богу и помощью которой склоняютъ Его въ свою пользу, издавна было принято въ парламентской доктринѣ и въ политической литературѣ. См. нпр. Le - Bret, De la souveraineté du Roy, Paris, 1632, livre II, chap. VI, pag. 196.

2) Livre V, chap. X: Le gouvernement monarchique a un grand avantage sur le républicain: les affaires étant menées par un seul, il y a plus de promptitude dans l'exécution. Mais, comme cette promptitude pourroit dégénérer en rapidité, les lois y mettront une certaine lenteur. Elles ne doivent pas seulement favoriser la nature de chaque constitution, mais encore remédier aux abus qui pourroient résulter de cette même nature (абз. 1) . . . Les corps qui ont le dépôt des lois n'obéissent jamais mieux que quand ils vont à pas tardifs, et qu'ils apportent dans les affaires du prince cette réflexion qu'on ne peut guère attendre du défaut de lumières de la cour sur les lois de l'Etat, ni de la précipitation de ses conseils (абз. 3). Сказанное Монтескье поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ: Que serait devenue la plus belle monarchie du monde, si les magistrats, par leurs lenteurs, par leurs plaintes, par leurs prières, n'avoient arrêté le cours des vertus mêmes de ses rois, lorsque ces monarques, ne consultant que leur grande âme, auroient voulu récompenser sans mesure des services rendus avec un courage et une fidélité aussi sans mesure? (абз. 4). — Въ послѣдней тирадѣ мы видимъ только примѣръ, а отнюдь не ограниченіе парламентскихъ функцій, какъ толкуютъ нѣкоторые изслѣдователи (нпр., Louis Vian, Histoire de Montesquien, sa vie et ses oeuvres d'après des documents nouveaux et inédits, Paris, 1878, pag. 39). Наше толкованіе вполне, думается намъ, соответствуетъ той манерѣ писать, которой придерживался Монтескье, и смыслъ которой самъ онъ растолковалъ читателямъ (L'esprit des lois, livre XI, chap. XX). Приведенный примѣръ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что у королей бываютъ слуги, проявляющіе мужество и вѣрность безъ мѣры. Въ этомъ содержится несомнѣнный намекъ на министровъ, которые совѣтуютъ королю совершать акты произвольные и этимъ проявляютъ „мужество безъ мѣры“ въ нарушеніи законовъ и „вѣрность безъ мѣры“ въ содѣйствіи распространенію власти монарха за ея естественные и законные предѣлы. Повидимому, такого

навливается на томъ, насколько должны парламенты упорствовать въ подачѣ представленій, и не ставить традиціоннаго въ политической литературѣ вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли магистратамъ скорѣе отказаться отъ должности, чѣмъ принять къ исполненію неправомѣрное повелѣніе монарха¹⁾. Однако онъ полагаетъ, что, такъ какъ произволъ подрываетъ власть, то содѣйствіе произволу государя со стороны должностныхъ лицъ направляется на самомъ дѣлѣ противъ безопасности государя и, слѣдовательно, является своего рода преступленіемъ въ оскорбленіи величества²⁾. Отсюда а *contrario* слѣдуетъ, что противленіе произволу монарха составляетъ прямую обязанность магистратовъ предъ государемъ и ихъ служебный долгъ предъ закономъ. Какими средствами они будутъ осуществлять эту свою обязанность и этотъ свой долгъ и въ какой мѣрѣ, въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса Монтескье не входитъ, такъ какъ въ трудѣ своемъ онъ занятъ установленіемъ основныхъ принциповъ, а не ихъ подробнымъ развитіемъ. Но если принять въ соображеніе, что квалификация содѣйствія произволу государя, какъ преступленія предъ нимъ же, воспроизводитъ лишь довольно обычное обвиненіе, которое парламентъ бросалъ въ лицо министрамъ, то можно предположить, что и средства, и степень парламентскаго противленія допускаются у Монтескье согласно парламентской практикѣ.

Противленіе парламента находитъ себѣ законный предѣлъ въ полномъ власти монарха, которое можетъ быть право-

рода слуги государевы представляютъ собою именно *des âmes singulièrement lâches* (qui) *tirent vanité de la grandeur que pourroit avoir leur servitude, et (qui) croient que ce qui fait que l'on doit tout au prince fait que l'on ne doit rien à sa patrie*, нахожденіе которыхъ у власти ведетъ монархію къ вырожденію (см. *livre VIII, chap. VII, абз. 4*).

1) Упоминается съ одобреніемъ лишь случай индивидуальнаго отказа исполнить высочайшее повелѣніе, противорѣчившее принципу чести (см. *livre IV, chap. II, абз. 19—20*), со стороны лицъ, не принадлежавшихъ къ составу парламентовъ.

2) *Livre VIII, chap. VII, абз. 5: Mais, s'il est vrai (ce que l'on a vu dans tous les temps) qu'à mesure que le pouvoir du monarque devient immense sa sûreté diminue, corrompre ce pouvoir jusqu'à le faire changer de nature, n'est-ce pas un crime de lèse-majesté contre lui?* — Слова эти необходимо сочетать съ предыдущимъ абзацомъ, содержаніе котораго приведено у насъ въ концѣ примѣчанія 2-го на предыдущей страницѣ.

мѣрно проявлено во всей своей силѣ. „Есть случаи“, говоритъ Монтескье, „когда власть должна дѣйствовать во всемъ своемъ объемѣ; есть другіе случаи, когда она должна дѣйствовать въ ея же установленныхъ предѣлахъ. Верхъ правительственнаго искусства заключается въ томъ, чтобы хорошо знать, какую долю власти, большую или малую, слѣдуетъ примѣнять въ различныхъ обстоятельствахъ“¹⁾. Несомнѣнно, что подъ полнымъ объемомъ власти разумѣется проявленіе королевскаго полновластія въ послушныхъ указахъ и на *lits de justice*. Мы видимъ изъ этого, что Монтескье стоялъ на точкѣ зрѣнія старой традиціи и, значитъ, не раздѣлялъ того отрицательнаго отношенія къ актамъ королевскаго полновластія на *lits de justice*, которое проявилъ парламентъ въ XVIII столѣтіи.

Въ виду важнаго значенія хранилища законовъ для монархіи Монтескье считаетъ необходимымъ обезпечить самостоятельность и независимость парламента. Въ этихъ видахъ онъ рѣшительно высказывается противъ судебныхъ функцій администраціи, въ частности королевскаго совѣта²⁾, а также противъ какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій³⁾, и отстаиваетъ продажность должностей⁴⁾.

Существенно важнымъ для публичноправнаго строя законной монархіи является отрицаніе т. н. принципа личнаго управленія и организація т. н. посредствующихъ властей. Монтескье, какъ извѣстно, признаетъ такими посредствующими властями государственные чины, или сословія, и преимущественно дворянство⁵⁾. Въ этомъ Монтескье отступаетъ отъ парламентской догмы, которая не придавала сословіямъ значенія посредствующихъ властей и видѣла послѣднія въ основанныхъ на законѣ правительственныхъ учрежденіяхъ, полагая во главѣ ихъ парламентъ. Отступле-

1) Livre XII, chap. XXV, абз. 2.

2) Livre VI, chap. VI.

3) Livre XII, chap. XXII.

4) Livre V, chap. XIX, абз. 12—14.

5) Livre II, chap. IV. Систематическое изложеніе этой стороны ученія Монтескье о монархіи дано нами въ статьѣ: Политическая доктрина въ Наказѣ императрицы Екатерины II, Кіевъ, 1903 г., стрн. 23—25.

ніе это объясняется исторической концепціей государственнаго строя Франціи¹⁾, которая у Монтескье разнится отъ парламентской и настраиваетъ его нѣсколько феодалистически и, слѣдовательно, до извѣстной степени отрицательно къ наслѣдникамъ легистовъ — парламентамъ. Это отрицательное отношеніе сказалось въ тѣхъ упрекахъ, которые дѣлаетъ Монтескье судамъ по поводу ихъ борьбы съ патримоніальной юрисдикціей сеньеровъ и клира²⁾ и парламенту по поводу крайностей его антагонизма по отношенію къ церкви³⁾. Замѣтимъ, что это отрицательное отношеніе умѣря-

1) О ней будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

2) Livre II, chap. IV, абз. 4: Les tribunaux d'un grand Etat en Europe frappent sans cesse, depuis plusieurs siècles, sur la jurisdiction patrimoniale des seigneurs et sur l'ecclésiastique. Nous ne voulons pas censurer des magistrats si sages; mais nous laissons à décider jusqu'à quel point la constitution en peut être changée. Что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду именно Франція, это доказывается соотвѣтственнымъ мѣстомъ изъ *Pensées et fragments inédits de Montesquieu*, — t. II, pag. 451—452: Les Cours, qui absorbent également la justice des Seigneurs, n'ont pas voulu qu'on définit exactement les cas royaux, et, lors de la nouvelle ordonnance, les commissaires firent ajouter cette queue à l'énumération des cas royaux: „ceux dont, de tout temps, les juges royaux on jugé“; et n'eurent pas honte d'avouer que c'était afin de dépouiller plus aisément les autres juges (срвн. *L'esprit des lois*, livre XXIX, chap. XVI, абз. 7). Эти слова Монтескье являются какъ бы откликомъ аналогичнаго заявленія Луазо о нападеніяхъ королевскихъ чиновниковъ на сеньеріальную юрисдикцію, но Луазо отмѣчалъ, что парламенты неизмѣнно отстаивали сеньеріальную юрисдикцію въ ея законныхъ, не нарушающихъ верховныхъ правъ короля, предѣлахъ. См. Charles Loyseau, *Traite des Seigneuries*, chap. XIII, num. 3, *Oeuvres*, éd. à Paris, 1678, fol. 75, col. 2-a. — Замѣтимъ, что съ политической точки зрѣнія Луазо возмущался патримоніальной юрисдикціей, особенно въ виду ея злоупотребленій, но отстаивалъ ее съ точки зрѣнія догматической, — см. Charles Loyseau, *op. cit.*, chap. X, num. 2, ed. cit., fol. 55, col. 1-a.

3) Livre II, chap. IV, абз. 5. — Монтескье въ своемъ мѣстѣ отмѣчалъ злоупотребленія церковной юрисдикціи и въ искорененія этихъ злоупотребленій видѣлъ историческую заслугу парламента (livre XXVIII, chap. XII, абз. 1), но въ тоже время указывалъ, что парламенты со свойственнымъ всѣмъ человѣческимъ учрежденіямъ увлеченіемъ заходили въ борьбѣ черезчуръ далеко, вплоть до посягательствъ на ея законную компетенцію (livre XXVIII, chap. XII, абз. 2). Охрана же законныхъ предѣловъ церковной юрисдикціи представлялась ему необходимой въ видахъ огражденія независимости церкви, необходимой въ свою очередь въ качествѣ противовѣса монархическому полновластію. Недаромъ вѣдь

лось и почти парализовалось, какъ тѣмъ уваженіемъ, которое оказывалъ Монтескье хранилищу законовъ, такъ и горячимъ панегирикомъ, который встрѣчаемъ въ Духѣ законовъ по адресу noblesse de robe¹⁾. Не смотря на это однако, значеніе парламента все же отступаетъ въ Духѣ законовъ на второй планъ предъ значеніемъ сословій, въ особенности дворянства. Такъ, въ главѣ о соотвѣтствіи законовъ ихъ принципу въ монархіи все вниманіе автора сосредоточено на обезпеченіи независимаго положенія дворянства, и ни слова не говорится объ обезпеченіи независимости парламентской магистратуры²⁾. Точно также въ ученіи о порчѣ принципа монархіи признается основной причиной этой порчи не подавленіе магистратуры, а упраздненіе сословныхъ привилегій³⁾.

Отмѣченное разногласіе между Монтескье и парламентской догмой приводило къ тому, что парламентъ не призналъ новой точки зрѣнія Монтескье на значеніе сословій въ мо-

онъ признавалъ полезнымъ для монархіи католичество въ виду наличности въ немъ независимаго главы, — см. livre XXIV, chap. V; livre XXV, chap. VIII. Поэтому Монтескье относился весьма сдержанно къ борьбѣ парламента съ церковью изъ-за буллы Unigenitus, не сочувствуя чрезмѣрной агрессивности парламентаріевъ, — см. *Pensées et fragments inédits de Montesquieu*, tome II, pag. 456—460 (№ 2049) и *Mémoire sur la Constitution* въ *Mélanges inédits de Montesquieu*, pag. 227—234. — Замѣтимъ кстати, что мысль объ умѣреніи власти монарха независимой церковной властью высказана была еще у Лязо. См. Charles Loyseau, *Traité des Seigneuries*, chap. XV, num. 4: Il est bien vray que Dieu a mis presque partout ces deux puissances en diuerses mains, et les a faites toutes deux souueraines en leur espece, afin que l'une seruist de controlle et contrepoids à l'autre, de peur que leur souueraineté infinie ne tournât en dereglement ou tyrannie (*Oeuvres*, ed. cit., fol. 88, col. 2-a, — разрядкой мы отмѣтили предвосхищенный какъ бы у Монтескье терминъ).

1) Livre XX, chap. XXII, абз. 5. — Это отмѣчаетъ Vian (op. cit., pag. 9 text. et nota 2-a), объясняя фамилными традиціями, но при этомъ цитируетъ еще два другихъ мѣста Духа законовъ (livre V, chap. IV и livre III, chap. V), которые не относятся къ данному вопросу.

2) См. livre V, chap. IX.

3) Livre VIII, chap. VI, абз. 1: Comme les démocraties se perdent lorsque le peuple dépouille le sénat, les magistrats et les juges de leurs fonctions, les monarchies se corrompent lorsqu'on ôte peu à peu les prérogatives des corps ou les privilèges des villes. Dans le premier cas, on va au despotisme de tous; dans l'autre, au despotisme d'un seul.

нархiи¹⁾. Въ представленiяхъ, которыя дѣлались послѣ появленiя Духа законовъ, парламентъ говорилъ о *puissances secondaires* и пользовался даже для ихъ обозначенiя терминомъ *pouvoirs intermédiaires*, но разумѣлъ подъ нимъ не сословія, а правительственныя учрежденiя, главнымъ образомъ, судебныя²⁾. Такимъ образомъ парламентъ исправлялъ Монтескье согласно традиціонной догмѣ, а отнюдь не создавалъ послѣдней подъ его влiянiемъ, прибѣгая при этомъ къ передержкѣ, какъ это полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи³⁾. Вообще говоря, Духъ законовъ оказалъ влiянiе не на содержанiе и конструкцію парламентской догмы, а лишь на языкъ парламентскихъ представленiй и терминологію. Такъ несомнѣнно насчетъ этого влiянiя слѣдуетъ отнести, напримѣръ, заявленiе въ одномъ изъ представленiй 1768 года о томъ, что во Франціи державно царствуетъ честь (*l'honneur règne souverainement*)⁴⁾, а также вошедшее въ обиходъ пользованiе терминомъ „раздѣленiя властей“⁵⁾. Такая ограниченность влiянiя Монтескье на

1) Само собою понятно, что парламентъ не могъ согласиться съ тѣмъ возвеличеніемъ дворянства, которое находилъ у Монтескье, потому что самъ онъ исторически былъ представителемъ интересовъ третьяго сословія, о которомъ Монтескье забываетъ, и антагонистомъ политическихъ притязанiй дворянства. См. Glasson, *op. cit.*, t. I, p. 116—117. — Бретанскій парламентъ по своему составу былъ исключительно дворянскимъ и въ этомъ смыслѣ противопоставлялъ себя Парижскому парламенту, значительная часть состава котораго приходилась на долю разночинцевъ по происхожденію. Но и Бретанскій парламентъ, всячески отстаивая общественные и личные интересы дворянъ, отнюдь не былъ склоненъ уступить свое значеніе посредствующей власти дворянскому сословію, организованному въ независимое политическое цѣлое. Онъ тщательно отстаивалъ свои особыя права и привилегіи, примкнулъ въ половинѣ XVIII вѣка къ единому парламентскому союзу (т. н. *union des classes du parlement*) и даже вступилъ въ конфликтъ со своими провинціальными штатами, на которыхъ руководящая роль принадлежала тоже дворянству. См. A. le Moу, *Le parlement de Bretagne et le pouvoir royal au XVIII-e siècle*, Paris, 1909, pag. 16—18, 40—51, 201—203, 491—507.

2) См. у насъ выше стрн. 424 текстъ прим. 2-ое. — Этому же слѣдовали и *Maximes du droit public françois* и потому въ учении и посредствующихъ властяхъ ссылались не на Монтескье, а на Екатерину II. — см. у насъ выше стр. 248 прим. 2-ое.

3) Lemaire, *op. cit.*, pag. 213.

4) *Remontrances etc.*, t. II, p. 865 (rem. du 16—20 mars 1768).

5) См. у насъ выше стрн. 428.

парламентскія представленія объясняется тѣмъ, что ученіе его о монархіи само было основано на парламентской догмѣ; то, въ чемъ оно отступало отъ послѣдней, было отвергнуто парламентомъ, а въ остальномъ нечего было заимствовать, потому что все это имѣлось въ парламентскихъ регистрахъ. Самая мысль о раздѣленіи властей возникла у Монтескье подѣ влияніемъ практики и доктрины старой французской монархіи¹⁾. Указаніе Монтескье на то, что въ большинствѣ королевствъ Европы правленіе является умѣреннымъ, потому что государь, сохраняя за собою законодательную и исполнительную власть, передаетъ осуществленіе судебной власти подданнымъ²⁾, воспроизводитъ лишь одно изъ основныхъ и элементарныхъ положеній парламентской догмы. Монтескье ограничивается этимъ общимъ положеніемъ и не вдается въ подробности, но все же отмѣчаетъ, что въ монархіяхъ, не организованныхъ по принципу обезпеченія политической свободы, какъ Англія, имѣются свои особые системы распредѣленія властей³⁾. Мы знаемъ, какъ конструировала эту систему парламентская догма⁴⁾.

Наиболѣе непосредственнымъ воспроизведеніемъ парламентской догмы явились *Maximes du droit public français*, изложенію которыхъ мы посвятили IV главу нашей работы. Сочиненіе это не дало, какъ мы знаемъ, полной системы положительнаго государственнаго права, которая могла быть построена изъ матерьяла парламентскихъ представленій, но установило основные его принципы, которые свело къ субъективнымъ публичнымъ правамъ подданныхъ на неприкосновенность собственности и личной свободы, къ наличности положительныхъ основныхъ законовъ и охранѣ ихъ парла-

1) *Glasson, op. cit.*, t. I, p. 394; М. М. Ковалевскій, Отъ прямого народоправства къ представительству и отъ патриархальной монархіи къ парламентаризму, томъ III, Москва, 1906, стрн. 84.

2) *Esprit des lois*, livre XI, chap. VI, абз. 7.

3) *Ibidem*, livre XI, chap. VII, абз. 2: Les trois pouvoirs n'y sont point distribués et fondus sur le modèle de la constitution dont nous avons parlé (s. c. d'Angleterre). Ils (s. c. les autres États monarchiques) ont chacun une distribution particulière, selon laquelle ils approchent plus ou moins de la liberté politique; et s'ils ne s'en approchoient pas, la monarchie dégénérerait en despotisme. См. далѣе livre XI, chap. XX.

4) См. у насъ выше стрн. 427—428.

ментомъ. Принципы эти, какъ и весь положительный правовой матеріалъ названнаго сочиненія извлечены непосредственно изъ парламентскихъ регистровъ. Это основное ядро авторы снабдили оболочкой естественноправовыхъ формулъ и въ цѣляхъ полемическихъ покрыли броней религіозно-философскихъ разсужденій, но этотъ покровъ, и эта броня не лишаютъ сочиненія характера позитивной догмы, какъ это мы подробно отмѣтили въ своемъ мѣстѣ.

Характернымъ для систематическаго труда парламентаріевъ является то, что въ немъ выдвигаются на первый планъ субъективныя публичныя права подданныхъ. Это объясняется всецѣло обстоятельствами, которыми вызванъ самый трудъ. Революція Мопу началась съ конфискаціи парламентскихъ должностей, представлявшихъ собою наслѣдственную собственность, и съ административной высылки непокорныхъ парламентаріевъ¹⁾. Вполнѣ понятно, что въ видѣ протеста были выдвинуты на первый планъ субъективныя права подданныхъ на неприкосновенность ихъ собственности и личности²⁾.

Въ предѣлахъ затронутыхъ вопросовъ *Maximes du droit public français* воспроизводятъ парламентскую догму законной монархіи, къ тому же съ тѣмъ отрицаніемъ проявленій королевскаго полновластія на *lits de justice*, которое установилось въ парламентской практикѣ XVIII столѣтія³⁾. Въ своихъ возраженіяхъ противъ незакономѣрности проявленія королевскаго полновластія на *lits de justice* наши авторы оперируютъ тѣми же доказательствами, что и извѣстныя намъ парламентскія представленія по этому вопросу. Но наши авторы являются въ своихъ сужденіяхъ болѣе рѣшительными, чѣмъ былъ парламентъ въ официальныхъ представленіяхъ. Такъ, они вовсе не считаютъ нужнымъ заниматься разъясненіемъ въ свою пользу извѣстнаго прецедента 1563 года, который положилъ начало обязательности без-

1) См. Jules Flammermont, *Le chancelier Maupeou et les Parlements*, 2-me édition, Paris, 1885, chap. V, p. 207 sq.

2) Взаимоотношеніе двухъ названныхъ субъективныхъ публичныхъ правъ удержано въ *Maximes du droit public français* въ духѣ парламентской догмы, — См. у насъ выше стрн. 434 прим. 2-ое.

3) *Maximes du droit public français*, tome II, pag. 96—107.

прекословнаго повиновенія парламента королевскому приказу о регистраціи, лично объявленному королемъ на *lit de justice*. Мы знаемъ, что Омеръ Талонъ въ своей рѣчи на *lit de justice* отъ 15 января 1648 года счелъ необходимымъ разъяснить обстоятельства, при которыхъ имѣлъ мѣсто инцидентъ 1563 года, и на этомъ основаніи отказалъ ему въ значеніи обязательнаго прецедента. Тоже повторилъ парламентъ въ представленіи отъ 24 іюня 1763 года съ прямою ссылкой на заявленіе Омера Талона¹⁾. Авторы *des Maximes du droit public français* обошли все это полнымъ молчаніемъ²⁾ и не выдѣлили прецедента 1563 года изъ общей массы авторитарныхъ *lits de justice*, ограничившись лишь общимъ замѣчаніемъ о томъ, что первоначальный характеръ *lits de justice* былъ извращенъ произвольной практикой королевскаго абсолютизма³⁾. Самому принципу *adveniente principe cessat magistratus* наши авторы придали значеніе только фактическаго констатированія оказываемаго на магистратовъ насильственнаго воздѣйствія и на этомъ основаніи полагали, что авторитарная регистрація на *lits de justice* не имѣетъ законной силы⁴⁾. Это положеніе, по

1) См. у насъ выше стрн. 421.

2) Даже цитируя извѣстную рѣчь Омера Талона на *lit de justice* отъ 15 января 1648 года, авторы выпустили то ея мѣсто, которое относится къ оцѣнкѣ прецедента 1563 года; см. *Maximes du droit public françois*, tome II, pag. 100—102.

3) *Op. cit.*, t. II, p. 96: A l'égard des Lits de Justice, ce seroit un grand honneur pour le Parlement, et un avantage réel pour les Peuples, que nos Rois vinssent, comme ils le faisoient autrefois, dans leur Parlement, pour être témoins de l'examen et de la publication de leurs propres Loix; pour entendre par eux-mêmes les Magistrats, s'assurer de leur jugement, et rendre les enregistremens plus solennels. Mais, depuis que ceux qui approchent le Trône ont engagé nos Rois, à ne se transporter au Parlement, ou à ne tenir leur Lit de Justice que pour inspirer la terreur par l'appareil de la Majesté Royale, pour gêner les suffrages et forcer l'enregistrement, on a attaché l'idée de contrainte aux enregistremens qui se font dans les Lits de Justice. Cependant, le Lit de Justice et l'enregistrement forcé, sont deux choses fort différentes. Le Lit de Justice est par sa nature une assemblée auguste, dont la pompe est destinée à déployer tout l'éclat de la Majesté Royale; et l'enregistrement forcé n'est qu'un acte de puissance absolue, contre lequel les Loix réclameront toujours.

4) *Op. cit.*, t. II, p. 103: Mais la maxime: *adveniente Principe, cessat Magistratus*, ne veut pas dire que le Parlement cesse

мнѣнію нашихъ авторовъ, признавали и короли; они пытались, правда, установить въ законѣ противоположный принципъ и возвести его на степень публичноправной догмы, но подобныя попытки оказывались безуспѣшными вслѣдствіе сопротивленія парламента¹⁾.

Значительное отступленіе отъ парламентской догмы находимъ въ ученіи *des Maximes du droit public français* о генеральныхъ штатахъ. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ отстаиваемое нашими авторами положеніе, согласно которому за генеральными штатами признается право собираться по собственной инициативѣ въ случаѣ нарушенія ихъ правъ (на вотиrowаніе налоговъ) и прочихъ основныхъ законовъ государства. Такое положеніе никогда не признавалось въ официальной парламентской догмѣ, и выставляется нашими авторами очевидно въ видѣ крайняго средства для борьбы съ революціей Мопу.

Парламентская публичноправная догма воспроизводится накануне самой революціи въ трактатахъ J. N. Moreau и Chaillon de Joinville'a²⁾. Оба эти писателя преслѣдуютъ одну

lorsque le Roi est présent, mais seulement qu'aucun des Magistrats qui le représentent ne peut faire usage de ce caractère, parce que le Roi seul commande partout où il est. Il est vrai que dans les Lits de Justice, le Roi seul ordonne, et que l'enregistrement n'est pas prononcé du consentement des Membres qui composent le Lit de Justice. C'est un fait dont la Rocheflavin rend compte, et ce n'est point un droit auquel il rende hommage. Il convient lui-même que la Cour a les mains liées, et que la vérification n'est pas faite par la Cour; aussi cet enregistrement forcé n'a-t-il point l'autorité légale d'une vérification. Il n'y a pas un seul Lit de Justice qui n'ait été suivi de protestations contre la contrainte; il n'en est point où les Premiers-Présidens, et même les gens du Roi n'aient réclamé les droits du Parlement, l'ancien usage du Royaume sur la vérification libre des Cours Souveraines.

1) Op. cit., t. II, p. 102: Enfin, si nos Rois eussent été convaincus que les enregistrements faits en Lits de Justice étoient légaux, et avoient la même force que les enregistrements volontaires, leurs Ministres n'auroient pas fait différentes tentatives pour ériger cette prétendue maxime en dogme, et en Loi de l'Etat. On a vu une de ces tentatives dans trois articles de l'Ordonnance de 1626 enregistrée en Lit de Justice. Mais quel en fut le succès? Le Parlement de Paris n'a jamais voulu reconnaître ni exécuter cette Loi; et si quelques Parlemens s'y sont soumis, c'est avec des modifications qui ont rendu la disposition des articles inutile et sans effet.

2) J a c o b N i c o l a s M o r e a u, Exposition et defense de notre constitution monarchique française, précédée de l'historique de toutes nos assemb-

и ту же политическую цѣль, — указать предстоявшему собранію генеральныхъ штатовъ тѣ установившіеся конституціонные принципы, въ предѣлахъ которыхъ должны быть проведены ими правительственныя реформы. Оба они одинаково черпаютъ эти принципы изъ парламентской публично-правной догмы¹⁾. Между ними замѣчается, правда, нѣкоторое различіе въ ихъ отношеніи къ генеральнымъ штатамъ: Chaillon de Joinville признаетъ послѣдніе интегральной частью конституціи²⁾, Moreau говоритъ о необходимости ихъ созыва лишь съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности въ виду поднятыхъ королемъ вопросовъ объ измѣненіи конституціи въ смыслѣ дальнѣйшаго ограниченія королевской власти, а также въ виду важности задуманныхъ финансовъ и административныхъ реформъ³⁾. Приведенное различіе не представляется намъ существеннымъ, такъ какъ въ самой парламентской догмѣ имѣлись данныя для подобнаго двойственнаго отношенія къ генеральнымъ штатамъ⁴⁾.

По боевому вопросу объ авторитетѣ королевскихъ *lits de justice* оба автора не высказываются прямо, но по косвеннымъ даннымъ можно предположить, что они скорѣе склоняются къ той независимой позиціи, которую занялъ въ

lées nationales; dans deux mémoires, où l'on établit qu'il n'est aucun changement utile dans notre Administration, dont cette Constitution même ne nous présente les moyens, tomes I—II, Paris, 1789. — Chaillon de Joinville, Apologie de la constitution françoise ou États republicain et monarchique, comparés dans les Histoires de Rome et de France, tomes I—II, s. l., 1789.

1) За подробностями отсылаемъ читателя къ тому изложенію названныхъ авторовъ, которое даетъ André Lemaire, *op. cit.*, p. 263—268. — Отмѣтимъ, что Chaillon de Joinville считаетъ государственный строй Франціи національной ея особенностью, умомъ которой не понять, аршиномъ общимъ не измѣрить. Le Gouvernement François, говоритъ онъ, est indéfinissable, incompréhensible; et c'est précisément ce qui fait toute sa force; ne pouvant définir ni apercevoir l'immensité des chaînons qui lui servent de ressort, les ennemis extérieurs ou intérieurs de cet Etat ne peuvent l'attaquer sérieusement, encore moins le détruire . . . Et l'on dit au bout de 1368 années, que nous n'avons pas de constitution (*op. cit.*, t. I, p. 143).

2) См. André Lemaire, *op. cit.* p. 266—267.

3) J. N. Moreau, *op. cit.*, t. II, p. 350—357.

4) См. у насъ выше стрн. 437—438.

этомъ отношеніи парламентъ въ XVIII вѣкѣ. Такъ, Chaillon de Joinville считаетъ необходимымъ условіемъ благополучнаго хода государственной жизни то, чтобы уста магистратовъ и уши монарха были всегда отверсты¹⁾ и не дѣлаетъ изъ этого общаго принципа никакихъ изъятій для *lits de justice*. Moreau, правда, признаетъ юридическую необходимость подчиненія актамъ королевскаго полновластія, но при этомъ сводитъ приказъ короля и, слѣдовательно, должное ему подчиненіе исключительно къ занесенію новаго закона въ регистры²⁾. Что же касается исполненія закона, формально зарегистрированнаго, но все же признаннаго парламентомъ неправомѣрнымъ, то по этому вопросу Moreau держится иного мнѣнія. Онъ не находитъ юридической необходимости для парламента приводить подобный законъ въ исполненіе³⁾ и не признаетъ за королемъ права обязывать къ этому парламентъ⁴⁾. Несомнѣнно, что въ возможныхъ въ такихъ случаяхъ конфликтахъ Moreau оправдываетъ парламентскую обструкцію и, очевидно, на основаніи исторической практики послѣдней строить свое общее ученіе о пассивномъ сопротивленіи народа неправомѣрнымъ актамъ монарха⁵⁾.

1) *Op. cit.* t. I, p. 141: Il résulte de tout cela que dans la Monarchie Française, la bouche des Magistrats et l'oreille des Princes doivent toujours être ouvertes: alors tout ira bien.

2) *Op. cit.*, t. II, p. 319: Mais c'est parce que les Magistrats ne partagent point avec (le roi) la puissance, qu'après qu'ils ont épuisé et les conseils, et les représentations, s'il (le roi) persiste, il doit être obéi, car la constitution est monarchique et elle cesserait de l'être, s'ils avaient comme les Tribuns de Rome, le droit du veto: mais qu'ordonne-t-il alors au parlement? que l'on enregistre, et rien de plus.

3) *Op. cit.*, t. II, p. 322: Qui osera condamner les perpétuelles représentations du Parlement, et sa très-respectueuse, mais invincible résistance?

4) *Op. cit.*, t. II, p. 327: Toutes les fois que l'Edit qu'il (le parlement) aura été forcé d'enregistrer sera évidemment injuste, le Roi ne pourra l'obliger à en être exécuté.

5) *Op. cit.*, t. II, p. 229: Dans la Monarchie le Souverain considéré comme force physique est un infiniment petit comparé avec la Nation, en qui réside toujours le droit du plus fort. Si le Prince étoit évidemment injuste, la résistance qu'on lui opposerait, n'auroit jamais besoin de recourir aux armes: elle ne seroit que le repos de tous, contre lequel échoueroit l'effort d'un seul.

Теоретическая традиція парламентской публичноправной догмы пережила старый порядокъ и возродилась въ реакціонной политической литературѣ временъ реставраціи¹⁾.

1) См., нпр., Ch. Delalot, De la constitution et des lois fondamentales de la Monarchie Française, Paris, 1814. — G. Bourbon-Leblanc, Code du droit public français ou Maximes légales, défendues par les parlemens du royaume etc., Paris, 1825.

ГЛАВА VIII.

Историческое обоснованіе догмы положительнаго государственнаго права.

Изложеніе парламентской публичноправной догмы показало намъ, что важнѣйшимъ источникомъ положительнаго государственнаго права стараго порядка были незапамятный обычай и прецеденты. При такомъ положеніи дѣла работа догматика должна была непрестанно опираться на исторію, къ которой приходилось обращаться какъ за установленіемъ прецедентовъ, такъ и за доказательствомъ преемственности и неизмѣнности публичноправной традиціи. Многіе вопросы положительнаго государственнаго права опредѣлялись, правда, законами, но законы эти были разновременные: они отдѣлялись другъ отъ друга большими промежутками времени, нерѣдко цѣлыми эпохами; къ тому же вслѣдствіе правительственнаго произвола государственные законы держались подъ спудомъ и терялись въ архивной пыли. Такимъ образомъ и для установленія и истолкованія законодательнаго матерьяла неизбѣжно требовались историческія справки и изысканія.

Начиная съ перваго представленія по политическому вопросу, направленнаго противъ отмѣны прагматической санкціи въ 1461 году¹⁾, и кончая послѣдними предъ кру-

1) Remonstrances faictes au Roy Loys onzième de ce nom par sa cour de parlement en l'an 1461, nom. IV—VII, Dufey, op. cit., t. I, p. 122—126. См. у насъ выше стрн. 338.

неніемъ стараго порядка заявленіями въ пользу традиціонной монархической „конституціи“, всѣ догматическія построения парламента неизбѣжно содержать въ себѣ указанные элементы исторіи. Исторія доставляла парламенту не только нормативные факты, но и доказательство дѣйствительности установленныхъ ими нормъ. Дѣло въ томъ, что правительственный произволъ не только спорадически нарушалъ государственные законы, но и возводилъ такое нарушение въ систему, такъ что въ теченіе продолжительныхъ періодовъ „конституція монархіи“ пріостанавливалась. Но, благодаря твердости парламента, государственные законы при первой же возможности вновь воспринимали силу дѣйствія. Въ такомъ неизмѣнномъ торжествѣ законности надъ всѣми преградами, которыя ставилъ ей произволъ власти, парламентъ видѣлъ доказательство живучести и дѣйствительности государственныхъ законовъ и въ этомъ смыслѣ указывалъ на политическую исторію страны какъ на источникъ публичноправныхъ истинъ¹⁾. Необходимый историческій матеріалъ парламентъ черпалъ изъ собственныхъ регистровъ, которые являлись какъ бы спеціальнымъ архивомъ государственнаго права, и дѣлали самый парламентъ хранилищемъ государственныхъ законовъ въ прямомъ смыслѣ этого слова. Вслѣдствіе этого понятно то рвеніе, съ которымъ парламентъ защищалъ неприкосновенность своихъ регистровъ противъ правительства.

1) *Remontrances du Parlement de Paris au XVIII^e siècle*, tome II, pag. 434—435: *Votre parlement, Sire, ne craindra pas de mettre sous les yeux de V. M. la victoire éclatante qu'ont remportée les lois et la fidélité du Parlement, dans une époque moins reculée, sur les efforts réunis de l'ambition et du fanatisme, qui semblent n'avoir obscurci quelques jours de la France que pour rendre plus beaux et plus sereins ceux qui les ont suivis Qu'il nous soit permis, Sire, de vous le dire, tant d'obstacles multipliés, toujours surmontés par la force de nos lois, ne doivent pas être considérés comme les événements historiques qui ne contentent que la curiosité; ils doivent élever l'âme à la connaissance d'une vérité également importante à nos rois et à leurs peuples (rem. du 18 janvier 1764). См. l'abbé Lenglet du Fresnoy, Méthode pour étudier l'histoire, nouv. édit., Paris, 1772, tome VII, pag. 351: c'est par l'histoire que les personnes les plus versées dans notre droit public, en ont assuré les principes, et fait connoître le détail: c'est à quoi elle doit principalement servir.*

Историческій элементъ столь неразрывно связанъ съ догматическими построеніями парламента, что не представляется возможности выдѣлить его изъ послѣднихъ. Характеръ и значеніе его достаточно опредѣлились при анализѣ публичноправной догмы. Отводя особую главу вопросу объ историческомъ обоснованіи догмы положительнаго государственнаго права, мы имѣемъ въ виду не приемы парламентской работы по установленію правового матерьяла и конструированію государственныхъ институтовъ, а нѣчто другое. Постараемся выяснитъ нашу особую задачу.

Установленная парламентомъ догма положительнаго государственнаго права характеризуется двумя слѣдующими особенностями: 1) въ основу ея положено ученіе о неизмѣнности „конституціи“ французской монархіи на всемъ протяжении ея существованія; 2) центральное мѣсто въ этой „конституціи“ отведено самому парламенту, какъ хранилищу законовъ. Два приведенныхъ основныхъ положенія легко могли стать въ противорѣчіе другъ къ другу. Дѣло въ томъ, что парламентъ по своему происхожденію не восходилъ далѣе феодальной эпохи, и что за время существованія сословнаго представительства онъ не былъ единственнымъ учрежденіемъ, предназначеннымъ служить „сдержкой“ для королевской власти: ему приходилось раздѣлять эту функцію съ генеральными штатами, и только послѣ прекращенія послѣднихъ онъ занялъ то исключительное и центральное мѣсто въ государственномъ строѣ страны, которое закрѣпилъ за собою въ созданной имъ публичноправной догмѣ. Болѣе позднее сравнительно съ основаніемъ самой монархіи происхожденіе парламента и измѣненія, имѣвшія мѣсто въ собственномъ положеніи послѣдняго, явно противорѣчили основному принципу неизмѣнности „конституціи“ монархіи на всемъ протяжении ея существованія. Противорѣчіе это не только нарушало формально-логическую стройность публичноправной догмы, но и разрушало ее по существу. Если парламентъ не имѣлъ корней въ самомъ основаніи монархіи, выступилъ лишь вполнѣдствіи и къ тому же не всегда занималъ въ государственномъ строѣ то центральное мѣсто, на которое сталъ со временемъ, то вся публичноправная догма его падала: она переставала быть національно-исторической истиной и не могла претендовать

на большій моральный авторитетъ, чѣмъ тѣ перемѣны въ государственномъ строѣ, которыя производились правительствомъ, хотя парламентъ и клеймилъ ихъ какъ искаженія „конституціи“ и защищался отъ нихъ протестами, а также явными и тайными предохранительными отмѣтками въ своихъ регистрахъ. Вполнѣ понятно, что необходимо было устранить отмѣченное противорѣчіе. Такъ какъ принципъ неизмѣнности „конституціи“ французской монархіи признавался незыблемымъ, то оставался одинъ лишь путь для выхода изъ указаннаго противорѣчія: создать для парламента такого рода исторію, которая устанавливала бы исконность его политическихъ функцій и обеспечивала бы ему безспорное обладаніе центральнымъ мѣстомъ въ государственномъ строѣ страны. Осуществленіе этой задачи мы и понимаемъ какъ историческое обоснованіе догмы положительнаго государственнаго права, чему и посвящаемъ настоящую главу.

Отысканіе генеалогическихъ корней парламента въ эпоху основанія монархіи и выясненіе его значенія сравнительно съ генеральными штатами требовало изученія древнихъ хроникъ и актовъ и такого вообще историческаго матерьяла, котораго нельзя было найти въ парламентскихъ регистрахъ. Изслѣдованіе этого новаго матерьяла выходило уже за предѣлы историко-догматическихъ конструкцій. Требовалась самостоятельная и специальная работа на сторонѣ. И эту работу выполнили лица, хотя и принадлежавшіе къ магистратурѣ, но специально посвятившіе свои досуги историческимъ изысканіямъ.

На болѣе широкой почвѣ политической исторіи парламентаріямъ и ихъ сторонникамъ приходилось сталкиваться съ представителями другихъ общественно-политическихъ интересовъ, которые тоже искали историческаго оправданія и обоснованія выставляемыхъ ими притязаній¹⁾. Задача

1) Aug. Thierry въ своихъ *Considérations sur l'histoire de France* (помѣщ. въ началѣ его *Récits des temps mérovingiens*) отмѣчаетъ чрезвычайное развитіе въ старой французской исторіографіи партійно-политическаго духа и указываетъ на его отдаленные историческіе корни: еще въ средніе вѣка слагались различныя теченія въ объясненіи политическаго прошлаго страны сообразно различію интересовъ общественныхъ классовъ. — Мы пользовались нѣмецкимъ переводомъ сочиненія Тьерри, см. Aug.

парламентскихъ историковъ невольно приобрѣтала полемическій характеръ. Въ виду этого намъ придется заняться въ настоящей главѣ не только тѣми трудами, которые были направлены на историческое обоснованіе парламентской публичноправной догмы, но также и противоположными имъ произведеніями политической исторіи, съ которыми парламентаріямъ приходилось полемизировать.

Публичноправная парламентская догма получила историческое обоснованіе въ нашемъ смыслѣ въ XVI вѣкѣ, который вообще былъ эпохой интенсивнаго развитія историческаго интереса въ области юриспруденціи и политики¹⁾, въ знаменитомъ трудѣ Этьена Паскье²⁾. Авторъ былъ ученикомъ извѣстнаго піонера историческаго знанія Балдуина³⁾ и по профессіи совѣтникомъ и генеральнымъ адвокатомъ Парижской счетной палаты, — соединялъ такимъ образомъ историческую выучку съ знаніемъ дѣйствующаго права и публичноправныхъ воззрѣній магистратуры. Благодаря такому удачному сочетанію необходимыхъ данныхъ, онъ создалъ такую историческую схему развитія парламента,

Thierry, Erzählungen aus den merovingischen Zeiten mit einleitenden Betrachtungen über die Geschichte Frankreichs, Elberfeld, 1855, S. 14—20, 22—23.

1) О развитіи интереса къ историческому знанію во Франціи въ XVI вѣкѣ см. Ludwig Wachler, Geschichte der historischen Forschung und Kunst seit der Wiederherstellung der litterarischen Cultur in Europa, I. Band, 1. Abth., Göttingen, 1812, S. 332—336, 339—353; Г. Т. Бокль, Исторія цивилизаціи въ Англіи, томъ I, глава XIII, 2-ое русск. изд. Ч. Павленкова, СПб., 1896, стрн. 313—315; А. Стояновъ, Методы разработки положительнаго права и общественное значеніе юристовъ отъ глоссаторовъ до конца XVIII столѣтія, Харьковъ, 1862, стрн. 44—78, 91—100; G. Monod, Du progrès des études historiques en France depuis le XVI-e siècle, Revue historique, 1876, tome I, pag. 5, 7, 11—12; E. Fournol, Sur quelques traités de droit public au XVI-e siècle, Paris, 1897, passim; Louis Delaruelle, Guillaume Budé, les origines, les débuts, les idées maîtresses, Paris, 1907, pag. 113—116, 125—126.

2) Estienne Pasquier, Les recherches de la France, Paris 1621. — Первая книга этого труда, содержащая въ себѣ исторію парламента, появились въ теченіе 1561—1565 годовъ. Цитируемое нами посмертное изданіе наиболѣе полное, — изъ девяти книгъ; послѣднія три книги присоединены послѣ смерти автора на основаніи оставленной имъ рукописи.

3) См. А. Стояновъ, указ. сочин., стрн. 97.

которая требовалась для обоснованія парламентской публично-правной догмы.

Благоустроенная свобода, училъ Паскъе, въ монархическомъ государствѣ неизбежно требуетъ особаго учрежденія, которое своими представленіями удерживало бы королевскую власть отъ произвола¹⁾. Это требованіе неуклонно соблюдалось во Франціи, которая обладала подобнымъ учрежденіемъ во всѣ эпохи своего существованія. При первой династіи такимъ учрежденіемъ были народныя собранія, извѣстныя подъ названіемъ майскихъ полей, которыя Паскъе называетъ ежегоднымъ парламентомъ²⁾. При второй династіи это были собранія прелатовъ и бароновъ; наконецъ, при третьей династіи — парламентъ въ собственномъ смыслѣ³⁾. Всѣ эти учрежденія исполняли одну и ту же функцію по провѣркѣ и регистраціи законодательныхъ актовъ и потому находятся между собою въ непосредственной генетической связи, такъ что парламентъ представленъ у Паскъе какъ исконное учрежденіе монархіи, мѣнявшее лишь свой внѣшній обликъ при неизмѣнномъ сохраненіи внутренней своей сущности. Свою функцію по охранѣ правомѣрности законо-

1) *Les Recherches de la France*, livre II, chap. II, ed. cit., fol. 42: Tous ceux qui ont voulu fonder la liberté d'une Republique bien ordonnee, ont estimé que c'estoit lors que l'opinion du souuerain Magistrat estoit attrempee par les remonstrances de plusieurs personnes d'honneur, estans constituees en estat pour cet effect: et quand en contr'eschange, ces plusieurs estoient controllez par la presence, commandement de Majesté de leur Prince.

2) *L. c.*, livre II, chap. II, fol. 43: Les premiers qui mirent cette noble invention sur les rangs, le firent pour captiuer par ce moyen le coeur et deuotion des sujets; car nos anciens Maires du Palais, voulans unir en leur personne toute l'autorité du Royaume, et usans de nos Roys par forme de masque: pour ne se mettre en haine des grands Seigneurs et Potentats, introduisirent premierement une forme de Parlement annuel, qui se tenoit au mois de May.

3) *L. c.*, livre II, chap. IV, fol. 60: Tout ainsi que sous Charlemagne et ses successeurs ne s'entreprenoit chose de consequence du Royaume que l'on ne feist assemblee de Prelats et de Barons, pour auoir l'oeil sur cette affaire: aussi le Parlement estant arresté fut trouué bon que les volonteز générales de nos Roys n'obtinssent point lieu d'Edicts, si non qu'elles eussent este verifiees et emologuees en ce lieu. Laquelle chose premierement se pratiquoit sans hypocrisie et dissimulation, deferans nos Roys grandement aux deliberations de la Cour.

дательныхъ актовъ парламентъ искони осуществлялъ свободно. Стѣсненіе парламентской дѣятельности наступило лишь въ послѣдствіи: во время столѣтней войны короли и регенты всячески обходили регистрацію, а Людовикъ XI сталъ оказывать давленіе на парламентъ, такъ что при немъ сложилась особая формула регистраціи: *De expresso et expressissimo mandato regis, pluribus vicibus reiterato*¹⁾. Все же, не смотря на это нововведеніе, короли при всемъ своемъ полномъ властіи, руководясь разумно понятнымъ собственнымъ интересомъ, всегда добровольно подвергали издаваемые ими законы свободному испытанію парламентовъ, и французскій народъ охотно подчинялся и подчиняется только тѣмъ законамъ, которые были зарегистрированы парламентомъ въполнѣ свободно²⁾.

Въ противоположность парламенту, историческіе корни котораго восходятъ къ первымъ временамъ монархіи, генеральные штаты представлены у Паскье какъ новообразованіе, лишенное генетической связи съ государственнымъ строемъ древности³⁾. Они установлены Филиппомъ Красивымъ ради цѣлей податной политики⁴⁾. Когда средства домена оказались недостаточными для покрытія государственныхъ расходовъ, главнымъ образомъ на военныя нужды, королямъ пришлось обратиться къ податному обложенію населенія. Налоги воспринимались населеніемъ какъ великая тягость

1) L. c., livre II, chap. IV, fol. 61—62.

2) L. c., livre II, chap. IV, fol. 62: Grande chose veritablement digne de la Majesté d'un Prince que nos Roys (ausquels Dieu a donné toute puissance absolue) ayent d'ancienne institution voulu reduire leurs volonteiz sous la ciulité de la loy: et en ce faisant, que leurs Edits et Decrets passassent par l'alambic de cet ordre public. Et encores, chose pleine de merueille, que des lors que quelque ordonnance a esté publiee et verifiee au Parlement, soudain le peuple François y adhere sans murmure: comme si telle compagnie fust le lien qui noiiast l'obéissance des sujets avec le commandement de leur Prince. Qui n'est pas oeuvre de petites consequences pour la grandeur de nos roys. Lesquels pour cette raison ont tousjours grandement respecté cette compagnie, encore que quelques fois sur les premieres auenuës, son opinion ne se soit en tout et par tout rendue conforme à celles des Roys.

3) L. c., livre II, chap. VII, fol. 81: Encores que quelques uns qui pensent auoir bonne part aux histoires de la France, tirent l'Assemblée des Estats d'une bien longue ancienneté, voire sur elle establisent toute la liberté du peuple, toutesfois ny l'un n'y l'autre n'est véritable.

4) L. c. livre II, chap. VII, fol. 82.

и зло, и взиманіе ихъ приводило нерѣдко къ народнымъ волненіямъ. Чтобы избѣжать послѣднихъ и обезпечить безпрепятственное и исправное пополненіе государственной казны, мудрая политика правительства и изобрѣла новое средство: собирать представителей трехъ сословій для обсужденія и удовлетворенія всѣхъ государственныхъ нуждъ, въ томъ числѣ и финансовыхъ¹⁾. На этихъ собраніяхъ дѣлались представителями сословій заявленія объ общихъ нуждахъ страны и правительствомъ — заявленія о финансовыхъ нуждахъ. Въ отвѣтъ на первыя издавались разнаго рода законы, направленные на улучшеніе государственнаго управленія; въ отвѣтъ на вторыя вотивались налоги. Но благодѣтельные законы являются, строго говоря, лишь декоративной обстановкой собраній генеральныхъ штатовъ; дѣйствительная же ихъ сущность и реальный результатъ заключались въ добровольномъ признаніи налоговъ, которое обязывало затѣмъ населеніе къ исправной и безропотной ихъ уплатѣ²⁾. Выставленные въ такомъ освѣщеніи, гене-

1) L. c., livre II, chap. VII, fol. 81—82: Leuees que le peuple ne pouuoit gouster, les appellans Maletoultres, comme deniers mal tollus et ostez: et ceux qui se mesloient de les leuer Maletoultiers: ce qui causoit fort souuent des esmotions populaires. Pour lesquels obuier les sage-mondains qui manioient les affaires de France, furent d'aduis, pour faire auecques plus de douceur aualer cette purgation au commun peuple, d'y apporter quelque beau respect. Ce fut de faire mander par nos Roys à toutes leurs Prouinces, que l'on eust à s'assembler à chasque Seneschaussee et Bailliage, et que la le Clergé, la Noblesse et le demeurant du peuple, qui fut appellé Tiers Estat, aduisassent d'apporter remedes aux defaux generaux de la France, et tout d'une main aux moyens qui estoient requis pour subuenir à la necessité des guerres qui se presentoiient: et que apres auoir pris langues entr'eux, ils deputassent certains personnages de chaque ordre pour conferer tous ensemble dans la ville, qui estoit destinee pour tenir Assemblée generale.

2) L. c., livre II, chap. VII, fol. 82: En ce lieu quelques bonnes Ordonnances que l'on face pour la reformation generale, ce sont belles tapisseries, qui seruent seulement de parade à une posterité. Cependant l'impost que l'on accorde au Roy, est fort bien mis à effect. De maniere que celui a bien faite d'yeux, qui ne veoit que le Roturier fut expres adjousté, contre l'ancien ordre de la France, à cette assemblée, non pour autre raison, sinon d'autant que c'estoit celui sur lequel deuoit principalement tomber tout le faix et charge: afin qu'estant en ce lieu engagé de promesse, il n'eust puis apres occasion de retifuer ou murmurer. Invention grandement sage et politique.

ральные штаты представляются мудрымъ, но макиавеллистическимъ изобрѣтеніемъ правительства: они не болѣе какъ приманка для того, чтобы извлечь изъ народа возможно больше средствъ въ казну безъ замѣшательства и затрудненій для правительства. Легковѣрный народъ шелъ на приманку; прельщенный возможностью заявлять о своихъ нуждахъ и судить и рядить о благѣ страны, онъ охотно развязывалъ свой кошелекъ и съ радостью устремлялся на собранія генеральныхъ штатовъ, которыхъ, въ сущности говоря, долженъ былъ бы избѣгать, такъ какъ неизмѣннымъ ихъ результатомъ являлись все новыя и новыя податныя тягости¹⁾.

Въ качествѣ высшей степени важнаго момента должны мы подчеркнуть то обстоятельство, что генеральные штаты выводятся у Паскье исключительно изъ правительственной политики, а отнюдь не изъ юридическихъ предпосылокъ. Мы знаемъ, что такая предпосылка имѣлась и заключалась въ признаніи неприкосновенности частной собственности. Антиномія, порождаемая послѣдней и необходимостью налогового отчужденія, находила выходъ въ добровольномъ согласіи собственниковъ или ихъ представителей. Отсюда и выводили необходимость генеральныхъ штатовъ²⁾. Паскье, какъ мы видѣли, этого не дѣлаетъ и ограничиваетъ обо-

1) L. c. livre II, chap. VII, fol. 82: Car comme ainsi soit que le commun peuple trouue tousjours à redire sur ceux qui sont appelez aux plus grands charges et qu'il pense qu'en descourant ses doleances, on restablira toutes choses de mal en bien, il ne desire rien tant que l'ouuerture de telles assemblees. D'ailleurs se voyant honoré par y auoir lieu, et chatouillé du vent de ce vain honneur, il se rend plus hardy prometteur à ce qu'on luy demande: mais ayant une fois promis, il ne luy est pas puis apres loisible de resilir de sa parole, pour l'honneste obligation qu'il a contractee auecques son Prince en une congregation si solemnelle. D'auantage qui est celui qui ne trouue un Roy plein de debonnaireté, lequel par honnestes remonstrances veut tirer de ses sujets, ce que quelques esprits hagards penseroient pouuoir estre exigé par une puissance absoluë? Tellement que sous ces beaux et doux appasts, l'on n'ouure jamais telles Assemblees que le peuple n'y accoure, ne les embrasse, et ne s'en esjouysse infiniment, ne considerant pas qu'il n'y a rien qu'il deuest, tant craindre, comme estant le general refrain d'iceux, de tirer argent de luy.

2) Такую постановку дѣла находимъ въ *Mémoires de Philippe de Comynes*, livre V, chap. XIX (nouu. édit. par B. de Mandrot, Paris, 1901—1903, t. I, p. 443—453).

снованіе генеральныхъ штатовъ одними лишь политическими соображеніями правительства. Этимъ онъ ставитъ генеральные штаты ниже парламента, за которымъ признаетъ незыблемое юридическое обоснованіе въ конститутивной необходимости для монархіи особаго учрежденія, предназначеннаго сдерживать произволъ королевской власти¹⁾. Парламентъ и прочія верховныя палаты, особенно счетная, призваны сдерживать всѣ возможныя проявленія произвола, въ томъ числѣ и произволъ въ установленіи налоговъ. Обезпеченіе законности послѣднихъ достигается, по мысли Паскье, тѣмъ же путемъ, что и обезпеченіе правомѣрности всѣхъ королевскихъ актовъ, т. е. свободной регистраціей финансовыхъ эдиктовъ (*édits bursaux*)²⁾.

Такимъ образомъ данное у Паскье историческое обоснованіе парламентской публичноправовой догмы сводится къ нижеслѣдующему. Парламентъ своими историческими корнями восходитъ къ первымъ временамъ монархіи и въ своемъ существѣ является столь же неизмѣннымъ, какъ и вся „конституція“ страны. Въ основѣ парламента лежитъ юридическій принципъ, неизбѣжный въ видахъ отграниченія королевской монархіи (свободной) отъ сенъеріальной (не-

1) См. у насъ выше стрн. 512 прим. 1-ое.

2) См. Henri Baudrillart, Étienne Pasquier écrivain politique, Paris, 1863, pag. 27—28: Les états généraux ne rencontrent plus sous la plume de l'auteur des *Recherches* la même faveur que dans le *Pourparler du prince* (qui date de jeunesse de Pasquier). Comme bien d'autres, sans doute, qu'avait découragés l'impuissance de ces grandes assemblées, qui donnent seules l'idée d'une vraie représentation nationale, Pasquier n'y voit plus qu'une vaine parade, et comme il dit, „belles tapisseries“, pour faire accepter du peuple de nouveaux impôts. Mais, en faisant peu de cas de cette garantie des états qu'il juge illusoire, ne croyons pas qu'il reconnaisse aux rois le droit de lever les impôts sans consentement, non plus que celui de les dépenser sans contrôle. Ce droit que déjà Comynes leur contestait en des termes, dont il n'est pas possible de surpasser l'énergie, Pasquier ne le leur accorde pas davantage, jugeant qu'il n'y a que des „esprits hagards“ qui penseraient que l'argent des sujets peut „être exigé par une puissance absolue“. De là encore l'importance considérable qu'il attribue, dans ses *Recherches* comme ailleurs, à la Chambre des comptes, dont il suit les origines et décrit les constitutions successives, et qu'il place à la tête de tous nos corps de judicature, à côté même de la Cour du parlement, pour l'opposer aux altérations de monnaie, au système abusif des *édits bursaux* et à toutes les malversations financières.

свободной). Центральное положеніе парламента въ государственномъ строѣ независимо отъ сословнаго представительства¹⁾, потому что генеральныя штаты не имѣютъ историческихъ корней въ первоначальной эпохѣ монархіи, являются болѣе позднимъ нововведеніемъ и кромѣ политическихъ соображеній правительства не имѣютъ за собою незыблемаго юридическаго обоснованія.

Историческая концепція Паскье была воспринята парламентской догмой. Какъ непреложную истину признавалъ парламентъ свою генетическую связь съ майскими полями²⁾. Но въ своемъ отношеніи къ генеральнымъ штатамъ парламентъ не доходилъ до той степени самостоятельности, на которую ставилъ его Паскье. Правда, парламентъ не прочь былъ въ иныхъ случаяхъ говорить даже о своемъ превосходствѣ надъ генеральными штатами³⁾ и вообще обосновывалъ свое положеніе въ государственномъ строѣ страны независимо отъ своего качества депозитарія и наслѣдника генеральныхъ штатовъ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе и это послѣднее качество парламентъ не вычеркивалъ изъ ряда своихъ правнополитическихъ титуловъ. Во всякомъ случаѣ онъ смотрѣлъ на регистрацію финансовыхъ эдиктовъ какъ на замѣщеніе функціи генеральныхъ штатовъ по вотированію налоговъ и въ эпоху распада стараго порядка настаивалъ на восстановленіи послѣдней функціи въ рукахъ сословнаго представительства⁵⁾. Какъ видимъ, парламентъ обнаруживалъ нѣ-

1) Lemaire (op. cit., p. 86, nota 1-a) отмѣчаетъ предшественниковъ исторической концепціи Паскье, слѣдуя указаніямъ des *Maximes du droit public françois* (éd. Amsterdam, 1775, tome II, pag. 22—25). Легко однако замѣтить, что никто изъ этихъ предшественниковъ не доходилъ до ученія о полной независимости историческаго положенія парламента отъ сословнаго представительства.

2) См. у насъ выше стрн. 439. — Въ представленіи парламента отъ 19—20 марта 1768 года приводятся дословныя выписки изъ Паскье, см. *Remontrances du Parlement de Paris au XVIII-e siècle*, tome II, pag. 877.

3) Мы имѣемъ въ виду извѣстный отвѣтъ, данный Парижскимъ парламентомъ Руанскому въ 1649 году, см. у насъ выше стрн. 361.

4) См. у насъ выше стрн. 362 и 437.

5) Въ представленіи отъ 6 августа 1787 года парламентъ вполне откровенно призналъ прекарность своихъ полномочій въ дѣлѣ регистраціи финансовыхъ эдиктовъ: *Le principe constitutionnel de la monarchie françoise est que les impositions soient consentées par ceux qui doivent les*

который историко-юридическій синкретизмъ, легко объяснимый соображеніями политическаго характера о томъ, что лишній титулъ не повредитъ, да къ тому же генеральные штаты были для общества несомнѣнно ближе, памятникъ и дороже антикварныхъ майскихъ полей¹⁾.

Историческія основы парламентской публичноправной догмы, положенныя Паскье, вызвали тогда же рѣшительное опроверженіе со стороны знаменитаго автора Франко-Галліи и Франциска Готмана²⁾.

Мы не будемъ передавать общеизвѣстнаго содержанія Франко-Галліи и остановимся лишь на анализѣ тѣхъ ея положеній, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ занимающему насъ въ настоящей главѣ вопросу. Съ этой стороны трактатъ Готмана въ высшей степени важенъ тѣмъ, что онъ не только оспариваетъ и опровергаетъ, но и принципиально отрицаетъ парламентскую догму положительнаго государственнаго права и ея историческія основы.

Въ данной Готманомъ схемѣ „исторической конституціи“ французской монархіи, избирательной и ограниченной

supporter . . . Si votre parlement a cru depuis plusieurs années pouvoir répondre à V. M. de l'obéissance des peuples en matière d'impôt, il a souvent plus consulté son zèle que son pouvoir. Въ представленіи отъ 30 апрѣля 1788 года парламентъ характеризовалъ требованіе созыва генеральныхъ штатовъ какъ реставраціонное требованіе: Après de mûres et sages réflexions, il (sc. le parlement) se décide, il donne à l'univers l'exemple inouï d'un corps antique, d'un corps accrédité, tenant aux racines de l'État, qui remet de lui-même à ses concitoyens un grand pouvoir dont il usait pour eux depuis un siècle, mais sans leur consentement exprès Les États généraux seront donc assemblés! Les États généraux rentreront dans leurs droits! — См. Remontrances du Parlement de Paris au XVIII-e siècle, tome III, pag. 682 et 737—738.

1) Этотъ синкретизмъ нашелъ себѣ выраженіе въ извѣстномъ уже намъ трудѣ Du Haillan'a, — см. объ этомъ André Lemaire, op. cit., pag. 91. Нечего и говорить о томъ, что его же встрѣчаемъ мы въ *Maximes du droit public français*.

2) Francisci Hotomanni Franco-Gallia появилась впервые въ 1573 году. Авторъ все добавлялъ въ ней новыя главы, покуда не закончилъ своего труда въ 4-омъ изданіи: Fr. Hotomanni Franco-Gallia nunc quantum ab auctore recognita et praeter alias accessiones sex novis capitibus aucta, Francofurti, 1586. Новыми явились главы: VII, IX, XIII, XIX, XXIV и XXV. Мы пользуемся для цитатъ франкфуртскимъ же изданіемъ 1665 года, сдѣланнымъ по изданію 1586 года.

исконными элементами народоправства, нѣтъ мѣста для парламента, какъ для учрежденія съ политическими функціями. Избирательная монархія имѣетъ своимъ юридическимъ основаніемъ народное установленіе, и всѣ функціи по удержанію монарха въ предѣлахъ правомѣрности принадлежать исключительно народному собранію (*publicum gentis concilium*), съ которымъ отождествляется позднѣйшее собраніе чиновъ, или трехъ сословій (*ordinum concilium, statuum concilium, conventus trium statuum, statuum parlamentum*)¹⁾. Парижскій парламентъ является позднѣйшимъ новообразованіемъ временъ третьей династіи и не имѣетъ корней въ первоначальной франко-галльской конституціи²⁾. При такомъ положеніи дѣла для него нѣтъ мѣста въ „исторической“ схемѣ распредѣленія власти между королемъ и народомъ, соприкасающимися непосредственно и не нуждающимися въ парламентскомъ средостѣніи.

Само собою разумѣется, что при всемъ увлеченіи франко-галльской конституціей, Готманъ не могъ отрицать очевиднаго для всѣхъ факта, именно, — тѣхъ политическихъ функцій, которыя отправлялъ парламентъ въ его время. Важно однако, что онъ квалифицировалъ ихъ именно какъ фактъ, а не какъ право, и въ лучшемъ случаѣ видѣлъ въ этомъ фактѣ неизгладимое переживаніе франко-галльскихъ порядковъ. Неизбѣжное констатированіе политическихъ функцій парламента находимъ въ той главѣ Франко-Галліи, которая посвящена перечисленію основныхъ законовъ, ограничивающихъ власть короля³⁾. О парламентѣ упоминается *expressim* въ изложеніи трехъ изъ общаго числа восьми основныхъ законовъ. По поводу перваго закона, ограничивающаго законодательную власть короля соучастіемъ публичнаго т. е. народнаго собранія, дѣлается ссылка на обязательную регистрацію королевскихъ ордонансовъ и эдик-

1) *Fransco-Gallia*, cap. XII, ed. a. 1665, pag. 133—134; срвн. cap. I, pag. 4; cap. XVII, pag. 216; cap. XXVII, pag. 321—322, 325.

2) Cap. XXVII, pag. 327: *Nam quod nonnulli ad Pipinum vel Carolum Magnum institutum illud referunt, quam absurdum id sit, facile ex iis quae mox docebimus, constabit.*

3) Cap. XXV: *Regem Francogalliae non infinitam in suo regno dominationem habere, sed certo jure certisque legibus circumscriptam*, pag. 283 sq.

товъ въ Парижскомъ парламентѣ, какъ на слѣдъ бывшихъ законодательныхъ правъ народнаго собранія¹⁾. Такой же точно слѣдъ отмѣчается при установленіи пятаго основного закона о неотчуждаемости короннаго домена: парламентское испытаніе королевскихъ актовъ о вынужденномъ законными поводами отчужденіи приводится въ доказательство прежнихъ правъ народнаго собранія²⁾. Шестой законъ прямо обусловливаетъ осуществленіе королевскаго права аболіціи и помилованія необходимымъ соучастіемъ парламента³⁾. Кромѣ этихъ прямыхъ указаній на парламентъ въ изложеніи основныхъ законовъ имѣется тамъ еще одно косвенное упоминаніе о немъ. Мы имѣемъ въ виду седьмой законъ, согласно которому несмѣняемость магистратуры обеспечивается необходимостью суда перовъ по должностнымъ преступленіямъ⁴⁾. Такъ какъ куріей перовъ во время Готмана при-

1) P ag. 283—284: Prima igitur (s.c. lex qua Reges astrictos esse constat) haec esto: Ut ne quid quod ad statum Reipublicae in uniuersum pertineat, Regi sine publici Concilii auctoritate statuere liceat, cujus rei cum antea certissima testimonia protulimus, tum etiam expressissimum et evidentissimum usque ad hanc aetatem nostram vestigium illud manet, quod senatus Parisiensis, qui veteris illius Parlamenti auctoritatem sibi magna ex parte ascivit, nullas Regis constitutiones, nulla edicta rata esse patitur, nisi quae apud se pro consilio cognita, et consiliariorum suorum sententiis comprobata fuerint: ut non incommode dici possit, similem hoc quidem in genere videri Senatus illius auctoritatem veterum Tribunorum plebis potestati.

2) P ag. 295—296: Quinta lex ad Regis domanium pertinet . . . Ne videlicet Regi jus sit, ullam domanii sui partem sine publici Concilii auctoritate alienare Itaque anno 1399 cum Rex Carolus VI Comiti Sampaulino particulam quadam sui domanii sive donasset, sive alia ex causa cessisset, Senatus Parisiensis pro vetere veteris Parlamenti jure intercessit: ac pronuntiavit alienationem regii domanii nullius esse momenti, nisi cujus author Senatus ille Parisiensis fuisset, quod decretum P a p o n i u s inter Aresta sua retulit, l. 5, t. tit. 10, ubi alia complura generis eiusdem senatus consulta commemorat: quibus omnibus definitum hoc jus est, alienationem domanii a Rege, sine causa in illo Senatu cognita et probata, factam ipso jure nullam esse.

3) P ag. 298—299: Sexta Regni lex numerari haec potest, ut Regi abolendi criminis et capitalis poenae, sine parlamenti auctoritate, remittendae jus non sit in hoc regno, inquit Boerius, criminis deferens literas remissionis aut abolitionis, sive pardonii, debet incarcerari, et suas literas offerre Parlamento, etc. Haec ille Decis, Burdegal, 65.

4) P ag. 299: Septima est, ut Regi non liceat magistratum aliquem Regni, sive Reipublicae Franciae, nisi causa in Parium consilio cognita et

знавался Парижскій парламентъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ онъ и подразумѣвается авторомъ. Изъ приведенныхъ ссылокъ на парламентъ двѣ послѣднія относятся къ судебнымъ функціямъ и только первыя двѣ — къ функціямъ политическимъ въ тѣсномъ смыслѣ. Какъ разъ именно политическія функціи парламента разсматриваются Готманомъ не какъ право, а какъ фактъ. По праву функціи эти принадлежатъ народному собранію и только фактически онѣ обрѣтаются въ рукахъ парламента, который ихъ себѣ присвоилъ. Такая же точка зрѣнія устанавливается и по отношенію къ тѣмъ судебнымъ функціямъ парламента, которыя находятся въ ближайшей связи съ функціями политическими. Такова компетенція Парижскаго парламента въ качествѣ суда перовъ. И эта компетенція не является въ глазахъ Готмана прямымъ правомъ парламента, но фактически имъ присвоена въ отмѣну самостоятельной куріи перовъ ¹⁾.

Фактическое присвоеніе, или узурпація вотъ основаніе, на которомъ покоятся, по мнѣнію Готмана, политическія функціи парламента. Узурпированнымъ является самое названіе парламента, потому что первоначально по франко-галльской конституціи терминъ „парламентъ“ служилъ для обозначенія народнаго собранія, каковой смыслъ сохранился за этимъ терминомъ въ Англіи ²⁾. На этомъ основаніи самъ Готманъ, когда говоритъ о парламентахъ, прибавляетъ къ нимъ эпитетъ: „судебные“ ³⁾.

Что касается ближайшаго выясненія характера парламентской узурпаціи, то по этому поводу Готманъ высказывается двояко: то онъ видитъ въ ней, какъ мы только что указали, постепенный рядъ самочинныхъ захватовъ со стороны парламента, то считаетъ активными виновниками ея королей третьей династіи, которые отняли

probata, exauctorare. Quae lex ita passim tota Gallia nota et decantata est, ut testimonii non egeat.

1) Cap. XVII, pag. 213: *Et profecto ita est, ut Pares Franciae hoc iure sint: primum ut neque inaugurari, nisi pro collegio, neque abdicari, nisi causa in consilio cognita, neque ad aliud ullum nisi ad collegiarum iudicium, vocari possint: quanquam Parisiensis Senatus hanc sibi auctoritatem ascivit, ut Pares causam apud se dicere iubeat.*

2) Cap. XIII, pag. 162; cap. XXVII, pag. 321—322.

3) См. названіе XXVII-ой главы: *De parlamentis juridicialibus.*

права у народнаго собранія и передали ихъ новымъ судебнымъ парламентамъ¹⁾. Эта видимая двойственность воззрѣнія находить единый выходъ въ томъ, что королямъ приписывается инициатива въ дѣлѣ отмѣны народныхъ правъ, дальнѣйшій же процессъ узурпаціи объясняется самостоятельной захватной дѣятельностью парламента; короли лишь заботились о томъ, чтобы составъ парламента пополнялся лицами, преданными королевскимъ интересамъ²⁾. Вообще Готманъ отрицаетъ за парламентомъ самостоятельное значеніе въ государственномъ строѣ и возможность хотя бы посредственнаго представленія парламентомъ народныхъ правъ и интересовъ. Парламентъ характеризуется имъ исключительно какъ королевское учрежденіе. Недаромъ онъ называетъ его своего рода преторьянскимъ собраніемъ при королѣ³⁾ и относитъ къ числу парламентовъ Большой Совѣтъ⁴⁾. Послѣднее обстоятельство является въ высшей сте-

1) Cap. XXVII, pag. 324—325: Vagam enim Parlamenti rationem fuisse constat, quasique praetorianum Principis concilium. Cum autem in Gallia nostra summam illam Publici consilii auctoritatem imminuere Capevingii molirentur, et certorum Senatorum numerum in ejus concilii locum substituere, augustum illud parlamenti nomen in illum pragmaticorum et judicum consessum transtulerunt: eique hanc auctoritatem tribuerunt: primum ut nulla regia Lex, nulla constitutio rata esset, nisi cujus illi consiliarii auctores comprobatoresque fuissent: deinde ut nullus tota Gallia Magistratus, non modo urbanus, verum etiam militaris esset, quem non ab illo consessu inaugurari, et apud eundem in leges jurare oporteret: tum ut ab eorum judiciis appellandi jus non esset: sed ut eorum decreta rata et fixa essent. — Тоже сказано и относительно перехода къ парламенту суда надъ перами: nam cum antiquitus ea judicia in publico Gentis Concilio exercerentur, atque is mos Majorum paulatim Capevingiorum instituto ad juridiciale parlamentum traduci coepisset (с а.р. XVII, pag. 216—217).

2) Cap. XXVII, pag. 325—326: Postremo quicquid potestatis imperii, auctoritatis penes publicum Concilium et Statuum parlamentum per tot annos fuisse docuimus, id totum Senatus ille subdititius sibi usurpavit: in quem Reges cooptandos curabant, quos ad suas rationes accomodatos fore judicabant.

3) См. начало цитаты, приведенной въ 1-омъ примѣчаніи на этой же страницѣ.

4) Cap. XXVII, pag. 320: Octavum vero, заключаетъ Готманъ перечисленіе семи существовавшихъ въ его время парламентовъ, mobile et ambulatorium (с.с. parlamentum), quod Grande Consilium appellatur. — Несомнѣнно въ видахъ униженія парламентовъ Готманъ сопоставляетъ съ ними подчиненные суды: In horum regnorum finibus sunt et aliae, ut

пени важнымъ и характернымъ. Оно свидѣтельствуетъ о преднамѣренномъ пренебреженіи автора парламентской публичноправной догмой, согласно которой парламентъ, какъ учрежденіе исконное и предусмотрѣнное основными законами монархіи, рѣзко противопоставлялось такому новообразованію, обязанному своимъ установленіемъ произвольной указной дѣятельности короля, какимъ признавался Большой Совѣтъ.

По исторической схемѣ Готмана оказывается, что парламентъ, учрежденный королемъ для подавленія народныхъ правъ, узурпировалъ послѣднія въ духѣ интересовъ королевской власти, а затѣмъ и противъ королей. Возникаетъ далѣе вопросъ о томъ, какимъ образомъ народъ позволилъ ограбить себя: совершилось ли это путемъ одного властнаго акта насилія надъ нимъ или же пущены были въ ходъ особыя козни, путемъ которыхъ была усыплена бдительность народа настолько, что право на соучастіе во власти незамѣтно ускользнуло изъ его рукъ. Готманъ признаетъ, что реально былъ осуществленъ именно второй путь. Скажемъ о немъ подробнѣе.

Короли третьей династіи, учредивъ парламентъ, наполнили его профессиональными юристами, которые на дѣлѣ оказались ябедниками и водворили въ странѣ царство сутяжничества. Они то и узурпировали народныя права и даже уничтожили королевскую власть¹⁾. Удалось имъ этого достигъ, благодаря тому, что они привили населенію заразу сутяжничества²⁾. Послѣднее отвлекло вниманіе народа отъ

sic dicam, Satrapiae, quae superiorum illorum amplitudinem, quoad possunt, imitantur: et vulgo Sedes praesidiales nominantur (i b i d e m).

1) Cap. XXVII, pag. 318: Sub eadem Capevingiorum familia exortum est in Francogallia Regnum Rabularium . . . Dominatur hoc tempore passim in Gallia genus hominum, qui Juridici a nonnullis, Pragmatici ab aliis, itemque Rabulae appellantur. Horum tanta trecentis fere abhinc annis fuit solertia, ut non modo publici consilii auctoritatem prope iam oppresserint, verum etiam omnes Regni Principes, atque adeo Majestatem regiam amplitudini suae parere coegerint.

2) Cap. XXVII, pag. 318—319: Itaque quibus in oppidis illius Regni sedes positae sunt, in iis tertia fere civium et incolarum pars tantis excitata praemiis ad illius se artis Rabulariae studium ac disciplinam applicavit: quod vel Lutetiae, quae ceterarum civitatum omnium princeps numeratur, cuivis licet animaduvertere. Quis enim vel triduum in illa urbe versatus,

государственныхъ дѣлъ, поработило его и довело до такого состоянія подавленности, что народъ допустилъ переходъ всего государственнаго управленія въ руки горсти королевскихъ прихвостней ¹⁾).

Причина, почему юристы оказываются ябедниками и насадителями гибельнаго сутяжничества, коренится, по мнѣнію Готмана, въ ихъ профессиональной выучкѣ на римскомъ правѣ. Что усвоеніе и распространеніе послѣдняго повело за собою насажденіе сутяжничества, объ этомъ писалъ Готманъ еще въ своемъ *Антитрибонианѣ* ²⁾. Тоже повторяетъ онъ и въ *Франко-Галліи*, но при этомъ осложняетъ свою мысль тѣмъ, что приписываетъ введеніе римскаго права во Франціи тлетворному вліянію папъ, проявившемуся съ особенною силою во время пребыванія ихъ на французской территоріи въ Авиньонѣ ³⁾. Преданность пар-

non animaduertit, tertiam civium partem, artem istam rabulariam et litigatoriam factitare?

1) Cap. XXVII, pag. 320: *Tantaque huius morbi vis atque contagio est, ut quemadmodum olim Aegyptiorum bona pars, Tyrannorum suorum imperio, in pyramidibus, et eiusmodi molibus extruendis occupata erat, sic maximus gentis Gallicae numerus in litibus et calumniis exercendis, et forensibus scriptationibus operam consumat.* — Pag. 342: *Cui non miserum atque indignum videatur, gentem Gallicam, omnium quas Sol videt ad bonas quasque artes ac praesertim ad literarum, addo etiam ad pietatis studium aptissimam, tamen in calumniis litium, in sycophantis exercendis, in sordibus denique rabulariis, quasi in cloacis ac latrinis exhauriendis aetatem consumere? quae natio trecentis abhinc annis litium prope expers, Reipublicae et (ut tum loquebatur) boni publici curam in annuis comitiis gerebat, eam in istis lutulentis sordibus occupatam, totam Reipublicae curam paucis aliquot asseclis atque assentatoribus regiis permittere?*

2) См. *Antitribonian ou discours sur l'Etude des Loix*, chap. XVII: *Discours sur l'heur ou malheur advenu à la France par les liures de Justinian.* — въ *Opuscules Françaises des Hotmans*, Paris, 1617, pag. 96—105. -- *Antitribonian* вышелъ въ свѣтъ впервые въ 1567 году.

3) Cap. XVII, pag. 328: *Ac plane verissimum arbitror, quod video e nonnullis hominibus nostris traditum, tantam litium, calumniarum et sycophantiarum sementem factam primum a Papa Clemente V. qui Philippi illius Pulchri tempore Papatus sedem Avenionem transtulit: cumque magna ipsius aulici et pragmatici consuetudine cum hominibus nostris implicarentur, semina Romanae artis rabulariae in mores nostros sparsisse.* — Pag. 342—343: *Atque huius ego morbi Rabularii (quam verissime scabiem Gallicam appellare possumus) quo magis magisque originem investigo: eo magis in illa*

ламентаріевъ папѣ, равнозначащая въ глазахъ Готмана съ предательствомъ по отношенію къ государству ¹⁾, содѣйствовала насажденію въ странѣ римскаго права и всѣхъ его пагубныхъ послѣдствій.

Несомнѣнно, что обвиненіе папъ въ насажденіи римскаго права во Франціи является исключительно отраженіемъ протестантскаго настроенія автора, склоннаго видѣть въ папствѣ источникъ всѣхъ золъ и въ реформаціи специфическое средство для ихъ испѣленія ²⁾. Точно также огульное обвиненіе парламентаріевъ въ рабской преданности папѣ представляетъ собою не болѣе, какъ мсть гугенота за недостойное отношеніе Парижскаго парламента къ Вареоломеевской ночи ³⁾. Въ виду этого слѣдуетъ признать, что все ученіе о связи папства съ парламентской узурпаціей не является существеннымъ для публичноправной теоріи и потому можетъ быть отложено въ сторону. Тогда останется у насъ основное положеніе Готмана о томъ, что элементомъ, разложившимъ первоначальную франко-галльскую „конституцію“, было римское право. Выше было указано, что гибельное для народныхъ правъ дѣйствіе римскаго права заклю-

quam superius protuli, opinione confirmor, ut superstitionum lues ut alia complura, ex Romanorum Pontificum officina profluxerunt, sic rabulariae artis disciplinam ex eorundem curia et jurisdictione ad nos defluxisse: quod peradmodum paucis post Decretalici juris promulgationem annis contigisse constat.

1) Cap. XVII, pag. 340—341: Quid? an quisquam est, qui cogitare illud sine lachrymis possit, quod non modo clientes et beneficiarii Romani Pontificis, et clerici jureiurando ei devincti, et opimis sacerdotiis praediti, magnam illorum magistratuum partem obtinent: verumetiam ii, qui se Laicos appellari volunt, istiusmodi beneficiis in suos liberos conferendis ejusdem Pontificis tyrannidi se, suamque fidem ac religionem venditant?

2) Последнее явно проглядываетъ въ заключительной тирадѣ, которой заканчивается Франко-Галлія: Quare si per nostros Alastoras, si per furias civilium bellorum incentrices licebit, vel (ut verius loquamur) per singularem Dei benignitatem dabitur, ut sacrorum Bibliorum auctoritas in Gallia valeat, et iuventus in iis se studiis exerceat, non dubium est, quin, ut exorto Sole tenebrae fugantur, sic artes rabulariae una cum superstitionibus ex eodem fonte deductis, depellantur, quod ut Deus optimus maximus propter Christi filii sui et Emanuelis nostri gloriam nostrae huic aetati concedat, toto pectore ab eo precor, quaesoque.

3) О торжественномъ оправданіи Вареоломеевской ночи Парижскимъ парламентомъ см. Fayard, op. cit., tome I, pag. 383—384; Glasson, Le parl. d. P., tome I, pag. 34—35.

чалось въ порожденномъ имъ сутяжничествѣ. Думается намъ однако, что подобное поверхностное объясненіе пущено было Готманомъ ради агитаціонныхъ цѣлей, чтобы дискредитировать парламентъ въ сферѣ прямой и безспорной его компетенціи — судебной, и что въ дѣйствительности Готманъ смотрѣлъ на данное дѣло глубже. Онъ видѣлъ причину разложенія франко-галльской конституціи, надо полагать, въ рецепціи римскаго права въ сферѣ публичныхъ отношеній. Только этимъ можно объяснить ту настойчивость, съ которой Готманъ доказывалъ въ *Анти трибонианѣ* несоизмѣримость римскаго и французскаго политическаго строя¹⁾, а также ту категоричность, съ которой онъ возражалъ во *Франко-Галліи* противъ приложенія къ французской монархіи римской *legis regiae*²⁾.

1) *Opuscules Françaises des Hotmans*, Paris, 1617, pag. 11—12: *Considérons là dessus s'il y a aucun moyen d'appropriier et accommoder ces loix ainsi bigarreées à la police de ce Royaume Quand aux loix qui furent faites du temps de la Democratie et liberté populaire, quelle apparence y a il, veu que l'estat et forme d'une Republique est entierement contraire à celle de ce Royaume . . . Quelle raison y a il de nous faire si curieusement estudier, feuilleter et esplucher les lois qui appartiennent à l'estat consulaire ou au Magistrat de la Republique Romaine, veu que telles loix ne sont aucunement ny ne peuuent estre requës ny practiquees en ce Royaume? Quand aux estats qui ont esté sous le gouuernement des Empereurs, nous en pouuons à peu pres autant dire: car combien que la souueraineté fust en Monarchie comme est maintenant celle des François; neantmoins la forme en estoit du tout différente: et qui plus est leur forme de gouvernement n'a pas tousiours esté d'une sorte, ains a esté changée premierement du temps des Empereurs Romains et depuis encore d'auantage par le remuëment de l'Empire transporté en Constantinople.*

2) *Cap. XXI, pag. 246—247*: *Neque satis eorum hominum imperitiam admirari possum, qui cum primoripus labris jus civile degustassent, et in libris nostris legissent, lata lege Regia populum Imperatori omne suum imperium et potestatem concessisse: continuo liberam quandam et infinitam Regum omnium potestatem commenti sunt, quam Absolutam barbaro et inepto nomine appellant: quasi vero non etiam Romani Reges Reipublicae curam (ut Pomponus Jurisc. loquitur) per Curiate comitia expedirent: aut, si liberam Imperatores Romani potestatem habuerunt, continuo verum sit Regibus omnibus eandem a populo potestatem tributam esse: neque enim ex uno particulari recte de universis concluditur: et hac aetate longe dissimillimam esse Regum Poloniae, Daniae, Sueciae, Hispaniae rationem, nemo nisi rerum omnium imperitus ignorat . . . Satis constat, nullam esse Galliae regionem, sive (ut vulgus loquitur) provinciam, quae Regi serva aut*

Ученіе Готмана о парламентской узурпаціи въ корнѣ подрывало парламентскую догму положительнаго государственнаго права. Стройная историческая конструкція Франко-Галліи являлась новшествомъ въ политической литературѣ своего времени и сильно импонировала современникамъ¹⁾. Вліяніе ея пережило автора и его время на цѣлые вѣка: сторонники народной свободы въ XVII и XVIII столѣтіи обильно черпали свои доводы изъ историческаго аппарата Готмана, не называя его²⁾. Такова же въ частности была и участь ученія Готмана о парламентской узурпаціи: оно, какъ увидимъ ниже, тоже дожило до XVIII столѣтія. По этому вопросу историческая конструкція Готмана представлялась особенно опасной для парламента въ виду того, что само правительство въ борьбѣ съ парламентской оппозиціей нерѣдко говорило объ узурпаціонныхъ захватахъ имъ непринадлежащей ему власти³⁾. Само собою

dedititia sit, omnemque in se (ut quondam populus Romanus Imperatoribus) potestatem ei permiserit, qui nimo nulla est, quae non jura quaedam sua propria habeat, iis pactionibus et conditionibus retenta, quibus se in Regis fidem ac ditionem commisit. — Изъ приведенной цитаты ясно, что Готманъ отрицалъ за публичнымъ римскимъ правомъ значеніе *rationis scriptae* такъ же, какъ отрицалъ его и за частнымъ, о чемъ специально говорилъ въ *Антирибонианѣ*. См. *Antitribonian*, chap. X, *Opuscules Françaises des Hotmans*, pag. 53—54: *Et s'il est besoin de parler du droit civil des Romains, je diray d'auantage qu'il ne fut jamais fait ny composé pour servir d'équité et raison naturelle, conuenable indifferemment à toutes nations, mais seulement par une particulière prerogative inuentee expres pour maintenir les Bourgeois Romains, et en plus haut degré et dignité que les autres habitans du païs d'Italie.*

1) См. G. Weill, *op. cit.*, pag. 108; A. Lemaire, *op. cit.*, pag. 101. Мысли Готмана о парламентской узурпаціи использовалъ въ XVI вѣкѣ Lalouette. Онъ жаловался на то, что легисты путемъ реципированія римскаго права вытѣснили изъ парламента дворянъ, и требовалъ возстановленія исконныхъ политическихъ правъ дворянства, узурпированныхъ разночинцами-легистами. См. Lalouette, *Des affaires d'Estat. Des finances; du prince et de sa noblesse*, 2-me éd., Metz, 1597, pag. 171 sq., 195 sq., и у насъ выше стрн. 267 прим. 1-ое. Значеніе дворянства въ исторической „конституціи“ французской монархіи было въ глазахъ Lalouette столь велико, что самого короля онъ разсматривалъ какъ *Chef humain de la Noblesse* (l. c., p. 179).

2) См. A. Lemaire, *op. cit.*, pag. 96, 102.

3) Во всѣхъ почти случаяхъ столкновеній правительство инкриминировало парламенту захватъ власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прави-

разумѣтся, что ни въ официальныхъ, ни въ официозныхъ выступленіяхъ противъ парламента не допускались ссылки на крамольный трактатъ Готмана¹⁾. Это не лишало однако сторонниковъ правительства возможности использовать аргументы Готмана противъ парламента, не называя ихъ источника²⁾. Все это заставляло парламентъ быть особенно бдительнымъ по отношенію къ пущенной Готманомъ въ оборотъ идеѣ парламентской узурпаціи³⁾ и подкрѣплять свои

тельство особенно подчеркивало узурпаціонную съ его точки зрѣнія политику парламента. Таковы: отвѣтъ Карла IX на представленіе Парижскаго парламента по поводу эдикта отъ 16 августа 1563 года, февральскій эдиктъ 1641 года о парламентахъ, королевская декларація отъ 21 октября 1652 года, рѣчь канцлера на *lit de justice* отъ 13 декабря 1756 года, отвѣтъ короля Парижскому парламенту отъ 8 апрѣля 1759 года, заявленіе отъ имени короля на *séance royale, dite de la flagellation*, du 3 mars 1766, отвѣтъ короля отъ 19 мая 1768 года, рѣчь канцлера на *lit de justice* отъ 7 декабря 1770 года, отвѣтъ короля на представленіе Парижскаго парламента отъ 22—26 января 1778 года. — См. *Recueil gén. des anc. lois franç.*, tome XIV, pag. 142, nota 2-a; tome XVI, pag. 530; tome XVII, pag. 300. *Remontrances du Parlement de Paris au XVIII-e siècle*, tome II, pag. 162, 184—185, 556—559, 889—890; tome III, pag. 164, 414—422. — Всѣ подобныя обвиненія отпадали, когда правительство нуждалось въ содѣйствіи парламента (см. объ этомъ у насъ выше стрн. 310). Парламентъ понималъ это и въ представленіи отъ 11—13 апрѣля 1788 года прямо заявилъ: *Les ministres ne doutent pas de nos pouvoirs, les ministres rendent justice à nos bonnes intentions, tant qu'ils espèrent abuser de nos suffrages pour accabler la Nation d'emprunts ou d'impôts, et ne voient plus en nous que d'ambitieux aristocrates quand nous refusons de favoriser ou partager leur despotisme (Remontrances etc., t. III, p. 738).*

1) Въ вышедшемъ въ 1573 году изъ придворныхъ сферъ опроверженіи Франко-Галліи политическій авторитетъ парламента нашелъ себѣ даже защиту отъ „инсинуацій“ Готмана. См. *Ad Franc. Othomani Franco-Galliam Antoni Matharelli, Reginae Matris a rebus procurandis primarii, Responsio*, Fref., 1665, pag. 225: *nonne vides hujus Senatus auctoritatem necessariam, tanquam, ut ex Sesellio diximus, aliquid tertium inter Regem et populum? non te pudet, omnium levissime, improbare, quod omnes probant?*

2) Какъ это и было въ дѣйствительности въ XVIII вѣкѣ, о чемъ будетъ у насъ рѣчь ниже.

3) Weill (op. cit., pag. 108, nota 3-a) указываетъ, что въ 1576 году вышло въ свѣтъ опроверженіе Франко-Галліи, составленное однимъ изъ адвокатовъ Парижскаго парламента, — *P. Turrelli . . . contra Othomani Franco-Galliam . . . libellus* (Paris). Къ сожалѣнію, намъ не удалось раздобыть это изданіе, и потому для насъ остается неизвѣстнымъ,

догматическія конструкціи тѣмъ историческимъ обоснова-
ніемъ, которое далъ имъ Паскъе.

Вопросъ объ историческомъ обоснованіи догмы положи-
тельного государственнаго права оставался безъ дальнѣй-
шаго движенія въ теченіе XVII столѣтія, которое было вре-
менемъ большихъ превратностей, пережитыхъ традиціонной
„конституціей“: подавленная Ришелье, мятежно нарушен-
ная во время Фронды, она была окончательно приостанов-
лена въ своемъ дѣйствіи при Людовикѣ XIV¹⁾. Рестав-
рація эпохи регентства вновь оживила интересъ къ публично-
правнымъ вопросамъ. Возстановленіе политическихъ функ-
цій парламента придало дѣйствительность установленной
имъ догмѣ положительнаго государственнаго права. Прак-
тическая недостаточность послѣдней для обузданія прави-
тельственнаго произвола и вполне понятная непригодность
ея для обезпеченія тѣхъ общественныхъ интересовъ, съ ко-
торыми парламентъ не былъ солидаренъ, вызывали отрица-
тельное отношеніе къ традиціонной „конституціи“ и стрем-
леніе къ реформѣ. Первоначальныя требованія реформы
носили мирный и лояльный характеръ. Они отнюдь не от-
рицали принципа публичноправной традиціи, но давали лишь
ей новое истолкованіе. Реформаторы находили, что парла-
ментская догма не является правильнымъ выраженіемъ пу-
бличноправной традиціи французской монархіи, но иска-
жаетъ ее. Для установленія той истинной традиціи, кото-
рую постулировали реформаторы, потребовались новыя исто-
рическія изысканія²⁾. Такія изысканія и явились въ XVIII
столѣтіи. Они отрицали историческія основы парламентской

какими доводами авторъ опровергалъ ученіе о парламентской узурпаціи.
Въ общемъ Вейль признаетъ книгу Turrelli еще болѣе слабой, чѣмъ от-
вѣтъ Matharelli, и вообще ничтожной.

1) XVII вѣкъ во французской исторіографіи является временемъ не
построенія историческимъ системъ, но тщательнаго собиранія и издатель-
ства источниковъ. См. G. Monod, l. c., pag. 15; Ch.-V. Langlois,
Manuel de bibliographie historique, II fascicule, Paris, 1904, pag. 287—288.

2) См. Louis Lemarié, Les assemblées franques et les historiens
réformateurs du XVIII-e siècle, Paris, 1906, pag. 63—69; Glasson, Le
Parl. d. P., tome II, pag. 156. Срвн. G. Monod, l. c., pag. 24: L'esprit
aventureux et novateur du XVI-e siècle apaisé et comprimé au XVII-e se
réveille au XVIII-e.

догмы и вновь поставили вопросъ о парламентской узурпаціи. Парламентъ вынужденъ былъ принять вызовъ и откликнулся на него новымъ подтвержденіемъ своей исторической схемы. Къ разсмотрѣнію этой историко-юридической полемики мы и переходимъ.

Первымъ застрѣльщикомъ въ походѣ противъ историческихъ правъ парламента выступаетъ въ XVIII столѣтіи графъ Буленвилье, извѣстный проповѣдникъ исключительныхъ правъ дворянства на соучастіе во власти во французской монархіи¹⁾, въ своемъ трактатѣ по исторіи древняго правленія Франціи, неразрывно связанномъ съ его историческими письмами о парламентахъ²⁾. Задача, которую поставилъ себѣ Буленвилье въ названномъ трудѣ, заключалась не только въ томъ, чтобы извлечь изъ забвенія исконныя и подлинныя политическія права дворянства, но также и въ томъ, чтобы при помощи исторіи разоблачить неправомѣрность современныхъ автору публичныхъ порядковъ, сведя ихъ къ дѣйствительному источнику ихъ происхожденія³⁾. Насъ занимаетъ какъ разъ вторая часть намѣченной авторомъ задачи, такъ какъ она именно имѣетъ непосредственное отношеніе къ парламенту.

1) Монографическое изслѣдованіе его политической доктрины даетъ Henri Belliot въ своей диссертациі: *Boulainvilliers. — Étude de droit public au XVIII-e siècle*, Caen, 1888. Belliot отыскиваетъ идейныхъ предшественниковъ Буленвилье (*écrivains qui ont pu inspirer Boulainvilliers*, pag. 71—73), относитъ къ нимъ даже Спинозу, но ничего не говоритъ о Lalouette, который въ концѣ XVI вѣка ратовалъ за восстановленіе историческихъ конституціонныхъ правъ дворянства (см. у насъ выше стрн. 527 прим. 1-ое).

2) *Histoire de l'ancien gouvernement de la France avec XIV Lettres Historiques sur les Parlemens ou Etats-Generaux*, tomes I—III, à la Haye et à Amsterdam, 1727. — Замѣтимъ кстати, что Belliot отличаетъ 14 писемъ о генеральныхъ штатахъ, приложенныхъ къ „исторіи древняго правленія“ отъ какихъ-то еще другихъ писемъ о парламентахъ (op. cit., pag. 94). Точная провѣрка всѣхъ ссылокъ, которыя дѣлаетъ Belliot на эти другія письма, убѣдила насъ, что цитаты тѣ же, что и въ первыхъ. Belliot, быть можетъ, имѣлъ въ рукахъ какое либо отдѣльное изданіе писемъ, но это были все тѣже письма, которыя приложены къ „исторіи“, и носятъ они заглавіе *lettres historiques sur les Parlemens ou Etats-Generaux*.

3) Op. cit., tome I, préface: Je ne craindrai donc point de rapeler par le moyen de l'Histoire, nos usages présens à leur véritable origine.

Подъ современными неправомѣрными порядками нашъ авторъ разумѣлъ именно тотъ строй законной монархіи, который догматизировался и отстаивался парламентомъ въ качествѣ исконной и неизмѣнной „конституціи“ страны. Въ дѣлѣ разоблаченія неправомѣрности этой „конституціи“ путемъ историческаго изобличенія дѣйствительнаго источника ея происхожденія Буленвилль идетъ по стопамъ Готмана и повторяетъ ученіе послѣдняго о парламентской узурпаціи. Буленвилль воспроизводитъ основное положеніе Готмана о томъ, что судебные парламенты узурпировали и имя, и политическія функціи древнихъ парламентовъ, установленныхъ въ первыя времена монархіи и представлявшихъ собою учрежденія, рѣзко отличныя отъ ихъ позднѣйшихъ одноименныхъ, но незаконныхъ замѣстителей. Радикальный гугенотъ и фрондирующій дворянинъ расходятся лишь въ опредѣленіи характера древнихъ парламентовъ: въ глазахъ перваго это непосредственныя демократическія народныя собранія, въ глазахъ втораго — поголовные съѣзды франковъ-завоевателей, или дворянъ¹⁾, — своего рода „валыные сеймы“, если позволено воспользоваться терминомъ родственной идеямъ

1) Оp. cit., tome I, pag. 232—233, 241—242, 245, 248. — Съ точки зрѣнія современной намъ исторической науки Boulainvilliers оказывается ближе стоящимъ къ правильному пониманію дѣла, чѣмъ Готманъ и его демократическіе послѣдователи въ XVIII столѣтіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ подмѣтилъ аристократическій составъ франкскихъ собраній. Но не правъ конечно Boulainvilliers въ томъ отношеніи, что онъ проглядѣлъ реальную власть франкаго короля и приписалъ собранію суверенныя права. См. объ этомъ Louis Lemarié, *Les assemblées franques et les historiens réformateurs du XVIII-e siècle*, Paris, 1906, pag. 93. — Только что приведенную замѣтку мы сдѣлали съ исключительной цѣлью показать, что въ современной литературѣ производится по частямъ спеціальная провѣрка историческихъ построеній публицистовъ XVIII вѣка, аналогичная той исторической критикѣ, которой подвергъ Готмана Augustin Thierry въ своихъ *Considérations sur l'histoire de France* въ началѣ своихъ *Récits mérovingiens*. См. объ этомъ Weill, op. cit., pag. 107—108. Мы пользовались нѣмецкимъ переводомъ Thierry, *Erzählungen aus den merovingischen Zeiten mit einleitenden Betrachtungen über die Geschichte Frankreichs*, Elberfeld, 1855, S. 23—28. — Въ нашу задачу не входитъ однако подобная критика, такъ какъ насъ занимаетъ исключительно вопросъ о пользованіи исторіей какъ орудіемъ для легитимациі тѣхъ или иныхъ политическихъ требованій и для обоснованія догмы положительнаго государственнаго права.

Буленвиле конституції польской Рѣчи Посполитой¹⁾. Но разногласіе въ исходномъ воззрѣніи на природу древнихъ парламентовъ не исключаетъ, повторяемъ, совпаденія во взглядахъ на развитіе узурпаціи со стороны судебныхъ парламентовъ.

Вырожденіе древнихъ парламентовъ, учить Буленвиле, началось съ феодализма, который былъ введенъ Карломъ Великимъ по образцу Ломбардіи²⁾. Вызванное феодализмомъ разложеніе единства монархіи уничтожило представленіе объ общемъ государственномъ дѣлѣ, которому служили древніе парламенты. Послѣдніе въ строгомъ смыслѣ этого слова исчезли и на ихъ мѣсто стали *placita*, которыя созывались для несравненно болѣе узкой цѣли, — для умиротворенія распрей, возникавшихъ въ средѣ сеньеровъ, а также между сеньерами и королемъ³⁾. Какъ бы то ни было, идея древняго парламента все же сохранялась и по временамъ получала конкретное осуществленіе въ видѣ собраній общихъ подлинныхъ парламентовъ⁴⁾. Окончательное искаженіе самой идеи произошло при третьей династіи, когда въ ряды дворянства были введены вольноотпущенники, и цензъ благородной крови былъ замѣненъ цензомъ свободного землевладѣнія⁵⁾, главнымъ же образомъ послѣ того, какъ сверхъ высшаго духовенства, допущеннаго въ парламенты еще при Пипинѣ Короткомъ⁶⁾, Людовикъ Святой ввелъ туда значительное количество лицъ изъ низшаго духовенства, имѣя въ виду, что они восполняютъ недостатокъ образованія

1) Уже Belliot подмѣтилъ (op. cit., pag. 188) незамѣтное для Boulainvilliers тяготѣніе его политическихъ идеаловъ къ шляхетской Рѣчи Посполитой.

2) Op. cit., t. I, p. 109—110, 293—294.

3) Op. cit., t. I, p. 286—287: Depuis ce tems toutes les parties du Royaume étant désunies, on ne trouve plus de vestiges des veritables Parlemens. Car, quoique l'on trouve assez souvent dans les Auteurs ou les Chroniques les termes Latins de Placitum ou Placita, desquels on se servoit autrefois pour les exprimer, il me semble qu'on ne les doit entendre dans ces endroits que des Conférences qui se faisoient pour pacifier les querelles presque perpétuelles des Seigneurs entr'eux ou avec le Roi.

4) Op. cit., t. I, p. 289—290.

5) Op. cit., t. II, p. 1—2, 6—7.

6) Op. cit., t. I, p. 99—100.

сеньеровъ и этимъ поднять уровень справедливости въ рѣшеніяхъ общихъ парламентовъ¹⁾. То образованіе, на благотворное дѣйствіе котораго рассчитывалъ король, было образованіемъ юридическимъ: Буленвилье прямо заявляетъ, что Людовикъ Святой приблизилъ къ себѣ юристовъ²⁾. Попавъ въ парламентъ, юристы принесли туда съ собою духъ казуистической мелочности, формализма и шиканы. Судоговореніе поглотило всѣ силы парламента, извратило его природу и привело къ установленію парламента, какъ особаго высшаго судебнаго учрежденія³⁾. Еще во время періодическихъ собраній и передвиженія парламента по всей странѣ юристы успѣли оттѣснить сеньеровъ на второй планъ⁴⁾; съ момента же осѣдлости парламента въ Парижѣ они вытѣснили ихъ оттуда окончательно.

Парижскій парламентъ, устроенный Филиппомъ Красивымъ въ качествѣ постояннаго учрежденія специально съ судебной компетенціей, удержалъ только названіе древняго парламента, но по существу не имѣлъ ничего общаго съ исконными періодическими съѣздами дворянъ, занимавшимися всѣми государственными дѣлами и въ числѣ ихъ также и отправленіемъ суда. Сосредоточеніе суда вышней инстанціи въ новомъ парламентѣ, составленномъ изъ юристовъ-разночинцевъ, было прямымъ нарушеніемъ исконнаго и основнаго принципа франкской монархіи, согласно которому всякій

1) *Op. cit.*, t. II, p. 24—25: ayant reconnu par sa propre expérience que le deffaut de Lettres et d'étude dans la plupart des Seigneurs, qui composoient les Parlemens Généraux, étoit bien capable d'altérer la justice de leurs décisions, prévenu d'ailleurs par sa soumission aux avis de ceux qui dirigeoient sa conscience, il affecta d'y donner séance à un grand nombre d'Ecclésiastiques inférieurs, dont il jugea que les lumières serviroient de guide à tous les autres.

2) *Op. cit.*, t. II, p. 28.

3) *Op. cit.*, t. II, pag. 25: Cependant la suite a fait voir que, loin que cette précaution (sc. de Saint-Louis) ait été d'aucune utilité, ces Docteurs n'ont fait qu'introduire les pointilleries, l'observation des formalitez, et la chicane; ce qui changea toute la face des Parlemens en peu d'années, et mérita une érection publique comme nous verrons plus bas. — Pag. 47: C'est aussi cette considération, que détermina Philippe-le-Bel à fixer la résidence du Parlement à Paris, et à le remplir de Sujets qui s'appliquassent uniquement à juger les procès.

4) *Op. cit.*, t. II, p. 45—46.

подлежить суду равныхъ себѣ по происхожденію ¹⁾ При такомъ положеніи дѣла даже прямыя судебныя функціи новаго парламента оказываются узурпаціей. Тѣмъ большею узурпаціей является то, что новый парламентъ, злоупотребляя единствомъ имени, присвоилъ себѣ постепенно и политическія функціи древняго парламента ²⁾.

Фактическая возможность парламентской узурпаціи была дана тѣмъ, что съ установленіемъ новаго парламента въ качествѣ постоянного учрежденія прекратились періодическія собранія древнихъ парламентовъ. Но вѣдь Филиппъ Красивый, которому приписывается такое искаженіе исконной „конституціи“, признается въ тоже время создателемъ генеральныхъ штатовъ. Установленіе послѣднихъ могло быть разсматриваемо какъ коррективъ къ мѣрамъ короля относительно древняго парламента. Генеральные штаты могли быть разсматриваемы какъ замѣна древняго парламента и даже какъ его естественное продолженіе. При такой точкѣ зрѣнія процессъ узурпаціи новымъ парламентомъ политическихъ функцій подвигался впередъ и характеризовался какъ захватъ власти не у древняго парламента непосредственно, а у его преемниковъ — генеральныхъ штатовъ. Мы знаемъ, что таково было

1) *Op. cit.*, t. I, p. 59—60: Il est donc vrai que, par la constitution primitive, les Francs n'avoient d'autres Juges que leurs Semblables, et que c'étoit . . . l'apanage de la Liberté . . . Un Droit fondamental, qui a été la baze du Gouvernement, qui a vieilli avec lui pendant plus de mille ans, se trouve si universellement oublié, que plusieurs sont portés à croire qu'il n'a jamais existé, et que ceux qui le représentent dans son ancienne étendue, sont des faiseurs de sistêmes qui ne donnent pas même de probabilité à leurs idées.

2) *Op. cit.*, t. II, p. 49—50: Après cela, si l'on fait réflexion au pouvoir que le Parlement, devenu sédentaire, Cour de justice ordinaire, et Tribunal commun pour régler les plus petites contestations survenantes entre les Particuliers, a continué de s'attribuer, il me semble qu'il n'y a coeur de Gentilhomme qui n'en doive frémir. Et en effet, si l'on veut bien, par considération de la paix et du repos, les plus réels avantages dont nous puissions jouir, reconnoître qu'il faut nécessairement mettre un terme aux différends qui naissent entre les Hommes, et établir un Tribunal au dela duquel il n'y ait plus d'appel; s'il faut, par la même raison, que ce Tribunal ait l'autorité de punir les Malfaiteurs, et de veiller à la sureté publique: il ne doit pas s'ensuivre qu'abusant du nom de Parlement, qu'il a retenu et auquel de fait il a succédé, il s'arroge légitimement sur le simple titre le gouvernement de l'Etat, la tutelle des Rois mineurs, et la concurrence avec le Roi majeur, et habile pour la validité des Ordonnances.

воззрѣніе Готмана. Буленвилье не идетъ по этому пути. Относительно генеральныхъ штатовъ онъ придерживается мнѣнія Паскье и считаетъ ихъ новообразованіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ древнимъ парламентомъ¹⁾. Это вполне и понятно. Буленвилье не могъ видѣть продолженія древнихъ дворянскихъ съѣздовъ въ генеральныхъ штатахъ, на которыхъ выступало третье сословіе въ качествѣ равноправнаго члена. Такимъ образомъ въ исторической схемѣ Буленвилье генеральные штаты оказались своего рода *quantité négligeable*, и Парижскій парламентъ явился узурпаторомъ власти древняго парламента непосредственно.

Причину парламентской узурпаціи Буленвилье видитъ въ политикѣ королей третьей династіи, направленной на уничтоженіе исконной франкской конституціи и утвержденіе единоличной власти монарха²⁾. Политика королей, сильно мѣнявшаяся по отдѣльнымъ царствованіямъ, сходилась лишь въ одномъ неизмѣнномъ стремленіи, — къ поработенію народа и къ деспотизму. Наиболѣе рѣшительные шаги къ достиженію этой цѣли сдѣланы были въ правленіе Ричелье и въ царствованіе Людовика XIV³⁾. Последнее замѣчаніе Буленвилье не имѣетъ впрочемъ существеннаго значенія

1) *Op. cit.*, t. II, p. 65—66: Mais l'assemblée des Etats du Royaume divisez en trois Ordres, le Clergé, la Noblesse et les Tiers Etat, fut une idée toute nouvelle de Philipe-le-Bel, et jusques là entièrement inusitée.

2) *Op. cit.*, t. I, p. 191: On se figure ordinairement qu'il y auroit un danger inévitable à parler de certaines Loix autrefois fondamentales dans la Monarchie Française, et de certains Droits des Sujets en général, ou de quelques uns des diférens Ordres qui sont entr'eux, lesquels ne subsistant plus paroissent n'avoir été abolis que par l'immense augmentation de l'autorité royale.

3) *Op. cit.*, t. III, p. 135—136: J'ai parcouru . . . les regnes d'un grand nombre de Princes de divers caractères: ils ont tous été assis sur le même Trône, mais ils s'y sont tous conduits d'une manière si diférente, qu'à la réserve d'un seul point qui a été l'idée de subjuguier leurs Peuples, d'anéantir les Grands Seigneurs, et de rendre leur autorité despotique, on pourroit dire que leurs maximes de gouvernement n'ont pas eu plus de liaison entre elles qu'avec celles de la Monarchie Chinoise ou Tartare. On peut remarquer cependant qu'elles n'ont pas laissé de conduire leur Postérité au but qu'ils s'étoient proposé il y a déjà tant de siècles, mais que, pour ataindre efficacement ce but, l'administration du Cardinal de Richelieu et le regne de Louis XIV on plus fait en 30 ans, que toutes les entreprises des Rois précédens n'avoient pu gagner en 1200 ans.

для его исторической схемы, согласно которой уничтоженіе франкской конституціи состоялось уже при Флиппѣ Красивомъ. Обзору позднѣйшаго времени вплоть до конца царствованія Людовика XI авторъ посвящаетъ, правда, весь третій томъ (письма XI—XIV) своего трактата, но весь этотъ обзоръ не связанъ органически съ основными конструкціями автора и не даетъ поэтому политической мысли дальнѣйшаго движенія. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ Парижскій парламентъ превратился изъ орудія королевскаго абсолютизма въ самостоятельный политическій факторъ, такъ и остается открытымъ у Буленвилье. Въ такомъ же положеніи остается въ общемъ и вопросъ о томъ, какимъ образомъ дворянство допустило, что власть была у него отнята. Только въ одномъ мѣстѣ своего трактата авторъ даетъ нѣкоторыя косвенныя указанія по этому поводу. Мы имѣемъ въ виду упрекъ, сдѣланный дворянству, за его недостатокъ вниманія къ мѣстничеству; этотъ недостатокъ повелъ къ пагубнымъ для дворянства послѣдствіямъ: онъ далъ возможность разночинцамъ-юристамъ сѣсть на его мѣсто и затѣмъ узурпировать политическія права франковъ¹⁾.

Въ связи съ исключительно дворянской концепціей государственнаго строя древней Франціи, проявившейся у Буленвилье, стоитъ лишеніе парламента у Монтескье историческихъ правъ, на которыя претендовали парламентаріи.

Въ предыдущей главѣ мы указали на то отрицательное отношеніе, которое встрѣтило со стороны парламента ученіе Монтескье о томъ, что посредствующей властью между королемъ и народомъ являются не правительственныя учрежденія съ независимымъ парламентомъ во главѣ, а сословія, и преимущественно одно изъ нихъ — дворянство. Тогда же мы замѣтили, что указанное расхожденіе Бордоскаго президента съ парламентской догмой объясняется особен-

1) *Op. cit.*, t. III, p. 17: On pourra s'ennuyer de ce que je répète perpétuellement l'ordre des séances à toute occasion; cependant je le crois d'autant plus nécessaire, que sans cela on ne sauroit prendre une juste idée du rang dû à chacun des Membres de l'Etat. Il paraît même évident que d'une part la confusion qui regne aujourd'hui, et de l'autre l'usurpation que la Magistrature a faite de précéder la Noblesse, ne vient que de la négligence que l'on a eu de faire assez peu d'attention aux exemples passez.

ностями его историческихъ взглядовъ, расхожденіемъ ихъ съ исторической схемой, принятой парламентомъ. Теперь намъ приходится подробнѣе остановиться на воззрѣніяхъ Монтескье на историческій ходъ политическаго развитія Франціи. Дѣлаемъ мы это именно на этомъ мѣстѣ не только въ силу хронологической близости разобраннаго нами трактата Буленвилле и Духа законовъ, но и въ силу внутреннего родства исторической концепціи въ обоихъ сочиненіяхъ.

Въ обильномъ и до извѣстной степени мозаичномъ политическомъ матерьялѣ Духа законовъ имѣется и специальное изслѣдованіе о происхожденіи и первыхъ вѣкахъ французской монархіи, образуемое изъ соединенія десяти послѣднихъ главъ XVIII-ой книги съ XXVIII, XXX и XXXI книгами знаменитаго произведенія¹⁾ Спрашивается, какова была цѣль этого specialнаго изслѣдованія? Само собою разумѣется, что цѣль эта можетъ быть выяснена лишь въ связи съ общимъ воззрѣніемъ автора на задачи историческаго изученія. Къ сожалѣнію, по послѣднему вопросу у Монтескье нѣтъ единаго законченнаго воззрѣнія, а замѣчается нѣкоторое раздвоеніе мысли, въ которомъ необходимо разобраться, для того чтобы выяснить себѣ, съ какой цѣлью принялся Монтескье за специальное изслѣдованіе политическихъ древностей французской монархіи. Двойственность исторіософическихъ воззрѣній Монтескье замѣчается въ его подготовительныхъ „мысляхъ и отрывкахъ“. Въ нихъ, съ одной стороны, высказывается болѣе широкій взглядъ на исторію, какъ на произвольный эволюціонный процессъ, и знаніе всего прошлаго признается необходимымъ для познанія современности²⁾. Съ другой стороны, взглядъ Монтескье въ другихъ мѣстахъ суживается: знаніе всего прошлаго уступаетъ мѣсто изученію одной лишь древности, пер-

1) Такое выдѣленіе specialнаго изслѣдованія о происхожденіи и первыхъ вѣкахъ французской монархіи давно уже установлено въ литературѣ. См. примѣчаніе Парреля къ послѣдней главѣ XVIII-ой книги Духа законовъ, а также Jugement de M-r Garat въ началѣ II тома Pierre'a Chabrit, De la monarchie françoise ou de ses lois, Bouillon, 1785, tome II, pag. XI.

2) *Pensées et fragments inédits*, tome I, num. 399: *Utilité de la Connoissance des Choses passées*, pag. 194—195.

выхъ временъ монархіи, въ которыя были заложены истинныя основы политической организаціи. Этотъ послѣдній взглядъ уже намъ знакомъ: это традиціонный взглядъ историковъ, которые съ XVI вѣка занимались антикварнымъ возстановленіемъ „истинныхъ основъ“ монархіи. Присоединеніе Монтескье къ исторіографической традиціи чувствуется въ его замѣчаніи о томъ, что политическіе порядки германцевъ являются ключемъ къ началкамъ французской монархіи¹⁾. Замѣчаніе это можетъ показаться на первый взглядъ незначущимъ и даже не противорѣчащимъ болѣе широкому воззрѣнію на эволюционную связь настоящаго со всѣмъ прошедшимъ, тѣмъ болѣе что Монтескье самъ формулировалъ свое болѣе широкое воззрѣніе какъ разъ примѣнительно къ подготавливавшейся книгѣ (Духа законовъ) о происхожденіи и измѣненіяхъ гражданскихъ законовъ у французовъ²⁾. Всѣмъ этимъ не слѣдуетъ однако смущаться. Знаніе исторіографической традиціи заставляетъ насъ понимать „ключъ къ началкамъ французской монархіи“ въ техническомъ для этой традиціи смыслѣ, т. е., мы должны признать, что Монтескье интересуется въ основаніи французской монархіи не отправная точка дальнѣйшей ея эволюціи, а установленіе истинныхъ ея основъ, предназначенныхъ не для эволюціонированія, а для неизмѣннаго соблюденія и, слѣдовательно, для возстановленія, если исторія исказила ихъ. Что такое наше толкованіе правильно, это достаточно подтверждается откровеннымъ заявленіемъ Монтескье о томъ, что цѣль его — научить читателя созерцать законы въ ихъ первоосновѣ, а не преподносить ему книгу о происхожденіи

1) *Op. cit.*, t. I, pag. 137--138: (Dubos) ne sait donc pas ce que Tacite dit si bien (*De Moribus Germanorum*) de la différence des fonctions de Roi, chez les Germains . . . ce qui est la clé des commencements de la monarchie française.

2) *Op. cit.*, t. I, p. 194--195: Les livres précédents ont conduit à celui-ci, où je donnerai un petit essai de l'histoire des loix de la France, comme je viens de donner l'histoire de quelques loix romaines. Je voudrais bien que l'on fit de meilleurs ouvrages sur les loix de chaque pays. Pour bien connoître les temps modernes, il faut bien connoître les temps anciens; il faut suivre chaque loi dans l'esprit de tous les temps. On n'a point semé des dents de dragon, pour faire sortir les hommes de dessous la terre, afin de leur donner des loix.

законовъ¹⁾. Мы можемъ сказать, что изслѣдованію происхожденія и первыхъ вѣковъ французской монархіи предшествовало и сопутствовало болѣе широкое историческое воззрѣніе, но на самомъ дѣлѣ оно не было положено въ его основу, и исполненную задачу самъ авторъ охарактеризовалъ какъ осуществленіе болѣе узкой цѣли, — антикварнаго возстановленія истинныхъ первоосновъ. И это дѣйствительно было такъ. Въ самомъ Духѣ законовъ нѣтъ и слѣда широкаго эволюціоннаго взгляда на исторію политическихъ учрежденій Франціи; остается лишь одна антикварно-реставраціонная точка зрѣнія на истинныя основы французской монархіи²⁾.

Первыя основы французской монархіи коренятся въ законахъ и обычаяхъ древнихъ германцевъ, — вотъ та предпосылка, съ которой Монтескье приступаетъ къ своему историческому изслѣдованію³⁾. Правда, онъ иногда сбивается съ нея и относитъ образованіе французской монархіи къ болѣе позднему времени, къ феодальной эпохѣ⁴⁾. Но подобное единичное утвержденіе является у него, въ сущности говоря, оговоркой и недосмотромъ. Въ общемъ несомнѣнно, что по его исторической схемѣ монархія предшествуетъ феодализму⁵⁾, и основы ея коренятся въ законахъ и обычаяхъ древнихъ германцевъ.

1) *Op. cit.*, t. I, p. 213–214: J'aurois encore bien des choses à dire, говоритъ Монтескье по окончаніи своего историческаго изслѣдованія, mais j'aurois peur que cela ne devint une matière de pure érudition J'aimerois mieux enseigner à considérer les loix dans leur origine, qu'à faire un livre sur l'origine des loix.

2) См. *Esprit des lois*, livre XXVIII, chap. XLV, абз. 11 in fine: Je suis comme cet antiquaire qui partit de son pays, arriva en Egypte, jeta un coup d'oeil sur les pyramides et s'en retourna.

3) *Op. cit.*, livre XXX, chap. XIX, абз. 1: il est impossible d'entrer un peu avant dans notre droit politique si l'on ne connoit parfaitement les lois et les mœurs des peuples germains

4) См. *op. cit.*, livre XXXI, chap. XXXIII, абз. 11: La constitution des divers royaumes de l'Europe a suivi l'état actuel où étoient les fiefs dans les temps que ces royaumes ont été fondés. Les femmes ne succédèrent ni à la couronne de France, ni à l'Empire, parce que dans l'établissement de ces deux monarchies, les femmes ne pouvoient succéder aux fiefs.

5) См. *op. cit.*, livre XXXI, chap. VIII, абз. 5 in fine: . . . les désordres de la seconde race, où tout le monde avoit besoin d'un protecteur,

Разъ Монтескье ссылается на законы и обычаи германцевъ, какъ на ключъ къ начаткамъ французской монархiи, то этимъ онъ предопредѣляетъ уже характеръ политическаго строя въ его первомъ основанiи. Вѣдь общiй типъ развитiя монархiи изъ германскихъ законовъ и обычаевъ данъ былъ еще раньше въ видѣ ученiя о зарожденiи готическаго правленiя въ средневѣковой Европѣ¹⁾. Основной ячейкой послѣдняго было признано смѣшенiе аристократiи съ монархiей, или монархическое правленiе, основанное на участiи дворянства во власти²⁾. Намъ необходимо поэтому считаться съ этимъ общимъ положенiемъ, особенно въ виду собственнаго заявленiя Монтескье, что возможность разобратся въ грудѣ фактовъ дали ему только найденные имъ принципы, которымъ подчинялся затѣмъ историческiй матерьялъ даже въ деталяхъ³⁾.

et vouloit faire corps avec d'autres seigneurs, et entrer pour ainsi dire dans la monarchie féodale, parce qu'on n'avoit plus la monarchie politique. — Livre XXXI, chap. XXXII, абз. 1: L'hérédité des fiefs et l'établissement général des arrière-fiefs éteignirent le gouvernement politique, et formèrent le gouvernement féodal.

1) См. *op. cit.* livre XI, chap. VIII.

2) *Op. cit.*, livre XI, chap. VIII, абз. 3: Voici comment se forma le premier plan des monarchies que nous connoissons. Les nations germaniques qui conquièrent l'empire romain étoient, comme l'on sait, très-libres. On n'a qu'à voir là-dessus Tacite sur les Mœurs des Germains. Les conquérants se répandirent dans le pays; ils habitoient les campagnes, et peu les villes. Quand ils étoient en Germanie, toute la nation pouvoit s'assembler. Lorsqu'ils furent dispersés dans la conquête, ils ne le purent plus. Il falloit pourtant que la nation délibérât sur ses affaires, comme elle avoit fait avant la conquête: elle le fit par des représentants. Voilà l'origine du gouvernement, gothique parmi nous. Il fut d'abord mêlé de l'aristocratie et de la monarchie. — Съ послѣднимъ опредѣленiемъ стоятъ несомнѣнно въ связи слѣдующiя слова, которыми начинается цитируемая глава: Les anciens ne connoissoient point le gouvernement fondé sur un corps de noblesse . . .

3) *Op. cit.*, préface, абз. 4: J'ai posé les principes, et j'ai vu les cas particuliers s'y plier comme d'eux-mêmes, les histoires de tous les nations n'en être que les suites, et chaque loi particulière liée avec une autre loi, ou dépendre d'une autre plus générale. — Спасительное значенiе „принциповъ“ признавалось и въ области французской исторiи въ виду трудности преодоленiя многочисленныхъ ея источниковъ. См. *livre XXX, chap. XI, абз. 11*: Quand on jette les yeux sur les monuments, de notre histoire et de nos lois, il semble que tout est mer, et que les rivages mê-

Монтескье пришлось производить свое изслѣдованіе о происхожденіи и первыхъ вѣкахъ французской монархіи при наличности острой контрoверзы по этому вопросу между извѣстнымъ намъ Буленвилье и его научнымъ и политическимъ противникомъ аббатомъ Дюбо¹⁾. Въ принципѣ Монтескье отнесся къ указанной контрoверзѣ съ осторожностью и объективностью, которая не уступаетъ требованіямъ современной намъ научной критики. Онъ отлично понималъ, что историки его времени не создаютъ историческихъ системъ на основаніи предварительнаго изученія фактовъ, но наоборотъ подходятъ къ фактамъ съ готовыми уже историческими схемами и насильно подводятъ факты подъ послѣднія²⁾. Самыя схемы создаются подъ влияніемъ современ-

mes manquent à la mer. Tous ces écrits froids, secs, insipides et durs, il faut les lire, il faut les dévorer, comme la Fable dit que Saturne dévorait les pierres. Livre XXVIII, chap. XXVIII, абз. 21: J'ai travaillé à donner une idée claire de ces choses (объ аппелляціи въ древности) qui, dans les auteurs de ces temps-là, sont si confuses et si obscures, qu'en vérité, les tirer du chaos où elles sont, c'est les découvrir. — Livre XXVIII, chap. VI, абз. 1: Tout se plie à mes principes.

1) L'abbé Dubos, Histoire critique de l'établissement de la monarchie françoise dans les Gaules, tomes I—III, Amsterdam, 1735. — Мы не останавливаемся специально на историческомъ ученіи Дюбо, такъ какъ оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ вопросу объ историческихъ правахъ парламента. Какъ антитезисъ теоріи Буленвилье, оно впрочемъ можетъ быть отнесено въ этомъ смыслѣ скорѣе къ числу подкрѣпленій исторической схемы парламента. Специально о парламентѣ Дюбо не говорить, такъ какъ не выходитъ за предѣлы эпохи завоеванія. У Дюбо имѣются лишь ссылки на судебныя рѣшенія парламента, приводимыя въ подтвержденіе выставленнаго имъ положенія объ исконности городскихъ муниципальных правъ во Франціи, — см. tome III, pag. 514.

2) Pensées et fragments inédits, tome II, pag. 251, vers. 19—25: On ne fait pas un système après avoir lu l'histoire; mais on commence par le système, et on cherche ensuite les preuves; et il y a tant de faits dans une longue histoire, on a pensé si différemment, les commencements en sont ordinairement si obscurs, qu'on trouve toujours assez de quoi faire valoir toutes sortes de sentiments. — Подобныя упреки отечественнымъ историкамъ были весьма распространены во Франціи. Еще въ началѣ XVII вѣка Сорель упрекалъ историковъ въ произвольномъ искаженіи отечественнаго прошлаго и задавался цѣлью — montrer au peuple combien de fois l'on a voulu abuser en luy donnant une histoire contrefaite et couverte d'un masque hideux, plutost que de luy montrer le beau visage de celle que nous cherchons, — см. C. Sorel, Advertissement sur l'histoire de la monarchie françoise, Paris, 1628, pag. 48. Тоже выска-

ности; происходит такимъ образомъ искусственная модернизация прошлаго, являющаяся источникомъ цѣлаго ряда непростительныхъ историческихъ заблужденій¹⁾. Свое общее критическое отношеніе къ отечественной исторіографіи Монтескье распространяетъ и на участниковъ спора, относившагося къ предмету его собственнаго изслѣдованія. Онъ видитъ у обоихъ наличность апріорныхъ схемъ, обусловленныхъ политическими тенденціями современной авторамъ жизни. Съ этой точки зрѣнія онъ квалифицируетъ систему Буленвилле какъ заговоръ противъ третьяго сословія, а систему Дюбо какъ заговоръ противъ дворянства²⁾. Таково принципиальное отношеніе Монтескье къ контроверзѣ, равно, повидимому, безпристрастное къ обоимъ ея участникамъ. Но примѣнительно къ существу дѣла, бывшаго предметомъ научно-историческаго спора, отношеніе это видоизмѣняется и становится различнымъ къ каждой изъ двухъ системъ.

Безусловному осужденію подвергается только система Дюбо. Монтескье не только опровергаетъ частныя ея положенія³⁾, но и отвергаетъ ее въ цѣломъ. Основное положе-

зывали и самые участники обсуждавшейся у Монтескье контроверзы. Буленвилле полагалъ, что при абсолютизмѣ не можетъ быть вѣрной и безпристрастной исторіи (op. cit., t. I, p. 176—177). Дюбо находилъ тенденціозность даже у хроникеровъ VII вѣка и раскрывалъ такимъ образомъ передъ читателемъ l'histoire de notre histoire (op. cit., t. I, p. 17—23). Тѣ же упреки повторяетъ близкій къ старому порядку Montlosier. См. его сочиненіе *De la monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours*, 1814, tome II, pag. 43. — Срвн. у того же автора t. I, p. 48; t. II, p. 125.

1) *Esprit des lois*, livre XXX, chap. XIV, абз. 4: *Transporter dans des siècles reculés toutes les idées du siècle où l'on vit. c'est des sources de l'erreur celle qui est la plus féconde. A ces gens qui veulent rendre modernes tous les siècles anciens, je dirai ce que les prêtres d'Egypte dirent à Solon: „O Athéniens, vous n'êtes que des enfants.“*

2) *Ibidem*, livre XXX, chap. X, абз. 7. — Монтескье правильно отмѣтилъ чисто политическое значеніе спора о наличности или отсутствіи завоеванія и вытекающихъ отсюда ученій о германскихъ или романскихъ началахъ французской монархіи. Вопросъ о расовомъ происхожденіи не игралъ въ этомъ спорѣ никакой роли. См. Aug. Thierry, *Erzählungen aus den merovingischen Zeiten*, S. 33—58; Pierre de Tourton, *Les principes philosophiques de l'histoire du droit*, Tome I, Paris, 1908, pag. 108.

3) См. *Pensées et fragments inédits*, t. I, p. 137—138; t. II, p. 253, num. 1589. — *Esprit des lois*, livre XXVIII, chap. III,

ніе Дюбо о томъ, что завладѣніе Галліи франками произошло не путемъ завоеванія, но путемъ мирнаго перехода къ нимъ власти отъ римлянъ, не только опровергается, но и осмѣивается: пародируя приемы аргументаціи Дюбо, Монтескье предлагаетъ доказать, что Александръ Македонскій не завоевывалъ Персіи, но завладѣлъ ею на основаніи мирныхъ юридическихъ титуловъ¹⁾. Общій отзывъ Монтескье о трудѣ Дюбо сводится къ признанію его „дурнымъ произведеніемъ знаменитаго автора“ (*un mauvais ouvrage d'un auteur célèbre*) и „колоссомъ на глиняныхъ ногахъ“²⁾. Въ неизданныхъ своихъ Мысляхъ Монтескье упрекалъ Дюбо въ угодничествѣ передъ королевскимъ абсолютизмомъ и подозрѣвалъ его даже въ продажности³⁾. Главное и непростительное историографическое прегрѣшеніе Дюбо Монтескье усматривалъ въ отрицаніи имъ исконности французскаго дворянства и опровергалъ это заблужденіе съ особенной настойчивостью⁴⁾.

Иначе по существу относится Монтескье къ системѣ Буленвилье⁵⁾. Правда, онъ не прочь высмѣять и Буленвилье, но дѣлаетъ это только въ неподлежащей оглашенію замѣткѣ, да и то больше ради краснаго слова⁶⁾. На самомъ же дѣлѣ при изученіи труда Буленвилье Монтескье сильно заинтересовался ссылками на древнія хартіи, приведенными тамъ въ подтвержденіе основного тезиса объ исконности политическихъ привилегій дворянства, и обязалъ себя про-

абз. 3—5; livre XXX, chap. XII, абз. 4, 7, 8, 11; livre XXX, chap. XIV, абз. 3; livre XXX, chap. XVII, абз. 10.

1) *Esprit des lois*, livre XXX, chap. XXIV, абз. 8.

2) *Ibidem*, livre XXX, chap. XV, абз. 11 et chap. XXIII, абз. 3.

3) *Pensées et fragments inédits*, t. II, p. 55—56: L'abbé Dubos, dans son ouvrage sur les commencements de notre monarchie, ne lit (sic) que pour y chercher l'autorité des Rois et la dépendance des anciens François, et le droit qu'ils ont de dépouiller les seigneurs. Cet homme ne voyoit jamais dans cette histoire qu'une pension.

4) *Esprit des lois*, livre XXX, chap. XXV.

5) Это предрасположеніе Монтескье къ Буленвилье замѣтилъ еще Augustin Thierry, см. *Erzählungen aus den merovingischen Zeiten*, S. 53.

6) *Pensées et fragments inédits*, t. II, pag. 164, num. 1346: On disoit du comte de Boulainvilliers qu'il ne savoit le passé, le présent, ni l'avenir; il étoit historien; il avoit une jeune femme; et il étoit astrologue.

смотреть эти самыя хартіи и сдѣлать изъ нихъ выписки¹⁾. Не менѣе документальной аргументаціи дѣйствовала на Монтескье и самая „система“ Буленвилье. Онъ въ ней видѣлъ лишь второстепенные мелкіе недостатки и крайность въ конечномъ выводѣ, но самое ядро ея признавалъ правильнымъ. Что касается недостатковъ, то они состоятъ изъ нѣкоторыхъ явныхъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ Буленвилье вслѣдствіе отсутствія профессиональной выучки, но ошибки эти настолько очевидны, что Монтескье не считаетъ даже нужнымъ останавливаться на ихъ разборѣ²⁾. Что же касается крайности въ конечномъ выводѣ, насчетъ которой Монтескье относитъ утвержденіе Буленвилье о планомѣрномъ раздѣлѣ всѣхъ земель между франками-завоевателями и о поголовномъ порабощеніи послѣдними всего туземнаго населенія Галліи, то для этого схематическаго увлеченія автора Монтескье находитъ даже объясненіе въ нѣкоторыхъ особенностяхъ средневѣковой исторіи Франціи, не легко поддающихся правильному учету³⁾. За устраненіемъ явныхъ ошибокъ въ деталяхъ и крайностей въ конечномъ выводѣ выдвинутая Буленвилье теорія завоеванія находитъ себѣ признаніе у Монтескье. Въ основу французской монархіи, учить Монтескье, было положено завоеваніе, но оно не сопровождалось систематической конфискаціей всѣхъ земель; франки завладѣли лишь частью земель, остальные

1) *Ibidem*, t. I, pag. 321, vers. 15—21: Je dirai ensuite que les chartres rapportées par Boulainvilliers sont curieuses en ce qu'elles nous donnent idée de l'origine de notre droit françois, et de la forme de la justice royale et des seigneurs, et des changements qui s'y sont faits, et par quelle voye on est venu à ces changements. Ainsi il faut les voir; j'en ferai l'extrait.

2) *Esprit des lois*, livre XXX, chap. X, абз. 6: Comme son ouvrage est écrit sans aucun art, et qu'il (sc. Boulainvilliers) y parle avec cette simplicité, cette franchise et cette ingénuité de l'ancienne noblesse dont il étoit sorti, tout le monde est capable de juger et de belles choses qu'il dit et des erreurs dans lesquelles il tombe. Ainsi je ne l'examinerai point.

3) *Ibidem*, livre XXX, chap. XI, абз. 1: Ce qui a donné l'idée d'un règlement général fait dans le temps de la conquête, c'est q'on a vu en France un prodigieux nombre de servitudes vers le commencement de la troisième race; et, comme on ne s'est pas aperçu de la progression continue qui se fit de ses servitudes, ou a imaginé dans un temps obscur une loi générale qui ne fut jamais.

земли оставили въ рукахъ туземнаго населенія; послѣднее не было обращено въ рабство поголовно, но лишь отчасти; остальная часть туземцевъ удержали за собой нѣкоторыя права свободы¹⁾. Для насъ важно не само по себѣ признаніе факта франкскаго завоеванія, а соединеніе съ нимъ опредѣленныхъ послѣдствій для первоначальной политической организаціи французской монархіи. У Буленвилье такимъ послѣдствіемъ является образованіе изъ завоевателей-франковъ привилегированнаго дворянскаго сословія и исключительное право послѣдняго на соучастіе во власти. Такое опредѣленіе „начатковъ французской монархіи“ совпадало съ однимъ изъ „принциповъ“ Монтескье, именно, — съ его ученіемъ о зарожденіи въ средневѣковой Европѣ готическаго правленія. Вполнѣ понятно поэтому, что въ спеціальному изслѣдованіи Монтескье о древностяхъ французской монархіи мы находимъ въ значительной степени отраженіе „франкской конституціи“ Буленвилье.

Свобода древнихъ франковъ²⁾ признается у Монтескье источникомъ, изъ котораго проистекли привилегіи дворянства. Дворянство создалось изъ дружинниковъ-антрустіоновъ и потому является институтомъ исконнымъ во французской монархіи³⁾. Спеціальной функціей антрустіоновъ была военная служба, и изъ этой функціи развились всѣ права и вольности дворянства. Военная служба освобождала антрустіоновъ отъ платы податей, что и образовало послѣдующее изъятіе дворянъ отъ принудительнаго личнаго обложенія. За военную службу антрустіоны получали бенефиціи (*bénéfices*), или лены (*fiefs*) изъ земель, которыми завладѣли завоеватели⁴⁾, и отсюда пошло привилегированное дворянское землевладѣніе. Военная служба естественно вручала антрустіонамъ воинскую, а затѣмъ и дисциплинарную власть надъ свободными людьми, которыхъ они вели съ со-

1) *Ibidem*, livre XXX, chap. V, абз. 1; chap. VII, абз. 2 и 3; chap. VIII, абз. 4; chap. X, абз. 4; chap. XI, абз. 3—4.

2) О ней см. *Esprit des lois*, livre XXX, chap. XIII, абз. 1, и вся глава *passim*.

3) См. *Ibidem*, livre XXX, chap. III, абз. 2; chap. XVI, абз. 1; chap. XXV, абз. 11 и вся глава *passim*.

4) *Ibidem*, livre XXX, chap. XVI, абз. 3.

бою на службу; въ этомъ коренится зародышъ судебной власти дворянскаго сословія ¹⁾. По отношенію къ благороднымъ судебная власть антрустіоновъ-предводителей, или графовъ, не была деспотической, потому что судъ творился ими въ ассизахъ съ участіемъ засѣдателей изъ дворянъ ²⁾. Такимъ образомъ устанавливается исконность суда равныхъ, или перовъ. Въ своихъ земляхъ антрустіоны-дворяне являлись естественными оберегателями внутренняго мира. Это повело къ выдѣленію изъ частныхъ композицій особой платы въ ихъ пользу за нарушеніе мира, или виры (*fredum* у Монтеस्कье, вѣрнѣе *fretus* или *fredus*), взиманіе которой естественно требовало предварительнаго судебного разбирательства и такимъ образомъ приводило къ установленію и упроченію сенъеріальной власти дворянъ надъ всѣмъ населеніемъ ихъ земель ³⁾. Отсюда слѣдуетъ, что сенъеріальная власть признается у Монтеस्कье не королевскимъ пожалованіемъ и не позднѣйшимъ захватомъ, но органическимъ и исконнымъ правомъ дворянъ. Феодализмъ содѣйствовалъ расширенію и укрѣпленію правъ и вольностей дворянства. Феодализація французской монархіи совершилась путемъ соединенія вассальной службы антрустіоновъ съ бенефиціальнымъ землевладѣніемъ ⁴⁾ и упрочилась чрезъ вторичную раздачу леновъ при Карлѣ Мартеллѣ изъ церковныхъ земель ⁵⁾. Постепенное установленіе наслѣдственности леновъ придало феодальному дворянству значительную независимость и самостоятельность ⁶⁾. Всеобщему распространенію феодальныхъ учрежденій въ странѣ съ ихъ іерархической лѣстницей содѣйствовало сначала допущеніе всѣхъ свободныхъ къ коммѣндаціи на вассальную службу вмѣстѣ съ ихъ аллодіальными землями, а затѣмъ признаніе за ними права сво-

1) *Ibidem*, livre XXX, chap. XVIII, абз. 1 и 3.

2) *Ibidem*, livre XXX, chap. XVIII, абз. 5 и 6.

3) *Ibidem*, livre XXX, chap. XX, абз. 9, 12, 16. — Разъясненіе *fredi* см. Сборн. закон. пам. древн. зап.-европ. права, изд. под. ред. П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго — Буданова, вып. I: *Lex Salica*, Кіевъ, 1906, прим. 139-ое (стрн. 154).

4) *Esprit des lois*, livre XXX, chap. XVI.

5) *Ibidem*, livre XXXI, chap. IX, абз. 5.

6) *Ibidem*, livre XXXI, chap. I, абз. 1; chap. VII, абз. 4; chap. XIV *passim*; chap. XXIX, абз. 1; chap. XXX, абз. 3.

бодно избирать себѣ сюзерена въ лицѣ короля или любого сеньера¹⁾. Феодализація должностей завершила процессъ²⁾ и окончательно монополизировала судъ и управленіе въ рукахъ дворянства. Всѣ эти права уравнивались лежащей на дворянствѣ обязанностью военной службы. Въ половинѣ IX вѣка и эта обязанность подверглась ограниченію, именно, — она признана была безусловно обязательной только на случай оборонительной войны. Эта новая вольность значительно усилила политическое значеніе дворянства: она вырвала его, по выраженію Монтескье, изъ рукъ короля³⁾.

Участіе дворянъ въ верховной власти осуществлялось путемъ политическихъ собраний. Ячейкой, изъ которой послѣднія развились, были древнія народныя сходки, которыя составляли исконный обычный институтъ древнихъ германцевъ и, какъ таковой, были сохранены франками послѣ завоеванія Галліи⁴⁾. Но подъ вліяніемъ возобладанія дворянства въ завоеванной странѣ эти сходки превратились въ аристократическія собранія сеньеровъ и епископовъ⁵⁾. Допущеніе духовенства къ участию во власти нигдѣ не рассматривается у Монтескье какъ нарушеніе и умаленіе политическихъ правъ дворянства; напротивъ того, оно скорѣе признается повсюду какъ естественное, вполне соответствующее высокому положенію церкви распространеніе на нее

1) *Ibidem*, livre XXXI, chap. XXIV, абз. 3—4; chap. XXV, абз. 5 и 9.

2) *Ibidem*, livre XXXI, chap. XXVIII, абз. 2 и 3.

3) *Ibidem*, livre XXXI, chap. XXVII, абз. 1.

4) *Ibidem*, livre XVIII, chap. XXX, абз. 2: „Les princes, dit Tacite, délibèrent sur les petites choses, toute la nation sur les grandes: de sorte pourtant que les affaires dont le peuple prend connoissance sont portées de même devant les princes“. Cet usage se conserva après la conquête, comme on le voit dans tous les monuments. — Въ подстрочномъ примѣчаніи процитированъ знаменитый артикулъ 6-ой капитулярія Карла Лысаго отъ 864 года: *Lex consensu populi fit et constitutione regis*. Этотъ капитулярій извѣстенъ подъ названіемъ Пистскаго эдикта. Приведенная изъ него формула о законодательствѣ рассматривалась какъ основной законъ и усиленно комментировалась въ XVIII столѣтіи. См. Louis Lemarié, *op. cit.*, pag. 58.

5) *Ibidem*, livre XXVIII, chap. IX, абз. 5: Sous les deux premières races, on assembla souvent la nation, c'est-à-dire les seigneurs et les évêques.

дворянскихъ правъ и вольностей¹⁾. Привилегированный составъ и характеръ „народныхъ“ собраній первыхъ временъ монархіи виденъ уже изъ того, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ, разрѣшавшихся въ этихъ собраніяхъ, былъ вопросъ о поворотѣ леновъ, покуда послѣдніе подлежали еще отобранію и не сдѣлались наслѣдственными²⁾.

Резюмируя все сказанное, приведемъ конечный выводъ, къ которому приходитъ Монтескье по вопросу о характерѣ первоначальнаго политическаго строя французской монархіи. „По французской конституціи“, говоритъ онъ, „вся государственная власть находилась въ рукахъ короля, дворянства и духовенства“³⁾. Такое опредѣленіе первоначальной конституціи французской монархіи совпадаетъ съ отмѣченнымъ выше „смѣшеніемъ аристократіи и монархіи“, въ которомъ Монтескье усматривалъ „принципъ“ зарожденія готическаго правленія въ Европѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ это опредѣленіе въ основной своей сущности совпадаетъ съ „системой“ Буленвилье⁴⁾. Подобно ему Монтескье разыски-

1) Такое возрѣніе проходитъ черезъ весь трактатъ о древностяхъ французской монархіи; особенно ясно высказано оно по поводу историческаго происхожденія территоріальной юрисдикціи церквей, — см. *Esprit des lois*, livre XXX, chap. XXI, *passim*. — Не можемъ кстати не отмѣтить указанія Монтескье на то, что церковь пользовалась для обезпеченія своего привилегированнаго положенія въ свѣтскомъ государствѣ духовнымъ орудіемъ: церкви, говоритъ Монтескье, защищались отъ произвола дикихъ и жестокихъ королей чудесами и знаменіями своихъ святыхъ, — livre XXXI, chap. II, абз. 3; съ этимъ слѣдуетъ сопоставить приведенное у Монтескье сказаніе о видѣніи Св. Евхаріи, узрѣвшаго муки Карла Мартелла въ преисподней, наложенныя на него за конфискацію церковныхъ земель, — см. livre XXXI, chap. XI, абз. 2.

2) *Esprit des lois*, livre XXXI, chap. I, абз. 2.

3) *Ibidem*, livre XXXI, chap. XXI, абз. 3.

4) Изслѣдователь политической доктрины Буленвилье Belliot правильно подмѣтилъ, что Монтескье, защищая Буленвилье противъ Дюбо, выступает *pro domo sua*. Но въ дальнѣйшемъ Belliot не сумѣлъ найти дѣйствительныхъ совпаденій изслѣдованія Монтескье съ системой Буленвилье. Напрасно также думаетъ Belliot, что по части принциповъ Монтескье совершенно оставляетъ Буленвилье и не раздѣляетъ ни одного изъ его предубѣжденій (см. Belliot, *op. cit.*, pag. 181 et 183). Чтобы опровергнуть послѣднее утвержденіе достаточно вспомнить, что въ строѣ монархіи центральное мѣсто отведено у Монтескье дворянству. *Point de noblesse, point de monarchie* — это ли не принципъ Буленвилье? Странно.

васть какъ бы безднѣ временъ древнія прерогативы дворянства, покрытаго пылью, кровью и потомъ одинадцати вѣковъ¹⁾ и отождествляетъ своихъ благородныхъ предковъ съ франками²⁾. Говоря о первоначальной конституціи французской монархіи, Монтескье называетъ ее просто французской конституціей; въ этомъ тоже какъ бы проглядываетъ солидарность его съ Буленвилье, отождествлявшимъ первоначальную дворянскую конституцію съ истиннымъ, единственно правомѣрнымъ строемъ французской монархіи. Разъ мы можемъ констатировать совпаденіе взглядовъ Монтескье и Буленвилье по вопросу о принципиальномъ значеніи для конституціи французской монархіи ея первоначального строя, то естественно возникаетъ вопросъ, не совпадаютъ ли воззрѣнія обоихъ политиковъ и относительно дальнѣйшихъ измѣненій политическаго строя ихъ отечества, въ которыхъ Буленвилье, какъ извѣстно, видѣлъ извращеніе исконныхъ и истинныхъ принциповъ конституціи. Вопросъ этотъ является довольно сложнымъ и потому требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія.

Мы знаемъ, что готическое правленіе въ своемъ органическомъ развитіи вело, по представленію Монтескье, чрезъ гражданскую свободу всего народа къ правильному уравниванію королевской власти прерогативами привилегированныхъ сословій³⁾ и, наконецъ, къ тому смѣшанному образу

что Belliot не замѣчаетъ всего этого, между тѣмъ какъ ему удалось подмѣтить такое второстепенное совпаденіе между Буленвилье и Монтескье какъ то, что оба эти дворянина признаютъ своими предками только франковъ (ор. cit., pag. 181). — Намекъ на значеніе Буленвилье для выработки воззрѣнія Монтескье на историческое развитіе политическихъ учреждений Франціи можно найти у Максима Ковалевскаго, Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму, Москва, 1906, томъ III, стрн. 103 и 115.

1) *Esprit des lois*, livre XXXI, chap. VIII, абз. 2: . . . il faut que je cherche, comme dans des abîmes, les anciennes prérogatives de cette noblesse, qui, depuis onze siècles, est couverte de poussière, de sang, de sueur.

2) *Ibidem*, livre X, chap. III, абз. 11.

3) *Ibidem*, livre XI, chap. VIII, абз. 3: Il avoit cet inconvénient que le bas peuple y étoit esclave: c'étoit un bon gouvernement qui avoit en soi la capacité de devenir meilleur. La coutume vint d'accorder des lettres d'affranchissement; et bientôt la liberté civile du peuple, les prérogatives de la noblesse et du clergé, la puissance des rois, se trouvèrent

правления, въ которомъ свобода отражается какъ въ зеркалѣ ¹⁾. Во Франціи былъ зародышъ готическаго правленія, но органическаго его развитія не послѣдовало: исторія французской монархіи представляетъ такимъ образомъ извращеніе готическихъ началъ ²⁾. Основное извращеніе произошло еще въ эпоху феодализма. Послѣдній дошелъ во Франціи до крайностей въ дѣлѣ разложенія государственнаго единства и до потери сознанія сословной солидарности ³⁾. Поэтому въ феодальной Франціи не успѣла своевременно установиться та организація сословнаго представительства, которая наблюдается въ Германской Имперіи ⁴⁾, и изъ которой на англійской почвѣ выработался смѣняемый образъ правленія. Очевидно, что болѣе позднее образованіе генеральныхъ штатовъ не представляется Монтескье органическимъ продуктомъ готическихъ началъ. Спрашивается, почему такъ? Изъ мыслей Монтескье объ исторіи Франціи можно вывести слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ: потому, что генеральные штаты появились уже послѣ того, какъ равновѣсіе элементовъ государственной жизни было нарушено усиленіемъ одного изъ нихъ, — королевской власти, насчетъ другихъ, — сословій. Въ началѣ третьей династіи королевская власть сводилась къ сенъеріальной власти Парижскаго графства и не имѣла почти никакого значенія ⁵⁾. Она могла усиливаться только путемъ внѣшняго наростанія, т. е. путемъ

dans un tel concert que je ne crois qu'il y ait eu sur la terre de gouvernement si bien tempéré que le fut celui de chaque partie de l'Europe dans le temps qu'il y subsista.

1) *Ibidem*, livre XI, chap. VI, абз. 67, 69.

2) Монтескье называетъ самое готическое правленіе corruption du gouvernement d'un peuple conquérant (*ibidem*, livre XI, chap. VIII, абз. 3 in fine), но подъ порчей онъ разумѣетъ приспособленіе германскихъ обычаевъ и законовъ къ условіямъ, и главное, къ размѣрамъ завоеванной территоріи. Эта „порча“ не имѣетъ ничего общаго съ слѣдующимъ извращеніемъ готическаго правленія въ отдѣльныхъ странахъ.

3) *Pensées et fragments inédits*, t. I, p. 335, vers. 17—31.

4) *Ibidem*, tome I, pag. 336, vers. 5—10: Si les loix avoient été pour lors aussi sages que celles du Corps germanique d'aujourd'hui, et qu'on eût joint à l'assemblée des Pairs, qui répond à celles des Électeurs, une assemblée de seigneurs et une assemblée des députés des villes, le gouvernement gothique auroit subsisté.

5) *Ibidem*, tome I, pag. 335, vers. 6—16.

расширенія своего патримоніальнаго владѣнія чрезъ захватъ другихъ сеньерій. Отсутствие политическаго сознанія и сословной солидарности въ средѣ сеньеровъ дало ей возможность идти именно по этому пути¹⁾. Затѣмъ усиленію королевской власти содѣйствовали крестовые походы, которые отвратили вниманіе сеньеровъ отъ внутренней политической жизни ихъ отечества²⁾. Окончательному торжеству королевской власти способствовала столѣтняя война, послѣ которой водворился во Франціи абсолютизмъ³⁾. Последнее обстоятельство слѣдуетъ особенно подчеркнуть, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ общей мысли Монтескье о томъ, что вызванное военными потребностями страны созданіе регулярной арміи явилось ближайшей причиной вырожденія готическаго правленія въ абсолютизмъ⁴⁾.

Такимъ образомъ извращеніе готическаго правленія во Франціи объясняется внѣшними причинами, — войнами, и внутренними причинами, — отсутствіемъ сословной солидарности въ средѣ сеньеровъ. Отсутствие солидарности квалифицируется какъ недостаточность политическаго сознанія и смысла во французскомъ обществѣ. На этомъ недостаткѣ Монтескье останавливается въ своихъ размышленіяхъ и опредѣляетъ его ближайшимъ образомъ какъ неполное пониманіе средневѣковымъ дворянствомъ политической свободы: оно сводило ее только къ свободѣ отъ произвольныхъ налоговъ, съ которыми боролось, но въ тоже время спокойно взирало на насилія, которыя король чинилъ надъ личностью отдѣльных сеньеровъ⁵⁾; между тѣмъ без-

1) *Ibidem*, tome I, pag. 336, vers. 1—4: Les Grands, qui n'avoient aucune idée de la politique, approuvoient des usages qui confisquoient les terres de leurs pareils, parce qu'ils exerçoient eux-mêmes les mêmes usages dans leurs terres.

2) *Ibidem*, tome I, pag. 336, vers. 16—24.

3) *Ibidem*, tome I, pag. 337, vers. 19—29; pag. 338, vers. 21—28.

4) Deux opuscules de Montesquieu, publiés par Le Baron de Montesquieu, Bordeaux et Paris, 1891, p. 28, 40. Цитируетъ Максимъ Ковалевскій, Отъ прямого народоправства къ представительству и отъ патриархальной монархіи къ парламентаризму, Москва, 1906, томъ III, стрн. 152.

5) *Pensées et fragments inédits*, tome I, pag. 320, vers. 16—23: J'ajouterai et je remarquerai ici quelque chose de singulier. Tandis que tout se soulève à l'occasion des impôts que les Roix veulent établir

препятственно считая послѣднихъ со своего пути по одиночкѣ, король увеличивалъ и усиливалъ свою власть.

Таковы были причины усиленія королевской власти. Спрашивается теперь, какія измѣненія въ первоначальномъ государственномъ строѣ монархіи являлись первыми признаками этого усиленія и въ то же время орудіемъ для дальнѣйшаго расширенія королевской власти. На этотъ вопросъ мы находимъ у Монтескье отвѣтъ весьма опредѣленный: это были измѣненія въ судоустройствѣ, заключавшіяся въ признаніи королевскаго права судить въ качествѣ высшей инстанціи. Такой отвѣтъ вытекаетъ съ очевидностью изъ спеціальнаго очерка Монтескье по исторіи аппелляціи, въ которомъ развитіе послѣдней разсматривается какъ наростаніе королевскаго авторитета¹⁾. Монополизуя въ своихъ рукахъ судъ высшей инстанціи, король увеличивалъ свою политическую власть; между тѣмъ дворянство, подчиняясь судебному верховенству короля и выпуская изъ своихъ рукъ судебныя функціи²⁾, утрачивало и политическія права. Какъ разъ именно по поводу судебного верховенства Монтескье уподобляетъ монарха одновременно и источнику, откуда рѣки берутъ свое начало, и морю, куда онѣ изливаются³⁾. Въ этомъ уподобленіи сказывается мысль о томъ, что именно изъ судебного верховенства развилось то всепоглащающее дѣйствіе королевской власти, отъ котораго погибли политическія права сословіи.

(ce qui marque qu'on connoissoit les droits de la liberté), on voit, d'un autre côté, des coups de cruauté et de barbarie faits par les Roix, qui ne font pas le moindre bruit dans la Nation.

1) См. *Esprit des lois*, livre XXVIII, chap. XXVII et XXVIII.

2) См. *ibidem*, livre XXVIII, chap. XXXVIII, абз. 3—4; livre XXVIII, chap. XXXI, абз. 3 in fine; livre XXVIII, chap. XXVII, абз. 15—16; livre XXVIII, chap. XXIX, абз. 9.

3) *Ibidem*, livre XXVIII, chap. XXVII, абз. 26: . . . on avoit recours au roi, qui était toujours la source d'où tous les fleuves partoient, et la mer où ils revenaient. — Замѣтимъ кстати, что приведенное сравненіе исходитъ еще отъ средневѣковыхъ юристовъ, повторялось же оно французскими публицистами новой монархіи по поводу обязательной деволуціи къ коронному домену личнаго домена короля. См. René Choppin, *Traité du domaine de la couronne de France* (a. 1574), livre I, titre III, § 13: Et admirant cette grande prérogative et prééminence du Domaine de France, il se represente en mont esprit ce dire memorable des Docteurs du Droit.

Внѣшнимъ выраженіемъ судебнаго верховенства короля было установленіе неподвижнаго и постояннаго суда высшей инстанціи, или парламента¹⁾. Послѣдній замѣнилъ собою древніе подвижныя и временныя судебныя сѣзды дворянъ²⁾. Въ этой отмѣнѣ одного вида собраній заключалось уже уничтоженіе части политическихъ правъ сословія и, слѣдовательно, извращеніе первоначальной конституціи. Еще большее извращеніе послѣдовало отъ того, что подъ вліяніемъ введенія римскаго права дворяне стали вытѣсняться изъ состава судовъ профессиональными юристами³⁾, и такимъ образомъ былъ нарушенъ первоначальный принципъ суда равныхъ (перовъ). Приведенное указаніе на разлагающее первоначальную конституцію дѣйствіе профессиональных юристовъ весьма важно для насъ въ связи съ извѣстной намъ исторіографической традиціей антипарламентскаго направленія. Мы можемъ констатировать, что Монтескье не ушелъ отъ вліянія этой традиціи⁴⁾ и въ извѣстной степени примкнулъ къ ученію о парламентской узурпаціи, что проявляется кромѣ всего приведеннаго еще и въ прямомъ осужденіи имъ парламента за чрезмѣрное подавленіе сенъеріальной юрисдикціи⁵⁾.

Будучи самъ парламентаріемъ, Монтескье не довелъ ученія о парламентской узурпаціи до послѣднихъ предѣловъ, какъ это сдѣлали Готманъ и Буленвилье. Онъ остановился на полупути. Онъ требовалъ возстановленія историческихъ правъ привилегированныхъ сословій и въ этомъ

qui comparent le Roy à l'Océan, duquel toutes choses coulent et procedent et neantmoins y retournent encore. Balde sur le § ad hoc de Allod. Azo in summa de iurisdic. omni. Judic. Angel. in l. I. D. de offic. eius cui mand. est Jurisdic. (Oeuvres, ed. Paris, 1662, tome II, pag. 25). Тоже у С. Le-Bret, Decisions de plusieurs questions notables, traittees en l'Audience du Parlement de Paris, Paris, 1630, II partie, livre II, decision III, pag. 743.

1) *Esprit des lois*, livre XXVIII, chap. XXXIX, абз. 4.

2) См. *ibidem*, livre XVIII, chap. XXX, абз. 3; livre XXVIII, chap. XXVIII, абз. 2 и 5.

3) *Ibidem*, livre XXVIII, chap. XLII, абз. 3; chap. XLIII, абз. 1.

4) Несомнѣнно эта традиція проявилась и въ имѣющемся у Монтескье намекѣ на заведеніе профессиональными юристами сутяжничества, — см. *Esprit des lois*, livre XXVIII, chap. XXXV, абз. 3.

5) См. у насъ выше стрн. 497, текстъ и примѣч. 2-ое.

смыслъ призналъ ихъ посредствующими властями, но въ тоже время призналъ правомѣрными и существенными для монархіи политическія функціи парламента, какъ хранилища законовъ. Однако онъ отнялъ у парламента историческую легитимачію, не признавъ его обоснованія въ первоначальной конституціи, вслѣдствіе чего авторитетъ парламента и его публичноправныя конструкціи все же оказывались висящими въ воздухѣ.

Воскрешенная и подкрѣпленная новыми доводами у Буленвилле, идея парламентской узурпаціи требовала въ интересахъ парламентской публичноправной догмы новаго историческаго обоснованія политическихъ правъ парламента, тѣмъ болѣе что на этотъ разъ ученіе объ узурпаціи шло не отъ радикальнаго врага монархіи, а изъ дворянскихъ круговъ, добивавшихся стать опорой престола. Необходимое въ XVIII столѣтіи новое историческое обоснованіе парламентской догмы дано было въ трудахъ Le Laboureur'a и Le-Paige'a¹⁾.

Исходя изъ положенія о корпоративномъ единствѣ парламентовъ Le Laboureur²⁾ признаетъ парламентъ, какъ совокупный институтъ, законнымъ представителемъ націи согласно ея исконной политической организаціи³⁾. Такой характеръ сооб-

1) Отмѣтимъ, что въ 1730 году появилось въ печати *Lettre d'un Conseiller du parlement de Rouen au sujet d'un écrit du comte de Boulainvilliers*, направленное противъ „дворянской“ исторіи послѣдняго. См. объ этомъ Aug. Thierry, *Erzählungen aus den merovingischen Zeiten*, S. 46—48. Знаменателенъ фактъ парламентской оппозиціи противъ дворянскаго историка.

2) Le Laboureur, *Histoire du gouvernement de la France; de l'origine et de l'autorité des Paris du Royaume et du Parlement*, La Haye et Francfort sur Meyn, 1743. — Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о личности автора. Въ біографическомъ словарѣ писателей Firmin Didot (*Nouv. biogr. gén.*) мы нашли слѣдующее указаніе по поводу жившаго въ XVII вѣкѣ (1623—1675) историка Jean'a Le Laboureur'a: Le Laboureur avoit laissé en manuscrit une *Histoire de la pairie de France*, qui se conserve à la Bibliothèque impériale. Мы не имѣли возможности разслѣдовать, существуетъ ли какая либо связь между этой рукописью и ея авторомъ съ одной стороны, и цитируемымъ нами сочиненіемъ и его авторомъ съ другой.

3) *Op. cit.*, pag. 86: C'est le Parlement qui représente la Nation Française et son ancien Etat. Il faut le considérer comme un seul Corps, quoique la vaste étendue de notre Empire ait donné lieu à l'institution de divers Parlemens; parce que aiant été institué sur le modèle de celui

щается однако цѣлокупному парламенту въ силу особенности юридической природы парламента Парижскаго, въ которомъ совмѣщается, строго говоря, два учрежденія: верховный судъ и курія перовъ; послѣдняя ставитъ парламентъ въ непосредственную преемственную связь съ одноименнымъ учрежденіемъ первыхъ временъ монархіи и сообщаетъ ему характеръ законнаго представителя націи; въ качествѣ куріи перовъ Парижскій парламентъ можетъ, по мнѣнію Le Laboureur'a, даже законодательствовать¹⁾. Въ качествѣ куріи перовъ парламентъ тождественъ съ генеральными штатами; тождество это основывается на первоначальномъ единствѣ судебной и законодательной курій въ древнемъ строѣ монархіи. Правда, генеральные штаты отличаются отъ политическихъ собраний древности (первоначальныхъ судебно-законодательныхъ парламентовъ) тѣмъ, что на нихъ имѣются представители народа подъ названіемъ третьяго сословія, но это — отличіе несущественное, потому что третье сословіе по праву не допускается къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ, а надѣляется лишь правомъ челобитій и, въ сущности говоря, не образуетъ особой корпораціи²⁾. Такимъ образомъ исто-

de Paris, pour avoir les mêmes connoissances et la même autorité, on ne les doit regarder que comme autant de chambres tirées du même Parlement, qui ont porté son nom dans les Provinces où nos Rois les ont établies.

1) *Op. cit.*, pag. 96—97: Le Parlement de Paris se peut donc considérer selon deux Etats, savoir comme Cour de Pairs, ou comme une Justice souveraine instituée par nos Rois pour juger en dernier ressort les Causes d'Appel d'un certain District, qui lui est assigné comme Cour des Pairs et non autrement. Il peut avec le Roi et les Pairs non-seulement juger et interpréter les Loix, mais en statuer et en faire de nouvelles. Dans le second Etat, il n'a pas plus d'autorité que les autres Justices en dernier ressort, qu'on appelle Parlemens à son exemple, par une façon de parler qui ne leur convient non plus qu'à lui qu'entant que le Roi et ses Pairs y sont présens ou sensés présens, parce que c'est de cette présence, qui constituoit les anciens Parlemens, qu'il a emprunté ce nom de Parlement, qui signifie proprement la convocation des principaux du Royaume qui sont les Pairs, par le Roi qui en est le chef comme la première personne de son Etat, pour ordonner les affaires politiques.

2) *Op. cit.*, pag. 150—151: Parlement et États sont des noms synonymes, et qui signifient la même chose; et ce qu'on appelle États-généraux n'est autre chose que la convocation du Parlement en la forme ancienne, et n'a rien de plus auguste en son éclat et en son autorité, que le Parlement de Paris illustré de la présence du Roi et des Pairs. — S'il s'y ren-

рическая конструкция Le-Laboureur'a вновь давала парламентской публичноправной догмѣ историческое обоснованіе. Необходимо однако замѣтить, что въ самомъ опредѣленіи политическихъ функцій парламента Le-Laboureur заходитъ дальше парламентской догмы: онъ приписываетъ парламенту право участія въ изданіи законовъ, чего парламентская догма не дѣлала, строго отличая свободное испытаніе (*libre vérification*) отъ изданія (*législation*) законовъ.

Le Paige посвятилъ историческому обоснованію парламентской догмы двухтомное сочиненіе¹⁾. Онъ возстановилъ историческую концепцію Паскье, согласно которой юридическіе титулы политическихъ функцій парламента признавались данными въ первоначальной конституціи монархіи. Изложенію исторіи парламента въ этомъ направленіи, начиная съ мартовскихъ полей вплоть до установленія постоянного „осѣдлаго“ парламента въ Парижѣ при Филиппѣ Красивомъ, отведенъ, весь первый томъ труда Le-Paige'a. Онъ не вызываетъ особеннаго интереса, такъ какъ, хотя и снабженъ усиленнымъ аппаратомъ цитатъ изъ древнихъ хроникъ и хартій, все же представляетъ собою не болѣе, какъ вызванное условіями политической обстановки половины XVIII столѣтія повтореніе исторической конструкции Паскье. Поэтому мы на немъ останавливаться не будемъ. Отмѣтимъ лишь, что Le-Paige видитъ въ древнемъ парламентѣ учрежденіе, порожденное исконными обычаями и законами германцевъ²⁾. Это утвержденіе Le-Paige'a имѣетъ существенно

contre quelque peu de différence, c'est que le peuple est admis aux États par Députés sous le nom de tiers-État, et cela ne veut pas dire qu'il soit admis de droit à la délibération, mais seulement pour représenter ses intérêts, comme il fait en toute humilité et le genouil en terre et pour recevoir les ordres du Souverain. Il n'étoit pas moins compris autres fois dans les anciens Parlemens, et il ne l'est pas moins aujourd'hui dans les Parlemens ordinaires, où les Edits se vérifient avec la même autorité, que s'ils étoient statuéés en pleins Etats; et cela vient de ce qu'il ne faisait point de Corps séparé, parce qu'à vrai dire il n'avoit point de Corps.

1) *Lettres historiques sur les fonctions essentielles du Parlement, sur les droits des pairs, et sur les loix fondamentales du Royaume*, Amsterdam, I partie, 1753; II partie, 1754.

2) *Op. cit.*, I partie, pag. 150—151: Il en résulte, qu'il est également essentiel à notre gouvernement, qu'il y ait une Cour du Roi, qui,

важное значеніе въ смыслѣ возраженія противъ Монтескье, который признавалъ обычаи и законы древнихъ германцевъ ключемъ къ началкамъ французской монархіи, но не усмотрѣлъ въ нихъ зародыша парламента.

Центральнымъ пунктомъ въ трудѣ Le Paige'a является данная имъ историко-юридическая оцѣнка установленія парламентской „осѣдлости“ при Филиппѣ Красивомъ. Мы знаемъ, что ученіе о парламентской узурпаціи признавало это установленіе за созданіе совершенно новаго учрежденія, которое унаслѣдовало лишь имя стараго парламента и подъ прикрытіемъ этого имени незаконно присвоило себѣ его функціи и права. Въ виду этого Le Paige съ особенною силою настаиваетъ на томъ, что указанный моментъ не измѣнилъ сущности парламента, и послѣдній остался тѣмъ же по существу учрежденіемъ послѣ приобрѣтенія осѣдлости, какимъ былъ и до нея ¹⁾. Доказательству этого центрального положенія посвященъ весь второй томъ труда Le Paige'a. Обильная аргументація развивается авторомъ въ видахъ опроверженія взглядовъ новѣйшаго по тому времени представителя ученія о парламентской узурпаціи — Буленвилье.

Развиваемая Буленвилье дворянская доктрина отказывается признать юридическую преемственность парламента, какъ единаго института до и послѣ „осѣдлости“, на томъ основаніи, что въ составъ осѣдлаго парламента вошли юристы и духовныя лица, которые узурпировали исконныя права дворянъ, такъ что потомки послѣднихъ не могутъ безъ содроганія вспомнить объ этомъ вопыющемъ захватѣ ²⁾. Въ основѣ такого отношенія къ дѣлу лежитъ, по мнѣнію

conjointement avec lui, ou séparément, rende la justice au Peuple en son nom, et comme tenant de lui seul l'autorité qu'elle a. Elle tient tout du Monarque, quoiqu'elle soit aussi essentielle à la Monarchie, que le Monarque lui-même. Elle est le Tribunal né avec lui, pour rendre la justice avec lui, ou à sa décharge. Ce sont ces Princes Germains, coopérateurs et Conseils nés du Monarque, et auxquels par la loi fondamentale de la Monarchie, son autorité doit être communiquée.

1) Op. cit., tome I, pag. 313—314.

2) Op. cit., tome II, pag. 21—22: (La Noblesse) avoue volontiers les Parlemens qui ont précédé. Mais elle a peine à reconnoître la même autorité dans ceux qui ont suivi. Boulainvilliers, par exemple, ne peut disconvenir que le Parlement devenu sédentaire a retenu le nom de l'ancien, et lui a de fait succédé. Mais il ne peut digérer qu'un Tri-

Le Paige'a, представление о вызванномъ будто бы „осѣд-
лостью“ парламента умаленіи участія въ немъ дворянства.
Такое представление не правильно, потому что положеніе
дворянства не только не ухудшилось подѣ влияніемъ указан-
наго момента, но скорѣе даже улучшилось. Въ подтвержде-
ніе послѣдняго своего заявленія Le-Paige приводитъ слѣ-
дующія доказательства: 1) представители высшаго дворянства
вслѣдствіе увеличенія числа перовъ получили въ осѣдломъ
парламентѣ большее количество мѣстъ, чѣмъ имѣли прежде;
2) въ составѣ осѣдлаго парламента было уменьшено коли-
чество духовныхъ лицъ; 3) возрасло зато число свѣтскихъ
сенаторовъ, что открыло широкій доступъ въ парламентъ
рядовому дворянству, которое раньше туда совсѣмъ не до-
пускалось; 4) интересы военного дворянства (*noblesse mili-
taire*) достаточно представлены въ парламентѣ сенаторами
изъ родственныхъ ему фамилій¹⁾. Опровергнувъ такимъ
образомъ увѣреніе противника относительно вытѣсненія изъ
„осѣдлаго“ парламента дворянъ и дворянскихъ интересовъ,
Le Paige переходитъ къ обоснованію своего положительнаго
утвержденія о томъ, что „осѣдлость“ не измѣнила юриди-
ческой сущности единого исконнаго парламента француз-
ской монархіи. Съ этою цѣлью авторъ приводитъ длинный
рядъ лѣтописныхъ и актовыхъ данныхъ относительно дѣя-
тельности парламента до и послѣ „осѣдлости“ и путемъ сопо-
ставленія ихъ показываетъ, что учрежденіе неизмѣнно со-
храняло одну и ту же внѣшнюю форму организаціи²⁾,
тождественный личный составъ³⁾ и одну и ту же компе-
тенцію⁴⁾. Сверхъ того авторъ подвергаетъ спеціальному
анализу ордонансъ отъ 23 марта 1302 года, въ которомъ
установлена парламентская „осѣдлость“⁵⁾, и древнѣйшія за-

bunal composé de Juristes et de gens d'Eglise continue
de s'attribuer le même pouvoir; et il lui semble qu'il
n'y a coeur de Gentilhomme qui n'en doive frémir.

1) О. р. cit., tome II, pag. 22—24.

2) О. р. cit., tome II, pag. 177 sq.

3) О. р. cit., tome II, pag. 183 sq.

4) О. р. cit., tome II, pag. 202 sq., 221 sq.

5) О. р. cit., tome II, pag. 252 sq. — Текстъ ордонанса отъ 23 марта
1302 года см. въ *Recueil gén. des anc. lois franç.*, tome II, pag.
759 sq.

писи парламентских постановлений въ сборникѣ Olim¹⁾ и извлекаетъ изъ этого анализа новыя обильныя доказательства юридической неизмѣнности парламента до и послѣ „осѣдлости“. Мы не будемъ останавливаться на многочисленныхъ доводахъ и сопоставленіяхъ, основанныхъ на одноименности учрежденія и фактической его преемственности, такъ какъ этого не отрицалъ и Буленвилле. Отмѣтимъ лишь дѣйствительно спорные вопросы, каковыми являлись юридическая квалификація акта установленія „осѣдлости“ парламента и оцѣнка введенія въ составъ его профессиональных юристовъ. Буленвилле видѣлъ въ установленіи парламентской „осѣдлости“ прежде всего отмѣну прежнихъ разномѣстныхъ и разновременныхъ сѣздовъ бароновъ и прелатовъ, а затѣмъ созданіе новаго учрежденія, захватившаго права этихъ сѣздовъ. Возражая противъ такой юридической квалификаціи акта установленія „осѣдлости“, Le Paige указываетъ, что за періодъ времени съ 1291-го по 1302-ой годъ парламентъ засѣдалъ систематически два раза въ годъ, весной (послѣ Пятидесятницы) и зимой (послѣ Всѣхъ Святыхъ, т. е. послѣ 1 ноября)²⁾, причемъ изъ 69 парламентскихъ сессій за это время громадное большинство состоялись въ Парижѣ, который долженъ быть такимъ образомъ признанъ давнишнимъ и обычномъ мѣстомъ парламентскихъ засѣданій³⁾; тѣ немногія засѣданія, которыя имѣли мѣсто не въ Парижѣ, не отмѣняютъ общаго обычнаго порядка такъ же, какъ не отмѣняютъ „осѣдлости“ отдѣльные случаи перенесенія парламентскихъ засѣданій въ другія мѣстности, встрѣчающіеся послѣ 1302-го года⁴⁾. Ссылаясь на приведенные факты обилия, систематичности и единства мѣста парламентскихъ засѣданій до 1302-го года, Le Paige заявляетъ, что парламентъ былъ уже и до этого времени постояннымъ и „осѣдлымъ“ учрежденіемъ, и что актъ установленія „осѣдлости“ при Филиппѣ Красивомъ не ввелъ никакой новины, но лишь подтвердилъ и упрочилъ на вѣчныя времена и превратилъ въ государственный законъ то, что уже существовало какъ ин-

1) Op. cit., tome II, pag. 284 sq.

2) Op. cit., tome II, pag. 177—178.

3) Op. cit., tome II, pag. 180.

4) Op. cit., tome II, pag. 181—182.

ститутъ обычнаго права¹⁾. Ордонансъ 1302 года былъ изданъ *de consilio et deliberatione provida consilii nostri*, т. е. парламента, а по Буленвиле — стараго парламента. Послѣдній, очевидно, не далъ бы своего согласія, еслибы дѣло шло о его собственномъ упраздненіи и созданіи взамѣнъ его новаго учрежденія²⁾. Актъ 1302-го года не измѣнилъ личнаго состава парламента въ смыслѣ пополненія его юристами³⁾. Лица, свѣдущія въ правѣ, издавна засѣдали въ парламентѣ наряду съ баронами и прелатами подъ названіемъ сенаторовъ: объ этомъ свидѣлствуютъ Реймскіе анналы и многократно упоминаетъ Григорій Турскій⁴⁾. Участіе въ парламентѣ лицъ, свѣдущихъ въ правѣ, коренится въ древне-германскихъ обычаяхъ и законахъ и ведетъ свое происхождение отъ исконнаго института рагинбурговъ (*Rucinburgi*), шеффеновъ (*Scabini*), мудрыхъ мужей (*Sagi Barones*, *Viri Sagi*, *Senatores*)⁵⁾. Этимъ возведеніемъ легистовъ къ германской первоосновѣ давалась рѣшительная отвѣдь какъ убѣжденному противнику парламента Буленвиле, такъ и колеблющемуся стороннику — Монтескье. Указаніе на давнее и даже исконное засѣданіе въ парламентѣ юристовъ не опровергаетъ однако мнѣнія объ окончательномъ захватѣ парламента легистами. Въ подтвержденіе этого захвата приводилось не только то, что легисты сѣли рядомъ съ дворянами, но что они затѣмъ вытѣснили дворянъ, такъ что парламентъ сталъ нормально дѣйствовать безъ участія перовъ, которые приглашались въ парламентъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Le Raige заготовилъ возраженіе и на это доказательство, найдя его въ 56-ой статьѣ ордонанса отъ 23 марта 1302 года. Въ статьѣ этой король предписываетъ, чтобы въ виду частыхъ процессовъ знатныхъ особъ (*inter notabiles personas*) засѣдали въ каждой сессіи парламента два прелата и два знатныхъ свѣтскихъ лица, или ужъ по меньшей мѣрѣ

1) *Op. cit.*, tome II, pag. 181: C'est ce qui prouve que par le fait il étoit sédentaire bien avant que Philippe-le-Bel en eût fait une loi publique, par la promesse de tenir tous les ans deux Parlemens à Paris. Ce prince n'aura fait que fixer à perpétuité un usage qui déjà devenoit ancien.

2) *Op. cit.*, tome II, pag. 253.

3) *Op. cit.*, tome II, pag. 183—202.

4) *Op. cit.*, tome II, pag. 129—130, 182—183.

5) *Op. cit.*, tome I, pag. 127—129, 130.

одинъ прелать и одно свѣтское знатное лицо. Изъ этого Le Paige выводитъ заключеніе, что до 1302 года были въ обычаѣ засѣданія въ составѣ однихъ лишь рядовыхъ дворянъ и юристовъ безъ участія прелатовъ и бароновъ. Наличность представителей послѣднихъ требуется по ордонансу 1302 года только для суда надъ равными имъ. Вся же остальная компетенція парламента, въ томъ числѣ и политическія его функціи, могли осуществляться и безъ участія прелатовъ и бароновъ какъ по ордонансу 1302 года, такъ, очевидно, и до него. Путемъ такого толкованія Le Paige устанавливаетъ исконную правомѣрность принципа, согласно которому парламентъ, хотя и основываетъ свои политическія функціи на своемъ качествѣ куріи перовъ, можетъ однако осуществлять ихъ и безъ участія послѣднихъ¹⁾.

Историческія основы парламентской публичноправной догмы, реставрированныя и заново подкрѣпленныя Le-Paige-емъ, подверглись новой критикѣ со стороны аббата Мабли, который въ своихъ „Наблюденіяхъ надъ исторіей Франціи“²⁾ выступилъ противъ нихъ съ новыми приѣмами исторической критики.

Въ предисловіи къ своему историческому труду Мабли заявляетъ о полномъ своемъ разрывѣ съ исторіографической традиціей. Послѣдняя заключалась, какъ намъ извѣстно, въ признаніи первоначальнаго политическаго строя истинной конституціей монархіи. Такую точку зрѣнія Мабли считаетъ невѣжественной и недопустимой, такъ какъ невозможно, по его мнѣнію, признавать за основной законъ государства то, что покрыто давностью, забыто или находится въ пре не

1) Op. cit., tome II, pag. 271—275; tome I, pag. 142—143.

2) L'abbé de Mably, *Observations sur l'histoire de France*. Въ первомъ изданіи 1765 г. сочиненіе было доведено до царствованія Филиппа Валуа и обнимало собою всего 4 книги (въ двухъ томахъ). Остальныя четыре книги, въ которыхъ изложеніе доведено до Людовика XIV, прибавлены въ позднѣйшихъ изданіяхъ, вышедшихъ послѣ 1770 года. Мы пользуемъ полнымъ изданіемъ въ *Collection complète des oeuvres de l'abbé de Mably*, Paris, l'an III de la République (1794—1795). *Observations* составляютъ три первыхъ тома этого собранія. О первомъ изданіи и времени его пополненія, см. *Avertissement de la première édition*, ed. cit., t. I, p. 126; *Remarques et preuves du livre VII, chap. III, num. 6*, tome III, p. 425.

бреженіи; основнымъ закономъ страны можетъ быть лишь то, что дѣйствительно регулируетъ, предписываетъ и устанавливаетъ образъ правленія¹⁾. Отвергнувъ традиціонную точку зрѣнія, Мабли обращается къ исторіи не ради реставраціи исконныхъ основъ, а для изученія тѣхъ различныхъ образовъ правленія, подъ которыми жили французы, начиная со времени водворенія ихъ въ Галліи. Такъ какъ современность, являющаяся плодомъ всѣхъ предшествовавшихъ измѣненій, представлялась Мабли въ видѣ полного политическаго произвола, то задача историческаго изученія сводилась для него къ выясненію тѣхъ причинъ, которыя помѣшали водворенію во Франціи прочнаго публичнаго правопорядка²⁾. Подобная задача являлась новшествомъ, и авторъ имѣлъ полное основаніе съ этой стороны назвать свой трудъ невѣдомой до сихъ поръ исторіей французскаго государственнаго права³⁾.

Разрывъ съ историографической традиціей поставилъ Мабли въ совершенно независимое положеніе по отношенію къ спору, который происходилъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія между дворянскимъ и парламентскимъ лагеремъ историковъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что Мабли опровергаетъ какъ „систему“ Буленвиле⁴⁾ и ученіе Монтескье

1) *Avertissement*, ed. cit., tome I, pag. 124—125: Personne n'est assez ignorant pour confondre les premières lois qu'aient eues une nation, avec ses lois fondamentales: la loi fondamentale d'un état n'est point un amas de lois prosrites, oubliées ou négligées, mais la loi qui règle, prescrit et constitue la forme du gouvernement.

2) *Avertissement*, tome I, pag. 121: Je me propose dans cet ouvrage de faire connoître les différentes formes du gouvernement auxquelles les Français ont obéi depuis leur établissement dans les Gaules; et de découvrir les causes, qui, en empêchant que rien n'ait été stable chez eux, les ont livrés, pendant une longue suite des siècles, à de continuelles révolutions. — Въ предыдущемъ и въ этомъ заявленіи Лемэръ усмотрѣлъ скрытую мысль Мабли о томъ, что у Франціи пока еще нѣтъ государственнаго права (*Lemaire*, op. cit., pag. 237). Съ перваго взгляда и съ точки зрѣнія установленныхъ Мабли историографическихъ принциповъ выводъ Лемэра представляется правильнымъ. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ однако, что и у Мабли имѣлась своя „истинная конституція“ Франціи.

3) *Avertissement*, tome I, pag. 124: j'ai composé l'histoire inconnue de notre ancien droit public.

4) *Remarques et preuves du livre I, chap. V, num. 1, tome I, pag. 389—391.*

объ исконности дворянства¹⁾, такъ и парламентскую генеалогію Le Raige'a²⁾). Всѣ эти историческія конструкціи признаются у Мабли одинаково построенными по апріорнымъ схемамъ; самыя схемы заимствованы изъ современной авторамъ государственной жизни, и по нимъ модернизована древность, что оказалось возможнымъ вслѣдствіе непониманія авторами существеннаго для исторіи процесса измѣненія, которому подвержены и отдѣльныя учрежденія, не смотря на сохраненіе ими древнихъ названій и формъ, и государственный строй въ цѣломъ³⁾.

Вслѣдствіе замѣны антикварно-реставраціонной точки зрѣнія историко-эволюціонной исторія парламента получаетъ у Мабли совершенно новое освѣщеніе, близкое къ современному намъ научно-историческому объясненію этого учрежденія⁴⁾.

Вплоть до половины XIV столѣтія парламентъ разсматривается у Мабли какъ учрежденіе исключительно судебное, и только съ указаннаго времени онъ пріобрѣтаетъ политическія функціи. Присоединеніе послѣднихъ къ судебному парламенту Мабли связываетъ съ политикой Карла V, который, желая избѣжать созыва генеральныхъ штатовъ и въ тоже время имѣть нѣкоторую опору въ общественномъ мнѣніи страны, обратился съ этой цѣлью къ парламенту и

1) Remarques et preuves du livre I, chap. V, num. 1, tome I, pag. 391—399.

2) Livre VI, chap. V, tome III, pag. 28; Remarques et preuves du livre VI, chap. V, num. 10, tome III, pag. 345—357.

3) Весьма характерны слѣдующія возраженія Мабли противъ традиціонной парламентской исторіи: Qu'on nous montre par quelle chaîne notre parlement tient aux premières assemblées de la nation. Quelles sont ces révolutions du champ de Mai dont on ne trouve aucune trace dans nos monumens? Ne voit on pas qu'il s'établit, sous les derniers Carlovingiens un nouvel ordre de choses? Quand le parlement (въ эпоху феодализма) seroit la même chose que l'ancien champ de Mai, comment auroit il conservé le privilège de vérifier les lois du royaume, puisqu'il n'existoit plus de lois générales? . . . Ce nouveau parlement (послѣ введенія въ его составъ легистовъ) étoit encore plus différent de l'ancien, que le nouveau parlement de Maupou ne l'est de celui qu'on vient de détruire. — См. livre VI, chap. V, tome III, pag. 29, 30; Remarques et preuves du livre VI, chap. V, num. 10, tome III, pag. 356.

4) Въ этомъ именно смыслѣ считается съ мнѣніемъ Мабли Fayard, op. cit., tome I, pag. 224.

сталъ проводить свои мѣропріятія при его помощи на торжественныхъ *lits de justice*, которые такимъ образомъ изъ засѣданій чисто судебныхъ превратились въ политическія, вслѣдствіе чего компетенція парламента не только расширилась, но и измѣнила свою природу¹⁾. Опираясь на новую свою роль, парламентъ, пользуясь внѣшними осложненіями, затруднявшими короля, сдѣлалъ въ слѣдующее царствованіе Карла VI еще одинъ шагъ впередъ по пути къ пріобрѣтенію политическихъ функцій: онъ сумѣлъ возстановить забытый порядокъ регистраціи законовъ, имѣвшій прежде чисто случайный характеръ, и превратилъ его въ политическую функцію, благодаря тому, что соединилъ съ нимъ испытаніе (*vérification*) королевскихъ актовъ и такимъ образомъ провозгласилъ себя если не соучастникомъ въ законодательствѣ, то по меньшей мѣрѣ хранителемъ законовъ²⁾. Столь важное качество курии перовъ пріобрѣтено парламентомъ только въ царствованіе Карла VII со времени суда надъ герцогомъ Алансонскимъ³⁾. Послѣднимъ шагомъ въ дѣлѣ упроченія политическаго значенія парламента явилось заведеніе въ царствованіе Франциска I обычая дѣлать королю представленія по политическимъ вопросамъ. Представленія усилили значеніе регистраціи и дали парламенту возможность настаивать на свободномъ испытаніи (*libre vérification*) королевскихъ указовъ⁴⁾. Такимъ образомъ въ историческомъ изложеніи Мабли юридическіе титулы политическихъ функцій парламента перемѣщаются изъ первоначальной конституціи франковъ въ болѣе позднія времена монархіи и сводятся къ ряду прецедентовъ⁵⁾. Само по себѣ обоснованіе

1) Livre VI, chap. I, tome II, pag. 303—304; livre VI, chap. V, tome III, pag. 26.

2) Livre VI, chap. V, tome III, pag. 27, 31; Remarques et preuves du livre VI, chap. I, num. 1, tome II, pag. 571.

3) Livre VI, chap. V, tome III, pag. 41, 50—51.

4) Livre VII, chap. III, tome III, pag. 124—129.

5) Особенно подчеркнуто это у автора относительно права регистраціи. См. livre VI, chap. V, pag. 36—37: Selon les apparences, l'enregistrement, semblable par son origine et dans ses progrès à tous les autres usages de notre nation, s'est établi par hasard, s'est accrédité peu à peu, a souffert mille révolutions; et par une suite de circonstances extraordinaires, on lui a enfin attribué tout le pouvoir qu'il a aujourd'hui.

правъ на прецедентахъ не умаляло значенія парламента въ глазахъ Мабли, который сознавалъ, что при общемъ господствѣ въ странѣ обычая примѣры, какъ онъ выражался, становятся титулами¹⁾. Правда прибрѣтенныя парламентомъ права нерѣдко нарушались правительствомъ, но такъ какъ они до революціи Мопу никогда не отмѣнялись въ законодательномъ порядкѣ, то фактическое ихъ нарушеніе не уничтожало ихъ въ принципѣ. Такъ училъ, какъ мы знаемъ, самъ парламентъ; такъ долженъ былъ думать и Мабли, насколько можно судить по его же собственному заявленію о необходимости различать юридическія правила политической жизни и факты ихъ нарушенія и не дѣлать заключенія отъ послѣднихъ къ первымъ²⁾. При такомъ положеніи дѣла историческая концепція Мабли не отрицала, въ сущности говоря, парламентской догмы. Она была непріемлемой для нея лишь въ виду того, что *communis opinio* требовала возведенія всѣхъ публичноправныхъ титуловъ къ основамъ первоначальной конституціи³⁾. Парламентъ шелъ на встрѣчу

1) Livre VI, chap. V, tome III, pag. 37: Dans les pays gouvernés par des coutumes, les exemples deviennent des titres.

2) Livre I, chap. III, tome I, pag. 168: Je dois le remarquer avec soin, ces attentats infâmes dont nos chroniques sont souillées, sont devenus entre les mains de quelques écrivains modernes autant d'argumens pour prouver que le gouvernement des François étoit et devoit être purement arbitraire: ils ont conclu du fait au droit; ils ont pris l'abus des moeurs pour la loi politique, et pour la constitution naturelle de l'état, la contorsion forcée dans laquelle la violence d'une part, et la foiblesse de l'autre, tenoient le corps entier de la nation. Mais les faits ne supposent, ni ne donnent aucun droit, s'ils ne sont reconnus pour les actes d'une autorité légitime. La loi qui les condamne est violée, et non pas détruite; et cette loi, qui n'a pas été la règle de quelques princes ou de quelques citoyens avarés, sanguinaires et ambitieux, doit au moins en servir aux philosophes qui jugent leurs actions.

3) На томъ же основаніи непріемлема была для парламента и историческая концепція Вольтера, изложенная имъ въ его *Histoire du Parlement de Paris*, впервые вышедшей въ свѣтъ въ 1769 году. Мы пользовались изданіемъ этого сочиненія въ *Oeuvres complètes de Voltaire*, 1785, tome XXX. Вольтеръ отрицаетъ прямую преемственность между древнимъ парламентомъ, представлявшимъ собою первоначально народное собраніе, а затѣмъ съѣздъ бароновъ, и новымъ судебнымъ парламентомъ, учрежденнымъ при Филиппѣ Красивомъ (I. c., pag. 7—8, 11, 14, 15, 21, 25—27). Качество куріи перовъ Парижскій парламентъ прибрѣлъ лишь послѣ суда

требованіямъ общаго мнѣнія и удовлетворялъ ихъ, выставя историческія конструкціи Паскье и Le Raige'a. Мабли рѣшительно отвергалъ послѣднія и указывалъ, что антикварная генеалогія искусственно создана подъ вліяніемъ позднѣйшаго усиленія парламента послѣ Лиги и главнымъ образомъ послѣ прекращенія генеральныхъ штатовъ¹⁾. Конечно такое объясненіе парламентской исторіи наносило ударъ парламентской догмѣ, но ударъ этотъ не былъ безусловно гибельнымъ, потому что враждебная парламенту дворянская исторіографія также отвергалась Мабли и подлежала въ его духѣ аналогичному разъясненію²⁾.

Рѣшительный подрывъ парламентской догмѣ вызывался не самой исторической концепціей Мабли, а тѣмъ, что творецъ ея самъ же ея не выдерживалъ и по отношенію къ парламенту отступалъ отъ нея, сбиваясь на проторенную дорогу исторіографической традиціи. Первые отступленія въ этомъ родѣ замѣчаются въ странной придирчивости, проявленной Мабли въ дѣлѣ оцѣнки парламентскихъ прецедентовъ. Онъ требуетъ, чтобы эти прецеденты создавались собственными усиліями парламента, иначе старается всячески умалить ихъ значеніе. Таково отношеніе его къ извѣстному постановленію Парижскаго парламента отъ 28 іюня 1593 года о

надъ герцогомъ Алансонскимъ (I. с., р. 51), а политическое значеніе получалъ лишь во времена регентствъ (I. с., р. 253, 338). Регистрацію королевскихъ актовъ въ парламентѣ Вольтеръ выводитъ изъ техническихъ удобствъ, хотя и признаетъ, что съ теченіемъ времени этотъ обычай сталъ неизбежной формальностью (I. с., р. 65—66). Признавая въ исторіи измѣнчивость всѣхъ учрежденій (I. с., р. 3—4), Вольтеръ принципиально отрицалъ антикварную точку зрѣнія, стремившуюся отыскать истинныя первоосновы государственнаго строя. Его исторія Парижскаго парламента совершенно чужда всѣхъ тѣхъ вопросовъ объ историческомъ легитимизмѣ, которые разсматриваются нами въ настоящей главѣ. Она даетъ исключительно политическую оцѣнку дѣятельности парламента. Исключительно политическая точка зрѣнія Вольтера весьма рельефно обнаруживается также въ той характеристикѣ, которую онъ даетъ парламенту въ своемъ *Siècle de Louis XIV*, см. *Oeuvres complètes*, tome XXII, p. 329—332.

1) Livre VIII, chap. IV, tome III, pag. 252; Remarques et preuves du livre VI, chap. V, num. 10, tome III, pag. 357; Remarques et preuves du livre VIII, chap. IV, num. 4, tome III, pag. 517—518.

2) Напомнимъ, что критическое замѣчаніе Мабли, приведенное на предыдущей страницѣ во 2-омъ примѣч., имѣетъ отношеніе къ Буленвиле и Монтескье.

Салическомъ законѣ. Мабли признаетъ, что это постановленіе было важнымъ прецедентомъ для упроченія политической компетенціи парламента, но въ тоже время всячески силится доказать, что, самое постановленіе было внушено парламенту герцогомъ Майенскимъ, и склоненъ на этомъ основаніи умалять значеніе названнаго прецедента¹⁾. Такое отношеніе къ данному дѣлу нельзя не признать придиричвымъ, потому что съ точки зрѣнія основной исторической концепціи Мабли, очевидно, безразлично, кѣмъ создаются факты, превращающіеся въ титулы, самимъ ли заинтересованнымъ въ нихъ учрежденіемъ или другими²⁾. Далѣе, строго различая юридическія правила политической жизни отъ фактическаго ихъ нарушенія, Мабли по временамъ измѣняетъ этому своему принципу по отношенію къ парламенту. Такъ, онъ ставитъ въ вину парламенту то, что у него не было достаточно фактической силы для проведенія въ жизнь созданной имъ догмы законной монархіи³⁾. Мало того, онъ находитъ возможнымъ умалять значеніе права свободнаго испытанія на томъ основаніи, что парламентъ фактически лишился его въ теченіе долгаго промежутка времени⁴⁾. Высшимъ проявленіемъ внутренней непослѣдовательности Мабли является, наконецъ, то, что онъ квалифицируетъ добытое парламентомъ право свободнаго испы-

1) Livre VIII, chap. III, tome III, pag. 240—243.

2) Первоначальное политическое возвышеніе парламента выводится же самимъ Мабли изъ политики Карла V.

3) Livre VIII, chap. VII, tome III, pag. 313: Le parlement est le seul corps qui pourroit mettre quelques entraves au pouvoir arbitraire. Obligé par son propre intérêt de faire encore entendre quelquefois le nom des lois, la nation lui doit l'avantage d'avoir conservé ce mot, et voilà tout; car cette compagnie n'a pas la puissance nécessaire pour empêcher que les lois qu'elle réclame par intervalles, ne soient tous les jours violées. Аналогичное замѣчаніе дѣлаетъ Мабли о бесилии свободнаго испытанія законовъ и отказывается понять то значеніе, которое парламентъ придавалъ своей формулѣ — du très exprès commandement du roi, — см. livre VII, chap. III, tome III, pag. 128—129, 132.

4) Livre VIII, chap. VI, tome III, page 298—299: A l'avènement de Louis XV au trône, le parlement a recouvré le droit de délibérer sur les lois avant que de les enregistrer, mais c'est à condition de toujours obéir: un droit qu'on a perdu et qu'on peut reprendre, est un droit dont on ne jouit que précairement. — Срвн. livre VII, chap. III, tome III, pag. 140.

танія королевскихъ указовъ какъ узурпацію правъ націи ¹⁾. Если къ этому прибавить, что на введеніе во второй половинѣ XIII вѣка легистовъ въ парламентъ Мабли смотритъ какъ на захватъ власти у дворянъ ²⁾, то для насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что по отношенію къ парламенту Мабли не выдержалъ своей исторической концепціи и попалъ въ колею историографической традиціи.

Подчиненіе историографической традиціи сказывается не только въ проскользнувшей у Мабли идеѣ пауламентской узурпаціи, но и въ томъ историческомъ освѣщеніи, которое онъ даетъ излюбленному имъ институту народнаго представительства. Генеральные штаты, призванные къ жизни Филиппомъ Красивымъ, Мабли считаетъ образомъ и подобіемъ народныхъ собраний, имѣвшихъ мѣсто при Карлѣ Великомъ ³⁾, а въ послѣднихъ въ свою очередь видитъ возстановленіе исконныхъ началъ древне-германской демократіи ⁴⁾, органы которой надѣлены у него всѣми отличительными чертами генеральныхъ штатовъ ⁵⁾. Если прибавить къ этому сожалѣніе Мабли о томъ, что при Карлѣ VI нація потеряла традицію своихъ обычаевъ и не заявляла о своихъ исконныхъ вольностяхъ ⁶⁾, то предъ нами предстанетъ полностью картина извѣстнаго намъ антикварно-реставраціоннаго отношенія къ исторіи. Послѣдствіемъ такого именно отношенія является и увлеченіе Мабли идеей парламентской узурпаціи. Исконной, слѣдовательно, и истинной конституціей страны Мабли признаетъ участіе во власти генеральныхъ штатовъ, прошедшихъ сквозь призму его демо-

1) Изложивъ какъ упрочилось право парламентской регистраціи королевскихъ указовъ, особенно же финансовыхъ, Мабли заключаетъ: *Cette usurpation sur les droits de la nation ne fut point une erreur qu'il faille attribuer à l'ignorance ou à une inconsideration passagère. Le Parlement savoit etc. . . .* — livre VII, chap. III, tome III, pag. 154.

2) Livre IV, chap. II, tome II, pag. 94—98.

3) Livre IV, chap. III, tome II, pag. 115.

4) Livre II, chap. II, tome I, pag. 225—229; livre II, chap. III, tome I, pag. 249; livre I, chap. I, tome I, pag. 133; livre I, chap. V, tome I, pag. 181—182.

5) См. Louis Lemarié, *Les assemblées franques et les historiens réformateurs du XVIII-e siècle*, Paris, 1906, pag. 99.

6) Livre VI, chap. III, tome II, pag. 350.

крайней идеологии. Все, что противорѣчило этой истинной конституціи является въ глазахъ Мабли узурпаціей. Вполнѣ понятно, что обвиненіе въ узурпаціи предъявляется имъ къ парламенту, который больше всего содѣйствовалъ прекращенію созыва генеральныхъ штатовъ¹⁾ и водворенію деспотизма въ надеждѣ дѣлать его съ королемъ²⁾.

Итакъ, въ концѣ концовъ Мабли возвратился къ старому ученію о парламентской узурпаціи, начало котораго восходитъ къ Готману³⁾. У парламента имѣлись для борьбы съ такимъ обвиненіемъ давно выработанныя средства изъ арсенала историческихъ доказательствъ, выдвинутыхъ еще Паскье.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія было сформулировано новое обвиненіе парламента въ узурпаціи. Обвиненіе это было вызвано той чрезвычайной по своей агрессивности борьбой парламента съ королевской властью, которая наполнила собою пятидесятыя и шестидесятыя годы XVIII вѣка и привела къ „революціи Мопу“. Не только противники, но и сторонники парламента полагали, что безусловное отрицаніе авторитета *des lits de justice* не въ мѣру расширяло право свободнаго испытанія королевскихъ указовъ и являлось необоснованнымъ притязаніемъ на непринадлежавшее парламенту право законодательнаго veto. Такъ какъ парламентъ настаивалъ на законности послѣдняго притязанія и систематически пытался осуществлять его, то даже сторонники парламента заговорили о парламентской узурпаціи

1) Livre VII, chap. III, tome III, pag. 161: Quelques disgraces et quelques exils que le parlement a paru supporter avec courage, ont fait perdre le fil de sa conduite et oublier qu'il a plus contribué que les grands mêmes à faire proscrire l'usage des états-généraux, sans lesquels il ne peut y avoir de liberté ni de lois respectées.

2) Remarques et preuves du livre VII, chap. III, num. 6: Le chancelier de Maupeou a rompu la chaîne des traditions de la doctrine et de l'ambition des parlemens. Il nous a fait connoître que ces compagnies n'avoient pas la force que nous leur attribuions. Il nous a fait sentir une grande vérité: que tout ordre de citoyens qui favorise le despotisme, dans l'espérance de le partager avec le prince, creuse un abyme sous ses pas, et assemble un orage sur sa tête (tome III, p. 425).

3) Признаніе парламента узурпаторомъ не мѣшало Мабли рассчитывать на содѣйствіе парламента для освободительныхъ цѣлей. См. объ этомъ Lemarié, op. cit., pag. 109.

въ этомъ отношеніи. Типичнымъ представителемъ этой новой формулировки обвиненія парламента въ узурпаціи является Женъ, въ своемъ трактатъ объ истинныхъ принципахъ французскаго правленія¹⁾. Трактатъ этотъ былъ изданъ черезъ два года спустя послѣ возстановленія старыхъ парламентовъ Людовикомъ XVI и имѣлъ въ виду предостеречь возстановленный парламентъ отъ уклоненія на путь захвата законодательной власти. Женъ относитъ къ числу основныхъ законовъ регистрацію, храненіе законовъ и связанное съ ними право представленій. Всѣ эти функціи онъ сосредоточиваетъ въ парламентѣ, обезпеченномъ несмѣняемостью его членовъ²⁾. Но на ряду съ этимъ онъ признаетъ также за основной законъ право монарха отступать отъ законныхъ формъ проведенія въ жизнь своихъ волеизъявленій въ случаяхъ, когда этого требуютъ интересы общественнаго блага³⁾. Въ переводѣ на обычный языкъ парламентскаго производства послѣдній устанавливаемый Женомъ основной законъ содержитъ въ себѣ признаніе безусловнаго авторитета королевскихъ *lits de justice*. Отрицаніе королевскаго полновластія на *lits de justice* представлялось Жену парламентской узурпаціей, начало которой онъ возводилъ къ возникшему въ междоусобіяхъ XVI вѣка ученію о передачѣ парламенту генеральными штатами права соучастія въ законодательствѣ⁴⁾. Ученіе это Женъ считаетъ ложнымъ въ самомъ корнѣ, потому что генеральные штаты по своему

1) Gin, Les vrais principes du gouvernement françois, démontrés par la raison et par les faits, Genève, 1777. Сочиненіе это вышло анонимно, но анонимъ былъ немедленно раскрытъ.

2) Это третій и четвертый основные законы по Жену; приводитъ ихъ Lemaire, op. cit., pag. 260. Въ содержаніи третьяго закона Лемэръ упустилъ *dépôt public qui renferme les loix* (см. Gin, op. cit., p. 30).

3) Пятый основной законъ; приводитъ его Lemaire, op. cit., p. 260.

4) Gin, op. cit., pag. 237—238: Du sein des guerres de religion et des fureurs de la ligue, sortit une proposition plus hardie avancée par les députés du tiers état à Blois: que les cours de parlement, combien qu'elles ne fussent qu'une forme des trois états racourcie au petit pied, avoient pouvoir de suspendre, modifier et refuser les édits; maxime pernicieuse qui donnait à un corps toujours assemblé un pouvoir capable de contrebalancer l'autorité du monarque, détruiroit toute l'économie du gouvernement monarchique.

происхожденію сами не имѣли права на такое соучастіе ¹⁾ и, собственно говоря, никогда на него даже не претендовали ²⁾.

Новая постановка обвиненія въ узурпаціи должна была озадачить парламентъ. Мы привели ее въ той окончательной формулировкѣ, которую она получила въ печати уже послѣ возстановленія парламентовъ. Несомнѣнно однако, что подобныя обвиненія высказывались и раньше во время самой „революціи Моу“ и сильно смущали сторонниковъ парламента. Мы можемъ утверждать это, такъ какъ располагаемъ данными, свидѣтельствующими о томъ, что парламентаріи считались съ подобными обвиненіями въ своей литературной полемикѣ съ Моу. Въ-теченіе 1770—1774 годовъ появился рядъ официальныхъ и частныхъ протестовъ противъ Моу, которые немедленно по возстановленіи парламента были изданы въ назиданіе потомству въ спеціальномъ пятитомномъ сборникѣ ³⁾. Въ сборникѣ этомъ находится спеціальныи очеркъ исторіи государственнаго строя французской монархіи ⁴⁾. Историческая концепція, нашедшая себѣ выраженіе въ этомъ очеркѣ, весьма своеобразна и приноровлена къ той новой постановкѣ обвиненія парламента въ узурпаціи, о которой мы только что говорили. Въ качествѣ исходнаго положенія очеркъ устанавливаетъ прежде всего то обстоятельство, что первоначальная конституція французской монархіи была построена на ограниченіи короля участіемъ народа во власти. Въ подтвержденіе этого положенія очеркъ ссылается какъ на свидѣтельства источниковъ, такъ и на толкованіе этихъ свидѣтельствъ историками. Въ послѣднемъ отношеніи авторъ очерка стремится опереться на *communis opinio doctorum* и потому ссылается на исто-

1) Gin, op. cit., pag. 250, гдѣ между прочимъ воспроизводится мнѣніе Эт. Паскье о генеральныхъ штатахъ (см. у насъ выше, стрн. 513).

2) Gin, op. cit., pag. 259: les états généraux n'ont jamais prétendu avoir un droit d'opposition ou de resistance, pas même dans les temps les plus orageux.

3) Maupéouana, ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du Chancelier Maupeou, pour démontrer l'absurdité du Despotisme qu'il vouloit établir, et pour maintenir dans toute sa splendeur la Monarchie Française, tomes I—V, Paris, 1775.

4) Tableau des différens âges de la Monarchie Française, Maupéouana, tome IV, pag. 43—94.

риковъ независимо отъ ихъ воззрѣній на историческія права парламента: приводитъ Готмана и Буленвилле, Монтескье и Мабли¹⁾. Извращеніе первоначальной конституціи произошло вслѣдствіе узурпаціи со стороны вельможъ и дворянъ, которые захватили власть и распатали государственное единство: подъ вліяніемъ феодальнаго дробленія исчезло представленіе объ общемъ законодательствѣ и вмѣстѣ съ нимъ исчезли и первоначальныя народныя собранія²⁾. Путемъ постепеннаго расширенія своего домена короли усилились, возстановили власть, захваченную вельможами, и уничтожили феодализмъ. Устраненіе феодальной узурпаціи повело къ возстановленію участія народа во власти въ видѣ генеральныхъ штатовъ³⁾. Права народа не были однако возстановлены полностью. Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ съ феодалами короли приспособили древній парламентъ, т. е. народныя собранія, для своихъ цѣлей: ограничили его составъ своими непосредственными вассалами, развили преимущественно его судебную компетенцію, ввели въ его составъ легистовъ и, наконецъ, превратили его въ постоянное учрежденіе⁴⁾. Этому новому учрежденію они передали регистрацію законовъ, не желая сохранять ее въ рукахъ народныхъ собраній⁵⁾. Такимъ образомъ соучастіе въ законо-

1) *Maureouana*, tome IV, pag. 44—45, 48—49. — Выясненію демократическаго характера первоначальной конституціи было посвящено въ томъ же томѣ сборника специальное изслѣдованіе: *Inauguration de Pharamond; ou Exposition des lois fondamentales de la Monarchie Française; avec le preuves de leur exécution, perpétuées sous les trois Races de nos Rois* (*Maureouana*, tome IV, pag. 95—197). — Сочиненіе это появилось отдѣльнымъ изданіемъ въ 1772 году анонимно. Авторомъ его признавали *Martin'a Morizot*. — Характерно, что первоначальная конституція монархіи устанавливается въ названномъ сочиненіи путемъ толкованія рельефнаго изображенія на медали, выбитой при воцареніи легендарнаго короля Фарамонда.

2) *Maureouana*, tome IV, pag. 56—58.

3) *Ibidem*, pag. 62—63.

4) *Ibidem*, pag. 64—67.

5) *Ibidem*, pag. 70—71: La nouvelle forme que nos Rois avoient donnée au Parlement depuis le regne de Philippe le Bel, Parlement auquel les Barons ni les Evêques n'assistoient plus; le même nom donné à deux Corps dont on pourroit faire sentir la différence suivant les tems et les circonstances (on veut dire le Parlement rendu sédentaire, et le Parlement composant l'assemblée générale de la Nation), contribua infiniment à se-

дательствѣ было отнято у народа, и компетенція генеральныхъ штатовъ свелась къ одному лишь вотированію налоговъ¹⁾. Но все возраставшая королевская власть вырвала и эту функцію изъ рукъ народа и передала ее парламенту, какъ болѣе покорному орудію въ рукахъ королей²⁾. Такимъ образомъ оказывается, что, если ужъ и лежитъ въ основѣ политическихъ функцій парламента узурпація, то это узурпація не со стороны самого парламента, а со стороны королей. Короли отняли у народа права на соучастіе во власти и передали ихъ парламенту въ надеждѣ имѣть въ послѣднемъ покорное орудіе для своихъ цѣлей. Исторія показала, что парламентъ осуществлялъ свои политическія функціи не въ духѣ рабской покорности королю, но въ интересахъ націи, и этимъ предотвратилъ гибельныя послѣдствія королевской узурпаціи. Право свободнаго испытанія законовъ въ парламентѣ, хотя и установлено королемъ, не есть пустая формальность, потому что оно все же въ конечномъ итогѣ проистекаетъ изъ права народа на соучастіе въ законодательной власти³⁾. Въ силу внѣшнихъ для парламента обстоятельствъ (королевской узурпаціи) парламенту пришлось стать въ положеніе представителя націи; еслибы король пожелалъ отнять у парламента его власть или если-

conder leurs vues, et à tromper la Nation qui confondit aisément leurs droits et leurs fonctions. Ces circonstances réunies inspirèrent aux Rois l'idée de se servir du Parlement comme d'un instrument propre à lui faire goûter l'exercice qu'ils vouloient faire de la puissance législative . . . de là le droit de concourir à la législation, passé de la Nation au Parlement.

1) Ibidem, pag. 74: . . . mais la Nation par ce changement n'étoit pas privée du droit d'accorder des impôts; cette matiere lui étoit réservée, et il auroit été difficile d'y toucher sans la réveiller de son assoupissement.

2) Ibidem, pag. 77: . . . (les rois) trouverent moins embarrassant et plus conforme à leurs vues d'attribuer au Parlement la connoissance de cette matiere (sc. du consentement à l'établissement des impôts), en leur envoyant les Edits qui la concernent à vérifier, dans la persuasion qu'ils trouveroient dans ce Corps beaucoup moins de résistance.

3) Ibidem, pag. 84: La vérification des Loix n'est donc pas une formalité de vain cérémonial, puisque cette vérification dérive du droit du corps entier de la Nation de concourir à la puissance législative . . . Срвн. ibidem, pag. 78: . . . droit dont le Parlement doit jouir avec la même étendue et la même plénitude d'autorité que la Nation en jouiroit elle-même si elle s'assembloit encore, et que les Loix fussent délibérées dans son sein.

бы самъ народъ пожелалъ возстановить свои непосредственныя права, права эти должны были бы быть возстановлены, потому что нація никогда отъ нихъ не отказывалась, и парламентъ оберегалъ ихъ отъ забвенія¹⁾.

Приведенная историческая концепція, свергавшая всѣ обвиненія въ узурпаціи съ парламента на короля, стоитъ совершенно одиноко въ историко-политической литературѣ XVIII вѣка. Она въ высшей степени характерна для того критическаго періода, который пришлось пережить старому парламенту во время функціонирования „парламентовъ Моу“. Нельзя однако сказать, чтобы приведенная концепція была вызвана только преходящими условіями критической эпохи и оставалась совершенно чуждой традиціонной догмѣ парламентскихъ представленій. Вѣдь еще въ представленіяхъ первой четверти XVIII столѣтія парламентъ по временамъ основывалъ свое право представлять націю не на легальномъ преемствѣ отъ генеральныхъ штатовъ, а на государственной необходимости, вызванной подавленіемъ всѣхъ законныхъ способовъ заявленія о нуждахъ народныхъ и перенесшей право такого заявленія на единственное учрежденіе, уцѣлѣвшее отъ разгрома, — на парламентъ²⁾.

Парламентское ученіе о томъ, что парламентъ принялъ на себя представительство націи, будучи вынужденъ къ тому указанными выше условіями государственной необходимости, давало весьма прочное обоснованіе публичноправной догмѣ. Хотя ученіе это признавало, что политическія функціи переданы парламенту королемъ, тѣмъ не менѣе оно же указывало, что переданы были функціи, принадлежавшія первоначально націи. При такой постановкѣ вопроса парламентъ выступалъ въ осуществленіи этихъ функцій не какъ мандатарій короля, который, въ сущности говоря, не могъ законно передать ему узурпированныхъ народныхъ правъ, а какъ призванный въ силу необходимости nego-

1) *Ibidem*, pag. 84: On ne s'est donc pas trompé en regardant le Parlement comme représentant la Nation en cette partie; et s'il plaisoit au Roi d'ôter à ce Tribunal le pouvoir qu'il lui a donné de la suppléer dans l'exercice de ce droit, ou que la Nation le réclamât, il seroit de sa justice de la réintégrer elle-même dans ce droit.

2) См. у насъ выше стрн. 437 прим. 1-ое; срвн. стрн. 443 прим. 3-ье.

tiorum gestor націи. Въ этомъ качествѣ парламентъ оказывался неуязвимымъ для обвиненій въ узурпаціи; въ тоже время центральное положеніе его въ государствѣ становилось весьма прочнымъ. Оно могло быть подорвано только въ случаѣ отрицанія первоначальныхъ правъ націи на участіе во власти. Подобный случай былъ однако совершенно исключенъ примѣнительно ко всѣмъ сторонникамъ „законной монархіи“. Какъ бы они ни локализовали ея „сдержки“ — въ парламентѣ, въ дворянствѣ, въ генеральныхъ штатахъ, — всѣ они твердо стояли на первоначальныхъ правахъ націи, хотя и придавали послѣдней различный смыслъ. Парламентская доктрина въ случаѣ надобности смѣло синкретизировала всѣ эти воззрѣнія и обосновывала свое исходное положеніе на *communis opinio doctorum* ¹⁾ Нарушали это общее мнѣніе только крайніе абсолютисты, которые въ XVIII столѣтіи послѣдовали общему теченію и стали оперировать съ исторіей. Постараемся ознакомиться съ исторической концепціей безусловнаго абсолютизма.

Однимъ изъ представителей исторической концепціи абсолютизма выступаетъ во второй половинѣ XVIII вѣка адвокатъ Парижскаго парламента Маннори. Нарушая всѣ традиціи своего сословія, онъ ополчается противъ конструкціи законной монархіи и стремится подорвать ее въ самомъ корнѣ, т. е. въ опредѣленіи первоначальнаго строя монархіи. Сущность послѣдняго сводилась, какъ извѣстно, сторонниками законной монархіи къ участію народа во власти. Въ доказательство послѣдняго приводили обычаи древнихъ германцевъ, факты народныхъ собраній при первой династіи и, наконецъ, торжественно сформулированный при второй династіи основной законъ о соучастіи народа въ законодательной власти. Такимъ основнымъ закономъ признавали извѣстный шестой артикулъ капитулярія, или Пистскаго эдикта, изданнаго Карломъ Лысымъ въ 864 году. Артикулъ этотъ гласилъ: *Lex consensu populi fit et constitutione regis* ²⁾. Въ качествѣ профессиональнаго цивилиста, воспитаннаго на писаномъ правѣ, Маннори отнесся скептически къ переданнымъ у Тацита обычаямъ германцевъ и игнорировалъ факты,

1) См. у насъ выше стрн. 572 текстъ и примѣч. 1-ое.

2) См. у насъ выше стрн. 547, примѣч. 4-ое.

разъ нѣтъ данныхъ, что они были осуществленіемъ законодательнаго правила. Единственнымъ основаніемъ, съ которымъ онъ счелъ возможнымъ серьезно считаться, оказался пресловутый текстъ „основнаго закона“, формулированнѣй въ Пистскомъ эдиктѣ 864 года. Противъ него Маннори и направилъ свои возраженія¹⁾. Онъ начинаетъ съ замѣчанія, что при первой династіи не были ничего подобнаго названному основному закону, а при третьей династіи о немъ никогда не вспоминали, покуда его не извлекли на свѣтъ Божій и не провозгласили во всеобщее свѣдѣніе изслѣдователи древностей²⁾. Изъ этого уже обстоятельства слѣдуютъ два вывода, подрывающіе значеніе названнаго основнаго закона: 1) законъ этотъ не извѣстенъ первоначальному строю монархіи, 2) онъ не вошелъ въ государственную практику при третьей династіи. Невольно возникаетъ сомнѣніе, имѣла ли извѣстная формула Пистскаго эдикта когда либо значеніе основнаго закона. Сомнѣніе это превращается у Маннори въ рѣшительное отрицаніе такого значенія послѣ произведеннаго имъ анализа внѣшней редакціи формулы и внутренняго ея содержанія. Пистскій эдиктъ отнюдь не представляетъ собою какого либо учредительнаго акта и вообще не имѣетъ своимъ предметомъ общей регламентаціи законодательнаго порядка; онъ посвященъ исключительно

1) M. Mannory (ancien avocat au Parlement), Sur un passage de l'Edit de Pistes, en l'année 864, où l'on prétend, que Charles le Chauve a dit, que Lex consensu populi fit et constitutione regis, *Plaidoyers et Mémoires de Mannory*, tome XVIII, Paris, 1766, Discours préliminaire, pag. 1—70. — Трактатъ о Пистскомъ эдиктѣ былъ написанъ въ 1756 году, — см. объ этомъ Morizot (d'après Barbier), *Le sacre royal*, Amsterdam, 1766, tome I, pag. 91. — Юридическая точка зрѣнія Маннори опредѣляется въ слѣдующемъ его заявленіи: L'homme de Lettres ne s'occupe de ces objets (sc. des capitulaires, des anciennes ordonnances, de l'histoire), qu'en homme curieux. L'avocat les doit approfondir, en homme de la Loi (l. c., pag. 6). — Отрицательное отношеніе къ конструкціи „законной монархіи“ проявилось полностью въ отношеніи Маннори къ Монтескье: On peut aussi lire et on lira avec plaisir l'Auteur de l'Esprit des loix; mais les principes dont on se sera rempli ne permettront que de le lire. On se gardera bien de l'étudier. Se piquer de trop approfondir les Loix fondamentales, ce n'est autre chose que chercher à réduire en système les droits de la Puissance, et travailler à rendre équivoque l'idée simple et naturelle de l'Autorité souveraine (l. c., pag. 8—9).

2) Mannory, l. c., pag. 11.

уголовному праву и процессу. Формула — *quoniam lex consensu populi fit et constitutione regis* — является въ общемъ контекстѣ эдикта только вставкой, которая носить не нормативный, но чисто повѣтствовательный характеръ ¹⁾. Она говоритъ лишь о томъ, какъ въ дѣйствительности издавались въ то время законы. Объ этомъ вопросѣ имѣются лѣтописныя данныя, которыя согласно свидѣлствуютъ, что законы издавались какъ въ народныхъ собраніяхъ, такъ и единолично королями. Приведенная формула только констатируетъ этотъ двойственный порядокъ, явно показывающій, что законодательная власть короля не была ограничена необходимымъ соучастіемъ націи ²⁾.

Маннори сдѣлалъ главное дѣло, — подрывалъ первооснову всѣхъ историческихъ правъ парламента. Оставалось сдѣлать лишь дальнѣйшій выводъ изъ его предпосылки, и тогда получалось обновленное ученіе о парламентской узурпации. Этотъ выводъ и былъ сдѣланъ безусловными абсолютистами. Типичнымъ выраженіемъ исторической концепціи послѣднихъ является анонимный трактатъ о независимости королевской власти отъ какого бы то ни было политическаго сословія, вышедшій въ свѣтъ наканунѣ паденія стараго порядка и приписанный тогда же Гудару ³⁾.

1) Mannory, l. c., pag. 45—46: Il ne s'agissoit point dans ce capitulaire de prononcer sur la formation des Loix, ni d'assigner aux Rois et au peuple la part, qu'ils devoient avoir dans la législation. C'étoit, uniquement, une Ordonnance particuliere, que Charles le Chauve vouloit faire pour le bien de la Justice, pour le maintien du bon ordre, et pour la punition des crimes. Il n'étoit donc pas question, alors, des Loix générales du Royaume, mais, seulement, d'une simple Ordonnance, pour régler la procédure criminelle. — Aussi cette phrase citée ne se prononce pas par le Roi comme une décision. Elle ne se trouve que par forme de narration.

2) Mannory, l. c., pag. 47: Les Loix en effet se faisoient et avec ce concours du peuple, et sans ce concours. Tous les Auteurs l'attestent. Les Loix mêmes le prouvent: et c'est le seul sens raisonnable que l'on puisse donner à ces paroles. Et *quoniam Lex populi consensu fit, et constitutione Regis*. Et est mis pour vel. — Сверхъ того Маннори настаиваетъ на томъ, что громадное большинство законовъ, какъ и самый Пистекій эдиктъ, издавались въ совѣтѣ дружинниковъ (dans le Conseil des fidèles), а не въ народныхъ собраніяхъ. Народъ же собирали plutôt pour reconnoître les Loix et pour s'y soumettre, que pour les former et les ordonner (l. c., pag. 61, 62).

3) (attribué à) Ange Goudar, L'autorité des rois de France est

Гударь отправляется отъ безспорнаго для него положенія о томъ, что при первоначальномъ учрежденіи французской монархіи верховная власть королей не была ограничена соучастіемъ какого бы то ни было политическаго сословія, но была установлена въ качествѣ абсолютной¹⁾. Въ виду этого всѣ притязанія парламента на значеніе противовѣса королевской власти являются незаконными. Ихъ и не было въ первыя вѣка монархіи, такъ какъ парламентъ въ это время не обладалъ политическими функціями. Послѣднія были приобрѣтены имъ въ послѣдствіи, и приобрѣтены противозаконно. Гударь соединяетъ историческіе доводы, выставленные противниками парламента всѣхъ направленій, и резюмируетъ ихъ въ конечномъ выводѣ: всѣ политическія функціи парламента, какъ и самое его имя, являются результатомъ узурпаціи²⁾. Узурпировано парламентомъ право регистраціи и выведенное изъ него самимъ парламентомъ производное право представленій. Въ качествѣ безусловнаго абсолютиста Гударь даетъ оригинальное объясненіе первоначальнаго значенія регистраціи, отличное отъ воззрѣнія тѣхъ противниковъ парламента, которые были сторонниками законной монархіи. Послѣдніе видѣли въ установленіи парламентской регистраціи хотя и незаконную, но все же замѣну функцій народныхъ собраній или дворянскихъ съѣздовъ по соучастію въ законодательствѣ. Гударь рѣшительно отвергаетъ такое соучастіе и, слѣдовательно, какую бы то ни было преемственную связь съ нимъ парламентской регистраціи. Занесеніе новыхъ законовъ въ парламентскіе регистры было по его мнѣнію простой записью для памяти современниковъ и потомства и для справокъ. Парламентскіе регистры это анналы законодательства, не болѣе. Превращеніе чисто фактической процедуры регистраціи въ право свободнаго испытанія законовъ и выведеніе изъ него права представленій составляетъ чистѣйшую узурпацію со стороны парламента³⁾.

indépendante de tout corps politique; Elle étoit établie avant que les Parlemens fussent créés, Amsterdam, 1788. — Объ авторствѣ Гудара см. у Firm. Didot въ Nouv. biogr. gén. s. v. Goudar.

1) Op. cit., pag. 6.

2) Op. cit., pag. 35: Leur institution, leurs Droits, leurs Prérogatives, tout est usurpé jusqu'au nom.

3) Op. cit., pag. 76—78: Les Registres du Parlement de Paris sont

Та настойчивость, съ которой парламентъ добивался политическихъ функцій, не взирая на всё препятствія, заставляетъ Гудара признать, что парламентская узурпація была не случайной, но преднамѣренной и вполне планомѣрной ¹⁾. Успѣшность парламентской узурпаціи объясняется невольнымъ попустительствомъ со стороны королей. Всецѣло поглощенные военными дѣлами, короли предоставили въ полное вѣдѣніе парламентовъ важнѣйшую отрасль внутренней государственной дѣятельности — судъ. Парламентъ сумѣлъ использовать такое положеніе дѣла и понемногу захватить въ свои руки всё отрасли государственнаго управленія ²⁾. Напрасно поэтому парламентъ упрекаетъ королей въ томъ, что они захватили черезчуръ сильную власть ³⁾. Короли не только ничего сами не узурпировали, но, напротивъ того, попустительствовали узурпаціи со стороны другихъ и этимъ дали возможность укрѣпиться разнымъ „посредствующимъ властямъ“ ⁴⁾. Такое попустительство со стороны королей Гударъ считаетъ результатомъ ослабленія ихъ власти подѣ

des simples Annales, dont l'utilité se réduit à éviter de longues recherches dans la mémoire des hommes. Ce fut là l'esprit de l'enregistrement. La législation ne pourroit pas lui en donner d'autres, parce qu'elle n'en avoit point d'autres à lui donner Le droit de représentations fut usurpé comme celui de l'enregistrement L'opposition à l'enregistrement n'est pas mieux fondé que l'enregistrement lui-même. C'est un droit chimérique enté sur une prérogative imaginaire. Ni l'un ni l'autre ne tient à l'institution fondamentale. Ils sont venus après l'établissement de la Monarchie.

1) Op. cit., pag. 50: Il n'est guère de Corps politique qui ait tant souffert de reproches et de punitions que nos Parlemens, et il falloit bien qu'ils eussent un plan formé d'usurpation pour y avoir résisté.

2) Op. cit., pag. 46: Nos Rois conquérans qui travailloient à la guerre se reposoient encore plus à la paix. La politique a ses momens de lassitude, pendant lesquels le repos est le souverain bien. Ils se délassent du soin de la justice sur ces mêmes Tribunaux qu'ils avoient érigés. Ceux-ci donnerent d'abord des Arrêts sur les affaires qui étoient de leur ressort, mais lorsqu'ils virent que l'assoupissement continuoit, ils se mêlèrent de celles de la Couronne; lorsqu'un Corps a une fois usurpé, il usurpe toujours; celui de Paris passa de l'Etat civil au gouvernement politique, et il se mêla de tout.

3) Op. cit., pag. 73: Les Parlemens ont fait sentir adroitement dans leurs Remontrances, que nos Rois avoient usurpé une trop grande autorité.

4) Op. cit., pag. 74: Au lieu de détruire les pouvoirs intermédiaires (les rois), les raffermirent.

вліяніемъ смуть и междоусобій; напротивъ того въ политикѣ Ришелье онъ видитъ подавленіе парламентской узурпации и возстановленіе короны въ ея исконныхъ правахъ¹⁾. Возстановленіе это не было однако прочнымъ. Какъ указываетъ самъ Гударъ, реставрація парламентскихъ вольностей при Филиппѣ Орлеанскомъ послѣдовала не вслѣдствіе личнаго желанія регента, а въ силу живучести и прочности парламентской традиціи²⁾.

Въ основу всѣхъ почти разобранныхъ нами историческихъ схемъ, не считая единичныхъ исключеній, положена мысль о томъ, что принципы монархической конституціи Франціи были заложены при самомъ основаніи государства или въ ближайшее къ нему время. Мысль эта проглядываетъ уже у Паскье въ признаніи неконституціонности нововведеній, установленныхъ вопреки древнему порядку вещей³⁾ и съ особенной силой проявляется у Готмана въ его ученіи о франко-галльской конституціи. Историки XVI вѣка, писавшіе послѣ Готмана, сочиняютъ цѣлые рассказы о томъ, какъ франки обсуждали вопросъ о лучшей для нихъ формѣ правленія, и какъ выборъ ихъ остановился на умѣренной монархіи, которую они и учредили⁴⁾. Вымысленнымъ рассказамъ о разсужденіяхъ первыхъ основателей государства вскорѣ перестали вѣрить⁵⁾, но самая мысль о томъ, что основ-

1) Op. cit., pag. 69: L'histoire de cette Monarchie nous apprend que ses tems les plus foibles furent ceux auxquels les Rois se laisserent dépouiller de cette autorité. Tout fut dans le trouble, la foiblesse et la confusion, pendant que cette anarchie dura. Ce ne fut qu'après que Richelieu eut rendu tous ses droits à la Couronne, que la Monarchie jouit de sa prospérité.

2) Op. cit., pag. 49: Lorsque de nos jours le duc d'Orléans fit casser le testament de Louis XIV et que pour cela il s'adressa au Parlement, ce Prince qui avoit de lumières, vit bien qu'il affoiblissoit par-là cette même autorité royale, dont il lui demandoit l'investiture; mais il trouve l'usage établi, et le Parlement en droit de frapper ce coup d'autorité.

3) См. у насъ выше стрн. 514, прим. 2-ое.

4) Къ такимъ вымысламъ прибѣгали Du Haillan и Jean de Serres, см. André Lemaire, op. cit., p. 101—102; C. Sorel, *Advertissement sur l'histoire de la monarchie française*, Paris, 1628, pag. 17—18, 23—24.

5) Неправдодобность ихъ раскрылъ еще въ 17 вѣкѣ только что процитированный нами Сорель.

ные принципы конституціи положены были въ первыя времена монархіи осталась въ силѣ и пользовалась общимъ признаніемъ.

Могло показаться страннымъ, что въ отдаленной древности, въ эпоху первоначальнаго варварства были выработаны столь сложные и тонкіе конституціонные принципы. Парламентскій историкъ Le Paige невольно наталкивается на странность подобнаго явленія, но не смущается имъ несколько и, напротивъ того, видитъ особенность французскаго генія въ томъ, что народъ, будучи варварскимъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, проявилъ высокую культурность въ дѣлѣ внутренней организациіи государства при первомъ же его основаніи¹⁾. Это мнѣніе Le-Paige'a раздѣляли, въ сущности говоря, всѣ историки-публицисты: они благоговѣли предъ мудростью предковъ и искали основъ конституціи въ ихъ первобытныхъ установленіяхъ²⁾. Только весьма немногіе являлись принципиальными противниками указанной анти-

1) Le Paige, *op. cit.*, t. I, p. 4—5: Il est vrai que nous étions sans police pour ce qui concernoit les Peuples étrangers . . . Mais, relativement au corps de la Société, les choses étoient bien différentes. Les Loix qui la regloient, étoient tellement sages: elles étoient tellement propres à fonder et à soutenir un jour l'édifice d'une équitable et puissante Monarchie, que c'est à ces premiers tems eux-mêmes, que remontent presque toutes les loix fondamentales de notre Etat, la portion la plus précieuse de notre droit public, et en particulier l'origine du Parlement. — *Ibidem*, p. 32: . . . on ne peut assez admirer la sagesse qui a présidé à la constitution primitive de notre Gouvernement.

2) Даже и тѣ, кто, какъ аббатъ Дюбо, не преклонялись чрезмѣрно предъ мудростью предковъ и находили недостатки въ первоначальной конституціи, все же сводили къ ея принципамъ весь послѣдующій государственный строй. См. l'abbé Dubos, *op. cit.*, t. III, p. 445 et 257: J'avoué donc que le premier plan de la Monarchie Française a été très-vicieux, et que pour l'intérêt du Souverain et pour le bien des Peuples, il auroit dû être disposé tout autrement . . . Ce qui m'étonne donc, c'est que le Corps de notre Monarchie étant, aussi mal conformé qu'il étoit, il ait pu résister à tous ses maux . . . L'intelligence du Droit public en usage sous nos Rois de la troisième Race, dépend en grande partie de la connoissance de la première constitution de la Monarchie. — Несомнѣнно общераспространенностью мнѣнія о предъпредѣляющемъ значеніи первоначальной конституціи объясняется мысль Паскаля о вредѣ изысканій „основныхъ и первоначальныхъ законовъ“ для устойчивости государственнаго правопорядка. См. *Pensées de Blaise Pascal*, éd. Condorcet, art. V, § XX.

кварной точки зрѣнія. Таковыми были, какъ отмѣчено нами выше, Мабли и Вольтеръ, но и то первый изъ нихъ не выдержалъ своего историческаго воззрѣнія и свернулъ на путь общепринятой традиціи.

Невольно возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ сложилось это, можно сказать, всеобщее убѣжденіе въ томъ, что истинные принципы конституціи были заложены при первоначальномъ основаніи монархіи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Вейля. Признавая родоначальникомъ указанной мысли Готмана, Вейль видитъ источникъ ея происхожденія въ религіозныхъ воззрѣніяхъ кальвинизма. Какъ въ религіи кальвинисты стремились возвратить церковь къ ея первоначальной чистотѣ, точно такъ же, говоритъ Вейль, Готманъ пытался возвратить свою страну къ законамъ прошлаго: „любоваться мудростью предковъ, говорилъ онъ, дѣло благочестивое“¹⁾. Параллель, проведенная Вейлемъ между религіозной и историко-юридической концепціей, представляется намъ въ основѣ своей правильной и весьма знаменательной. Мы не можемъ согласиться лишь съ тѣмъ, что Вейль ограничиваетъ религіозную концепцію кальвинизмомъ, потому что зародышъ мысли, развитой Готманомъ, мы видимъ до появленія его Франко-Галліи у Паскье, бывшаго убѣжденнымъ католикомъ. Очевидно, что источникъ данной мысли — не въ кальвинизмѣ, а въ христіанствѣ вообще, точнѣе, — въ воспринятой христіанствомъ библейской философіи исторіи, согласно которой истинные законы устанавливаются Богомъ въ началѣ исторіи человѣчества. Эта мысль была, очевидно, перенесена французскими историками на почву національной ихъ исторіи, причемъ мудрость Божія была замѣнена человѣческой мудростью предковъ.

Къ первоначальному религіозному источнику присоединилось затѣмъ ученіе школы естественнаго права объ основаніи государства и предопредѣленіи его конституціи путемъ первоначальнаго общественнаго договора. Послѣдній не былъ для школы естественнаго права только логическимъ построеніемъ съ характеромъ регулятивной идеи, но представлялся ей историческимъ фактомъ, который приходи-

1) Georges Weill, *op. cit.*, pag. 105.

лось однако проецировать путемъ разсужденія только потому, что отъ первоначальной эпохи не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ ¹⁾.

Мысль о томъ, что конституція французской монархіи предопредѣлена была ея первоначальнымъ устройствомъ, получила весьма оригинальное выраженіе въ первой половинѣ XVII вѣка у Le Bret. Ссылаясь на „римскія древности“ Діонісія Галикарнаскаго, Le Bret заявляетъ, что у древнихъ законодателей существовалъ хорошій обычай при основаніи новыхъ государствъ предлагать народу нѣсколько основныхъ законовъ, которые предназначались для упроченія политическаго новообразованія; законодатели при этомъ разъясняли народу, что государство не погибнетъ, покуда предложенные основные законы будутъ строго соблюдаться; народъ принималъ эти законы въ торжественномъ собраніи всего государства-города въ присутствіи сената, жрецовъ и авгуровъ, которые придавали законамъ религіозное освященіе. Предки французовъ послѣдовали, по мнѣнію Le Bret, похвальному обычаю классической древности и при самомъ рожденіи у нихъ государства издали Салическій законъ, на которомъ укрѣпили вѣчность своего владычества какъ на прочной и незыблемой основѣ ²⁾.

Приведенное мнѣніе Le Bret важно для насъ въ томъ отношеніи, что оно конкретизируетъ мысль о предопредѣляющемъ значеніи первоначальной конституціи, приписывая его одному точно опредѣленному закону. Салическій за-

1) См. H. Rehm, *Geschichte der Staatsrechtswissenschaft*, Freiburg i. B. u. Lpzg., 1896, S. 253. -- Срвн. *Maximes du droit public françois*, tome I, pag. 210—211 (см. у насъ выше стрн. 241 прим. 5-ое). M-elle de Lezardiere, *Théorie des lois politiques de la Monarchie Française* (1790), 2-me époque, part. I, livre V chap. III, § III, nouv. éd., Paris, 1844, tome I, p. 105: La convention qui éleva le premier roi chez les Francs n'est pas parvenue jusqu'à nous, parce qu'elle se forma au sein d'une nation barbare, dont les lois les plus importantes n'étaient pas écrites. C'est donc aux règles subséquentes, avouées et suivies par les monarques et les sujets, et conservées par l'histoire, à nous apprendre les droits et les pouvoirs que les Francs confièrent à leurs monarques, et ceux qu'ils se réservèrent.

2) Le Bret, *De la souveraineté du Roy*, Paris, 1632, livre I, chap. IV, pag. 23—24. Соответственное мѣсто приводитъ въ подлинникъ André Lemaire, *op. cit.*, pag. 160—161.

конъ, на который указываетъ въ данномъ случаѣ Le Bret, обычно рассматривался въ государственномъ правѣ, какъ извѣстно, примѣнительно къ порядку престолонаслѣдія. Въ этихъ предѣлахъ рассматриваетъ его по существу и Le Bret въ той главѣ своего труда, начало которой отводитъ приведенному выше общему разсужденію объ установленіи основныхъ законовъ при самомъ основаніи государствъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что пріемъ локализациі всего первоначальнаго строя французской монархіи въ одномъ опредѣленномъ основномъ, и именно въ Салическомъ законѣ былъ пущенъ въ ходъ еще до Le Bret и притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это сдѣлалъ самъ Le Bret. Такъ, въ мотивахъ къ одному судебному рѣшенію Парижскаго парламента отъ 1624 года по вопросу о церковной регалии характеръ ея въ качествѣ производнаго, первоначальнаго права короля выводится изъ Салическаго закона¹⁾. Никакой опредѣленной статьи послѣдняго при этомъ не цитировали: въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ бланкетной, если можно такъ выразиться, локализацией конституціонныхъ основъ въ Салическомъ законѣ. Такую же бланкетную ссылку находимъ у Ferrault и de Pardieu, которые выводятъ изъ Салическаго закона перенесеніе полновластія на короля²⁾.

Приведенные случаи локализациі въ Салическомъ законѣ другихъ, кромѣ порядка престолонаслѣдія, конституціонныхъ принциповъ, являются единичными въ литературѣ государственнаго права. Они не остались однако безъ подражанія. Въ литературѣ XVIII вѣка мы можемъ отмѣтить новый случай квалифіцированія Салическаго закона какъ первоначальнаго общественнаго договора, установившаго конститу-

1) *Piere Bardet, Recueil d'arrêts du parlement de Paris, avec des notes de M. Claude Berroyer, nouv. éd. par M. Lalaure, Avignon, 1773, tome, I, livre II, chap. XVIII, fol. 118, col. 2-a: la régale... n'est sujette à aucune des règles de chancellerie de Rome, parce qu'elle est fondée sur le droit de la couronne, sur la loi salique.*

2) Цитату изъ Ferrault приводитъ Mably, *op. cit.*, t. II, p. 439. J. de Pardieu, *Les lis de la France, Poitiers, 1627, pag. 90: ... par cette antienne loy Salique, fondamentale de l'Estat, tout le pouvoir et toute la puissance a esté transferée en la personne du Roy.*

ціонные законы въ видахъ ограниченія королевской власти¹⁾. Замѣтимъ однако, что и въ литературѣ XVIII вѣка подобная квалифікація Салическаго закона была единичнымъ явленіемъ. Обычной была лишь ссылка на прологъ къ Салическому закону²⁾ какъ на одно изъ ряда другихъ доказательствъ въ пользу исконнаго участія народа во власти, и въ частности въ законодательствѣ³⁾.

Отсюда мы видимъ, что какъ ни былъ заманчивъ по своей упрощенности приѣмъ локализациі предопредѣленныхъ первоначальной государственной организаціей конституціонныхъ принциповъ въ одномъ, и именно, въ Салическомъ законѣ, онъ не привился и былъ отвергнутъ исторической критикой. Конституціонное значеніе Салическаго закона сводилось, какъ мы это видѣли у Le Bret, къ установленію одного лишь порядка престолонаслѣдія. Такая квалифікація была, какъ извѣстно, закрѣплена авторитетомъ Парижскаго парламента въ его памятномъ постановленіи

1) См. Morizot, *Le sacre royal*, Amsterdam, 1776, tome I, pag. 21. Указавъ, что первоначальный общественный договоръ былъ неизбеженъ при основаніи всякаго государства, и что первымъ его основнымъ положеніемъ было установленіе внутренняго мира, Morizot говоритъ: *C'est pourquoi la préface de la Loi Salique atteste que la Nation Française a affermi sa constitution sur la base d'une alliance de la paix... Gens Francorum incluta... firma in pacis foedere, Praefat. leg. Salicae...* C'est pourquoi elle porte elle-même le titre de *Pacte des Francs*; titre que nos ancêtres étoient dans l'usage de donner aux loix de nouvel établissement, appelées depuis constitutives. De là l'axiome vulgaire que le Roi ne peut toucher aux loix constitutives; parce que sa fonction est uniquement de les mettre et entretenir en vigueur. S'agit-il d'en établir de nouvelles? Alors il n'a que le droit de les proposer, suivant qu'Adalberon, Evêque de Laon, ne craignoit pas de les rappeler au Roi Robert. — Текстъ, на который ссылается Morizot, взятъ изъ т. н. второго пролога къ Салическому закону, см. J. M. Pardessus, *Loi salique*, Paris, 1843, pag. 344.

2) Именно на слѣдующее мѣсто т. н. второго пролога: *dictaverunt Salica(m) lege(m) per proceris (proceres) ipsius gentis qui tunc tempore ejusdem aderant rectores electi de pluribus viris quattuor.... qui per tres mallos convenientes, omnes causarum origines sollicitè discuciendum, tractandis de singulis judicibus decreverunt hoc modo.* См. J. M. Pardessus, *op. cit.*, pag. 344—345.

3) См. нпр., l'abbé de Mably, *op. cit.*, *Remarques et preuves du livre I, chap. I, num. 1, tome I*, pag. 321.

отъ 28 іюня 1593 года¹⁾. Не смотря на авторитетъ парламентскаго рѣшенія, историческая критика не пощадила Салическаго закона и съ этой стороны и отвергла его значеніе какъ основного закона о престолонаслѣдіи, указавъ, что извѣстный порядокъ послѣдняго выработанъ путемъ конституціоннаго обычая.

Вопросъ о характерѣ престолонаслѣдія во Франціи получилъ законченную догматическую конструкцію еще въ 1418—1419 гг. въ спеціальномъ трактатѣ Жана de Terre-Rouge (Joannes de Terra Rubea)²⁾. Въ этомъ трактатѣ нѣтъ и рѣчи о Салическомъ законѣ, и порядокъ престолонаслѣдія выводится исключительно изъ установившагося обычая³⁾. Первымъ, кто привелъ въ основаніе принятаго порядка престолонаслѣдія Салической законъ⁴⁾, былъ извѣстный намъ Клодъ Сейссель⁵⁾. Со времени его и возникла въ литературѣ контроверза по вопросу объ отношеніи Салическаго закона къ порядку престолонаслѣдія.

1) См. у насъ выше стрн. 342—343. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ парламентскихъ представленіяхъ мы встрѣчаемся съ отдѣльными попытками локализовать въ Салическомъ законѣ отдѣльныя публичноправныя положенія. Такъ, въ 1529 году генеральный прокуроръ призналъ отреченіе Франциска I отъ престола нарушеніемъ Салическаго закона, а въ представленіи отъ 18 января 1764 года парламентъ увѣрялъ короля, что принципъ законности формулированъ въ древнѣйшемъ и торжественнѣйшемъ памятникѣ государственнаго права Франціи, — Салическомъ законѣ. См. у насъ выше стрн. 350 прим. 3-ье и стрн. 407 прим. 6-ое.

2) См. André Lemaire, *op. cit.*, p. 54 sq.

3) Joannes de Terra Rubea, *Regis Caroli VI Adoucatus, De iure legitimi successoris in hereditate regni Galliae*, ed. 1585 (изданіе Фр. Готмана въ видѣ приложенія къ его собств. *Disputatio de controversia successionis etc.*), pag. 81: In regni Franciae successione reperitur duntaxat consuetum, ex sola vi consuetudinis obtentum, quod successio simplex defertur primogenitis maribus ex linea recta eorum quibus succeditur, et illa deficiente succedunt mares transversales iuxta gradus praerogativam.

4) Относящаяся къ данному вопросу статья Салическаго закона процитирована нами выше на стрн. 343 въ прим. 2-омъ.

5) См. у насъ выше стрн. 47, прим. 4-ое. См. также Le Laboureur, *op. cit.*, pag. 215: Mais il est faux qu'elle (la loi Salique) ait jamais été ni alleguée ni implorée; c'est un dire de Claude de Seissel, Archevêque de Turin, et de Robert Gaguin, tous deux peu savans dans notre Antiquité, qui ont cru avoir trouvé de quoi appuyer un droit qui n'avoit point besoin de leur protection, puisque c'étoit une Coutume autorisée par l'exemple, sans aucune interruption, et à laquelle on n'avoit jamais dérogé.

Историки второй половины XVI вѣка Du-Tillet и Du-Naillan развиваютъ точку зрѣнія Жана de Terre Rouge и основываютъ порядокъ престолонаслѣдія на обычаяхъ и прецедентахъ¹⁾. Въ пользу мнѣнія Жана de Terre Rouge высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ Фр. Готманъ: онъ убѣдительно доказываетъ, что постановленіе Салическаго закона о наслѣдованіи „салической земли“ не имѣетъ никакого отношенія къ престолонаслѣдію, и тщательно устанавливаетъ всѣ тѣ прецеденты, на которыхъ обосновался порядокъ престолонаслѣдія во Франціи²⁾. Критика Фр. Готмана имѣла по данному вопросу рѣшающее значеніе. Не смотря на авторитетъ Бодена³⁾ и Парижскаго парламента, признавшихъ Салическій законъ за юридическое основаніе французскаго престолонаслѣдія, въ послѣдующей литературѣ восторжествовало противоположное мнѣніе, воскресившее первоначальный взглядъ Жана de Terre Rouge⁴⁾. Таковы были выводы исторической критики. Такъ какъ парламентъ закрѣпилъ своимъ авторитетомъ противоположную точку зрѣнія, то получалась коллизія между научной теоріей и оффиціальной догмой. Нѣкоторые публицисты нашли изъ нея однако правильный выходъ. Принимая въ соображеніе, что подстановка Салическаго закона подъ ранѣе сложившійся обычный порядокъ престолонаслѣдія была признана общественнымъ мнѣніемъ, а затѣмъ и парламентомъ, и стала такимъ образомъ правообразующимъ фактомъ, они учили слѣдующимъ образомъ: первоначально Салическій законъ не имѣлъ никакого отношенія къ престолонаслѣдію; порядокъ послѣдняго основывался на обычаяхъ и прецедентахъ; но съ теченіемъ времени путемъ ретроспективнаго распространительнаго толкованія постановленіе Салическаго закона о наслѣдованіи „салической земли“ было признано

1) См. André Lemaire, op. cit., p. 84 et 88.

2) Francogallia, ed. Frcf. 1665, Cap. X: De lege Salica et iure mulierum in Regum parentium haereditatibus, pag. 113 sq.

3) Les six livres de la Republique, livre VI, chap. V in fine, ed. 1599, pag. 1011—1012.

4) См. Mezeray, Abregé chronologique de l'histoire de France, Amsterdam, 1674, tome II, pag. 830; Boulainvilliers, op. cit., t. II, p. 173; Le Laboureur, op. cit., p. 214—215, 222—223; Le Paige, op. cit., t. I, p. 30—31; Morizot, op. cit. t. II, p. 80—81.

формальнымъ юридическимъ основаніемъ для опредѣленія порядка престолонаслѣдія, и этого никакъ нельзя отрицать¹⁾.

Приведенный очеркъ литературной исторіи Салическаго закона дали мы исключительно съ тою цѣлью, чтобы показать, что, хотя и дѣлались попытки локализациі первоначальныхъ принциповъ конституціи въ одномъ основномъ законѣ, но онѣ успѣха не имѣли. Такимъ образомъ исконные принципы выводились не изъ законовъ, но изъ фактовъ первоначальнаго устройства монархіи²⁾, и юридическое основаніе ихъ дѣйствительности и незыблемости заключалось не въ какихъ либо дѣйствительныхъ или вымышленныхъ учредительныхъ актахъ, но въ непрерывности традиціи³⁾.

Наличность преемственной традиціи, идущей отъ первыхъ временъ монархіи, составляла необходимое условіе для историческаго обоснованія, или исторической легитимациі публичноправной догмы. Всякое нарушеніе и измѣненіе традиціи разсматривалось какъ узурпація. Мы видѣли выше, какъ обвиненіе въ узурпаціи выдвигалось противъ парламента, и какъ послѣдній защищался противъ него. Защита эта заключалась въ отрицаніи какой либо узурпаціи въ основѣ публичноправнаго строя монархіи и въ выведеніи его изъ первоначальныхъ фактовъ временъ ея зарожденія. Только въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка парламентаріи открыто заговорили объ узурпаціи королями правъ народа и признали парламентъ своеобразнымъ *negotiorum gestor* омъ націи, который своимъ вмѣшательствомъ не допустилъ окончательнаго уничтоженія свободы и законности.

Мы видимъ такимъ образомъ, что парламентская догма была крайне осторожна въ обращеніи съ идеей узурпаціи. Публицистическая литература оперировала съ нею съ го-

1) См. Estienne Pasquier, *Les Recherches de la France*, Paris, 1621, livre II, chap. XVII, fol. 138; l'abbé Dubos, *op. cit.*, t. III, pag. 289—301; Montesquieu, *Pensées et fragments inédits*, t. I, p. 204, num. 405; *Esprit des Lois*, livre XVIII, chap. XXII, абз. 26 и 27; livre XXXI, chap. XXXIII, абз. 4, 9 и 11.

2) Это прекрасно сознавалъ, нпр. Le Paige, *op. cit.*, part. I, p. 31.

3) Такъ смотрѣлъ на дѣло парламентъ, — см. у насъ выше стрн. 470. Извѣстный намъ J. N. Moreau опредѣлялъ французскую конституцію какъ *tradition de doctrine justifiée par une chaîne de faits*, — см. его *Exposition et defense de notre constitution etc.*, t. I, p. XXXVI.

раздо большей смѣлостью. Луазо не задумался положить ее въ основу двухъ коренныхъ устоевъ французской государственности, — королевской и сенъеріальной власти¹⁾. И та, и другая образовались, по мнѣнію Луазо, путемъ самовольнаго и произвольнаго превращенія первоначальнаго должностнаго мандата въ самостоятельное и непроизводное право; разница между ними заключалась лишь въ томъ, что короли получили свой первоначальный мандатъ отъ народа, а сенъеры отъ короля²⁾. Такимъ образомъ, по ученію Луазо, оказывается, что короли узурпировали права народа, а сенъеры — часть королевскихъ правъ. Первоначальная узурпация ничуть не подрываетъ въ глазахъ Луазо законмѣрности установившагося строя, такъ какъ у него имѣется другое основаніе легитимации, именно, — дѣйствіе незапамятной давности, все покрывающее и все освящающее³⁾.

Изъ видовъ предосторожности и лояльности по отношенію къ королямъ парламентъ обходилъ молчаніемъ вопросъ объ узурпации, какъ общемъ источникѣ происхожденія публичноправнаго строя монархіи. Онъ допускалъ лишь узурпативный характеръ сенъеріальной власти и настойчиво возстановлялъ захваченныя права королевскаго суверенитета на всемъ пространствѣ государственной территоріи. Что

1) Hitier (*La doctrine de l'absolutisme*, p. 86) и Lemaire (*op. cit.*, p. 153—154, 155—156, 158) излагаютъ ученіе Луазо односторонне, какъ будто бы онъ ограничивалъ наличность узурпации одной лишь королевской властью.

2) Charles Loyseau, *Du droit des offices*, livre II, chap. II, num. 27—28; livre II, chap. I, num. 24; livre II, chap. II, num. 10—11. — *Traité des seigneuries*, chap. I, num. 79—81; chap. II, num. 24, 86; chap. III, num. 46; chap. V, num. 38—39, 41—46, 60—62.

3) Charles Loyseau, *Traité des seigneuries*, chap. II, num. 87: Or puis que l'usurpation estant suivie par après d'une longue jouissance volontaire et paisible, qui efface son vice, donne loy aux Souverainetez, ... on ne doit revoquer en doute la souveraineté des Rois qui sont en possession ancienne d'en user. Chap. IV, num. 64: Toutefois d'autant que l'usurpation a donné l'origine et commencement presque à toutes les Justices de France, et que par consequent il les faudroit toutes abolir, si on y rejettoit la prescription immemoriable, n'y ayant mesme guerres de Justice, dont on puisse monstrer aujourd' huy la concession du Roy, nous sommes contraints de nous accommoder à l'ancien usage des siecles passez, et d'admettre cette prescription immemoriable, qui fait presumer un titre et une constitution légitime. См. также chap. XI, num. 5; chap. XIII, num. 3.

же касается узурпации со стороны самих королей, то парламентъ избѣгалъ квалифицировать ее какъ таковую. Онъ говорилъ лишь о временныхъ нарушеніяхъ королями принциповъ законѣрной монархіи и ограждалъ себя отъ нихъ всевозможными оговорками въ регистрахъ и протестахъ, цѣль которыхъ заключалась въ пріостановленіи теченія давности, пріобрѣтательной для королевскаго полновластія и погасительной для правъ самого парламента. И только въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія подъ вліяніемъ естественнаго права парламентъ пришелъ къ убѣжденію, что права народа не подлежатъ дѣйствію погасительной давности такъ же, какъ и права короля. Слѣдуетъ замѣтить, что тогда, въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, парламентская литература склонялась къ допущенію возможности того, чтобы монархъ подъ дѣйствіемъ давности лишался нѣкоторыхъ своихъ правъ въ пользу народа¹⁾. Необходимо однако оговорить, что допущеніе такой возможности вызывалось боевымъ настроеніемъ времени и было абсолютнымъ новшествомъ въ парламентской догмѣ. Традиціонное ученіе послѣдней признавало принципъ непогашаемости правъ короля давностью безусловнымъ и не допускало никакихъ отступленій отъ него.

Принципъ непогашаемости правъ короля давностью нашелъ себѣ своеобразное приложеніе примѣнительно къ международнымъ отношеніямъ. Исходя изъ основнаго закона о неотчуждаемости короннаго домена, публицисты признавали недѣйствительнымъ какое бы то ни было отчужденіе части французской территоріи, будь то добровольное или вынужденное. На этомъ основаніи они учили, что права французской короны на земли, бывшія въ ея обладаніи и затѣмъ какимъ бы то ни было образомъ перешедшія въ чужія руки, никогда не прекращаются. Сколько бы времени эти земли ни находились въ чужомъ обладаніи, французская корона не утрачиваетъ на нихъ своихъ правъ, такъ какъ права ея не подлежатъ дѣйствію давности. Такое воззрѣніе порождало рядъ своеобразныхъ историко-юридическихъ трактатовъ, офіціального, офіціознаго и частнаго происхо-

1) См. у насъ выше стр. 236—237.

ждения, въ которыхъ возстановливались, по крайней мѣрѣ на бумагахъ, владѣтельныя права французскихъ королей на различныя королевства и земли въ Европѣ¹⁾. Нѣмцы, противъ которыхъ въ значительной степени направлялись эти реставраціонныя изысканія, высмѣивали властолюбивыя притязанія французовъ „на земной шаръ и различныя его части“²⁾. Увлеченіе своеобразнымъ теоретическимъ сутяжничествомъ изъ-за мірового владычества было настолько распространено во Франціи, что осуждающій намекъ на него встрѣчаемъ даже въ Духѣ законовъ. „Смѣшно“, замѣчаетъ Монтескье, „притязать на рѣшеніе вопроса о правахъ королевствъ, народовъ и цѣлаго міра на основаніи тѣхъ же правилъ, по которымъ, говоря словами Цицерона, рѣшается тяжба между частными лицами о правѣ на какой нибудь кровельный желобъ“³⁾.

1) C. Le-Bret, *Decisions de plusieurs questions notables, traitées en l'Audience du Parlement de Paris*, Paris, 1630, II partie, livre II, decision II: Discours fait en la presence du Roy, estant en son Conseil, par M. le Bret, sur l'exécution de sa commission de Mets, Toul et Verdun, en l'année 1626, où est traitée la question, sçavoir si la prescription a lieu entre les Princes Souverains, pour les choses qui dépendent de leurs Etats et Souverainetez, pag. 705 sq. — Le-Bret, *De la souveraineté du Roy*, Paris, 1632, livre II, chap. VIII, p. 224—5. — *Généalogie contenant l'origine, progrès et avancement de la royale famille de France* (1641), *Codicilles de Louis XIII*, 1643 (о нихъ см. G. Lacour-Gayet, *op. cit.*, p. 194 et 91). — Jacques de Cassan, *La recherche des droicts du Roy et de la Couronne de France*, Rouen, 1643. — *Mémoires et instructions pour servir dans les negociations et affaires concernant les droits du roy de France*, Amsterdam, 1665. — M. C. S. S. D. S. (Charles Sorel Sieur de Souvigny), *Divers traitez sur les droits et les prerogatives des roys de France*, Paris, 1666, traité III, p. 107—165. — *Traité des droits de la Reyne tres-chrestienne sur divers estats de la Monarchie d'Espagne*, Paris, 1667.

2) См. Joh. Limnaeus, *Notitia regni Franciae*, Argentorati, 1655, tom. I, lib. I, cap. V: De iure, quod praetenditur nomine Regni vel Regis Franciae in totum orbem, vel varias eius partes, pag. 112—132.

3) *Esprit des lois*, livre XXVI, chap. XVI, абз. 8.

Г Л А В А IX.

Обоснованіе парламентской публичноправной догмы на Священномъ Писаніи.

Священное Писаніе какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта сообщаетъ государственной власти религіозное освященіе: признаетъ источникомъ ея происхожденія божественное установленіе, и вмѣняетъ вслѣдствіе этого въ обязанность вѣрующимъ повиновеніе власти, ограничивая эту обязанность лишь болѣе высокой обязанностью по отношенію къ Богу, которому должно повиноваться больше, нежели человѣкамъ¹⁾. Неотложный долгъ повиновенія Богу предъявляется одинаково какъ къ подданнымъ, такъ и къ носителямъ власти, и налагаетъ на послѣднихъ обязанность пользоваться властью въ духѣ заповѣдей Господнихъ и на благо ввѣренныхъ имъ отъ Бога народовъ²⁾. Такова наиболѣе общая религіозная санкція государственнаго правопорядка. Кромѣ нея имѣется въ Священномъ Писаніи еще другая сторона, которая ставитъ его въ болѣе близкое и непосредственное отношеніе къ положительному государственному праву. Мы имѣемъ въ виду спеціальныи историческій и законодатель-

1) Ис. Нав. I, 18; Притч. VIII, 15—16; Премудр. VI, 3; Сирах. XVII, 14; Матѣ. XXII, 21; Марк. XII, 17; Іоан. XIX, 11; Дѣян. V, 29; Дѣян. XIII, 21—22; I Петр. II, 13—15; Римлян. XIII, 1—7; I Тимое. II, 2; Тит. III, 1.

2) Второзак. I, 16; Второзак. XVII, 15—20; Ис. Нав. I, 8; I Царств. XIII, 14; II Царств. III, 9; III Царств. XI, 11—13; II Паралипом. I, 9—12; II Паралипом. XIX, 6—7; Псал. II, 10—11; Псал. LXXXI, 2—4; Премудр. I, 1; Премудр. VI *passim*; Премудр. VII, 1—6; Іерем. XXI, 12. — Въ этомъ примѣчаніи, какъ и въ предыдущемъ, мы привели тѣ важнѣйшіе тексты, которые были въ обращеніи въ литературѣ государственнаго права.

ный матерьяхъ, содержащійся въ книгахъ ветхаго завѣта и относящійся къ еврейскому царству. Въ немъ даны уже конкретныя постановленія, такъ или иначе опредѣляющія природу и пространство дѣйствія государственной власти и придающія всему публичноправному строю специфическое направленіе.

Догматика положительнаго государственнаго права западно-европейскихъ народовъ становилась къ Священному Писанію въ двоякое отношеніе: черпала изъ него общую религіозную санкцію для конструируемыхъ ею отношеній властвованія или же заимствовала изъ него и самый правовой матерьяль для своихъ построеній. Отношеніе перваго рода представляется вполнѣ понятнымъ стремленіемъ къ установленію единства земной и небесной власти и къ укрѣпленію первой на авторитетѣ послѣдней. Подобное стремленіе и подобный пріемъ одинаково встрѣчаются во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Положительное государственное право той или другой страны и того или другого времени не лишается при этомъ своего особеннаго содержанія. Общій принципъ богоустановленности власти самъ по себѣ не находится въ противорѣчій съ возможнымъ разнообразіемъ сочетаній элементовъ властвованія. Признанная религіозная обязанность носителей власти пользоваться послѣдней не какъ самоцѣлю, а какъ средствомъ для служенія Богу чрезъ лучшее управленіе народами на благо послѣднихъ допускаетъ самую разнообразную организацію государственнаго управленія и всевозможныя гарантіи соблюденія въ немъ интересовъ народнаго блага. Положеніе дѣла существенно мѣняется, если изъ Священнаго Писанія извлекается не общій принципъ религіознаго освященія власти, но частное содержаніе заключающагося въ немъ историческаго публичноправнаго матерьяла. При такомъ отношеніи къ дѣлу положительное государственное право той или другой страны утрачиваетъ свой особенный специфическій характеръ и строится по чуждымъ ему юридическимъ нормамъ. Подобнаго рода догматизація европейскаго государственнаго права на основаніи нормъ ветхозавѣтнаго права объясняется, съ одной стороны, переживаніями, средневѣковаго бюрократизма, искавшаго и находившаго въ священной книгѣ отвѣты на всѣ вопросы жизни, съ другой стороны, — особенностями

государственнаго правообразованія новаго времени. Первое явленіе достаточно извѣстно; второе требуетъ нѣкотораго поясненія. Учрежденія новаго единого и централизованнаго государства слагались въ борьбѣ съ феодализмомъ постепенно и обосновывали себя на прецедентахъ и создававшемся ими новомъ обычаѣ. Конструировать эти новыя учрежденія и отношенія было весьма трудно для юристовъ, воспитанныхъ на преклоненіи предъ писанымъ римскимъ правомъ. Они не довольствовались правотворящими прецедентами новой государственной жизни и искали для ихъ обоснованія нормативныхъ фактовъ¹⁾ въ древнихъ книгахъ, пользовавшихся безусловнымъ авторитетомъ, каковы были книги римскаго права и Священнаго Писанія. Вопросъ о внѣшней санкціи этихъ книгъ и содержащихся въ нихъ нормъ ничуть не смущалъ старыхъ юристовъ. До XVIII вѣка правовѣдѣніе не монополизировало правотворенія въ рукахъ государственной власти, и нормативные факты свободно черпались отовсюду, гдѣ только ихъ можно было найти, независимо отъ внѣшней обязательности источника, въ силу одного лишь внутренняго его авторитета²⁾.

1) Пользуемся удачнымъ терминомъ Л. I. Петражицкаго.

2) Данная Эйхгорномъ характеристика (von) einem Zeitalter, wo man bei dem Mangel an Hilfsmitteln sich überhaupt leicht begnügte, die Gesetze daher zu nehmen, wo man sie irgend fand, ohne sich Scrupel zu machen, ob die Sammlung, aus der man sie nahm, auch der Form nach öffentliche Autorität habe (K. F. Eichhorn, Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, 5-te Ausgabe, Göttingen, 1843, II Theil, S. 245—246), отнесенная имъ самимъ къ средневѣковью, можетъ и должна быть распространена на гораздо болѣе позднюю эпоху новаго времени. — См. G. d'Avenel, op. et ed. cit., tome I, pag. 85—87. Л. I. Петражицкій, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, томъ II, изд. 2-ое, СПб., 1910, стрн. 579—586, 594—595, 612. Разные „неизвѣстные современной наукѣ или непризнаваемые ею виды позитивнаго права“, какъ выражается Л. I. Петражицкій, имѣютъ существенно важное значеніе для исторіи права, на протяженіи которой составъ нормативныхъ фактовъ эволюционируетъ въ сторону все большаго сокращенія и опредѣленности. Это отмѣчено нами въ рецензій, помѣщенной въ Юридич. Библиогр., изд. Демид. Юр. Лиц., 1908 г., № 5, стрн. 4. Предѣломъ, съ котораго начался въ теоріи рѣзкій поворотъ въ этомъ направленіи, мы считаемъ XVIII вѣкъ съ ученіями Монтескье и Беккаріи о нераздѣльномъ господствѣ формальнаго закона. См. А. Кистяковскій, Изложеніе началъ уголовного права по Наказу имп. Екатерины II, Кіевск. Унив. Изв. 1864 г., № 10,

Обращаясь отъ этихъ общихъ разсужденій къ спеціально занимающей насъ области положительнаго государственнаго права во Франціи, мы можемъ сказать, что оба пріема пользования Священнымъ Писаніемъ находили себѣ въ немъ мѣсто, но въ различной степени.

Парламентская публичноправная догма признавала условно принципъ богоустановленности государственной власти. Всего одинъ разъ при королѣ Генрихѣ IV Парижскій парламентъ попытался истолковать богоустановленность власти въ смыслѣ непосредственной делегации ея Богомъ отдѣльнымъ подчиненнымъ учрежденіямъ и на этомъ основаніи заявилъ королю, что судебная власть вручена парламенту самимъ Богомъ. Но, получивъ рѣшительную отповѣдь отъ короля, парламентъ никогда болѣе не возвращался къ подобному толкованію и въ согласіи съ общимъ ученіемъ локализовалъ богоустановленность государственной власти исключительно въ лицѣ ея верховнаго носителя, — короля¹⁾.

Изъ Божественнаго права короля выводились весьма важныя юридическія послѣдствія при построеніи королевскаго суверенитета. Непосредственное установленіе королевской власти Богомъ приводилось въ качествѣ главнаго доказательства противъ притязаній папъ на супрематію надъ королевскою властью и полагалось въ основу ученія о т. н. внѣшнемъ суверенитетѣ короля²⁾. Парламентъ смѣло и от-

стрн. 6—7; нашу цитированную выше статью о Политич. доктринѣ въ Нак. имп. Ек. II, *passim*.

1) См. у насъ выше стрн. 370—371, 394 прим. 3-ье, 426 прим. 1-ое.

2) См. у насъ выше стрн. 332 прим. 3-ье; Joseph Hitier, *op. cit.*, pag. 28—47. — *Maximes du droit public françois*, chap. VI, art. II, t. II, p. 134: Le Roi ne tient que de Dieu et de l'Epée L'objet de cette regle est d'établir l'indépendance de la Couronne, et non de fixer les droits du Prince relativement à son Peuple. Quand Loysel a mis en Maxime que le Roi ne tient son Royaume que de Dieu et de l'Epée, il a voulu dire qu'il n'a point de supérieur ici bas; qu'il ne relève ni du Pape, ni de l'Empereur, ni d'aucune autre Puissance, qui puisse exiger de lui l'hommage. Chap. VI, art. III, t. II, pag. 136: Roi par la grace de Dieu Suivant Rebuffe et Loiseau, cela ne signifie autre chose, si non qu'il ne relève de personne, qu'il ne tient le Royaume que de Dieu et de l'Epée, sans en faire hommage à aucune Puissance sur la terre. Тоже говоритъ Maultrot, *Origine et étendue de la puissance royale suivant les livres saints et la tradition*, I partie, Paris, 1789, pag. 260—261.

крыто заявлялъ папамъ, что монархическіе престолы установлены Богомъ раньше, чѣмъ появилось на свѣтѣ самое имя папы¹⁾. Въ непосредственную связь съ этимъ заявленіемъ парламента должно быть поставлено встрѣчающееся во французской политической литературѣ съ послѣдней четверти XVI вѣка ученіе объ извѣчности монархической власти. Первоначальное установленіе послѣдней отнесено было, согласно этому ученію, къ первымъ же временамъ по сотвореніи міра: первозданный человѣкъ былъ поставленъ монархомъ надъ всѣми живыми существами; ему же затѣмъ вручена была монархическая власть надъ женой; осложненная элементомъ отеческой власти, власть эта легла въ основу института библейскихъ патріарховъ, этихъ первыхъ монарховъ земли въ собственномъ смыслѣ этого слова²⁾. Такая патріархальная концепція монархіи проводилась противъ ученій объ исконности народоправства, но она же обосновывала полную независимость свѣтской власти отъ духовной. Опираясь на нее, одинъ изъ публицистовъ XVII вѣка говорилъ о томъ благородномъ раздѣлѣ владычества, которое установлено Богомъ: небо Богъ оставилъ себѣ, а землю передалъ

1) См. у насъ выше стрн. 332 прим. 3-ье.

2) Petrus Gregorius Tholozanus, De republica, lib. V, cap. III, sect. 14, ed. 1597, pag. 265: Cum mundus creatus est, et animalia viuientia, statim unus rex constitutus homo, qui illis dominaretur, et electa monarchia a Deo. Ubi autem homo habuit sociam et peccatum sequutum est: tunc quia opus erat regimie imperfectioris naturae, monarcha constitutus iterum: et dictum mulieri et eris subdita viro: elicta monarchia et dominatus uni et postea continuatus in descendentes ex illis . . . (отмѣчаетъ G. Weill, op. cit., pag. 172). — H. Du Boys, De l'origine et autorité des Roys, Paris, 1604, pag. 8—9: Ainsi Dieu fit la terre pour l'empire d'Adam, de laquelle il ne reserua que la souueraineté, pour en disposer à son plaisir. Luy soumit tous les animaux, et pour hommage, il voulut que cest homme ne fust que subject à ses loix: ce que donna communement à la Royauté. Arriuant le deluge, qui auoit comme fait une nouvelle terre, Dieu restablit en Noë la Monarchie d'Adam, lorsqu'il luy dit, que ta crainte soit sur tous les animaux, lesquels je te donne entre tes mains. — Анонимный памфлетъ: De droit divin qu'il faut obéir aux Roys, Paris, 1622 (Bibl. Nat. Le 433), pag. 17: Abraham le vingtieme homme du monde a esté le seul Prince et fondateur du peuple Hebreu. Noë l'an de la creation du monde mil trois cens six, apres le desbordement uniuersel des eaux . . . s'est veu le seul maistre et Prince des hommes.

во власть королей, которые такимъ образомъ являются непосредственными намѣстниками Божьими¹⁾.

Что касается значенія Божественнаго права королей для конструирования королевской власти внутри государства, то оно выступало съ двоякимъ характеромъ, въ зависимости отъ различнаго его истолкованія. Богоустановленность власти сочеталась, какъ это отмѣчено нами выше, съ наложеніемъ на королей обязанности пользоваться властью въ духѣ заповѣдей Господнихъ и на благо вѣрннхъ имъ отъ Бога народовъ. При такой точкѣ зрѣнія вполнѣ допускалась возможность ограниченія королевской власти въ ея конкретномъ осуществленіи не только Божественнымъ и естественнымъ закономъ, но и различными исторически сложившимися государственными установленіями, направленными на удержаніе проявленій власти въ предѣлахъ положительной правомѣрности²⁾. Таково было одно истолкованіе дѣйствія принципа Божественнаго права королей внутри государства. Имѣлось однако и другое истолкованіе въ прямо противоположномъ смыслѣ. Оно также признавало обязанность короля править на благо народа, но понимало богоустановленность королевской власти въ смыслѣ исключительной связанности короля обязанностями по отношенію къ Богу и полного отрицанія какихъ бы то ни было ограниченій или даже условій осуществленія королевской

1) Jacques de Cassan, *La recherche des droicts du Roy et de la couronne de France*, Rouen, 1643, livre I, chap. I, pag. 1—2: C'est un noble partage que Dieu a fait aux Roys, de s'estre reserué le Ciel et leur auoir donné la Terre; et quoy qu'ils soient mortels, de leur auoir communiqué des marques illustres de sa domination immortelle. C'est sans doute une haute felicité de les auoir establis Lieutenans de sa puissance pour regner sur les peuples et représenter dans le monde un modèle du gouvernement éternel qu'il a dans le Ciel.

2) Эту точку зрѣнія прямо высказываетъ Bossuet, придавшій ученію о богоустановленности власти примѣнительно къ французскимъ государственнымъ порядкамъ классическое выраженіе. См. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture-Sainte*, I partie, livre I, art. IV, VIII Prop.: Il y a des loix fondamentales qu'on ne peut changer; il est même très dangereux de changer celles qui ne le sont pas (éd. 1709, pag. 30—31). — II partie, livre VIII, art. II, II Prop.: Dans le gouvernement légitime les personnes sont libres; III Prop. La propriété des biens est légitime et inviolable (pag. 105—107). См. Lemaire, *op. cit.*, pag. 183—184.

власти, которыя исходятъ не изъ прямого Божественнаго установленія. Король обязанъ править на благо народа, но обязанъ этимъ не по отношенію къ народу, а исключительно по отношенію къ Богу. Поэтому для короля обязательны въ этомъ отношеніи только заповѣди Божьи, но отнюдь не обязательны никакія исторически сложившіяся сдержки власти и никакія начала публичноправной традиціи, такъ какъ и тѣ, и другія созданы людьми, и, слѣдовательно, сообразованіе съ ними знаменовало бы подчиненіе богоустановленной власти человѣческимъ установленіямъ, что представляло бы собою противорѣчіе, не допустимое ни съ логической, ни съ религіозной точки зрѣнія. Выходъ изъ этого противорѣчія являлся возможнымъ подъ условіемъ признанія человѣческихъ установленій конкретнымъ проявленіемъ установленія Божественнаго. Въ средніе вѣка въ періодъ борьбы между *sacerdotium* и *imperium* богословы, стремясь унижить послѣднее, становились на эту точку зрѣнія. Они учили, что только священство установлено Богомъ непосредственно; примѣнительно же къ свѣтской власти они заявляли, что она устанавливается Богомъ не непосредственно, а чрезъ посредство людей. Такимъ образомъ извѣстное изреченіе ап. Павла *non est potestas nisi a Deo* (Rom., XIII, 1) получило слѣдующее истолкованіе: *omnis potestas a Deo per populum*¹⁾. Такого толкованія придерживались всѣ сторонники папской супрематіи какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новое время. Указанную формулу могли использовать и свѣтскіе политическіе писатели: они отбрасывали ея первоначальный ультрамонтанскій смыслъ и представляли подъ нее свои требованія. Разъ признано, рассуждали они, что Божественное установленіе власти проявляется конкретно чрезъ человѣческое установленіе, то, слѣдовательно, необходимо признать Божественную санкцію за всѣми тѣми сдержками и ограниченіями королевской власти, которыя сложились въ историческомъ процессѣ образованія и развитія государства. Сторонники „законной монархіи“ получали такимъ образомъ возможность обосновать свои построенія на Священномъ Писаніи. Приверженцы абсолютизма не мирились съ подобнымъ истолкованіемъ

1) См. Joseph Hitier, op. cit., pag. 49.

принципа богоустановленности власти и упорно настаивали на томъ, что Божественное право королей исключаетъ дѣйствительность какихъ бы то ни было человѣческихъ сдержекъ и ограниченій. Въ этомъ отношеніи абсолютисты нашли поддержку и среди церковныхъ писателей, благодаря тому, что официальная церковная догма подъ вліяніемъ народившейся въ XVI вѣкѣ опасности со стороны протестанства вынуждена была въ видахъ защиты церкви вступить въ компромиссъ со свѣтской властью и перенести на нее принципъ непосредственного Божественнаго установленія съ исключеніемъ какого бы то ни было посредства человѣческихъ установленій. Юридическій споръ между абсолютистами и сторонниками „законной монархіи“ былъ связанъ такимъ образомъ съ богословской контроверзой объ истолкованіи принципа богоустановленности государственной власти.

Парламентская публичноправная догма сочетала Божественное право короля съ лежащей на немъ обязанностью правомѣрнаго проявленія власти на благо народа. Въ этомъ именно смыслъ парламентскія представленія XVIII вѣка ссылались на поученія Боссюэ относительно религіознаго долга монарха служить интересамъ своего народа¹⁾. Изъ признаннаго принципа служенія монарха народу парламентская доктрина выводила затѣмъ необходимость соблюденія правомѣрныхъ предѣловъ осуществленія власти и подводила такимъ образомъ всѣ свои построенія „законной монархіи“ подъ религіозную и церковную санкцію²⁾. Парламентъ неизмѣнно придерживался такого истолкованія принципа богоустановленности королевской власти. Съ противоположнымъ

1) *Remontrances du Parlement de Paris au XVIII siècle*, tome I, pag. 524—525 (rem. du 9 avril 1753). — Рѣзкій отзывъ, который далъ о Боссюэ Буленвилье, объясняется тѣмъ, что самъ Буленвилье въ своемъ представленіи о законной монархіи далеко расходился съ парламентской догмой. См. *Boulainvilliers*, op. cit. t. I, pag. 253—254: En effet il n'y a rien de si mauvaise foi que l'abus perpétuel, qu'il (Bossuet) a fait des textes de la Sainte Ecriture, pour forger de nouvelles chaînes à la liberté naturelle des Hommes, et pour augmenter le faste et la dureté des Rois. Точно также и полемика съ Боссюэ со стороны *Mauclerc* (op. cit., II partie, pag. 160 sq.) объясняется тѣмъ, что *Mauclerc* въ своемъ ученіи о зависимости короля отъ народа несравненно радикальнѣе парламентской догмы.

2) См. у насъ выше стрн. 227—228.

толкованіемъ абсолютистовъ парламентская доктрина вступала въ рѣшительную полемику. Поприщемъ для этой полемики служили не самыя представленія парламента, но выросшая на почвѣ парламентской догмы литература, и именно публичноправная литература второй половины XVIII вѣка, отличающаяся наибольшей систематичностью въ изложеніи парламентской догмы и наибольшей обстоятельностью въ ея апологіи. Какъ въ извѣстномъ трактатѣ *Maximes du droit public français*¹⁾, такъ и въ спеціальныхъ работахъ, посвященныхъ оправданію парламентской догмы съ точки зрѣнія Священнаго Писанія²⁾, мы находимъ обстоятельную критику абсолютистской концепціи богоустановленности власти. Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе этой критики, такъ какъ она завела бы насъ далеко за предѣлы государственнаго права въ область богословія. Для насъ достаточно лишь указать, что парламентская критика по данному вопросу сводилась къ восстановленію стараго средневѣковаго принципа: *omnis potestas a Deo per populum*. Считаемъ необходимымъ сверхъ того добавить, что въ литературѣ второй половины XVIII вѣка вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что абсолютистская концепція богоустановленности королевской власти сложилась не ранѣе конца XVI вѣка³⁾.

1) Tome II, Suite du chapitre VI, article IV: Le commun des Théologiens, Jurisconsultes, et Publicistes pense que Dieu laisse aux Peuples le choix du Souverain, et communique à celui qui est élu la puissance Divine (pag. 143 sq.). — Tome II, chap. VI, art. III, pag. 136: La qualification de Roi par la grace de Dieu est si peu exclusive du choix du Peuple, qu'on a entendu Louis-le-Begue se dire, *misericordia Domini et electione Populi Rex constitutus*. On a aussi vu le Roi Robert s'avouer redevable de la Royauté à la bonté divine, et à la libéralité des François.

2) Maultrot, *Origine et étendue de la puissance royale suivant les livres saints et la tradition*, I—III parties, Paris, 1789—1790. См. I partie, pag. 49, 102, 107—120, 129—144, 153—164, 179—185; III partie, pag. 2—9, 46 sq. — Сочетаніе Божественнаго поставленія еврейскихъ царей съ избраніемъ ихъ народомъ доказывалъ раньше Morizot, *Inauguration de Pharamond*, s. l., 1772, pag. 32.

3) Maultrot, *op. cit.*, I partie, pag. 328—329: Aucun saint Docteur, aucun Auteur ecclésiastique, aucun Théologien, au moins avant la fin du seizième siècle, n'a imaginé que chaque Souverain reçût immédiatement son autorité de Dieu même, comme la reçoivent certainement les Evêques et les Prêtres. Срвн. I partie, pag. 75.

Сочетаніе Божественнаго права короля съ обязательствомъ его соблюдать исторически сложившіеся предѣлы правомѣрнаго осуществленія власти находило себѣ формальную религіозно-правовую санкцію въ обрядѣ коронованія. Обрядъ коронованія являлся конкретнымъ выраженіемъ Божественнаго установленія королевской власти. Принимая помазаніе и освященіе свыше, король въ тоже время приносилъ предъ престоломъ Всевышняго присягу, которой обязывался свято соблюдать не только догматы вѣры, но и основные законы, и традиціонные конституціонные принципы страны. На эту присягу неизмѣнно ссылалась и парламентская юриспруденція, и выросшая на ней публичноправная литература, какъ на формальную гарантію „конституціонныхъ“ основъ закономѣрной монархіи¹⁾.

Сторонники парламентской догмы искали также въ коронаціонномъ обрядѣ доказательства противъ абсолютистской концепціи богоустановленности власти. Основное положеніе концепціи абсолютистовъ состояло, какъ мы знаемъ, въ томъ, что богоустановленность монархической власти признавалась непосредственной, и потому совершенно исключалась возможность обязыванія монарха какими бы то ни было человѣческими установленіями. Противъ такого положенія выставилось прямо противоположное утвержденіе, согласно которому власть устанавливается Богомъ, но не непосредственно, а чрезъ посредство людей. Доказательства въ пользу такого утвержденія проводились изъ исторіи ветхозавѣтныхъ царей²⁾ и добывались также путемъ толкованія нѣкоторыхъ

1) См. у насъ выше стрн. 281 прим. 2-ое; стрн. 423 прим. 1 и 2-ое; стрн. 457 прим. 2-ое. — *Maximes du droit public françois*, tome I, chap. III, pag. 82—83 (цитируется у насъ выше на стрн. 230 въ прим. 3-емъ); tome I, chap. III, sect. I, pag. 156 (см. у насъ выше стр. 237, прим. 2-ое); tome II, suite du chap. VI, art. III, p. 340—342. — *Morizot, Inauguration de Pharamond*, p. 8; *Le Sacre Royal*, Amsterdam, 1776, tome II, chap. V, § V: Des obligations que le Prince contracte lors de son Sacre, et des Sermens dont il les confirme (pag. 169 sq.).

2) Подвергались подробному разбору случаи поставленія на царство Саула, Давида, Соломона, и всюду отмѣчалось, что рѣшительнымъ моментомъ для приобрѣтенія власти было избраніе или согласіе народа, которое неизмѣнно требовалось, не взирая на предварительное помазаніе. Наказъ Моисея народу — „поставь надъ собою царя, котораго избересть Господь Богъ твой“ (Второзак. XVII, 15) — толковался въ томъ смыслѣ,

новозавѣтныхъ текстовъ¹⁾. Само собою разумѣется, что для сторонниковъ тезиса *omnis potestas a Deo per populum* было въ высшей степени важно найти формальное подтвержденіе его въ практикѣ французской государственности. Они и находили его въ обрядѣ коронованія французскихъ королей, именно, въ томъ его моментѣ, когда по церемоніалу епископы испрашиваютъ у народа согласіе на поставленіе даннаго лица на царство и получаютъ это согласіе отъ присутствующихъ²⁾.

По поводу только что отмѣченнаго доказагелства, приводимаго въ пользу Божественнаго установленія власти французскихъ королей при посредствѣ народа, или точнѣе, чрезъ народное избраніе, необходимо сказать нѣсколько словъ. Ни этого доказательства, ни самаго вопроса объ избираемости

что Богъ обѣщалъ своему народу указать, на кого долженъ пасть его выборъ, но что поставленіе царя совершится все же въ силу народнаго избранія.

1) Слова ап. Павла *non est potestas nisi a Deo* (Rom. XIII, 1) истолковывались въ смыслѣ *omnis potestas a Deo per populum*. Въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ аргументовъ въ пользу такого толкованія приводились слова ап. Петра: *subiecti estote omni humanae creaturae* (I Petr., II, 13), въ которыхъ видѣли прямое свидѣтельство объ установленіи власти чрезъ посредство людей.

2) Еще въ XVI вѣкѣ ссылались преимущественно, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ Jean du Tillet (*Les Memoires et recherches*, Rouen, 1578, p. 143), на древній формуляръ коронаціоннаго обряда, помѣщенный въ одной старинной книгѣ, составленной Рожеромъ, епископомъ въ Бове, въ царствованіе Роберта, сына Гуго Капета. Позднѣйшіе формуляры все болѣе и болѣе отступали отъ древняго. Тѣмъ не менѣе слѣды старой „избирательной“ формулы сохранились и въ XVIII в. См. *Recueil du formulaire le plus moderne qui s'observe au Sacree et Couronnement des Rois de France*, Reims, 1722, p. 32: *le Roi . . . est soulevé de sa Chaire par M-rs les Evêques de Laon, et de Beauvais; lesquels étant aussi debout, demandent au Peuple, et à toute l'Assemblée, s'ils ne reconnoissent pas Sa Majesté pour le Roi. Ayant reçu le consentement du Peuple, et de toute l'Assemblée, Monsieur l'Archevêque de Reims fait faire au Roi le Serment du Royaume.* — На этотъ коронаціонный обрядъ, какъ на доказательство древней избираемости французскаго престола и никогда не прекращавшейся зависимости наслѣдованія его отъ согласія народа, ссылались: *Maximes du droit public françois*, tome I, chap. IV, pag. 291, 299 sq.; Morizot, *Le Sacre Royal*, tome II, chap. V, §§ I—IV, pag. 4—91; Maultrot, *op. cit.*, II partie, art. II, pag. 85, 94—151.

французскихъ королей въ древности мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ парламентскихъ представленій. Парламентская догма прочно стояла на принципѣ наследственности французскаго престола. Парижскій парламентъ вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу предъ отечествомъ и династіей то, что онъ своимъ памятнымъ рѣшеніемъ отъ 28 іюня 1593 года установилъ неизблемость Салическаго закона о престолонаслѣдствіи въ качествѣ основного закона страны¹⁾. Избираемость королей въ древности и переживаніе ея въ обрядѣ коронованія никогда не вводились въ парламентской юриспруденціи въ составъ той публичноправной традиціи, на которой покоилась „конституція“ законной монархіи²⁾. Вопросъ этотъ былъ выдвинутъ въ такомъ смыслѣ только въ публичноправной литературѣ первоначально съ полемической цѣлью противъ абсолютистской концепціи богоустановленности власти, а затѣмъ и въ связи съ заимствованнымъ изъ школы естественнаго права ученіемъ о первоначальномъ общественномъ договорѣ³⁾. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что *Maximes du droit public français*, стоявшія наиболѣе близко къ парламентской догмѣ, достаточно осторожны въ оцѣнкѣ „избирательнаго“ акта въ обрядѣ коронованія. Мы не находимъ въ нихъ правда воспроизведенія

1) Поэтому больше въ духѣ парламентской догмы были разсужденія аббата Дюбо на тему о сочетаніи богоустановленности монархической власти съ ея наследственностью. См. l'abbé Dubos, *op. cit.*, tome III, p. 278—279. — Официальная парламентская догма признавала избирательность королевской власти только гипотетически, — на случай прекращенія законной мужской линіи королевскаго дома. См. у насъ выше стрн. 400.

2) Въ обрядѣ коронованія принимали дѣятельное участіе перы; на этомъ основаніи извѣстный уже намъ парламентскій историкъ Le Laboureur выводитъ особенное значеніе перовъ въ конституціи монархіи, а слѣдовательно и Парижскаго парламента, какъ куріи перовъ, подчеркивая, что именно перы возлагаютъ на короля царскія одѣянія и регаліи и принимаютъ отъ него присягу. См. Le Laboureur, *op. cit.*, pag. 84—85. — Замѣтимъ, что парламентская догма не пользовалась подобнымъ доказательствомъ и вообще не прибѣгала къ ссылкамъ на обрядъ коронованія въ видахъ обоснованія какихъ бы то ни было специальныхъ правъ парламента, кромѣ общаго права хранить основные законы, подтверждаемые коронаціонной присягой.

3) Такое отождествленіе обряда коронованія съ *pacte social* школы естественнаго права имѣетъ мѣсто у Morizot и Maultrot.

толкований Du-Tillet и Le-Bret, согласно которымъ воображаемое избраніе разсматривается лишь какъ торжественное выраженіе подчиненія и покорности новому дарованному отъ Бога королю ¹⁾. Тѣмъ не мѣнѣе *Maximes d. dr. publ. fr.* не идутъ дальше толкованія „избирательнаго“ акта въ смыслѣ признанія со стороны народа законнаго наслѣдственнаго короля ²⁾. Считаемо нужнымъ напомнить, что въ составленіи *Max. d. dr. publ. fr.* принималъ участіе Maultrot ³⁾ и разработалъ въ нихъ какъ разъ специальный отдѣлъ, посвященный обоснованію публичноправной догмы на Свящ. Писаніи. Весьма характерно, что въ коллективномъ трудѣ Maultrot былъ гораздо болѣе умѣреннымъ, чѣмъ въ своемъ личномъ ⁴⁾. Въ послѣднемъ онъ безусловно настаиваетъ на избирательной природѣ французской монархіи ⁵⁾, а *Maximes d. dr. publ. fr.* довольствуются развитіемъ положенія о томъ, что государственная власть, сообщенная Богомъ французскому королю, дана ему не на правѣ собственности, а на правѣ пользовладѣнія ⁶⁾.

Мы показали, какимъ образомъ парламентская догма сочетала свои конструкціи законной монархіи съ принципомъ богоустановленности королевской власти. Теперь намъ необходимо перейти къ другой сторонѣ историческаго взаимоотношенія между догматикой положительнаго государственнаго права и Священнымъ Писаніемъ, именно, — къ вопросу о непосредственномъ заимствованіи изъ послѣдняго положительныхъ государственно-правовыхъ нормъ.

1) Jean Du-Tillet, *Les Memoires et Recherches*, Rouen, 1578, fol. 145; Le-Bret, *De la Souveraineté du Roy*, 1632, livre I, chap. IV, p. 27.

2) Tome I, p. 303; цитируется нами выше см. стрн. 247 прим. 4-ое.

3) См. у насъ выше стрн. 223 прим. 2-ое.

4) Срвн. *Maximes du droit public françois*, tome II, Suite du chap. VI, la Réponse à la 3-me Objection и *Origine et étendue de la puissance royale suivant les livres saints et la tradition*.

5) Maultrot, *op. cit.*, II partie, pag. 94—151.

6) *Maximes du droit public françois*, tome II, pag. 207: *La Puissance que Dieu communique à un Roi de France n'est qu'une Puissance d'administration, d'usufruit*. — Необходимо припомнить, что основаніемъ французскихъ основныхъ законовъ признается въ *Max. d. dr. p. fr.* въ конечномъ итогѣ не общественный договоръ, а традиція; см. у насъ выше стрн. 246 прим. 1-ое.

Въ парламентской юриспруденціи мы не находимъ прямого заимствованія государственно-правовыхъ нормъ изъ Священнаго Писанія. Парламентъ довольствовался лишь общими положеніями, извлекаемыми изъ Священнаго Писанія, и не встрѣчалъ надобности въ спеціальномъ государственно-правовомъ матерьялѣ ветхозавѣтныхъ книгъ. Общія положенія устанавливали наличность обязанностей монарха по отношенію къ народу, а коронаціонная присяга французскаго короля показывала, что обязанности послѣдняго заключаются въ храненіи и соблюденіи положительныхъ государственныхъ законовъ страны. Ими и занималась парламентская юриспруденція, не считая себя обязанной справляться съ спеціальнымъ государственно-правовымъ матерьяломъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

Иное было отношеніе къ данному вопросу литературы государственнаго права. Въ ней прежде всего дѣйствовали переживанія средневѣковаго бюрократизма, и это заставляло отдѣльныхъ авторовъ подкрѣплять тѣ или другія конструкции французскаго положительнаго государственнаго права ссылками на Священное Писаніе. Далѣе необходимо имѣть въ виду, что абсолютисты, исходя изъ своей концепціи Божественнаго права монарха, совершенно отрицали возможность опредѣлять осуществленіе королевской власти какими либо человѣческими установленіями. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, они черпали исходные моменты для выясненія юридической природы монархической власти исключительно изъ Священнаго Писанія, въ частности изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Подборъ соотвѣтственныхъ текстовъ производился ими односторонне со спеціальной цѣлью обоснованія полной неограниченности монархической власти. Вполнѣ понятно, что сторонники парламентской конструкции законной монархіи вынуждены были заняться анализомъ спеціальнаго государственно-правового матерьяла ветхозавѣтныхъ книгъ въ видахъ опроверженія тенденціозныхъ выводовъ крайнихъ абсолютистовъ и примиренія своей публичноправной догмы съ Св. Писаніемъ.

Сылки на Священное Писаніе для доказательства правомѣрности французскихъ государственныхъ учреждений встрѣчаются у авторовъ XVI вѣка.

Клодъ Сейссель прибѣгаетъ къ этому приему въ ученіи

о совѣщательныхъ органахъ при французскомъ королѣ. Во Франціи, какъ и во всякомъ благоустроенномъ монархическомъ государствѣ, Сейссель различаетъ три совѣта: 1) общій или большой (*conseil général ou grand conseil*), созываемый по мѣрѣ надобности изъ нотаблей и въ чрезвычайныхъ случаяхъ переходящій въ полное собраніе государственныхъ чиновъ, или генеральныя штаты; 2) обыкновенный (*conseil ordinaire*), или постоянно дѣйствующій Государственный Совѣтъ для веденія текущихъ государственныхъ дѣлъ; 3) тайный (*conseil secret*), которому довѣряются и въ которомъ слагаются личные политическія замыслы короля, и который поэтому составляется изъ приближенныхъ лицъ, облеченныхъ интимнымъ довѣріемъ короля¹⁾. Правомѣрность указанныхъ трехъ совѣтовъ въ государственномъ строѣ монархіи доказывается у Сейсселя ссылкой на примѣръ Спасителя, который въ своей земной дѣятельности пользовался для цѣлей благовѣтствованія троякаго рода „совѣтами“. Большой совѣтъ Христа составляли его семьдесятъ учениковъ (Лук. X, 1), которыхъ Онъ собиралъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Обыкновеннымъ совѣтомъ являлись двѣнадцать апостоловъ, въ кругу которыхъ совершалась обычная проповѣдь. Въ „тайный совѣтъ“ входили три избранныхъ апостола, — Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, которымъ Христосъ открывалъ сокровеннѣйшія вещи, какъ напримѣръ, Свое преображеніе, и которыхъ привлекалъ къ величайшимъ своимъ трудамъ, какъ это имѣло мѣсто во время моленія въ Геосиманскомъ соуду. И среди этихъ трехъ избранныхъ апостоловъ былъ еще избраннѣйшій — евангелистъ Іоаннъ, которому были довѣрены величайшія тайны, когда онъ возлежалъ у груди Іисуса во время тайной вечери²⁾. Замѣтимъ кстати, что самая конструкція правомѣрной королевской власти, умѣряемой тремя традиционными сдержками, ставится Сейсселемъ въ параллель со всемогуществомъ Божьимъ, которое не только ничего не теряетъ въ своей силѣ, но, напо-

1) *Grand' Monarchie de France*, partie II, chap. V, VI et VII (pag. 28₁—31₂). См. у насъ выше стрн. 54 прим. 1-ое и *Le-maire*, op. cit., pag. 75.

2) *Grand' Monarchie de France*, partie II, chap. IV, pag. 27₂—28₁.

тивъ, является болѣе совершеннымъ оттого, что Богъ не можетъ грѣшить и творить зло¹⁾.

Du Tillet, вводя въ изслѣдованіе исторіи государственнаго права Франціи генеалогическія изысканія, считаетъ необходимымъ оправдать свой образъ дѣйствій ссылкой на Священное Писаніе, въ которомъ находитъ подтвержденіе правомѣрности династическихъ и аристократическихъ привилегій. Два евангелиста, говоритъ онъ, показали намъ, что древность, отличія и благородство фамилій не должны быть оставляемы безъ вниманія. Описывая дѣянія и слова Господа нашего Иисуса Христа, который говорилъ, что царство Его не отъ міра сего, они все же не забыли упомянуть, что по человѣчеству Онъ происходилъ изъ царскаго рода, и что Іоаннъ Креститель происходилъ изъ рода священниковъ, изъ котораго происходилъ также и Сынъ Человѣчскій. Всѣ эти родословные счета приведены евангелистами съ тѣмъ, чтобы показать, что Иисусъ Христосъ былъ по истинѣ извѣчнымъ священникомъ, Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ²⁾.

Григорій Тулузскій шелъ еще дальше и привлекалъ евангельскіе тексты для оправданія дѣйствовавшаго во Франціи порядка престолонаслѣдія. Парафразируя постановленіе Салическаго закона объ исключеніи женщинъ изъ наслѣдованія салической земли, или государственной территоріи (по извѣстному намъ толкованію) въ выраженіяхъ обыденной рѣчи, онъ говоритъ, что престолъ не можетъ переходить во Франціи отъ копья къ прялкѣ. Затѣмъ приводитъ слова Спасителя: „посмотрите на лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, ни прядутъ“ (Лук. XII, 27) и, пользуясь тѣмъ, что лиліи въ гербѣ французскихъ королей, почитались символомъ французской короны, полагаетъ приведенный текстъ въ основу толкованія закона о престоло-

1) *Ibidem*, partie I, chap. XII: Comment ceste moderation et re-frenation de la puissance absolue des roys est à leur grand honneur et prouffit. . . . Et si elle estoit plus ample et absolue elle en seroit pire et plus imperfecte: tout ainsi que la puissance de Dieu n'est point jugée moindre pour autant qu'il ne peult pecher ne mal faire. Ains en est d'autant plus perfectaite (pag. 161).

2) Jean du Tillet, Les Memoires et recherches, Rouen, 1578, fol. 13.

наслѣдїи: галльскія лиліи могутъ переходить только къ благороднымъ, которые не трудятся, и только къ мужчинамъ, которые не прядутъ. Григорій Тулузскій указываетъ, что талкое толкованіе дано было при воцареніи Филиппа Валуа, и самъ пользуется имъ какъ аргументомъ противъ тѣхъ, кто отрицаетъ правомѣрность Салическаго закона о престолонаслѣдїи ¹⁾.

Подобнаго рода оправдываніе и толкованіе отдѣльных постановленій и институтовъ французскаго права при помощи текстовъ Священнаго Писанія являлось для XVI вѣка только переживаніемъ. Въ томъ же XVI вѣкѣ высказывались о необходимости критическаго отношенія къ положительному законодательному матерьялу Библіи и о непримѣнимости изложеннаго въ ней государственнаго права еврейскаго царства къ французской монархіи. Du Moulin рѣшительно протестуетъ противъ огульнаго возведенія прецедентовъ ветхозавѣтной политической исторіи на степень нормативныхъ фактовъ. Онъ смотритъ на нихъ какъ на простые историческіе факты, въ которыхъ добро и зло чередуются и переплетаются другъ съ другомъ. Пользоваться ими можно лишь послѣ предварительной критической провѣрки и отдѣленія въ нихъ добра отъ зла, достойнаго подражанія отъ того, чего слѣдуетъ избѣгать ²⁾. Фр. Готманъ проповѣдывалъ въ духѣ протестантскихъ воззрѣній необходимость изученія мірянами Библіи и въ этомъ видѣлъ путь къ спасенію своего отечества отъ ига римскаго права и порожденнаго послѣднимъ разбойничьяго царства юристовъ ³⁾. Проектируя кодификацію для Франціи, онъ исключалъ изъ числа возможныхъ ея источниковъ римское право и предлагалъ замѣнить его Моисеевымъ законодательствомъ, какъ

1) Gregorius Tholozanus, De republica libri sex et viginti (вышло въ свѣтъ въ 1578 г.), lib. VII, cap. XI, sect. 97, ed. 1597, p. 479.

2) Caroli Molinei (1500—1566), Opera, Paris, 1681, tome II, Consilia et responsa iuris analytica, Consilium XLV, num. 22, fol. 936—937: Solius Scripturae exempla, praesertim veteris Testamenti non sunt tradenda in consequentiam et in argumentum. Multa enim ibi historice recensentur, quae sunt prorsus mala et omnino fugienda, multa omnino bona et imitanda; quaedam partim mala, partim bona, in quibus discernendum est malum reprobatum a bono approbando . . .

3) См. у насъ выше стрн. 525 прим. 2-ое.

матерьяломъ болѣе пригоднымъ для извлеченія изъ него элементовъ естественнаго права, которое соотвѣтствовало бы христіанскому міровоззрѣнію. Но и Готманъ полагалъ, что Моисеево законодательство не годится для этой цѣли по вопросамъ государственнаго права, потому что еврейское царство было формально отмѣнено со всѣмъ его строемъ и управленіемъ пришествіемъ Христа на землю¹⁾. Самъ Христосъ, проповѣдая царство не отъ міра сего, не установилъ никакихъ правовыхъ нормъ для устройства земного царства. Съ этой стороны публичноправная догматика получала полную возможность развитія въ секуляризованномъ духѣ.

Отвергнувъ за положительнымъ юридическимъ матерьяломъ Священнаго Писанія значеніе нормативнаго факта, литература государственнаго права обращается по временамъ къ установленіямъ еврейскаго царства лишь въ цѣляхъ сравненія съ ними французской монархіи. Du Moulin находилъ, что по правильности и прочности основного для государства закона о престолонаслѣдіи французская монархія можетъ итти въ сравненіе только съ еврейскимъ царствомъ²⁾. Le Bret, распространяясь о значеніи священнаго коронованія французскихъ королей, обращается къ тому же приему уподобленія послѣднихъ царямъ еврейскимъ. И тѣ, и другіе при помазаніи на царство одинаково получаютъ свыше

1) Antitribonian (1567 г.), chap. XVIII: En quoy seroit aussi très expedient et digne des Legislateurs Chrestiens, d'aduiser ce qui se pourroit extraire et recueillir des loix de Moyse, non pas de celles qui concernent l'estat, forme et police de la Republique Judaïque (laquelle a esté notoirement abolie par la venuë de Jésus-Christ), mais de celles qui sont fondees sur une droiture, raison et equité naturelle *Opuscules François des Hotmans*, Paris, 1617, pag. 108.

2) Charles du Molin (du Moulin), La premiere partie du Traicte de l'origine, progres et excellence du Royaume et Monarchie des François et Couronne de France, Lyon, 1561, pag. 2: il n'y eut oncques et n'a encores aucun regne plus semblable à celui de Judée du Roy David, et ses successeurs, que celui de France, pour le regard de la succession, et legitime deuolution de la couronne d'iceluy. Срвн. A. Du Chesne, Les Antiquitez et recherches de la grandeur et majesté des Roys en France, Paris, 1609, livre II, pag. 407: Ce serment ne se change és sacres des Roys, ains, y est de toute antiquité exactement gardé comme déclaration de la loy Salique fondamentale de l'estat, ainsi que Dieu par Samuel établit la loy du Royaume d'Israel à la conservation du peuple qu'il s'estoit peculiarlement esleu.

особые дары благодати; и тѣ, и другіе, какъ помазанники Божьи, надѣляются правомъ авторитетнаго надзора за внѣшнимъ благочиніемъ въ церкви¹⁾. Даже Morizot, специально посвятившій свои труды доказательству исконной и никогда не прекращавшейся избирательности французскаго престола, проводитъ параллель между коронованіемъ французскихъ королей и поставленіемъ на царство еврейскихъ царей²⁾. Всѣ эти сравненія и параллели имѣли въ виду обнаружить сходство французскихъ монархическихъ учреждений съ учреждениями избраннаго народа и этимъ путемъ показать ихъ превосходство предъ политическимъ строемъ другихъ странъ. Но такой приѣмъ возвеличенія французской монархіи былъ, само собою разумѣется, далекъ отъ догматизаціи французскаго положительнаго государственнаго права на основаніи нормъ, извлеченныхъ изъ Священнаго Писанія³⁾.

Воззрѣніе на Священное Писаніе какъ на единственный нормативный фактъ для опредѣленія правъ монарха проводили, какъ мы это неоднократно уже отмѣчали, абсолютисты. Два ветхозавѣтныхъ текста цитировались преимущественно передъ всѣми другими для обоснованія неограниченной власти монарха и неподчиненія его никакимъ человѣческимъ установленіямъ. Это, именно, слова Самуила о правахъ царя (I Царствъ, VIII, 11—17) и воззваніе царя Давида къ Господу въ покаянномъ 50-мъ псалмѣ. Приведемъ самые тексты и покажемъ, какіе изъ нихъ дѣлались выводы юридическаго характера.

Когда состарился Самуиль, и сыновья его, поставленные имъ судьями надъ Израилемъ, творили неправый судъ, старѣйшины обратились къ Самуилу съ просьбой поставить надъ ними царя по образцу прочихъ народовъ, у которыхъ есть цари. Просьба старѣйшинъ не понравилась Самуилу,

1) Le Bret, De la souveraineté du Roy, 1632, livre I, chap. XVI, pag. 122—124.

2) Martin Morizot, Inauguration de Pharamond, 1772, pag. 11.

3) Въ средніе вѣка монархически настроенные представители духовенства и легисты приравнивали власть французскихъ королей къ власти еврейскихъ царей, но пользовались этимъ для того, чтобы догматизировать права французскихъ королей по государственно-правовымъ нормамъ, установленнымъ въ книгахъ ветхаго завѣта. См. Mably, op. cit., t. II, p. 99; Montlosier, De la monarchie française, Paris, 1814, t. I, p. 311—312.

и обратился Самуиль съ молитвой къ Господу. Господь сказалъ Самуилу, что требованіе царя есть отверженіе непосредственнаго царствованія Господня; тѣмъ не менѣе Господь повелѣлъ Самуилу послушать голоса народа, представивъ ему однако предварительно права царя, который будетъ царствовать надъ нимъ. „И сказалъ (Самуиль): вотъ какія будутъ права царя, который будетъ царствовать надъ вами: сыновей вашихъ онъ возьметъ и приставить ихъ къ колесницамъ своимъ и сдѣлаетъ всадниками своими, и будутъ они бѣгать предъ колесницами его; и поставитъ ихъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они воздѣлывали поля его и жали хлѣбъ его и дѣлали ему воинское оружіе и колесничный приборъ его; и дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онѣ составляли масти, варили кушанье и пекли хлѣбы; и поля ваши и виноградные и масличныя сады ваши лучшіе возьметъ и отдастъ слугамъ своимъ; и отъ посѣвовъ вашихъ и изъ виноградныхъ садовъ вашихъ возьметъ десятую часть и отдастъ евреямъ своимъ и слугамъ своимъ; и рабовъ вашихъ, и рабынь вашихъ, и юношей вашихъ лучшихъ и ословъ вашихъ возьметъ и употребитъ на свои дѣла; отъ мелкаго скота вашего возьметъ десятую часть, и сами вы будете ему рабами“ (I Царств., VIII, 11—17). Въ приведенныхъ словахъ Самуила, сказанныхъ по повелѣнію Господню, абсолютисты признавали установленный самимъ Богомъ законъ о царствѣ (*legem regiam*). По этому закону безграничны права монарха надъ личностью и имуществомъ его подданныхъ. Отсюда и дѣлали прямой выводъ, что никакія сдержки королевской власти, вытекающія изъ человѣческихъ установлецій не могутъ быть признаны обязательными, разъ самъ Богъ не поставилъ власти царя никакихъ предѣловъ формально-юридическаго характера¹⁾.

Какъ ни безпредѣльны были права царя надъ личностью и имуществомъ подданныхъ, все же они вручены ему ради государственнаго блага. Царь можетъ однако воспользоваться своею безграничною властью ради личныхъ своихъ цѣлей. Спрашивается, будетъ ли имѣть такое злоупотребленіе царскою властью характеръ юридической несправды, и,

1) Также ученіе воспроизводитъ, нпр., Н. Du Boys, De l'origine et autorité des Roys, Paris, 1604, pag. 45—46.

если да, то каковы будутъ ея послѣдствія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ находили въ 50-мъ псалмѣ. Псаломъ этотъ составленъ царемъ Давидомъ, „когда приходилъ къ нему пророкъ Наанъ, послѣ того какъ Давидъ вошелъ къ Вирсавіи“ (Псал. L, 2; II Царств., XII). Давидъ увлекся женою Уріи Вирсавіей и вступилъ съ нею въ прелюбодѣйную связь. Когда Вирсавія забеременѣла, Давидъ отправилъ Урію на поле военныхъ дѣйствій, причемъ приказалъ военачальнику поставить Урію въ наиболѣе опасномъ мѣстѣ сраженія на вѣрную смерть. Когда Урія былъ убитъ, Давидъ взялъ Вирсавію въ домъ свой себѣ въ жены и она родила ему сына (II Царств., XI). Тогда явился къ Давиду пророкъ Наанъ и сталъ обличать царя въ совершенномъ имъ беззаконіи (II Царств., XII, 9). Давидъ созналъ все зло содѣяннаго имъ и излилъ свое покаяніе въ 50-мъ псалмѣ. Въ немъ онъ воззвалъ съ Господу: „Тебѣ единому согрѣшилъ я и лукавое предъ очами Твоими сдѣлалъ.“ Это воззваніе Давида къ Господу и явилось для абсолютистовъ основаніемъ для квалификаціи беззаконнаго поступка царя. Въ чисто-сердечномъ покаяніи Давидъ призналъ себя виновнымъ не предъ Уріей, не предъ Вирсавіей, не предъ народомъ своимъ, а единственно и исключительно предъ Богомъ. *Tibi solo peccavi et malum coram te feci* (Psalmorum L, 6), сказалъ онъ и сказалъ недаромъ. Какъ царь, онъ не подчиненъ никакимъ человѣческимъ установленіямъ, изъятъ изъ подѣ дѣйствія права, юридически безотвѣтственъ. Каково бы ни было содѣянное царемъ зло, въ немъ нѣтъ и не можетъ быть юридической неправды; это только грѣхъ предъ Господомъ.

Возведеніе словъ Самуила о правахъ, или правѣ (какъ гласитъ латинскій текстъ вульгаты)¹⁾ царя на степень нормы, опредѣляющей юридическую природу монархической власти, подверглось въ литературѣ государственнаго права рѣшительной критикѣ.

Боденъ указалъ на то, что дѣйствительныя права царя (*droits de la majesté*) были преподаны Самуиломъ народу не во время предварительныхъ переговоровъ объ учрежденіи царской власти, а послѣ поставленія Саула на царство. Самуилъ написалъ преподанный имъ государственный законъ

1) I Regum, VIII, 11: Et ait (Samuel): Hoc. erit ius regis . . .

въ книгу и положилъ предъ Господомъ. Такъ сообщаетъ объ этомъ Священное Писаніе¹⁾. Еврейскіе комментаторы прибавляютъ къ этому, что цари уничтожили эту книгу чтобы имѣть возможность тиранически править народомъ. Такъ ли было, или иначе, но законъ царства, начертанный по Божественному повелѣнію, исчезъ; во всякомъ случаѣ въ текстъ Священнаго Писанія онъ до насъ не дошелъ. Что же касается извѣстныхъ словъ Самуила о „правахъ“ („правѣ“) царя, сказанныхъ въ отвѣтъ на первоначальную просьбу старѣйшинъ о поставленіи царя, то въ нихъ идетъ рѣчь не о правахъ царя, а о злоупотребленіяхъ властью и тираніи. То еврейское слово, которое передано полатыни словомъ *ius* (I Regum, VIII, 11), обозначаетъ на самомъ дѣлѣ не право, а обычай и образъ дѣйствія. Говоря о самовольномъ захватѣ имущества подданныхъ, ихъ женщинъ и дѣтей, Самуиль указывалъ народу, каковъ будетъ образъ дѣйствій тирана. Мысль Самуила и не могла быть иной. Вѣдь самъ онъ совершенно иначе смотрѣлъ на задачи власти. Отдавая народу отчетъ въ возложенномъ на него Богомъ управленіи народомъ, онъ смѣло спрашивалъ: „у кого взялъ я вола, у кого взялъ осла, кого обидѣлъ и кого притѣснилъ, у кого взялъ даръ и закрылъ въ дѣлѣ его глаза мои, — и я возвращу вамъ. И отвѣчали: ты не обижалъ насъ и не притѣснялъ насъ и ничего ни у кого не взялъ.“ (I Царств. XII, 3—4)²⁾.

Григорій Тулузскій по вопросу о нормативномъ значеніи словъ Самуила о правахъ царя обнаруживаетъ нѣкоторое колебаніе во взглядахъ, но въ концѣ концовъ все же отказывается видѣть въ нихъ опредѣленіе юридической природы царской власти. Исходнымъ его положеніемъ является ученіе о томъ, что основной государственный законъ данъ былъ Богомъ чрезъ Моисея во Второзаконіи³⁾. Господь предвидѣлъ, что избранный Имъ народъ, овладѣвъ обѣтованной

1) I Regum X, 25: Locutus est autem Samuel ad populum legem regni, et scripsit in libro, et reposuit coram Domino.

2) Bodin, Les six livres de la Republique, livre I, chap. X in principio, ed. 1599, p. 212.

3) Gregorius Tholozanus, De republica, lib. VI, cap. III, sect. 5, ed. 1597, pag. 305: Qui regum constituit inter homines auctoritatem, dedit quoque normam et formam regendi et institutionem. Deuter. c. 17, vers. 15 et seq.

землей, пожелаетъ поставить надъ собою царя, и возвѣститъ ему чрезъ Моисея слѣдующее правило относительно царской власти. „Поставь надъ собою царя, котораго избересть Господь Богъ твой; изъ среды братьевъ твоихъ поставь надъ собою царя; не можетъ ли поставить надъ собою (царемъ) иноземца, который не братъ тебѣ. Только чтобъ онъ не умножалъ себѣ коней и не возвращалъ народа въ Египетъ для умноженія себѣ коней, ибо Господь сказалъ вамъ: не возвращайте себѣ болѣе путемъ симъ; и чтобы не умножалъ себѣ женъ, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножалъ себѣ чрезмѣрно. Но когда онъ сядетъ на престолѣ царства своего, долженъ списать для себя списокъ закона сего съ книги, находящейся у священниковъ левитовъ¹⁾, и пусть онъ будетъ у него, и пусть онъ читаетъ его во всѣ дни жизни своей, дабы научался бояться Господа Бога своего и старался исполнять всѣ слова закона сего и постановленія сии; чтобы не надмевалось сердце его предъ братьями его, и чтобы не уклонялся онъ отъ закона ни направо, ни налево, дабы долгіе дни пребылъ на царствѣ своемъ онъ и сыновья его посреди Израиля (Второзак. XVII, 15—20). Въ приведенномъ текстѣ Второзаконія Григорій Тулузскій видитъ первоначальное дозволеніе Божье на установленіе среди людей царской власти и справедливый законъ царства, въ которомъ даны норма и форма владѣнія. Это положеніе Григорій Тулузскій дважды повторяетъ въ своемъ трудѣ какъ основное²⁾. Но тутъ же вслѣдъ за вторичнымъ подтвержденіемъ даннаго толкованія текста Второзаконія, какъ закона царства, онъ приводитъ слова Самуила о правахъ царя и рассматриваетъ весь эпизодъ какъ повторное обнародованіе „закона царства“ и принятіе его народомъ³⁾. Такое сопоставленіе двухъ совершенно разнородныхъ опредѣленій царской власти свидѣ-

1) Въ вульгатѣ сказано: *describet sibi Deuteronomium legis hujus in volumine, accipiens exemplar a sacerdotibus Leviticae tribus.*

2) *De republica*, lib. VII, cap. XIX, sect. 15, pag. 510: . . . et sic lex ipsa (Deut., c. 17, vers. 15 et sq.) prospexit regno, et regi, et lex regni dicitur.

3) Непосредственно вслѣдъ за словами, приведенными въ предыдущемъ примѣчаніи, Григорій Тулузскій продолжаетъ: *Cum vero petissent a Samuele regem sibi dari Israelitae, qui more gentium et nationum*

тельствуетъ какъ бы о неустойчивости взглядовъ автора. Вызываемое въ читателѣ недоумѣніе устраняется однако, благодаря тому, что въ дальнѣйшемъ изложеніи своего трактата Григорій Тулузскій прямо ставитъ вопросъ о томъ, относятся ли слова Самуила о правахъ царя дѣйствительно къ правамъ законнаго царя, или же къ злоупотребленіямъ властью со стороны тирана¹⁾, и разрѣшаетъ его въ послѣднемъ смыслѣ. Григорій Тулузскій сопоставляетъ здѣсь слова Самуила о правахъ царя съ притчей Іоама (Судей, IX, 8—15) о томъ, какъ деревья искали въ своей средѣ царя надъ собою, и какъ, за отказомъ всѣхъ благородныхъ деревьевъ отъ власти, имъ пришлось остановиться на негодномъ и жестокомъ терновникѣ²⁾. Такъ какъ притча Іоама имѣла явною цѣлью дать образъ тирана, то сопоставленіе съ нею является уже достаточнымъ и вполне опредѣленнымъ истолкованіемъ словъ Самуила. Но авторъ не довольствуется этимъ и входитъ въ болѣе подробное обсужденіе вопроса. Онъ приводитъ три различныхъ мнѣнія относительно подлиннаго смысла словъ Самуила. Одно изъ нихъ видитъ въ этихъ словахъ дѣйствительное установленіе правъ законной власти, но не всякой монархической власти, а лишь того конкретнаго ея учрежденія, на которое евреи дали свое согласіе. Не всѣ народы понимаютъ и цѣнятъ свободу; многіе не дорастаютъ до этого, не достойны свободы и охотно отдають ее въ неограниченное распоряженіе своихъ властителей, что они всегда могутъ сдѣлать въ силу добровольнаго соглашенія; по образцу этихъ народовъ и желали устроить свою жизнь евреи и выразили свое полное согласіе на тѣ „права царя“, которыя изложилъ имъ Самуиль; въ этомъ смыслѣ права эти могутъ быть раз-

sibi imperaret: rursum lex horum regum et regni et iuris illorum iubente Deo per Samuelem promulgata, quam ipsi acceptarunt — и приводитъ текстъ I Царств., VIII, 10—22. См. De republica, lib. VII, cap. XIX, sect. 16, pag. 510—511.

1) De republica, lib. IX, cap. I De iuribus quibusdam insignioribus regiae potestatis, sect. 5, pag. 585: Hicque incidit illa quaestio quae quotidie apud aulicos, et procuratores fisci adultores et veros consiliarios, inter legitimos principes et tyrannos controuertitur, num illud quod scribitur I Reg. c. 8 conuenire possit bonis regibus seu permittatur iure regio, an vero iure tyranni.

2) De republica, lib. IX, cap. I, sect. 5 in fine, pag. 585.

сма­три­вае­мы какъ при­зна­н­ные на­ро­домъ за­кон­ные ат­три­бу­ты вла­сти то­гдаш­нихъ ев­рей­скихъ ца­рей¹⁾. Со­глас­но дру­го­му мнѣ­нію, въ сло­вахъ Са­муи­ла и­детъ рѣчь не о нор­маль­ныхъ пра­вахъ ца­ря, а о тѣхъ чре­з­вы­чай­ныхъ пол­но­мочі­яхъ, ко­то­ры­ми на­дѣ­ля­ет­ся ца­рь въ слу­чаяхъ край­ней го­су­дар­ствен­ной не­об­хо­ди­мо­сти²⁾. На­ко­не­цъ, тре­тье мнѣ­ніе ус­ма­три­ва­ет­ся въ сло­вахъ Са­муи­ла не нор­ма­тив­ное ус­та­но­в­ле­ніе спра­вед­ли­ва­го за­ко­на ца­рства, но лишь фак­ти­че­ское ука­за­ніе на об­разъ дѣй­ствій грядущихъ ца­рей, ко­то­рые бу­дутъ зло­упот­реб­лять сво­ей вла­стью. Это по­слѣд­нее мнѣ­ніе Гри­го­рій Ту­луз­скій при­зна­етъ наи­болѣе пра­виль­нымъ³⁾. Въ поль­зу та­ко­го рѣше­нія во­про­са онъ при­во­дитъ до­ка­за­тель­ства дво­я­ка­го ро­да: съ од­ной сто­ро­ны, ука­зы­ва­етъ, что сло­ва Са­муи­ла яв­но про­ти­во­рѣ­чать „за­ко­ну ца­рства“, дан­но­му во Вто­ро­за­ко­ніи (XVII, 15—20), и, слѣд­о­ва­тель­но, не мо­гутъ бы­ть раз­сма­три­ва­е­мы какъ нор­ма­тив­ное опре­дѣ­ле­ніе пра­въ ца­ря; съ дру­гой сто­ро­ны, ссы­ла­ет­ся на слу­чай изъ ис­то­ріи ев­рей­ска­го ца­рства, ко­гда Богъ на­ка­зы­валъ ца­рей за та­кіе по­ступ­ки, ко­то­рые въ сло­вахъ Са­муи­ла при­зна­ют­ся „пра­ва­ми“ ца­ря; оче­вид­но, что Са­муи­ль го­во­рилъ не о пра­вахъ, а о зло­упот­реб­ле­ні­яхъ вла­стью со сто­ро­ны ца­рей, ко­то­рыхъ Богъ и ка­ралъ за эти зло­упот­реб­ле­нія⁴⁾. Ис­то­ри­че­ска­я ссы­л­ка Гри­го­рія Ту­луз­ска­го вос­про­из­во­дит­ся затѣмъ въ позд­нѣй­шей ли­те­ра­турѣ; по­это­му счи­та­емъ нуж­нымъ при­ве­сти ихъ. Сы­нъ Со­ло­мо­на Ро­во­амъ на­ка­занъ былъ за чре­змѣр­ное

1) De republica, lib. IX, cap. I, sect. 6, pag. 586: Sunt barbara regna, hoc est, quæ ex lege barbarorum hominum, qui parum curabant de libertate plena, ut Graeci, in quibus lex regni similis et durior ea, quæ proposita est a Samuele in subditos ex consensu ipsarum nationum, ut Persarum, Medorum et similium. Horum autem exemplo postularunt Hebraei contempto Deo seu eius imperio, sibi dari regem. — Срвн. у насъ выше стрн. 614 прим. 3-ье.

2) De republica, lib. IX, cap. I, sect. 7, pag. 586: Aliter et posset dici, illam legem de regno propositam intelligi in casu necessitatis, ut posset princeps in eo casu, et personis et bonis uti subditorum, non tamen abuti, sed ad communem utilitatem.

3) De republica, lib. IX, cap. I, sect. 8, pag. 586: Sed verior ab aliquibus sententia putatur, quam attuli (lib. VII, cap. XX, sect. 54, pag. 530) ut intelligatur loqui de his quæ facturi sunt reges abutentes potestate, non lege regnandi legitima.

4) De republica, lib. IX, cap. I, sect. 8 passim.

обремененіе народа налогами тѣмъ, что десять колѣнъ отдѣлились съ соизволенія Божья отъ его царства (III Царств., XII); само собою разумѣется, что о наказаніи Ровоама не могло бы быть рѣчи, еслибы царю принадлежало по закону право брать себѣ поля своихъ подданныхъ и десятую часть ихъ имущества, потому что нѣтъ наказанія тамъ, гдѣ нѣтъ запрета. Царь Самарійскій Ахавъ былъ осужденъ за то, что пожелалъ завладѣть виноградникомъ Навуея и отнять у него наслѣдіе отцовъ (III Царств., XXI); очевидно, что Ахава нельзя бы было признать виновнымъ, если бы цари имѣли право по своей прихоти, а не ради государственныхъ нуждъ отнимать у подданныхъ ихъ собственность. Царь Давидъ былъ наказанъ за незаконное исчисленіе народа наведеніемъ трехдневной моровой язвы на страну (II Царств., XXIV).

Луазо въ трактатѣ о сеньеріяхъ всецѣло присоединяется къ тому толкованію словъ Самуила, которое дано Боденомъ, и повторяетъ соображенія послѣдняго объ уничтоженной истинной книгѣ государственныхъ законовъ, составленной Самуиломъ послѣ поставленія на царство Саула¹⁾. Claude Joly, подобно Григорію Тулузскому, противопоставляетъ словамъ Самуила, имѣвшимъ цѣлью предостеречь народъ относительно злоупотребленія властью, постановленія Второзаконія (XVII, 15—20), представляющія собою истинный законъ царей и царствъ²⁾.

Дома исходитъ изъ того же противопоставленія словъ Самуила тексту Второзаконія и приходитъ къ выводу, что въ обращеніи Самуила къ народу дано перечисленіе несправедливыхъ дѣяній тирана³⁾. Такимъ образомъ не можетъ быть рѣчи о возведеніи словъ Самуила въ норму. Указанныя имъ дѣйствія тирана могутъ быть названы „правами“ только въ формальномъ смыслѣ и то лишь по отношенію къ подданнымъ, которые обязаны безусловнымъ повиновеніемъ власти монарха, какъ бы несправедливы ни были ея проявленія⁴⁾.

1) Charles Loyseau, *Traité des Seigneuries*, chap. III, num. 1 et 2.

2) См. J. Brissaud, *Un libéral au XVII-e siècle*, Paris, 1898, pag. 22—23.

3) Domat, *Droit public*, livre I, titre II, sect. II, préambule.

4) Ibidem; цитируется у насъ выше на стрн. 218 въ прим. 2-омъ.

Накопленный государствовѣдами матерьялъ для истолкованія словъ Самуила былъ использованъ затѣмъ парламентской литературой XVIII вѣка. Въ *Maximes du droit public français* соединены доводы Луазо, Клода Жоли и Дома, и слова Самуила разъяснены въ смыслѣ перечисленія возможныхъ въ будущемъ злоупотребленій властью ¹⁾. Авторы присоединили къ этому свое собственное въ высшей степени оригинальное соображеніе по поводу отношенія къ словамъ Самуила со стороны народа, которому онъ говорилъ. Изложивъ образъ дѣйствій грядущихъ тирановъ, Самуиль закончилъ свою рѣчь указаніемъ на бѣдствія, которыя ожидаютъ народъ, и на то, что Господь не сжалится надъ страждущимъ народомъ, потому что установленіе деспотической власти является отверженіемъ Господа. „И возстаете тогда“, говорилъ Самуиль евреямъ, „отъ царя вашего, котораго вы избрали себѣ, и не будетъ Господь отвѣчать вамъ тогда“ (I Царств. VIII, 18). Спрашивается, какъ подѣйствовала на евреевъ эта угроза. Библія говоритъ объ этомъ кратко: „Но народъ не согласился послушаться голоса Самуила и сказалъ: нѣтъ, пусть царь будетъ надъ нами, и мы будемъ, какъ прочіе народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить предъ нами, и вести войны наши“ (I Царств. VIII, 19—20). Авторы *Maximes du droit public français* объясняютъ отношеніе народа къ словамъ и угрозѣ Самуила слѣдующимъ образомъ. Несомнѣнно, что народъ не былъ настолько нечестивъ, чтобы отвѣтить на эту угрозу добровольнымъ отказомъ отъ надежды быть выслушаннымъ Господомъ, когда придется возстенать къ Нему на угнетеніе со стороны царя; отъ такой надежды народъ не отказывался. Поэтому и отвѣтъ народа Самуилу могъ заключаться лишь въ стремленіи сохранить эту драгоцѣнную надежду и поставить самого себя внѣ тѣхъ условій, которыя грозили утратой ея. Не дай Богъ, долженъ былъ сказать народъ Самуилу, чтобы мы заслужили подобное отлученіе отъ Господа, избирая себѣ царя съ произвольной тиранической властью вопреки прямому наказу Моисея (Второзак. XVII, 15—20) и выставляя себя на порабощеніе, гибельныя по-

1) *Maximes du droit public françois*, ed. cit., chap. II, tome I, pag. 68—70.

слѣдствія котораго ты (Самуилъ) намъ изобразилъ. Развѣ подобныя вещи могли входить въ наше намѣреніе? Нѣтъ, никоимъ образомъ (nequaquam — I Regum VIII, 19). И народъ показалъ, насколько онъ далекъ отъ мысли о политическомъ рабствѣ, когда тутъ же начерталъ образъ желаннаго законнаго царя. „Царь будетъ поставленъ надъ нами“, говорилъ народъ, „и мы будемъ, какъ всѣ народы (которые не являются вѣдь какими то стадами рабовъ, а свободными обществами); и нашъ царь будетъ править нами по справедливости (согласно тому представленію о правленіи, которое даютъ намъ наши судьи), и онъ пойдетъ во главѣ насъ, и будетъ сражаться за насъ въ нашихъ войнахъ“ (I Царств. VIII, 19—20) ¹⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что весь эпизодъ предварительныхъ переговоровъ народа съ Самуиломъ по поводу предстоявшаго избранія царя имѣлъ значеніе выясненія той формы царской власти, какую желательно было установить евреямъ. Самуилъ начерталъ образъ тирана и указалъ, что подобная форма власти навлечетъ на народъ гнѣвъ Божій. Тогда народъ рѣшительно отвергъ самую мысль о деспотической власти и пожелалъ учрежденія законной монархіи по образцу другихъ народовъ.

Ссылка на другіе народы требовала спеціальнаго разъясненія. Вѣдь у иныхъ народовъ существовала деспотическая власть, — ея то и могли желать евреи. Изъ приведеннаго выше мы знаемъ, что такое именно толкованіе ссылки на другіе народы допускалось тѣми, кто видѣлъ въ переговорахъ съ Самуиломъ торжественное признаніе и принятіе евреями тѣхъ „правъ царя“, которыя перечислилъ Самуилъ ²⁾. Авторы *Maximes du droit public français* объяснили дѣло совершенно иначе. Евреи, говорятъ они, конечно не желали сказать, ни что они собираются стать рабами, ни что всѣ народы находятся въ рабствѣ. Они знали, что египтяне не были рабами своихъ царей, и что фараонъ былъ подвергнутъ самымъ страшнымъ карамъ за то, что

1) *Maximes du droit public françois*, tome I, Additions, pag. 369.

2) См. у насъ выше стрн. 614 текстъ и примѣч. 3-ье, и стрн. 616 текстъ и примѣч. 1-ое.

проявилъ деспотическую власть по отношенію къ сынамъ Израиля; о послѣднемъ не преминулъ напомнить евреямъ Самуиль (I Царств. X, 18). Поэтому несомнѣнно, что евреи желали не деспотіи, но законной монархіи по образцу другихъ народовъ, и въ такомъ именно смыслѣ отвѣчали Самуилу. Согласно ихъ желанію и былъ избранъ ими царь, и составлена была книга о правахъ царства, которую Самуиль положилъ предъ Господомъ (I Царств. X, 25)¹⁾.

Maultrot подробно разъясняетъ, что въ словахъ Самуила о правахъ царя идетъ рѣчь исключительно о злоупотребленіяхъ тирана. Онъ рѣшительно опровергаетъ мнѣніе тѣхъ толкователей, которые, желая, во что бы то ни стало, сохранить за словами Самуила нормативное значеніе для опредѣленія царской власти, снабжаютъ ихъ ограниченіями и оговорками. Ограниченіе заключается въ томъ, что слова Самуила относятся не къ обычному составу правъ царя, а къ расширенному пространству царской власти въ случаяхъ крайней государственной необходимости. Оговорки сводятся къ тому, что толкователи увѣряютъ, будто Самуиль, говоря о требованіи царемъ услугъ себѣ со стороны подданныхъ, имѣлъ въ виду, что царь будетъ оплачивать эти услуги. Подобныя ограниченія и оговорки Maultrot считаетъ произвольными и несостоятельными. Брать сыновей своихъ подданныхъ и дѣлать ихъ всадниками царя, заставлять ихъ бѣгать передъ царскими колесницами (I Царств. VIII, 11), — это отнюдь не вызывается военной или какой либо иной государственной необходимостью; нѣтъ также никакого намека на государственную необходимость въ принудительномъ изготовленіи воинскаго оружья и колесничныхъ приборовъ не для народа, а для царя (I Царств. VIII, 12). Объясненіе отнятія у подданныхъ полей, виноградныхъ и масличныхъ садовъ тѣмъ, что они будутъ розданы царскимъ слугамъ (I Царств. VIII, 14), отнюдь не превращаетъ произвола въ актъ государственной необходимости²⁾. Никимъ образомъ нельзя допустить, будто Самуиль говорилъ, что сыновья и дочери подданныхъ будутъ работать у царя (I Царств. VIII,

1) *Maximes du droit public françois*, tome I, Additions, pag. 370.

2) *Maultrot*, op. cit., I partie, pag. 41, 42.

12—13) за вознаграждение. Подобное предположение является совершенно бессмысленным, и подобныя рѣчи были бы совершенно излишними, потому что пользоваться услугами другихъ за плату имѣеть право всякій человѣкъ, не только царь¹⁾. Нѣтъ, Самуиль говорилъ исключительно о злоупотребленіяхъ тирана. Въ подтвержденіе такого толкованія Maultrot ссылается на извѣстное уже намъ изъ Бодена разъясненіе подлиннаго смысла того еврейскаго слова, которое передано въ латинскомъ текстѣ словомъ *i u s*²⁾. Дѣйствительный законъ царства Maultrot находитъ, подобно своимъ предшественникамъ, въ наказѣ Моисея относительно царя, который будетъ избранъ послѣ завладѣнія обѣтованной землей (Второзак. XVII, 15—20), и въ книгѣ, которую Самуиль положилъ предъ Господомъ послѣ поставленія Саула на царство (I Царств. X, 25)³⁾. Къ этимъ текстамъ, использованнымъ уже въ предшествовавшей литературѣ, Maultrot прибавляетъ три другихъ, въ которыхъ задача царской власти полагается въ служеніи народу и въ уваженіи къ правамъ подданныхъ⁴⁾. Приведенная выше исторія царя Ахава съ Навуѳеємъ (III Царств., XXI) является и для Maultrot указаніемъ на то, что установленныя Богомъ обязанности царя были санкціонированы наложеніемъ кары за ихъ нарушеніе, и что не могло быть у законнаго царя тѣхъ правъ, о которыхъ говорилъ Самуиль, изображая правленіе тирана⁵⁾.

Рѣшительное отрицаніе за словами Самуила о правахъ царя нормативнаго характера полагалось въ основу ученія

1) M a u l t r o t, op. cit., I partie, pag. 42.

2) M a u l t r o t, op. cit., I partie, pag. 45.

3) M a u l t r o t, op. cit., I partie, pag. 47—48, 104.

4) Сирах. XXXII, 1—2; Іезек. XLV, 9; Іезек. XLVI, 18. См. M a u l t r o t, op. cit., I partie, pag. 50. — Что касается перваго изъ приведенныхъ текстовъ, то его необходимо принять здѣсь въ передачѣ латинскаго текста вульгаты. Rectorem te posuerunt? noli extolli: esto in illis quasi unus ex ipsis. Curam illorum habe (Ecclesiasticus, XXXII, 1—2).

5) M a u l t r o t, op. cit., I partie, pag. 54—59. — Il est impossible de restreindre (le texte de Samuel) au seul cas de la nécessité publique, et d'y voir une limitation que la lettre même rejette. Personne ne soutient aujourd'hui, que les paroles du Prophète énoncent des droits inséparables de la Couronne. Tout le monde convient que le Roi ne peut pas faire licitement tout ce que Samuel semble lui permettre (pag. 74).

о законной монархii и раздѣлялось всѣми ея сторонниками независимо отъ разногласiя, существовавшего между ними по вопросу о конкретномъ проявленiи сдержекъ королевской власти и подробномъ развитii положительныхъ основныхъ законовъ французской монархii.

Мы отмѣтили выше, что абсолютисты ставили въ непосредственную связь съ словами Самуила о правахъ царя знаменитый текстъ псалма Давида *Tibi solo рессавi* и усматривали въ послѣднемъ неизбежное послѣдствiе первыхъ. Спрашивается, какъ относились къ *Tibi solo рессавi* догматики законной монархii. Какъ совмѣщали они понятiе о неправомѣрности произвольныхъ дѣйствii монарха съ понятiемъ объ его неотвѣтственности? На это слѣдуетъ отвѣтить, что парламентская литература государственнаго права не находила выхода изъ этого затрудненiя.

Maximes du droit public franґais въ своемъ теоретическомъ ¹⁾ учении о государственной власти строго придерживаются положенiя о томъ, что *omnis potestas a Deo per populum*, причемъ толкуютъ послѣднее въ духѣ естественно-правовой школы, т. е. въ смыслѣ установленiя монархической власти общественнымъ договоромъ. На этой почвѣ король является мандатарiемъ народа, получившимъ отъ него опредѣленные полномочiя и потому предъ нимъ отвѣтственнымъ. При такой точкѣ зрѣнiя институтъ неотвѣтственности монарха оказывается совершенно несоизмѣримымъ съ политической доктриной авторовъ *Max. d. dr. publ. fr.* Текстъ *Tibi solo рессавi*, въ которомъ догматизирующая мысль видѣла нормативный фактъ для признанiя неотвѣтственности монарха, представляется нашимъ авторамъ чѣмъ то совершенно несообразнымъ. Они прежде всего стараются выставить этотъ текстъ подложнымъ: весь 50-ый псаломъ, говорятъ они, написанъ не Давидомъ, и, слѣдовательно, слова *Tibi solo рессавi*, которыя могли бы имѣть силу въ

1) Напоминаемъ, что въ непосредственномъ примѣненiи къ положительному государственному праву Францiи *Maximes du droit public franґois* являются гораздо болѣе умѣренными: замѣняютъ общественный договоръ по отношенiю къ основнымъ законамъ традицiей и народное избранiе по отношенiю къ королю народнымъ признанiемъ его правъ на пользовладѣнiе короной, а не на право собственности на нее. См. у насъ выше стрн. 246 и 604.

устахъ царя, не имѣють никакого значенія, разъ они были сказаны не царемъ¹⁾. Затѣмъ авторы стараются уличить слова Давида во внутреннемъ противорѣчii, но при этомъ сами смѣшиваютъ неправомѣрность съ отвѣтственностью²⁾, чѣмъ затрудняютъ разрѣшеніе задачи, которая заключается какъ разъ въ сочетаніи неотвѣтственности монарха съ признаніемъ неправомѣрности его дѣяній произвольныхъ³⁾. Не будучи въ состояніи справиться съ этой задачей, авторы кончаютъ тѣмъ, что просто отрицаютъ за текстомъ *Tibi solo* рессави какое бы то ни было отношеніе къ институту неотвѣтственности монарха. Предрѣшая съ своей стороны вопросъ въ пользу отвѣтственности, авторы различаютъ лишь случаи частныхъ преступленій монарха и публичныхъ его преступленій, направленныхъ на извращеніе установленной формы правленія. Въ первомъ случаѣ народъ можетъ ограничиться однимъ лишь стенаніемъ. Но долженъ ли народъ ограничиться тѣмъ же и во второмъ случаѣ? — риторически спрашиваютъ наши авторы⁴⁾. Несомнѣнно, что от-

1) *Maximes du droit public françois*, tome II, pag. 148: Ces paroles n'ont de force que placées dans la bouche d'un Roi. Pluche dans la Préface de son harmonie des Pseaumes croit que le Pseaume 50. n'est pas de David; et peut-être n'est il pas le seul.

2) *Ibidem*: Dans quel sens d'ailleurs David a-t-il pu dire qu'il avoit péché contre Dieu seul. N'a-t-il pas péché contre Bethsabée, en corrompant sa fidélité; contre Urie, en le faisant mourir; contre son propre corps, en commettant un adultere; contre son Peuple enfin, en le scandalisant? Le droit de punir n'est pas toujours entre les mains de celui qui a reçu l'offense, et de ce qu'on auroit offensé qu'une personne, en pourroit on conclure qu'elle peut seule infliger la peine?

3) Такую именно постановку вопроса даетъ Боссюэ. См. *Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture-Sainte*, livre IV, art. I, III Prop., éd. 1709, I partie, pag. 106: Est-ce qu'ils (les rois) auront droit de faire tout cela (перечисленное Самуиломъ) licitement? à Dieu ne plaise. Car Dieu ne donne point de tels pouvoirs: mais ils auront droit de le faire impunément à l'égard de la justice humaine. C'est pourquoy David disoit: J'ai peché contre vous seul: ô Seigneur, ayez pitié de moy.

4) *Maximes du droit public françois*, tome II, pag. 148: En donnant au texte de David le sens qu'on lui prête, il n'en résulteroit rien pour le point dont il s'agit. Le Peuple se borne sans doute à gémir des crimes du Prince comme homme, dans sa vie privée. En doit-il être de même des crimes du Roi, qui dénaturent le Gouvernement, qui le transforment en tyrannie?

вѣтъ можетъ быть данъ ими только отрицательный. Народъ долженъ реагировать на государственныя преступленія со стороны короля. Какова должна быть эта реакція, объ этомъ можно судить по контексту, въ которомъ находится комментированіе текста *Tibi solo pessavi* въ *Max. d. dr. publ. fr.*: оно помѣщено въ главѣ объ установленіи монархической власти общественнымъ договоромъ. Ясно, что народъ, вручающій королю власть, въ случаѣ государственнаго преступления со стороны короля низлагаетъ его съ престола. Можно бы, пожалуй, указать еще на то, что комментированіе текста *Tibi solo pessavi* слѣдуетъ непосредственно за обсужденіемъ средневѣковой проблемы тиранубійства¹⁾, но общій духъ правомѣрности, которымъ пропитаны *Maximes du droit public français*, не дозволяетъ дѣлать изъ этого сопоставленія никакихъ выводовъ.

Буквально тоже отношеніе къ тексту *Tibi solo pessavi* находимъ и въ извѣстномъ намъ трактатѣ *Maultrot*²⁾. Къ изложенному въ *Max. d. dr. publ. fr.* авторъ прибавляетъ лишь проницательное замѣчаніе, что въ боговдохновенномъ текстѣ есть очевидно какой то смыслъ, но Богу не угодно было открыть его людямъ; поэтому до полученія соотвѣстнаго откровенія свѣше можно сказать, что этотъ текстъ ничего не устанавливаетъ³⁾.

Отрицательное отношеніе къ институту неотвѣтственности монарха объясняется всецѣло уклоненіемъ приведенной нами литературы въ сторону естественноправовыхъ учений. Въ парламентскихъ представленіяхъ XVIII вѣка, остававшихся на почвѣ положительной догмы, признавалась отвѣтственность монарха только передъ Богомъ⁴⁾, и, слѣдовательно, ясно было сознаніе объ юридической его неотвѣтственности. Сообразно этому дѣлалась даже попытка вос-

1) См. tome II, pag. 147—148.

2) *M a u l t r o t*, op. cit., I partie, chap. I, § III, pag. 122 sq.

3) *L. c.*, p. 127: Il y a sans doute un sens dans lequel il est vrai que David a péché contre le Seigneur seul, puisque qu'il le dit dans un Cantique inspiré; il n'a pas plu encore à Dieu de nous le révéler. — En attendant cette révélation on peut toujours assurer que ce texte n'établit point, et n'établira jamais la thèse qu'on veut y appuyer. On l'en feroit sortir par une conséquence bien faible et bien éloignée.

4) См. у насъ выше стрн. 422 прим. 3-ье, 423 прим. 2-ое.

полнить неотвѣтственность короля отвѣтственностью совѣтниковъ короны. По крайней мѣрѣ, сопротивленіе парламента неправомѣрнымъ актамъ королевской власти нерѣдко квалифицировалось имъ какъ сопротивленіе не противъ королевской власти, но противъ злоупотребленія ею со стороны совѣтниковъ короны¹⁾. Это зарождавшееся болѣе сложное представленіе объ юридической природѣ королевской власти не вошло однако въ литературу, въ которой все еще царили на этотъ счетъ элементарныя представленія, шедшія отъ монархомаховъ и даже отъ средневѣковыхъ теоретиковъ тираноубійства.

1) См. у насъ выше стрн. 459 прим. 1-ое; срвн. стрн. 412 прим. 1-ое. Не лишено интереса для даннаго вопроса и то, что парламентъ противопоставлялъ себя „правительству“ (см. у насъ выше стрн. 445). Очевидно, что и отвѣтственнымъ за нарушеніе государственныхъ законовъ парламентъ признавалъ „правительство“, а не короля, съ которымъ самъ парламентъ составлялъ единый нераздѣльный корпусъ (см. у насъ выше стрн. 441 прим. 4-ое).

Содержаніе.

	Стр.
Предисловіе	III—VII
Глава I. Университетская наука права и ея отношеніе къ публичноправной догматикѣ	1—44
Низкій уровень научнаго состоянія юридическихъ факультетовъ во Франціи въ XVII и XVIII вв. — 1. Ограниченіе преподаванія на нихъ каноническимъ и римскимъ правомъ — 7. Учрежденіе кафедры французскаго права въ 1679 г. — 15. И оно не привело къ разработкѣ положительнаго государственнаго права въ университетахъ — 20. Проекты учрежденія специальныхъ школъ государственно-административнаго образованія въ XVI и въ XVIII ст. — 26. Специальное научное учрежденіе для разработки исторіи и положительнаго государственнаго права въ XVIII ст. — 29. Попытки изученія положительнаго государствовѣдѣнія въ частныхъ академіяхъ XVII и XVIII ст. — 34. Сравнительная оцѣнка догматической разработки положительнаго государственнаго права въ Германіи и во Франціи — 36. Гдѣ слѣдуетъ искать во Франціи разработки догматическихъ вопросовъ положительнаго государственнаго права — 38. Отсутствие во Франціи самостоятельной научной дисциплины по догмѣ положительнаго государственнаго права — 40. Скудость общихъ систематическихъ изложеній этой отрасли правовѣдѣнія — 44.	
Глава II. Попытки систематическаго изложенія положительнаго государственнаго права французской монархіи въ XVI и XVII вѣкахъ	45—75
La Grand' Monarchie de France Клода Сейсселя какъ основоположеніе догматическаго ученія о законной монархіи — 45. Продолженіе предпосылокъ Сейсселя у Du Naillan'a — 55 и подробное развитіе ихъ въ систематическомъ курсѣ положительнаго государственнаго права Флери — 57.	

Глава III. Опыт построения рациональной системы французского государственного права в концѣ XVII вѣка	Стр. 76—222
Раздѣлъ 1-ый. Рационалистическая методологія Поръ-Рояля и ея особенности	76—140
Научно-учебная дѣятельность Поръ-Рояля — 79. Обоснованіе ея на рационалистической философіи Декарта — 85. Дуализмъ научнаго и религіознаго міровоззрѣнія въ Поръ-Роялѣ — 89. Апологія христіанской метафизики въ Мысляхъ Паскаля противъ разрушительнаго дѣйствія рационализма — 93. Солидарность Поръ-Рояля съ Паскалемъ въ сферѣ религіи и сохраненіе Поръ-Роялемъ рационалистическаго воззрѣнія въ области науки — 100. Рационалистическая методологія въ Логикѣ Поръ-Рояля — 102. Принципіальный методологическій монизмъ въ Логикѣ Поръ-Рояля — 112.	
Приложеніе единого рационалистическаго метода къ вопросамъ морали и обществовѣдѣнія — 117. Практическія оговорки Декарта въ этомъ отношеніи при принципіальномъ допущеніи методологическаго монизма — 118. Отрицаніе возможности рациональнаго построенія этики и права у Паскаля — 123. Практическія оговорки Поръ-Рояля: мораль честныхъ людей — 127 и монархическій легитимизмъ — 129. Отраженіе этихъ началъ въ Логикѣ Поръ-Рояля — 130. Ограниченіе рациональнаго познанія въ области морали и обществовѣдѣнія вслѣдствіе принятія гетерономныхъ для разума аксіомъ — 139.	
Раздѣлъ 2-ой. Анализъ „государственнаго права“ Дома	140—222
Рационалистическая проблема въ „Гражданскихъ законахъ“ Дома — 141. Предварительное установленіе аксіомъ необходимыхъ для вывода „естественнаго порядка“ гражданскихъ законовъ — 145. Извлеченіе аксіомъ изъ Священнаго Писанія — 148. Аксиоматическіе первоначальные законы in statu naturae purae — 149. Осложненіе ихъ in statu naturae lapsae — 153. Непосредственное Божественное установленіе политической власти — 158. Законы непреложныя (естественныя) и произвольныя (положительныя) — 162. Сплетеніе обоихъ видовъ законовъ въ разнообразныхъ конкретныхъ сочетаніяхъ — 164. Предметъ науки права — законы естественныя — 167. Дедуктивный методъ юридической науки и отношеніе ея къ эмпирическому матеріалу положительнаго права — 168. Предпочтеніе эмпирическаго матеріала римскаго права въ „Гражданскихъ законахъ“ — 170.	
Объемъ публичнаго права и отношеніе его къ частному праву у Дома — 173. Предметъ изслѣдованія въ	

публичномъ правѣ тотъ же, что и въ частномъ, — естественные законы — 176. Отличіе публичноправнаго порядка отъ частнаго по природѣ и взаимоотношенію составныхъ элементовъ — 177. Своеобразіе эмпирическаго матерьяла, изъ котораго извлекаются естественные законы публичнаго права — 181. Затрудненія въ публичномъ правѣ относительно „естественнаго порядка“ — 185.

Содержаніе „публичнаго права“ Дома и извлеченіе изъ него элементовъ государственнаго права въ тѣсномъ смыслѣ — 188. Догматическій характеръ изложенія государственнаго права у Дома и осложненіе его элементами политики — 194. Объективный характеръ догматики у Дома и скудость въ ней момента субъективизаціи — 199. Значеніе „первоначальныхъ законовъ“ для систематики публичнаго права, — органическая аналогія у Дома — 202. Священное Писаніе, римское право и ордонансы, какъ эмпирическій матерьялъ для построенія государственнаго права — 204. Рационализація дѣйствующаго государственнаго права Франціи у Дома — 208. Политическая окраска публичноправной догмы у Дома въ абсолютистскомъ духѣ — 215. Заключительная характеристика — 220.

Глава IV. Система парламентской догмы положительнаго государственнаго права въ XVIII вѣкѣ 223—260

Изданіе и общее содержаніе des *Maximes du droit public français* — 223. Исходное ихъ положеніе о служебномъ характерѣ королевской власти — 225. Неправомѣрность деспотическаго правленія — 228. Проблема догматическаго установленія законной монархіи во Франціи — 229. Догматическое обоснованіе принципа неприкосновенности частной собственности — 231. Вопросъ о значеніи давности въ государственномъ правѣ — 234. Догматическое обоснованіе принципа личной свободы — 237. Проблема основныхъ положительныхъ законовъ въ государственномъ строѣ Франціи — 242. Публичноправный институтъ храненія законовъ — 248. Свобода парламентской регистраціи — 251. Полемика съ противниками законной монархіи — 254.

Итоги произведеннаго разбора догматическихъ системъ положительнаго государственнаго права Франціи XVI—XVIII вв. — 258.

Глава V. Догматизація положительнаго государственнаго права въ судебной практикѣ парламентовъ 261—303

Судебная компетенція парламентовъ по вопросамъ публичнаго права — 261. Источники права, изъ которыхъ черпала парламентская юриспруденція — 264. *Arrêts de règlement* — 268. Значеніе прецедента въ судебной практикѣ парламентовъ — 271.

Данный судебной практики парламентов по вопросам: объ юридическомъ положеніи короля, какъ носителя верховной власти — 275 и какъ частнаго лица въ гражданскомъ оборотѣ — 279, объ юридическомъ положеніи королевы и принцевъ крови — 280, о подчиненіи короля закону — 280, объ основныхъ законахъ — 281, о смѣнѣ царствованій — 282, объ юридическомъ положеніи должностныхъ лицъ — 283, объ объемѣ сенъеріальныхъ правъ — 283, правъ общинъ и корпорацій — 285.

Связь съ судебной практикой парламентовъ догматическихъ публичноправныхъ построений Бакэ — 286, Шоппена — 289, Дюмулена — 289, Бодена — 290, Луазо — 297, Виньона — 300, Le Bret — 303.

Глава VI. Догматизація положительнаго государственнаго права въ парламентскихъ представленіяхъ до XVIII вѣка 304—383

Раздѣлъ 1-ый. Общая характеристика парламентскихъ представленій 304—329

Происхождение и развитіе парламентской регистраціи королевскихъ указовъ — 304. Свободное испытаніе законовъ и вытекавшее изъ него право представленій — 308. Политическая роль Парижскаго парламента и оцѣнка ея въ специальной литературѣ — 311. Значеніе парламентскихъ представленій для развитія положительной публичноправной догмы — 314. Ограниченіе изслѣдованія представленіями Парижскаго парламента — 319. Сравнительное значеніе судебныхъ рѣшеній и представленій парламента въ дѣлѣ разработки публичноправной догмы — 324. Хронологическія рамки изслѣдованія и періодизація — 328.

Раздѣлъ 2-ой. Элементы публичноправной догмы въ парламентскихъ представленіяхъ до XVIII вѣка 329—383

Планъ изложенія — 330. Отношеніе къ церкви и конструкція вѣшняго суверенитета короля — 331. Отношеніе къ свободамъ галликанской церкви — 337 и къ правамъ духовенства — 339. Защита господствующаго вѣроисповѣданія — 340.

Опредѣленіе порядка престолонаслѣдія — 341. Установленіе регентства — 344. Юридическія послѣдствія смѣны царствованій — 346. Отреченіе отъ престола — 350. Абсолютизмъ и самоограниченіе королевской власти — 351. Королевское полновластіе на *lits de justice* — 353. Неотчуждаемость короннаго домена — 356. Деволюція личнаго домена короля къ коронѣ — 357.

Отношеніе парламента къ генеральнымъ штатамъ — 357. Участіе парламента въ засѣданіяхъ генеральныхъ штатовъ — 358. Парламентъ какъ представитель и замѣститель генеральныхъ штатовъ — 360.

Юридическое выясненіе положенія парламента въ системѣ государственнаго строя — 361. Несмѣняемость и независимость магистратуры — 362. Корпоративное единство всѣхъ парламентовъ — 364. Преимущества Парижскаго парламента въ качествѣ куріи перовъ — 366. Неудачная попытка обосновать авторитетъ парламента на непосредственномъ Божественномъ установленіи — 370.

Право парламентской регистраціи — 371. Регистрація, какъ необходимое условіе дѣйствительности законодательныхъ актовъ — 372. Свободное испытаніе законодательныхъ актовъ — 374. Парламентская регистрація законодательныхъ актовъ, изданныхъ при участіи генеральныхъ штатовъ — 376.

Парламентъ какъ высшее судебное учрежденіе — 377. Борьба парламента съ злоупотребленіемъ адвокаціями — 378 и съ чрезвычайными судами — 381.

Конструкція основныхъ законовъ — 382.

Глава VII. Догматизація положительнаго государственнаго права въ парламентскихъ представленіяхъ XVIII вѣка и отраженіе парламентской догмы въ литературѣ . .

384—506

Проведеніе парламентомъ непрерывной публично-правной традиціи чрезъ эпоху произвольнаго правленія Людовика XIV — 384. Отношеніе парламентской догмы къ дѣятельности „парламентовъ Мопу“ — 389. Общій планъ изложенія — 391.

Отношеніе парламентской догмы къ цркви — 391. Борьба съ ультрамонтанствомъ — 392. Свободы галликанской церкви — 393. Смѣшанная церковно-политическая компетенція и власть государственнаго надзора за церковью — 394.

Вопросъ о престолонаслѣдіи — 397. Установленіе регентства — 400. Смѣна царствованія — 404. Вопросъ о полнотѣ власти несовершеннолѣтняго короля — 405. Самоограниченіе королевской власти — 407. Принципъ законности правленія — 408. Отрицаніе королевскаго полновластія на *lits de justice* — 412.

Правительственный и общественный строй законной монархіи — 423. Основанная на законѣ неподвижность учреждений — 424. Схема раздѣленія властей въ законной монархіи — 427. Органическое значеніе сословнаго строя — 429. Конструкція субъективныхъ публичныхъ правъ — 431.

Юридическое выясненіе положенія парламента въ системѣ государственнаго строя — 437. Отношеніе парламента къ генеральнымъ штатамъ — 437. Историческая генеалогія парламента — 439. Непосредственная связь парламента съ королемъ — 440. Храненіе священныхъ правъ короны и вольностей государства въ пар-

ламентъ — 442. Представительный характеръ парламента — 443. Парламентскія права и вольности — 445. Корпоративное единство всѣхъ парламентовъ — 448. Преимущества Парижскаго парламента — 449. Специфическая функція парламента по охранѣ законности правленія — 452. Парламентская регистрація — 454. Ученіе о пассивномъ сопротивленіи парламента незаконнымъ проявленіямъ королевской власти — 458. Конструкція права представленій — 459. Судебныя функція парламента — 461. Борьба парламента съ нарушеніями законной подсудности — 463. Отрицаніе конституціоннаго характера Большаго Совѣта — 465.

Конструкція основныхъ законовъ — 469.

Вопросъ о позитивномъ характерѣ парламентской публичноправной догмы — 473. Степень вліянія на нее естественноправовыхъ и политическихъ теорій — 475.

Отраженіе парламентской догмы въ литературѣ государственнаго права — 477. Боденъ — 479. Le Bret — 487. Guy Coquille и La Roche-Flavin — 488. Клодъ, Жюли и Флери — 490. Монтескье — 490. Maximes du droit public français — 500. J. N. Moreau и Chaillon de Joinville — 503. Переживаніе парламентской догмы въ реставраціонной литературѣ первой четверти XIX вѣка — 506.

Глава VIII. Историческое обоснованіе догмы положительнаго государственнаго права

507—591

Проблема исторической легитимациі парламентской публичноправной догмы — 507. Рѣшеніе ея Этьеномъ Паске — 511. Ученіе Фр. Готмана о парламентской узурпациі — 518. Ученіе Буленвилле о парламентской узурпациі — 530. Дворянская концепція исторіи государственнаго строя и отрицаніе историческихъ корней парламента въ первоначальной конституціи у Монтескье — 536. Историческое обоснованіе парламентской публичноправной догмы у Le Laboureur'a — 554 и Le Paige'a — 556. Критика историческаго легитимизма парламентаріевъ у Мабли — 561. Обвиненіе парламента въ узурпациі со стороны приверженцевъ парламентской публичноправной догмы — 569. Новое рѣшеніе проблемы историческаго легитимизма въ парламентской литературѣ — 571. Историческая концепція сторонниковъ крайняго абсолютизма — 575.

Ученіе о предопредѣляющемъ для конституціи значеніи первоначальнаго государственнаго строя — 580. Локализациія первоосновъ конституціи въ Салическомъ законѣ — 583. Отрицаніе исторической критикой учредительнаго характера Салическаго закона — 586. Нормативное значеніе фактовъ первоначальнаго государ-

ственного строя и непрерывной традиции — 588. Идея узурпации у Луазо и въ парламентской догмѣ — 589. Значеніе давности въ государственномъ правѣ — 590.

Стрн.

Глава IX. Обоснованіе парламентской публичноправной догмы на Священномъ Писаніи

592—625

Общая религіозная санкція государственной власти въ Священномъ Писаніи и специальный публичноправный матерьялъ въ книгахъ ветхаго завѣта — 592. Двойное отношеніе публичноправной догматики къ Священному Писанію — 593. Отношеніе парламентской публичноправной догмы къ религіозной санкціи государственной власти — 595. Значеніе богоустановленности королевской власти для обоснованія внѣшняго суверенитета — 596. Значеніе Божественнаго права короля для конструирования внутренняго суверенитета — 597. Сочетаніе въ парламентской догмѣ Божественнаго права короля съ конструкціей законной монархіи — 599. Значеніе королевской присяги и т. н. обряда избранія при священномъ коронованіи французскихъ королей — 601. Вопросъ о пользованіи специальнымъ публичноправнымъ матерьяломъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ парламентской догмѣ и въ литературѣ — 605. Переживанія средневѣковаго библиократизма у Клода Сейсселя — 605, Du Tillet и Григорія Тулузскаго — 607. Мнѣніе Дюмулена и Фр. Готмана о необходимости государственнаго права еврейскаго царства для христіанъ — 608. Уподобленіе французской монархіи еврейскому царству — 609. Вопросъ о нормативномъ значеніи словъ Самуила о правахъ царя — 610. Текстъ Давида *Tibi solo* *ressavi* и обоснованіе на немъ юридической неотвѣтственности монарха — 611. Отрицаніе за словами Самуила о правахъ царя нормативнаго значенія у Водена — 612, Григорія Тулузскаго — 613, Луазо, Жоли и Дома — 617, въ *Maximes du droit public français* — 618, у Maultrot — 620. Отрицаніе юридической неотвѣтственности монарха въ *Maximes du droit public français* — 622 и у Maultrot — 624. Юридическая неотвѣтственность монарха въ парламентской догмѣ — 624.

Grundriß der Lehre Jesu

nach den drei ersten Evangelien

von

Karl Konrad Graß

Professor für exegetische Theologie.

Vorwort.

Auch wenn der Unterschied zwischen den Aussprüchen Jesu in den drei ersten Evangelien und den Reden im Johannesevangelium nur darin bestände, daß erstere sie mehr oder weniger wörtlich wiedergeben, letztere die Gedanken Jesu in der Ausdrucksweise des Evangelisten darstellen, wäre eine gesonderte Behandlung gerechtfertigt. Ich hoffe, daß die vorliegende Darstellung der Verkündigung Jesu nach den Synoptikern, die auf durch zwei Jahrzehnte ununterbrochen fortgesetzten Studien ruht, für jeden gebildeten Bibelleser verständlich sein wird.

Der Verfasser.

Ostern 1912.

Inhaltsverzeichnis.

	Seite.
I. Teil. Die Gottesherrschaft	5— 9
§ 1. Die zukünftige Gottesherrschaft	5— 7
§ 2. Die gegenwärtige Gottesherrschaft	7— 9
II. Teil. Das der Gottesherrschaft entsprechende Verhalten	10—35
§ 3. Als Vorbereitung zum Eintritt in die zukünftige G. . . .	10—30
a) Das sehnüchtige Verlangen nach der Gottesherrschaft .	11—12
b) Die Gerechtigkeit α) gegenüber Gott	12—22
β) gegenüber den Menschen	22—30
§ 4. Das der gegenwärtigen Gottesherrschaft entsprechende Verhalten	31—35
III. Teil. Jesu Stellung hinsichtlich der Gottesherrschaft und das ent- sprechende Verhalten zu ihm	36—51
§ 5. Jesu Stellung hinsichtlich der zukünftigen Gottesherrschaft etc.	36—41
§ 6. Jesu Stellung hinsichtlich der gegenwärtigen Gottesherr- schaft etc.	42—48
§ 7. Jesu Übergang von der letzteren Stellung zur ersteren etc.	48—51

I. Teil.

Die Gottesherrschaft.

§ 1. Die zukünftige Gottesherrschaft.

Wie nach M. 3, 2 Johannes der Täufer in Judäa, so ist Jesus nach M. 4, 17 in Galiläa mit der Predigt aufgetreten: „Ändert euren Sinn um, denn nahe ist die Himmelherrschaft“. — Nach Mk. 1, 15 lautete sie: „Erfüllt ist die Zeit und nahe ist die Gottesherrschaft. Ändert euren Sinn um und glaubet an die Frohbotschaft“. In diesen Sätzen ruht der Ton auf dem Nahesein der Herrschaft. Denn nur auf Grund dessen wird die Forderung der Sinnesänderung erhoben. Und überhaupt ist die Gottesherrschaft der Zentralbegriff der Lehre Jesu. Wird diese doch zusammenfassend als Frohbotschaft von der Herrschaft bezeichnet (M. 4, 23; 9, 35; 24, 14). Zu ihrer Verkündigung weiß sich Jesus gesandt (L. 4, 43) und sendet seinerseits seine Jünger (L. 9, 2, 62; zu vergl. 16, 16 u. M. 10, 7).

Da der Ausdruck nirgends in den Evangelien erklärt wird, muß angenommen werden, daß er den Lesern verständlich war, ferner daß er zunächst wenigstens auch in dem Sinne zu nehmen sein wird, in welchem er von den Zuhörern Jesu nur verstanden werden konnte, wie von denen des Täufers. Mk. 11, 10 (zu vergl. L. 1, 32 f.; 19, 11) beweist, daß auch noch die Zeitgenossen Jesu das Wort von der messianischen (zu vergl. V. 9) Herrschaft des Königs aus dem Hause Davids verstanden, wie es die Profeten verheißen hatten. Hat diese aber L. 1, 32 f. den zunächst liegenden politischen Sinn verloren, so ist in der Tat, wenn auch nicht durch die Versuchungsgeschichte (M. 4, 1—10, L. 4, 1—12), so doch

durch die Antwort Jesu in der Erzählung vom Zinsgroschen (Mk. 12, 17, M. 22, 21, L. 20, 25) und durch seine Frage nach der Vereinbarkeit der Davidssohnschaft des Messias mit dessen der-einstigem Sitzen zur Rechten Gottes und der darin liegenden Erhabenheit über David (Mk. 12, 35—37, M. 22, 41—46, L. 20, 41—44) an die Hand gegeben, daß Jesus die erwartete Herrschaft nicht im politischen Sinne verstanden hat¹⁾.

Wenn im Unterschied von der volkstümlichen Erwartung die apokalyptischen Kreise die Gottesherrschaft als einen transzendenten Zustand infolge unmittelbaren Eingreifens Gottes in diese Welt erhofften, so führen eine Reihe von Aussagen Jesu auf dasselbe. Das Wort vom Nahegekommensein der Gottesherrschaft klingt (L. 10, 11 f. im Vergleich mit 9) wie eine Gerichtsdrohung über die Ungläubigen unter den Juden. In der Tat ist ihr Kommen identisch mit dem Anbruch des Endgerichts, der noch vor dem Aussterben seiner Generation von Jesus erwartet wird (Mk. 8, 39; 9, 1, M. 16, 27 f., L. 9, 26 f.; zu vergl. Mk. 13, 30, M. 24, 34, L. 21, 31 f.), obgleich ihm noch eine Reihe von schrecklichen Ereignissen vorhergehen soll (vergl. bes. L. 21, 31 in seinem Verhältnis zum Vorausgehenden). Das Hineingelangen in die Gottesherrschaft ist identisch mit der schließlichen Errettung (M. 19, 13—15, zu vergl. 13, 43; 25, 34), das Gegenteil identisch mit der Verdammnis (Mk. 9, 47), sie selbst identisch mit dem ewigen Leben (Mk. 9, 43—47, M. 18, 3, 8). Wenn diese schließliche Gottesherrschaft als ein Mahl, eine Hochzeitsfeier bezeichnet wird (M. 8, 11, L. 13, 29 f.; M. 22, 2; 25, 1), so ist der Gleichnischarakter dieser Bezeichnungen an sich deutlich und auch auf das Essen von Brod (L. 14, 16) oder des Passah (22, 16), das Trinken von Wein in ihr (Mk. 14, 25, M. 26, 46, L. 22, 18, zu vergl. V. 30) auszudehnen und solches auf den gemeinsamen Genuß der Seligkeit zu deuten. Zu einer derartigen Deutung berechtigt auch der Umstand, daß Jesus eine Engelgleichheit von den Seligen aussagt, welche das eheliche Zusammenleben ausschließt (Mk. 12, 25, M.

1) Jerusalem und der Tempel werden keineswegs der Ausgangs- und Mittelpunkt der Gottesherrschaft sein, wie die jüdische Erwartung annahm, sondern völlig zerstört werden (M. 23, 38, L. 13, 35; Mk. 13, 2, 14, M. 24, 2, 15, L. 21, 6, 20, 24). Die Erben der Gottesherrschaft sollen dann Judäa flüchtend verlassen (Mk. 13, 15, M. 24, 16, L. 21, 21); ihre Rückkehr wird nicht in Aussicht genommen.

22, 30, L. 30, 34—36¹⁾. Dennoch ist nicht an eine Seligkeit im Jenseits zu denken, sondern auf die Erde kommt die Gottesherrschaft herab (Mk. 9, 1, M. 16, 28, L. 9, 27). Dementsprechend werden diejenigen, welchen ihr Besitz verheißen wird, als Erben der Erde bezeichnet (M. 5, 5). „Himmelherrschaft“ heißt bei M. die Gottesherrschaft daher nicht, weil sie im Himmel sein wird, sondern höchstens, weil sie vom Himmel kommt. Doch wahrscheinlich hat dieser Terminus überhaupt keinen lokalen Sinn. Ist die Vorstellung Jesu vom Reiche Gottes auch noch geistiger, als die der apokalyptischen Kreise, schon weil diese immer jüdisch-nationalistisch gefärbt blieb (vergl. z. B. den 17. der Psalmen Salomos), so ist sie demnach doch nicht rein geistig zu nehmen, etwa von einem seligen Zustand der Seelen der Verstorbenen im Jenseits. Das wird schon durch Jesu Erwartung der Totenaufstehung verwehrt, da dabei an die Erneuerung der Leiblichkeit gedacht ist (Mk. 12, 25, M. 22, 30—33, L. 20, 33 f.; 14, 14).

§ 2. Die gegenwärtige Gottesherrschaft.

Nicht alle Aussagen Jesu über die Gottesherrschaft lassen sich endzeitlich verstehen. Am deutlichsten kommt ihr Vorhandensein schon in der Gegenwart M. 12, 28, L. 11, 20 zum Ausdruck. Denn danach vollzieht sich Gottes Herrschen über die ihm feindlichen Mächte bereits jetzt durch Jesu Dämonenaustreibungen mit Hilfe des Geistes Gottes. Durch dieses gewaltsame Tun Jesu, an dem sich seine Jünger beteiligen (M. 10, 1, L. 10, 17—20), wird nach M. 11, 11 f. die Himmelherrschaft seit den Tagen des Täufers herbeigezwungen, während sie bis hiezu nur geweissagt worden war. Im Vergleich mit der letzteren Stelle legt das Schlußsätzchen von M. 11, 5 nahe, als Mittel dieses Tuns auch die Verkündigung zu denken. In der Tat setzt sich nach den Gleichnissen Mk. 4, M. 13, L. 8 die Gottesherrschaft in den Herzen der Menschen trotz aller entgegenstehenden Hindernisse durch das Wort von ihr durch. Nach M. 13, 38 entstehen dadurch Söhne der Herrschaft, d. h. solche, die sich bereits gegenwärtig von Gott

1) Wird bei L. der Wegfall der Ehe durch die Unsterblichkeit der Seligen begründet, weil sie Fortpflanzung unnötig macht, so ließe sich jene auch als Begründung des Wegfalls der Notwendigkeit der Ernährung durch Speise und Trank denken, obgleich es nicht gesagt ist.

beherrschen lassen und so den Bereich derselben bilden, aus welchem die Bösen dereinst ausgeschlossen werden sollen, während 8, 12 die Juden nur als verheißungsmäßige Erben der zukünftigen Herrschaft so genannt werden. Diese Gegenwart der Gottesherrschaft, durch welche bereits die alttestamentliche Verheißung sich erfüllt (M. 13, 16 f., zu vergl. L. 10, 23 f.), ist freilich für die Unempfänglichen ein Geheimnis (Mk. 4, 11, M. 13, 11, L. 8, 10), wird von Jesus vor ihnen verborgen und nur den Jüngern offenbart. Rätselhaft klingt auch das Wort L. 17, 21, wornach die Pharisäer über ihren Zukunftserwartungen übersehen haben, daß die Gottesherrschaft bereits in ihrer Mitte vorhanden ist, eben durch das Tun Jesu und seiner Jünger.

Doch verhält sich die gegenwärtige Herrschaft zur zukünftigen nur wie ein kleinstes Samenkörnchen zu einer Pflanze von Baumesgröße (Mk. 4, 30 ff., M. 13, 21 f., L. 13, 18 f.), wie ein wenig Sauerteig zu einer ganzen Menge durchsäuerten Brotteiges (M. 13, 33, L. 13, 20 f.), wie ein Fischernetz zu einem reichem Fang und Auslese guter Fische (M. 13, 47—50). Dennoch ist die gegenwärtige Gottesherrschaft ein großer Schatz, ja die wertvollste Kostbarkeit, weil die Anteilnahme an ihr die Anteilnahme an der zukünftigen gewährleistet (M. 13, 44—46). Für sie daher wird man als Jünger angeworben (M. 13, 52); für sie alles Irdische zu verlassen, ist man als solcher imstande (L. 18, 25 f.). Ohne Jesu Jünger zu werden, ist man noch von ihr entfernt, mag man auch die richtige Erkenntnis von den sonstigen Bedingungen zum Eintritt in sie haben (Mk. 12, 34, zu vergl. 10, 21 †). Auch ein Johannes der Täufer befindet sich noch nicht in ihr. Ein Jünger Jesu, der an sich von geringerer Bedeutung ist, als dieser wegen seines religiösen, den der früheren Profeten überragenden Berufes größte Mensch, ist dennoch größer als er vermöge seiner Zugehörigkeit zur Herrschaft (M. 11, 11, L. 7, 28).

Die so verschiedenartigen Aussagen Jesu über die „Herrschaft“, finden neben einander nicht Raum, wenn man sie sich wie ein modernes Königreich vorstellt, nämlich wie eine Gemeinschaft von Staatsbürgern unter einem König.

Der altorientalische Staatsbegriff ist nicht an den Bürgern orientiert, die über sich einen König anerkennen, sondern an dem Könige, dessen Macht allein staatsbildend wirkt. Demnach läßt sich „Gottesherrschaft“ umsetzen in den Satz: Gott herrscht über

die Welt, — anfangsweise bereits gegenwärtig, einst vollkommen. Diese These wird durch den Nachweis von Andeutungen dessen, daß nach Jesu Vorstellung die Gottesherrschaft gemeinschaftbildend unter den Menschen wirkt, nicht umgestoßen, da nicht nachgewiesen werden kann, daß auch die neue Gemeinschaft der Menschen unter einander mit unter den Begriff der Gottesherrschaft fällt. Ist „Herrschaft der Himmel“ bei M. damit synonym, so ist diese nicht, was eine Reihe von Stellen an sich nahe legt, die vom Himmel auf die Erde herabkommende Herrschaft, sondern läßt sich gemäß Daniel 4, 23 in den Satz umsetzen: der Himmel herrscht. Ins griechische wäre das aramäische Wort für „Himmel“ (schēmāja), ein pluraletantum mit singularer Bedeutung, nicht durch den pluralis wiedergegeben worden, wenn es als bloße Metonymie für Gott verstanden worden wäre. In solchem Falle steht L. 15, 18 der Singular. Sondern es wird an den ganzen Himmel im Sinne der Summe der himmlischen Mächte, Gott und seine Engel gedacht worden sein, demgemäß, daß die Himmelherrschaft entgegengesetzt ist der Herrschaft Satans und seiner Dämonen, die sie zerstören will (Mk. 3, 22—27, M. 12, 24—29, L. 11, 15—22). Die Dämonen sind hier das eigentliche Objekt des Herrschens Gottes zu gunsten der Menschen. Diese werden ihrerseits, wenn sie dieses Herrschen zu ihren Gunsten an sich zum Vollzug kommen lassen, schon auf Erden Söhne der Himmelherrschaft, solche, die auch in sich das Böse überwinden und den guten Willen Gottes zur Herrschaft kommen lassen (M. 13, 38, zu vergl. 5, 48). Das wird freilich erst in der Endzeit vollkommen erreicht. Erst in der zukünftigen Himmelherrschaft werden sie im vollkommenen Sinne Söhne Gottes heißen, wann sie Gott wirklich sittlich ähnlich werden (M. 5, 8). Nirgends aber erscheinen sie als Bürger oder Genossen dieses Reiches und letzteres als ihre Verbindung unter einander.

II. Teil.

Das der Gottesherrschaft entsprechende Verhalten.

§ 3. Als Vorbedingung zum Eintritt in die zukünftige.

In der Anfangsverkündigung Jesu M. 4, 17 ist das ganze für den Eintritt in die zukünftige Gottesherrschaft nötige Verhalten mit „ändert euren Sinn um“ zusammengefaßt. Demgemäß wird den galiläischen Städten, weil sie ihren Sinn nicht umgeändert haben (M. 11, 20—23, L. 10, 13—15), ein schwereres Gericht am Gerichtstage als den Städten schlimmster heidnischer Lasterhaftigkeit wie Tyrus und Sidon angedroht, oder als Sodom, das die Gottesboten gleichfalls nicht aufgenommen (zu vergl. 1. Mosis 19). L. 13, 2—5 wird diese Forderung als allgemeingültige bezeichnet, da alle Sünder und Schuldner sind. Dem steht L. 5, 32 (zu vergl. Mk. 2, 17, M. 9, 13) und L. 15, 7 (zu vergl. M. 18, 13) nicht entgegen, da der Ausschluß der pharisäischen Schriftgelehrten aus der Zahl der Sünder nur ironisch gemeint sein kann. Mit der Sinnesänderung ist eine Umkehrung der natürlich sündhaften Gesinnung ins Gegenteil gemeint (zu vergl. M. 18, 13). Ist diese auf das Weltliche gerichtet und auf das Böse, so soll man von nun an sein Streben auf die Gottesherrschaft richten und damit auf das Gute. Demgemäß erscheint als Vorbedingung für den Eintritt in die zukünftige Gottesherrschaft:

- a) Das sehnsüchtige Verlangen nach ihr.
- b) Die Gerechtigkeit: a) gegenüber Gott.
β) gegenüber den Menschen.

a) Das sehnstüchtige Verlangen nach der Gottesherrschaft.

Dieses erscheint nach den Seligpreisungen als eine den Jüngern bereits charakteristische Stimmung. Sie fühlen sich in ihrem Geiste niedergedrückt und trauern, weil die Gottesherrschaft nicht da ist. Gerade um dieser Stimmung willen sollen sie an ihr teilhaben, wenn sie kommt, und dadurch getröstet werden (M. 5, 3. 4, L. 6, 20. 21 b). Sie hungern und dürsten in dieser Welt der Ungerechtigkeit nach dem zukünftigen Zustande, da Gottes Gerechtigkeit über die Welt herrschen und nicht mehr den Gewalttätigen, sondern ihnen den Sanftmütigen die Erde gehören wird (M. 5, 5. 6, L. 6, 21). Sie werden gesättigt werden durch die Güter der zukünftigen Welt, während diejenigen, welche an den Gütern dieser Welt ihren Hunger bereits gestillt haben, in ihnen ihren Reichtum und ihre Freude gesucht haben, dann darben werden (L. 6, 24—25, zu vergl. 12, 21). — Daß bei L. die in den Seligpreisungen und Weherufen Genannten nicht nach ihrer äußerlich materiellen Lage und der entsprechenden Stimmung geschildert werden, geht daraus hervor, daß ihnen die entgegengesetzte Lage und Stimmung in den zugehörigen Begründungssätzen für die Zukunft nach Anbruch der Gottesherrschaft in Aussicht gestellt wird. Denn auch bei L. ist die zukünftige Gottesherrschaft und ihre dunkle Kehrseite, die Verdammnis, transzendent geartet.

Was so den Jüngern bereits charakteristisch ist, das schärft Jesus ihnen immer aufs neue wieder ein, verlangt es aber auch vom Volke. Er fordert, daß man nach Gottes rechtem Regiment trachten soll (M. 6, 33, L. 12, 31), und nicht nach den irdischen Gütern, indem man sie aufhäuft und zum Gegenstande seiner Sorgen macht (M. 6, 19—22, L. 12, 13—30. 32—34). Vielmehr soll man, wenn das Herz unlöslich an ihnen hängt, sich gewaltsam von ihnen trennen, was freilich den Reichen an sich unmöglich, allen nur mit Gottes Hülfe möglich ist (M. 19, 21. 23—26, Mk. 10, 21. 23—27, L. 13, 22—27). Denn das jüdische Volk seiner Zeit hängt an den irdischen Gütern und überhört daher die Einladung zur Gottesherrschaft (M. 22, 5, L. 14, 18—20. 24). Die Jünger jedoch haben sich durch ihre Nachfolge bereits vom Irdischen losgesagt und ihnen wird dafür besonderer Lohn verheißen, in der Gegenwart Ersatz für das Aufgegebene in der Jüngergemeinschaft, bei der Weltwiedergeburt, beim Anbruch der Gottes-

herrschaft eine herrschende Stellung (Mk. 10, 28—31, M. 19, 27—30, L. 18, 18 f.; 12, 32). Doch wird ihnen auch in solchem Zusammenhange die Lossagung vom Irdischen gelegentlich wieder eingeschärft (L. 12, 33—34). Das Lossein vom Irdischen ist aber bis zuletzt, bis zum Anbruch der Gottesherrschaft zu bewähren, indem man sich die nüchterne Wachsamkeit bewahrt, um nicht in den Rausch zu verfallen, in welchem die den Genüssen und Sorgen dieser Welt hingegebenen Menschen leben (L. 21, 34—36, zu vergl. V. 31). In dieser beständigen Wachsamkeit besteht nach M. 25, 1—13 die rechte Vorbereitung auf das Kommen der Gottesherrschaft. Sie hat zu ihrem Inhalte die Bemühung um das Verständnis des Wortes Gottes statt um die irdischen Güter (M. 25, 14—30, L. 19, 12—37). Dieses ist der Schatz, den man je nach seinem Verständnisvermögen bei sich mehren soll (M. 25, 19, L. 19, 26 zu vergl. mit M. 13, 12, L. 8, 18). Vor falschen Profeten, die das Wort Gottes, das zur Sinnesumkehr ruft, durch eine Predigt ersetzen, welche auf den breiten Weg weltlich sündhaften Lebens führt, soll man sich daher hüten (M. 7, 13—15; L. 21, 8). Ist aber die erste Phase des Anbruchs der Gottesherrschaft das Gericht über Jerusalem, so sollen sich die Jünger dem entziehen, weil sie es nicht verdient haben (L. 21, 20—25, zu vergl. Mk. 13, 14—19, M. 24, 15—21). Die weiteren schrecklichen Ereignisse als Vorboten des Endes haben sie gleichfalls nicht zu fürchten, da auch dieses ihnen nicht Gericht bringt, sondern die Erlösung im vollen Sinne (L. 21, 9, Mk. 13, 7, M. 24, 6). Daher sollen sie dann fröhlich ihre Häupter erheben (L. 21, 28).

b) Die Gerechtigkeit a) gegenüber Gott.

M. 5, 20 wird zusammenfassend als Vorbedingung des Hineingelagens der Jünger in die künftige Gottesherrschaft ihre „Gerechtigkeit“ genannt. Da die „Gesetzlosigkeit“ nach M. 7, 23, 13, 41 von der Gottesherrschaft ausschließen wird, so ist sie das Gegenteil der „Gerechtigkeit“, wie denn in der Tat in der parallelen Stelle L. 13, 27 anstatt dessen „Ungerechtigkeit“ genannt wird. Folglich besteht die „Gerechtigkeit“ in Erfüllung des alttestamentlichen Gesetzes. Erscheint M. 7, 21 anstelle der „Gerechtigkeit“ das Tun des Willens Gottes als Vorbedingung des Hineinkommens in die Herrschaft, so ist also dieser der Inhalt des Gesetzes, nach M. 5, 17, 7, 12 zugleich auch der Schriften der

Profeten. Dieses Tun ist aber, wie es der einzige Weg in die Gottesherrschaft ist, so auch ein schwieriger Weg, vergleichbar dem sich Hindurchdrängen durch eine enge Pforte und dem Gehen auf einem eingengten Wege, weil man seine natürlichen Triebe dabei beständig eindämmen muß. Dazu sind nach Jesu Erfahrung nur wenige wirklich imstande, so viele es auch versuchen mögen. Denn es genügt nur eine bedeutend bessere Gerechtigkeit, als sogar die der jüdischen Musterfrommen ist, der pharisäischen Schriftgelehrten und ihrer Anhänger (M. 5, 20). Tatsächlich setzen freilich diese um ihrer das Gesetz auslegenden Überlieferung willen das Gebot Gottes außer Geltung (Mk. 7, 6—13, M. 15, 3—6), während Jesus das Gesetz so vollkommen auslegen will, daß auch das geringste Gebot durch Erkenntnis und Tun des in ihm enthaltenen Gotteswillens zu seinem Rechte kommt (M. 5, 17—18, zu vergl. L. 16, 17), was freilich nur bei teilweise symbolischer Deutung möglich ist. Jesu Gerechtigkeitsforderung ist daher schwerer zu erfüllen, zumal die Schriftgelehrten durch ihre Auslegung alles Gewicht auf äußerlich kultische Handlungen legen und durch diese die innerlich religiösen und sittlichen Forderungen des Gesetzes beiseite schieben (Mk. 7, 10 f., M. 15, 4—6; 23, 23—26, L. 11, 39—42). Wenn freilich auf die Masse der Forderungen der Schriftgelehrten geblickt wird, so können andererseits diese als schwer zu tragende Lasten bezeichnet werden (M. 23, 4, L. 11, 46), und die sie auf sich nehmen, als Beschwerte und sich Abmühende (M. 11, 28), während Jesu Forderung als ein sanftes Joch und eine leichte Last. Denn bei Jesus handelt es sich im Grunde nur um die Erfüllung der zehn Gebote. Als Zusammenfassung des wesentlichen Inhalts des Gesetzes nennt er diese, als an ihn die Frage nach der Bedingung der Seligkeit gestellt wird (Mk. 10, 17. 19, M. 19, 10—15, L. 18, 18. 20 f.). Werden hier ausdrücklich nur die Gebote der zweiten Tafel genannt, wie sie nach M. 19, 19 sich im Gebote der Nächstenliebe zusammenfassen, so wird sich das hier aus der Rücksichtnahme auf den reichen Fragesteller erklären, der seinen Reichtum nicht zum Besten der Nächsten, sondern zur Befriedigung seiner Selbstliebe verwendet hatte. Sonst aber faßt Jesus die Gebote des Dekalogs und damit den wesentlichen Inhalt des ganzen Gesetzes in dem Doppelgebote der Gottes- und Nächstenliebe zusammen (Mk. 12, 28—31, M. 22, 24—40). Man wird diese enge Verbindung der zwei im Gesetze weit auseinanderliegenden Gebote 5. Mosis 6, 4 f. und

3. Mos. 19, 18 zur Bezeichnung des wesentlichen Gesamtinhaltes des Gesetzes als eigenste Tat Jesu ansehen müssen, aus der auch hervorgeht, daß er bewußt die beiden Seiten der Gerechtigkeit gegenüber Gott und gegenüber dem Nächsten unterschieden hat. Denn erscheint diese Zusammenfassung L. 10, 27 auch im Munde eines jüdischen Gesetzeslehrers, so wird die Meinung sein, daß er sie sich von Jesu angeeignet hat, wie denn Mk. 12, 32 f. ausdrücklich berichtet wird, daß ein Schriftgelehrter seine Zustimmung zu jener Zusammenfassung erklärte. Nach beiden Texten aber genügt eine derartige Zustimmung noch nicht, um in die Gottesherrschaft hineinzugelangen, das ewige Leben zu ererben, sondern man muß auch danach handeln (Mk. 12, 34, L. 10, 28—30), indem die Beschränkung auf die Nächstenliebe an letzter Stelle einzig und allein durch die Frage des Gesetzesmannes V. 29 veranlaßt ist. Erscheint Gott 5. Mos. 6, 4 in seiner Eigenschaft als Herr als Hauptobjekt der Liebe des Menschen, und so dieser als sein Sklave, so ist dieses Gleichnis für das Verhältnis von Gott und Mensch Jesu auch dort nicht fremd, wo er mit eignen Worten redet (M. 6, 24; L. 16, 13; M. 9, 38; L. 10, 2; Mk. 12, 2—9, M. 21, 33—36, L. 20, 10—15; M. 23, 27—28; 18, 23—34; 20, 1—11; 21, 40; 22, 3—10, L. 16, 3—8). Fällt es schon hier auf, daß Jesus nicht alle Israeliten, geschweige denn alle Menschen als Sklaven Gottes hinstellt, sondern — außer in der einzigen Mk.-Stelle und Parallelen, wo die alttest. Profeten mit Sklaven verglichen werden, — ausschließlich seine Jünger, so tritt eine derartige Beschränkung erst recht ein, wo Jesus das tiefere und zartere Gleichnis vom Verhältnis von Vater und Kindern anwendet. Denn hier gibt es keine Ausnahme, da wenn M. 21, 30 die Hohepriester und Ältesten, L. 15, 25—33 die Pharisäer und Schriftgelehrten mit dem älteren Sohne eines Vaters verglichen werden, es sich doch um einen Sohn handelt, wie er nicht sein soll. Werden aber hier mit dem jüngern Sohne die Zöllner und Sünder verglichen, so doch nur insofern, als sie sich bekehren, also zu Jüngern werden. Obgleich nun dieses Gleichnis bei Mk. nur einmal (11, 25), bei L. nur sechsmal vorkommt (L. 6, 35, 48; 11, 4, 13; 12, 30; 20, 36), bei M. aber überaus häufig, besonders in der Bergpredigt, aber auch sonst (10, 19, 29—31; 23, 9), so wird es sich doch hier nicht um eine Eigentümlichkeit des M.-Ev. handeln, sondern um ein geistiges Eigentum Jesu selber. Denn im Judentum wird nur das jüdische Volk als ganzes Sohn Gottes genannt, oder der

einzelne Israelit, sofern er Glied des Gottesvolkes ist. Und zwar hat dabei Jesus 1) die sittliche Wesensähnlichkeit im Auge, indem er Gott den Jüngern als sittliches Vorbild vor Augen stellt, das sie in ihrem sittlichen Tun nachahmen sollen (5, 45 f. 48, L. 6, 35 f.), wie andererseits Gott sein gnädiges Verhalten zu den Jüngern von ihrem liebevollen Verhalten zu einander abhängig macht (Mk. 11, 25, M. 6, 12. 14 f., L. 11, 4), oder aus dem sittlichen Verhalten der Jünger auf des Gottes geschlossen wird (M. 7, 11, L. 11, 13). Durch solche Nachahmung Gottes bereiten sie nach M. 5, 9 ihre vollendete Gottessohnschaft in der zukünftigen Himmelherrschaft vor, wann sie Gott nicht nur sittlich, sondern auch dem Wesen nach ähnlich sein werden (M. 13, 43, L. 20, 36). 2) aber liegt in der Vaterschaft Gottes und in der Sohnschaft der Jünger, daß Gott liebevoll sich um ihre Bedürfnisse, die leiblichen und geistlichen kümmert und sie befriedigt, indem die Gewißheit, dessen daraus abgeleitet wird, daß Gott sich unmittelbar schon um ganz geringe Geschöpfe kümmert (M. 6, 26. 32, 10, 29—31, L. 12, 24. 30; M. 10, 19). Der Vatergott Jesu hat auch gar nichts von der transzendenten Gottesvorstellung der spätjüdischen Literatur an sich. — Dieses doppelseitige Verhältnis zwischen Gott und den Jüngern ist aber ein ganz einzigartiges und soll daher von ihnen als ein ausschließliches behandelt werden (M. 23, 9). Es verlangt daher ihre völlige Hingabe und schließt die Hingabe des Herzens an die irdischen Güter aus (M. 6, 29, L. 16, 13), wie sie sich im Schätzensammeln (M. 16, 21, L. 12, 15—22) und im Sichsorgen um die leiblichen Bedürfnisse äußert (M. 6, 25—34, L. 12, 22—30). Vielmehr sollen sie sich Schätze im Himmel sammeln, d. h. sich durch Leistung der Gerechtigkeit, speziell durch Hingabe des irdischen Eigentums als Almosen an die Armen, den ewigen Lohn, die Anteilnahme an der zukünftigen Gottesherrschaft sichern (M. 6, 20, L. 12, 33), und in der Richtung auf Gott reich sein (L. 12, 21). Denn solches ist ein ewiges und unvergängliches Gut, während die irdischen Güter vergänglich sind, wie das irdische Leben des Menschen selbst, vermöge welches er sie genießt (M. 6, 27, L. 12, 20 f. 25). Wie auf die irdischen Güter, so sollen die Jünger auch nicht auf Menschen zu großes Gewicht legen, indem sie sich vor ihnen fürchten. Denn wirklich vermag sie nur Gott zu richten, ihm allein sind sie daher auch letztlich verantwortlich. Ihn allein sollen sie daher fürchten (M. 10, 28, L. 12, 4 f.). Weil Gott erhaben über alle Menschen ist, so steht die Pflicht gegen ihn auch

über der Pflicht gegen den Kaiser. (Mk. 12, 17, M. 22, 21, L. 20, 25).

Das Vertrauen der Jünger auf Gott soll sich im dringlichen Gebet äußern, das seiner Erfüllung gewiß sein kann (M. 7, 7 f., L. 11, 9—10. Denn schon irdische Väter, wie etwa die Jünger selber, geben trotz ihrer natürlichen Schlechtigkeit ihren Kindern auf deren Bitte nur gute Gaben (M. 7, 7—12, L. 11, 11—13); auch ein bequemer, zum Geben unlustiger Freund gibt infolge dringlicher Bitten (L. 11, 5—8); auch ein gewissen- und rücksichtsloser Richter hilft infolge unaufhörlichen Bestürmens (L. 18, 1—8). Wievielmehr wird Gott den Jüngern geben und helfen, da er liebevoll und gut zugleich ist! — Ja handelt es sich um den speziellen Beruf der Jünger, so wird er scheinbar Unmögliches wirklich machen (Mk. 11, 23 f., M. 21, 21 f.). Aber auch sonst hat Jesus bei der Zusage der Erhörung hauptsächlich Güter im Auge, die im Zusammenhange mit der Gottesherrschaft stehen, oder diese selbst als das Hauptgut, welches den Jüngern zuteil werden kann (L. 11, 13; 18, 7). Das zeigt sich aufs deutlichste in dem wegen seiner Kürze bei reichem Inhalt vorbildlichen Vaterunser (M. 6, 7—15, L. 10, 2—4), das um deswillen nur bei größter Andacht, Konzentrierung der Gedanken auf Gott und das Göttliche, wirklich gebetet werden kann. Denn als das Hauptobjekt des Bittens erscheint hier das Kommen der Gottesherrschaft, dem die andern Objekte untergeordnet sind. Aber unter diesen ist nur ein einziges irdisches Gut, das Brod, das aber auch nicht an sich, sondern nur als Vorbedingung der Empfänglichkeit für die geistlichen Güter in Betracht kommt. Aber immer wird im Sinne Jesu gemäß seinem eignem Gebet in der Stunde schwerwiegenster Entscheidung (Mk. 14, 36, M. 26, 39, L. 22, 42) als Einschränkung der unbedingten Gewißheit der Erhörung hinzuzudenken sein, daß die Form, in welcher die Bitten erfüllt werden, ganz in den Willen Gottes gestellt werde, der allein und am besten weiß, welche Gabe seinen Kindern frommt. — Ist zu der vertraulichen Anrede Gottes als des Vaters im Mustergebet die Bitte um die Heiligung seines Namens hinzugefügt, so will Jesus damit zum Ausdruck bringen, daß jene nicht zur Außerachtlassung der Ehrfurcht vor dem allmächtigen Gott verleiten soll. Diese soll immer den Unterton der kindlichen Liebe zu Gott bilden. Ist doch nach Mk. 3, 28 f., M. 12, 31 f., 36, L. 12, 10 Gott so erhaben und heilig, daß die bewußte Lästerung seiner hauptsächlichsten Gabe in diesem Äon

(zu vergl. L. 11, 13) eine unvergebbare und zwar die einzig unvergebbare Sünde ist. In diesem Zusammenhang steht bei M. auch die Äußerung Jesu, daß man über jedes schädliche Wort am Tage des letzten Gerichts Rechenschaft werde ablegen müssen, und daß das schließliche Geschick auch von den Worten abhängt, die man geredet (M. 12, 36). Der Bitte um das Kommen der Herrschaft im Vaterunser ist die um Schuldverlass in dem Sinne untergeordnet, daß nur für denjenigen, welchem seine Sünden vergeben sind, jenes Kommen heilvoll sein kann. Doch fällt auch auf diese Bitte bei M. ein besonderer Ton durch Wiederholung, der in ihr genannten Bedingung am Schluß (M. 6, 14 f., zu vergl. Mk. 11, 25), die sie aus den übrigen Bitten heraushebt. Erscheint sonst als Bedingung des Schuldverlasses das demütige Eingeständnis der Sündhaftigkeit und die dringliche Bitte (L. 18, 13; 15, 18—26), so sind das Äußerungen der Sinnesänderung, der inneren reuigen Abkehr von dem sündhaften Hingegebensein an die Güter der Welt, und der Zuwendung zu Gott. Aber auch die Bereitschaft des Jüngers, seinem Schuldner zu vergeben, ist Äußerung der Sinnesänderung. Denn wer aus eigener innerer Erfahrung den Druck nicht erlassener Schuld, unvergebener Sünde kennt, wird bereit sein, von diesen Druck andere zu befreien, die ihm gegenüber schuldverhaftet sind. Wie in der Predigt Jesu die Verkündigung des Kommens der Herrschaft das erste und die Forderung der Sinnesänderung das zweite ist, so nehmen im Vaterunser die entsprechenden Bitten dieselbe Rangstellung ein. Die Verheißung der Sündenvergebung aber zeigt, daß die Forderung der Gerechtigkeit nicht in dem Sinne gemeint ist, als ob eine Verletzung derselben irreparabel wäre. Ferner aber kann diese Forderung nicht als Forderung einer verdienstlichen Leistung des Menschen aus eigener Kraft gemeint sein. Der Dank des Pharisäers an Gott im Gleichnis L. 18, 10—14 für seine bessere Gerechtigkeit wäre ganz in Ordnung, wenn er wirklich Ausdruck des Eingeständnisses wäre, daß sie durch Gottes Führung, Bewahrung und Begabung zustande gekommen. Aber wie die Berufung auf das eigene, die Gebote Gottes angeblich überbietende Tun V. 12 zeigt, handelt es sich bei ihm bloß um eine leere kultische Formel, die in den Dienst der Selbstüberhebung über andere gestellt wird. Nicht nur die Mangelhaftigkeit der Gerechtigkeit, sondern auch diese selbst, soweit sie als Erfüllung der Gebote Gottes positiv wertvoll ist, soll den Jünger zur Demut anhalten (L. 17, 7—10). Denn er steht

in einem so unbedingten Verhältnis zu Gott, wie der Sklave zu seinem Herrn. Es gibt für ihn daher kein Tun, das über seine Pflicht hinausginge, also kein Verdienst. Letzteres aber auch deswegen nicht, weil alle Kraft und Anleitung zum Guten von Gott kommt. Die Äußerung des Bewußtseins um diese unbedingte Abhängigkeit von Gott und das unbedingte Verpflichtetsein für alle gute Gabe ist das aufrichtige Dankgebet. Wie Jesus selber Gott für geistliche (M. 11, 25 f., L. 10, 21 f.) und für leibliche Gaben dankt (Mk. 8, 6, M. 15, 36; Mk. 14, 22, M. 26, 26, L. 22, 17, 19; 24, 30), so erwartet er auch von den Menschen Dank gegen Gott für leibliche und geistliche Hülfe, die er ihnen im Namen Gottes erwiesen (L. 17, 15—18; 7, 40—50).

Zu der altisraelitischen Art der Gottesverehrung hat Jesus sich nicht eigentlich in Gegensatz gestellt. Den Tempel hat er nicht nur gemäß Jesaias 56, 7 als Bethaus anerkannt (Mk. 11, 17, M. 21, 13, L. 19, 46), sondern diesen seinen Charakter durch gewaltsames Tun gegenüber profanem Mißbrauch, wie er von den berufenen Autoritäten zugelassen worden, zu wahren gesucht. Gegen das von den Juden geübte Beten hat er nicht als solches opponiert, sondern nur gegen die pharisäische Erniedrigung des Gebets zum Mittel der Ehrsucht (M. 6, 5—7). Und hat er Barmherzigkeit, Versöhnlichkeit und Elternliebe höher gestellt als die Versinnlichung des Gebets im Opfer, so geschieht doch ersteres unter Berufung auf ein alttest. Profetenwort (Hosea 6, 6: M. 9, 13; 12, 7), das zweite soll das andere nicht aufheben, nur gelegentlich aufschieben (M. 5, 23 f.), das dritte soll nur nicht durch das Opfer beseitigt werden (Mk. 7, 9—12, M. 15, 3—6). Hat doch Jesus gelegentlich direkt aufgefordert, der Vorschrift des Gesetzes durch Darbringung von Opfern zu genügen (M. 1, 44, M. 8, 4, L. 5, 14; 17, 14). — Auch das Fasten hat Jesus an sich nicht verboten, sondern auch bei seinen Jüngern vorausgesetzt und anerkannt, wenn es nur wirklich Ausdruck der bußfertigen Gesinnung gegenüber Gott ist, ebenso wie das Almosengeben Ausdruck der dankbaren Gesinnung, und beides nicht zum Mittel der Ehrsucht erniedrigt wird, wie von den Pharisäern. Freilich als eine regelmäßige Übung, wozu es die pharisäischen Schriftgelehrten gemacht, hat er es für sich und seine Jünger nicht anerkannt. Denn es entspricht nicht ihrer allgemeinen Stimmung, die der Erfüllungszeit gemäß, in der sie stehen, eine freudige ist. Aber Jesus weißagt gleichzeitig eine Zeit für seine Jünger, für welche

es als natürlicher Ausdruck der Trauer wieder von ihnen geübt werden wird (Mk. 2, 19 f., M. 9, 15. L. 5, 34 f.). — Das Gebot 2. Mos. 20, 7 (zu vergl. 3. Mos. 19, 12; 5. Mos. 23, 22. 24) scheint freilich Jesus durch seine Forderung (M. 5, 33—37), überhaupt nicht zu schwören, nicht nur zu überbieten, sondern seine Voraussetzung, daß man der Wahrheit gemäß schwören dürfe, zu verneinen. Aber auch hier konnte er doch mit seiner Forderung unbedingter Wahrhaftigkeit auch bei der bloßen Aussage, als einer Pflicht gegenüber dem wahrhaftigen Gott, den eigentlichen Gotteswillen, den jenes Gebot nur unvollkommen zum Ausdruck bringt, in volle Geltung setzen wollen (zu vergl. M. 5, 17—19). Doch ist hierbei nicht nur zu beachten, daß Jesus selber gerade nach M. vor dem Hohen Rat bei dem lebendigen Gott geschworen hat (M. 26, 63, zu vergl. Mk. 14, 61, L. 22, 70), sondern daß unter den von ihm ausdrücklich abgelehnten Schwüren M. 5 und 23, 6—22 der bei Gott nicht genannt wird, der auch nach pharisäischer Meinung, wie schon gewisse andere geringere Schwurformeln (vergl. M. 23, 16, 18) zur Wahrhaftigkeit verpflichtete, aber für gewöhnlich wohl gemieden und für außerordentliche Gelegenheiten reserviert wurde. Ausdrücklich lehnt Jesus nur solche Schwurformeln ab, von denen die Pharisäer behaupteten, daß sie nicht zur Wahrhaftigkeit verpflichteten; und zwar mit dem Nachweise, daß die Gegenstände, auf die sie sich beziehen, mit Gott in Zusammenhang stehen, den auch sie daher letztlich als Zeugen anrufen. Folglich verpflichten auch sie zur Wahrhaftigkeit. Wegen der Unwahrhaftigkeit aber, zu deren Verhüllung diese Schwurformeln ersonnen waren, verwirft Jesu sie überhaupt und schärft statt dessen ein, daß schon die bloße Aussage zur Wahrhaftigkeit verpflichtet und daher anstelle derartiger unaufrichtiger Schwüre zu treten hat¹⁾. — Am deutlichsten scheint aber der heftige Kampf, den Jesus gegen die übliche Sabbathheiligung geführt hat, nicht nur diese zu treffen, sondern das mosaische Gebot, das doch im Dekalog selbst steht, aufzuheben. Stellt doch Jesus (M. 12, 12, zu vergl. Mk. 3, 4, L. 6, 9) den Grundsatz auf, daß es erlaubt sein müsse, am Sabbath Gutes zu tun, nämlich Kranke zu heilen. Aber Jesus rechtfertigt ihn mit der üblichen Ausnahme von der

1) Es ist nicht einzusehen, warum Jesus die Anrufung Gottes zum Zeugen für eine wahre Sache als an sich gegen die rechte Verehrung Gottes verstoßend verboten haben sollte.

strikten Sabbathruhe, ein in den Brunnen gefallenes Tier oder Kind auch am Sabbath zu retten (M. 12, 10, L. 14, 3—5). Und seine Jünger, die am Sabbath Ähren ausgerauft, um ihren Hunger zu stillen, rechtfertigt er mit Berufung auf ein alttestamentliches Beispiel, wie ein Hohepriester, um David und seine Leute vor dem Verhungern zu retten, das Gesetz über die Schaubrote brach (Mk. 2, 24—26, M. 12, 2—4, L. 6, 2—5), ferner mit der vom Gesetz ausdrücklich geforderten Berufsarbeit der Priester gerade am Sabbath. Diese Berufung auf lauter bisher schon anerkannte Ausnahmen, wie der Satz Jesu, daß der Sabbath um des Menschen willen eingesetzt worden sei (Mk. 2, 27), zeigt, daß Jesus die Wohltat der sabbathlichen Ruhe von der Berufsarbeit als solche anerkannt hat. Nur den gesetzlichen Zwang hat er verworfen, der ihr den Charakter einer Wohltat raubt (27 b). — Die Reinheitsvorschriften freilich hat Jesus mit dem Grundsatz, daß nicht, was in den Menschen hineingehe, — nämlich Speise und Trank —, sondern was aus ihm herauskomme, — nämlich seine bösen Taten und Worte —, ihn verunreinige (Mk. 2, 15. 18—23, M. 15, 11. 15—20), für überflüssig erklärt. Aber das ist doch nur prinzipiell geschehen und nur durch ein Gleichnis, welches dem Volke unverständlich blieb und bloß den Jüngern gedeutet wurde. In dieser Deutung verlegt Jesus zwar den Unterschied von „rein“ und „unrein“ von dem physischen Gebiete, auf welchem es sich im Gesetze bewegt, auf das sittliche, indem er als das Ziel des eigentlichen Gotteswillens bei den Reinheitsvorschriften die sittliche Reinheit hinstellt. Aber verboten hat er ihre Einhaltung keineswegs, vielmehr gelegentlich dazu angehalten (Mk. 1, 44, L. 5, 14, zu vergl. M. 8, 4). In Parallele dazu steht, wie Jesus die peinlich genaue Berechnung und Ablieferung des Zehnten an sich nicht verboten hat (M. 23, 23, L. 11, 42, zu vergl. M. 17, 24—27). Denn in diesem Zusammenhang hat Jesus auch das Reinhalten des Äußern von Bechern und Schüsseln an sich nicht verboten. Nur auf den Widerspruch hat er die Pharisäer aufmerksam gemacht, daß sie gleichzeitig nicht darauf achten, ob der Inhalt der Gefäße rein erworben sei und rein genossen würde (M. 23, 25, L. 11, 39 f.). Als seine eigentliche Meinung kommt freilich auch hier zum Vorschein, daß sittlich gute Verwendung ihres Inhalts die äußere Reinhaltung der Gefäße in religiöser Hinsicht überflüssig mache (M. 23, 26, L. 11, 41). — Daß vor Gott alles auf die innere Reinheit des Herzens ankommt, besagt auch die 6. Seligpreisung (M. 5, 8).

Im Ganzen betrachtet muß demnach die Gottesanschauung Jesu und die von ihm gewünschte Gottesverehrung gegenüber der israelitisch-jüdischen als konservativ bezeichnet werden. Nur gelegentlich kommt ein Fortschritt zum Vorschein auf der Linie der Verinnerlichung und Lösung von der kultischen und rituellen Äußerlichkeit. Doch bewegt sich auch hier Jesus auf der Linie des schon im profetischen Teil des Alten Testaments vorliegenden Fortschritts gegenüber dem Gesetz. Z. T. erscheint der Fortschritt bei Jesus nur deswegen in hellerem Licht, weil er sich in Gegensatz stellt zu der das Gesetz selber bei weitem überbietenden Gesetzmäßigkeit der pharisäischen Schriftgelehrten. Der Hauptunterschied von der alttestamentlichen Frömmigkeit bleibt immer die prinzipielle Lösung des Verhältnisses zu Gott als dem Herrn und Vater vom Volkstum, indem es von diesem auf die Jüngerschaft übertragen wird. Das steht im Zusammenhang damit, daß Jesus sich, wie schon Johannes den Täufer, als Träger einer neuen Gottesoffenbarung gegenüber der alttestamentlichen ansieht, welche diese letztere zur Vollendung fortführt. Daher gehört für Jesus das rechte Verhalten zu Johannes und ihm selbst in die Gerechtigkeit gegenüber Gott mit hinein (Mk. 11, 28—33, M. 21, 23—32, L. 10, 2—8).

Die Zöllner und Dirnen, die in der Unsauberkeit ihres Gewerbes die alttest. Offenbarung Gottes ignoriert hatten, erwerben sich dadurch, daß sie Johannes und Jesus glauben, anerkennen, daß des ersteren Taufe vom Himmel sei und daß letzterer in Gottes Vollmacht handele, die Stellung von rechten Kindern Gottes und damit die Anteilnahme an der künftigen Gottesherrschaft. Die religiösen Führer des Volkes aber und dieses selbst, soweit es ihnen folgt, vollenden durch ihren Unglauben und ihren tödlichen Haß gegen Jesus und seine Jünger das ablehnende Verhalten ihrer Väter, der alten Israeliten, gegen die Profeten und ziehen dadurch das endgültige Strafgericht Gottes sich zu und den Verlust ihres verheißungsmäßigen Anrechts auf das schließliche Ziel der Offenbarung Gottes, die vollendete Gottesherrschaft, an die Heiden. Denn diese werden ihren Glauben an Jesus im Bringen der Früchte, d. h. in der Leistung der Gerechtigkeit erweisen. Solches sagt Jesus nicht nur im Gleichnis (Mk. 12, 1—11, M. 21, 32—46, L. 20, 9—19), sondern auch mit dürren Worten (M. 23, 29—35, L. 11, 47—51). Der Zusatz zu dem Gleichnis vom Hochzeitsmahle (M. 22, 1—14) zeigt noch, daß die Forderung der Gerechtigkeit

auch gegenüber den Heiden voll aufrecht erhalten werden wird. Soll ferner das Interesse der Jünger an der Ernte, die aus dem von Jesus gesäten Samen des Evangeliums aufsprießt, sich äußern in einem Gebet an Gott als den Herrn der Ernte (M. 9, 37, L. 10, 2), so beweist auch solches, daß das rechte Verhalten zu Jesus und seinem Wort mit hineingehört in das Verhalten zu Gott. Demgemäß betont Jesus, daß wer ihn aufnimmt, damit Gott aufnimmt (Mk. 9, 37, L. 9, 48; M. 10, 40; L. 10, 16).

Die Gerechtigkeit β) gegenüber den Menschen.

Wenn Jesus dem Reichen auf seine Frage, was er tun solle, um das ewige Leben zu ererben, die Erfüllung der auf den Nächsten bezüglichen Gebote des Dekalogs als Bedingung nennt (Mk. 10, 19, M. 19, 18, L. 18, 20), so darf das nicht so verstanden werden, als ob Jesu die sittlichen Gebote wichtiger waren als die religiösen. Denn er hat (V. 21 bei Mk. M., V. 22 bei L.) daran noch die religiöse Forderung in schärfster Form geknüpft. Sondern der Grund wird ein seelsorgerischer für diesen Fall sein, weil der Reiche seine vielen Güter nur zur Befriedigung seiner Selbstliebe verwandt haben wird, wie denn Jesus von ihm verlangt, sich nunmehr ihrer zu Gunsten anderer, nämlich der Armen zu entäußern. Aber innerhalb der sittlichen Gebote fällt durch die Stellung des Gebotes der Elternliebe an den Schluß gegenüber der umgekehrten Stellung im Dekalog auf dieses ein starker Akzent. In der Tat hat Jesus (Mk. 10—13, M. 15, 3—6) die Schriftgelehrten ausdrücklich dafür getadelt, daß sie dieses Gebot durch die Erlaubnis, das was man den Eltern zuwenden könnte, Gott zum Opfer zu weihen, einschränken und dadurch imgrunde aufheben, weil man sich auf diesem Wege immer der Pflicht der Unterstützung der Eltern entziehen kann. Auch dieses darf nicht so verstanden werden, als ob Jesus die sittliche Pflicht gegen die Eltern über die religiöse gegen Gott stellt. Denn sonst hat Jesus die religiöse Pflicht ihm selber und der Frohbotschaft gegenüber weit über die gegen die Eltern gestellt (M. 10, 37, L. 14, 26; M. 8, 21, L. 9, 59). Wohl aber hat Jesus dieses sittliche Gebot gegenüber dem Sichverpflichtetfühlen zu weitgehenster Ausübung des äußerlichen Kultus sicherstellen wollen.

Die Erfüllung des im Dekalog nächstfolgenden Gebots hat er

im Gegensatz zum Gesetz, sofern es, weil zur Regelung des Lebens eines Volkes gegeben, äußerlich rechtlichen Charakter trägt, nicht nur durch die Tat, sondern auch durch die Gesinnung, resp. durchs Wort gefordert (M. 5, 21 f.). Ausdrücklich redet er freilich im Zusammenhang der Bergpredigt von der Tat überhaupt nicht, wohl weil er ihr Vorkommen innerhalb seines Jüngerkreises nicht voraussetzt. Ein Jünger, der seinem Bruder, d. h. seinem Mitjünger, zürnt, hat eine Sünde begangen, die Jesus durch Androhung derselben Strafe ebenso hoch einschätzt, wie in dem Gesetz der Mord eingeschätzt wird. Die höheren Strafen für abgestufte Schimpfworte kommen nur als Maßstäbe für die größere Sündhaftigkeit dessen in Betracht, der seinen Zorn nicht in sich verschließt, sondern in zornigen Worten äußert und dadurch seinen Mitjünger kränkt und beleidigt. Ist man aber dem Bruder irgendwie zu nahe getreten, so soll man (V. 23—25) seine Verstimmung in persönlicher Relation zu ihm beseitigen. Auch diese sittliche Pflicht ist wichtiger als die bloß kultische zu opfern. Ja, dem berechtigten Anspruch des Bruders auf Genugtuung zu willfahren, ist (V. 25, L. 12, 55—59) eine so unbedingte Pflicht, daß deren Nichterfüllung bei dem bald hereinbrechenden Gericht in die ewige Verdammnis stürzen wird. Versündigt sich aber der Bruder gegen einen selbst, so soll man versöhnlich sein, die versöhnliche Gesinnung auch bei noch so oft wiederholter Versündigung festhalten und die infolge von Sinnesumkehr erbetene Vergebung immer von neuem erteilen (M. 18, 21—35, L. 17, 3—4). Die hier erwähnte Voraussetzung des Schuldnerlassens an den Bruder wird als sich von selbst verstehende auch dort hinzuzudenken sein, wo von der Pflicht der Versöhnlichkeit des Jüngers gegenüber allen Menschen die Rede ist (M. 6, 12. 14. 15, L. 11, 4, Mk. 11, 25), weil ohne Sinnesumkehr und Eingeständnis derselben die Vergebung nicht nur nicht gewürdigt, sondern nicht einmal in Empfang genommen werden kann. Soll man vergeben, wenn man gegen irgend jemand etwas hat (Mk. 11, 25), so kommt damit nur die unbedingte Bereitschaft zur Vergebung zum Ausdruck, nicht die bedingungslose Applikation derselben an jeden Schuldner. Auch die Pflicht der Versöhnlichkeit ist durch Androhung der ewigen Verdammnis für den Fall der Ausserachtlassung M. 18, 33 als unbedingte deutlich gekennzeichnet. M. 5, 9 preist Jesus seine Jünger als Friedensstifter, weil damals, als die Seligpreisungen gesprochen wurden, sie bereits die doppelseitige Bereitschaft, die gestörten persönlichen

Beziehungen bei sich und andern wiederherzustellen, bewährt hatten, wofür ihnen die ewige Seligkeit verheißen wird.

Auch die Heilighaltung der Ehe hat Jesus als unbedingte Pflicht hingestellt. Auch hier hat er die Tat des Ehebruchs, den Geschlechtsverkehr mit der Ehefrau eines andern, was allein das alttest. Volksgesetz verbietet, bei seinen Jüngern nicht als möglich vorausgesetzt, sondern bereits den begehrliehen Blick nach ihr als Ehebruch bezeichnet (M. 5, 27 f.). Das was einen zu einem solchen verführt, soll man bei Gefahr seiner Seligkeit wegschaffen, mag eine derartige Beseitigung auch noch so schmerzhaft sein (V. 29). Wer sich aber von seiner Frau scheidet, ist schuld daran, daß mit ihr die Ehe gebrochen wird, indem ein anderer sie heiratet (V. 32, zu vergl. L. 16, 18). Denn die Ehe besteht trotz der Ehescheidung in Gottes Augen weiter und wird erst durch eine neue Eheschließung gebrochen, es sei denn daß die Frau zuvor Hurerei getrieben hat, wodurch bereits vor der Ehescheidung die Ehe gebrochen ist (M. 5, 31, 19, 9). Ob man aber in solchem Fall auch die äußere Ehescheidung vollziehen soll, ist nicht gesagt. Erst recht aber versündigt sich der, der nicht nur sich von seiner Frau scheidet, sondern selbst wieder heiratet, ebenso wie die Frau, die nicht nur ihren Mann verläßt, sondern auch einen andern heiratet (Mk. 10, 11—12, M. 19, 9, zu vergl. L. 16, 18). Die durch den Geschlechtsverkehr sich realisierende Verbindung von Mann und Frau seitens Gottes kann nicht durch die von Moses zugelassene Ehescheidung aufgehoben werden (M. 5, 31; Mk. 10, 2—9, M. 19, 3—8). Daher bricht, wer eine geschiedene Frau heiratet, ihre vor Gott weiter bestehende Ehe, indem er ihre Rückkehr zu ihrem Manne sittlich unmöglich macht (M. 5, 31).

Das 7., resp. 9.—10. Gebot unserer Zählung hat Jesus als zu erfüllende wohl mit unter den Bedingungen der Seligkeit aufgeführt (Mk. 10, 19, M. 19, 18, L. 18, 20), und die Übertretungen derselben unter den aus dem Herzen des Menschen hervorgehenden und ihn profanierenden Sünden mitaufgezählt (Mk. 7, 21 f., M. 5, 19). Aber im Zusammenhang der Bergpredigt oder sonst diese Gebote in ähnlicher Weise wie die früheren auszulegen hat Jesus, — wenn wir aus dem Schweigen der ev. Überlieferung auf sein eigenes Schweigen schließen dürfen, — kein Bedürfnis gefühlt, weil er bei seinen Jüngern, die all' ihren Besitz verlassen hatten, auch nicht einmal das innerliche Begehren nach den Gütern anderer vorausgesetzt haben wird. Wohl aber hat er sie vor den Pharisäern ge-

warnt, weil sie die Häuser der Wittwen fressen, d. h. das Eigentum der rechtlich Schutzlosen sich in unrechtmäßiger Weise aneignen, und dieses ihr unsittliches Tun durch ausgedehntes religiöses Tun zu verdecken suchen, welches letztere dadurch als heuchlerisch gekennzeichnet wird, da Unsittlichkeit mit aufrichtiger Religiosität nicht zusammenbestehen kann (Mk. 12, 40, L. 20, 45). Als der positive Ersatz für die genannten negativen Gebote des Dekalogs dürfte die Anweisung an die Jünger zu stehen kommen, keine Bitte um Geld oder Gut abzuschlagen, insofern dadurch die Menschenliebe verletzt wird (M. 5, 42, L. 6, 30). Auch auf die Erfüllung dieser Pflicht fällt ein starker Akzent durch die Verheißung des ewigen Lohnes, der die auf Erden geübte Freigebigkeit in überschwenglicher Weise vergelten wird (L. 6, 35. 38).

Das gleichfalls nicht ausdrücklich ausgelegte 8. Gebot dürfte durch die Forderungen Jesu M. 7, 1—7, L. 6, 37, 41 f. überboten und vollkommen gemacht werden, indem hier nicht nur das falsche Zeugnis, sondern jegliches Aburteilen über den Bruder verboten wird und erst recht das Verurteilen. Ja auch zu der Rüge, die den Bruder sittlich fördern will, ist man nur berechtigt, wenn man sittlich höher steht als er. Im andern Falle ginge sie aus Heuchelei hervor, da ein aufrichtiges Sichbemühen um Sittlichkeit in erster Linie an den eignen Fehlern bewährt werden muß. Bei eigener Unsittlichkeit vermag man nach den beiden Gleichnissen L. 6, 39 f. auch gar nicht den Bruder sittlich zu fördern. Eine derartige heuchlerische Rüge hat Selbstgefälligkeit zum Motiv, die sich unberechtigter Weise dem Bruder gegenüber den Schein größerer Sittlichkeit gibt. Nur bei eigenem höheren sittlichen Niveau ist man zur sittlichen Zurechtweisung des Bruders berechtigt, ja verpflichtet (zu vergl. M. 18, 15—17). — Die sittliche Selbsterkenntnis hat Demut wie gegenüber Gott, so auch gegenüber den Brüdern zur Folge. Das Trachten nach der Anteilnahme an der künftigen Gottesherrschaft soll nicht identisch sein mit dem Trachten nach zukünftiger herrschender Stellung im Jüngerkreise nach Analogie der Herrschsucht der weltlichen Großen. Sondern eine hervorragende Stellung in der Gottesherrschaft kann nur durch demütige Unterordnung und Dienst in dieser Weltzeit erworben werden (Mk. 10, 42—44, M. 20, 25—27). Aber auch die gegenwärtige Bedeutung eines Jüngers im Jüngerkreise hängt (nach M. 23, 7—11, L. 22, 25 f.) nicht von der Größe der Würde und Autorität ab, sondern von dem Maß der Unterordnung unter die andern

und des ihnen erwiesenen Dienstes. Nach Vorrang und Ehrentiteln sollen sie daher nicht trachten, wie es die pharisäischen Schriftgelehrten tun, weder im Verhältnis zu einander noch vor dem Volke. Damit ist schon angedeutet, was L. 14, 7—11 klar zum Ausdruck kommt, daß die Demut nicht nur gegenüber den Mitjüngern, sondern gegenüber allen Menschen zu bewähren ist. Hier wird sie aber auch nicht nur von den Jüngern, sondern von allen gefordert. Die von seiten des allgemein menschlichen Urteils dem Demütigen zuteil werdende Anerkennung ist hierbei nicht als Motiv der Selbstunterordnung gemeint, sondern mit der Berufung auf ersteres will Jesus seine Forderung nur nachdrücklicher machen.

Die Übertretungen aller Gebote der zweiten Tafel führt Jesus Mk. 7, 21, M. 15, 19 (in der sonst verkürzten Aufzählung bei M. kommt auch das bei Mk. fehlende 8. Gebot zum Vorschein) auf eine Quelle, die innere Gesinnung des Menschen zurück, wie sie böse Gedanken aus sich heraussetzt, die dann in bösen Taten und Worten sich äußern. Als die gute Gesinnung aber, aus der die Erfüllung der einzelnen Gebote der 2. Tafel kommt, erscheint M. 19, 19, 5, 43—46, L. 6, 27 f., 32—36 die Nächstenliebe nach Maßgabe der Selbstliebe. Denn an ersterer Stelle werden die Gebote der zweiten Tafel schließlich in dem alttestamentlichen Gebot der Nächstenliebe zusammengefaßt, in der Bergpredigt kommt Jesus nach Behandlung einzelner Gebote der zweiten Tafel zuletzt auf dieses zu sprechen und diese Stellung wird gemäß M. 19, 19 zu deuten sein (zu vergl. 22, 39, L. 10, 27—37). Angesichts der Reduktion des Volkes Gottes auf seine Jüngerschaft hinsichtlich des Besitzes der rechten Gottesgemeinschaft ist es nun sehr bedeutsam, daß Jesus die von den Schriftgelehrten entsprechend dem Gesetz auf die Liebe zu den Volksgenossen gedeutete Nächstenliebe nicht auf die Bruderliebe, die Liebe der Jünger unter einander, reduziert hat. Vielmehr hat er sich in scharfem Gegensatz gegen diese alttestamentliche Beschränkung der Nächstenliebe gestellt, indem er in der Bergpredigt verlangt hat, nicht nur die Nächsten, sondern auch die Feinde zu lieben. Denn M. 5, 43—47, L. 6, 27 f., 32—36 ist nicht an die persönlichen Feinde gedacht. Das geht daraus hervor, daß die Jünger als solche hier als Gegenstand des Hasses, der Verfolgung, der Verfluchung, der Ränke hingestellt werden (zu vergl. M. 5, 10—12, L. 6, 29 f.). Sie erscheinen als besondere Gruppe neben den Zöllnern und Sündern und den Heiden und so als Gegenbild des alttestamentlichen Gottesvolkes.

War dessen Angehörigen durch das Gesetz erlaubt, ihre Liebe auf die Volksgenossen zu beschränken, die Volksfeinde zu hassen, so verlangt Jesus vielmehr, daß die Jünger nicht nur ihre Brüder (Mitjünger) lieben, sondern auch ihre Verfolger. Daß aber Jesus bei der Aufhebung der mit der Zugehörigkeit zu derselben religiösen Gruppe gegebenen Schranke der Menschenliebe zugleich an die Aufhebung der nationalen Schranke denkt — indem freilich beides für ihn identisch ist — legt das Gleichnis L. 10, 29—37 nahe. Noch bedeutsamer aber ist hier die gegenüber der Frage des Schriftgelehrten absichtsvolle Umkehrung des Gesichtspunktes, von dem aus bestimmt werden soll, wer der Nächste ist. Nämlich nicht von der Zusammengehörigkeit in religiöser und nationaler Hinsicht aus, sondern von der freien Barmherzigkeitsübung aus, durch welche nächste Beziehungen erst geschaffen werden. Auch ein Samariter kann für einen in der Not von seinen Volksgenossen allein gelassenen Juden dadurch der Nächste werden, daß er allein ihm mit seiner Hülfe nahe ist, wie Jesus in einem besonders drastischen Beispiel ausführt. So soll auch der Jude die Übung seiner Menschenliebe nicht abhängig machen vom Volkstum, sondern sich bemühen, durch sie sich den Ehrennamen eines Nächsten von solchen, die ihrer bedürftig sind, zu verdienen, einerlei zu welcher Volks- und Religionsgemeinschaft sie gehören. Nur durch solches Tun kann man nach der Bergpredigt über die niedrige Moral der Zöllner und Sünder oder der Heiden hinauskommen. Es ist das die den Jüngern als solchen charakteristische höhere Moral, sofern sie Brüder sind, weil Kinder Gottes.

Ist hier überall vom Verhalten zu persönlichen Feinden nicht die Rede, so hat doch Jesus auch diese letzte Schranke für die Liebesübung niedergerissen in seiner strikten Ablehnung der Rechtsatzung 2. Mos. 21, 24, die in der Bergpredigt bei M. der Besprechung des Gebotes der Nächstenliebe unmittelbar vorausgeht (5, 38—42). Schiebt L. die entsprechenden Sätze in das Gebot der Feindesliebe ein, so hat er einen deutlichen Unterschied zwischen Feinden der Jüngerschaft und persönlichen Feinden nicht mehr gemacht (6, 29 f.). Jesus will nichts wissen von Regelung der persönlichen Beziehungen der Jünger nach dem Recht der genauen Vergeltung, wie es vom Gesetz zwar nur für gerichtliche Sühnung von Leibesverletzungen zur Aufrechterhaltung der allgemeinen persönlichen Sicherheit vorgesehen war, oft wohl aber auch als Rechtfertigung persönlicher Rachsucht im Privatleben von den

Juden angeführt wurde. Sie sollen so wenig Böses mit Bösem vergelten, daß sie auch noch Schlimmeres zu ertragen bereit sein sollen, als ihnen zugefügt wird, ohne an Rache oder Durchsetzung ihres Rechtes auf formalem Wege aus Selbstsucht zu denken. Nicht Rachsucht, sondern Liebe soll stets das Motiv des Verhaltens gegenüber denen sein, die ihnen Unrecht zufügen oder Ansprüche an sie erheben. Daß unter Umständen Zurecht- und Zurückweisung Liebespflicht sein kann, davon sieht Jesus hier ab. Wie er hier der Liebe der Jünger keine Schranken gesetzt wissen will durch das Unrecht oder die Maßlosigkeit des persönlichen Verhaltens anderer zu ihnen, so tadelt er L. 14, 12—14 die Beschränkung der feinsten Form des Wohltuns, der Gastfreundschaft, auf die Verwandten, Freunde und Nachbarn, und zwar nicht nur bei seinen Jüngern, sondern überhaupt. Vielmehr soll sie sich gerade auf die Bedürftigen erstrecken. An ihnen kann man zeigen, daß man Gutes nicht um der Wiedervergeltung willen tut, seitens derer, denen man es erweist. Für die seitens der Menschen fehlende wird die Gottes bei der Auferstehung eintreten. Die Sünde des reichen Mannes im Gleichnis L. 16, 19—31 ist, daß er seine große Gastfreundschaft nicht auf den Bettler vor seiner Tür erstreckt. Das bringt ihn in die Hölle. Denn es zeigt sich darin, daß er überhaupt auf Moses und die Profeten, die den Juden zugängliche Offenbarung bis zum Auftreten Johannis und Jesu, nicht gehört hat (zu vergl. V. 16, 29, 31). Die rechte Verwendung des Eigentums ist nicht Befriedigung der eigenen Genußsucht, sondern die Verwendung zum Besten anderer. Was nach dem vorausgehenden Gleichnis L. 16, 1—11 gegenüber einem irdischen Herrn, dessen Gut man zu verwalten hat, Untreue ist, ist gegenüber Gott Treue und die wahre Klugheit bei der Verwendung des irdischen Gutes. Denn Gott vertraut dieses gerade dazu dem Menschen an, damit er damit andern wohltue. Die Verwendung aber zu eigenem Nutzen und Genuß ist kurzsichtig. Denn sie denkt nur an das so kurze irdische Leben und nicht an die so nahe bevorstehende Ewigkeit. Entsprechend der damals allein üblichen Form der Barmherzigkeitsübung (zu vergl. M. 6, 1—4) erscheint auch bei Jesus zumeist das Almosengeben als die gottgewollte Verwendung des Eigentums (M. 6, 3; L. 11, 41; 12, 33; 13, 8; Mk. 10, 21, M. 19, 21, L. 18, 22). Über das bloße Almosengeben hinaus auf Armen- und Krankenpflege weisen L. 10, 33—35, 16, 21 und das Vorbild Jesu. So wenig die soziale Frage im modernen Sinne in

Jesu Gesichtskreis und Berufe lag (zu vergl. L. 12, 13—15), schon wegen seiner endzeitlichen Stimmung nicht liegen konnte, so ist doch immerhin beachtenswert, daß er M. 6, 19—21 wohl Aufhäufung von unfruchtbaren Metall- und Kleiderschätzen zur bloßen Befriedigung der Habgier verboten hat, nicht aber die Kapitalisierung von Geld als Mittel zu größerer Arbeitsleistung. Solches hat er in seinen Gleichnissen ohne ein tadelndes Wort wie etwas sich von selbst Verstehendes als Bild für religiöse Leistungen verwertet (M. 25, 14—30, L. 19, 12—27; 14, 28—30). — Durch barmherzige Gesinnung und Betätigung gegenüber den Notleidenden sind Jesu Jünger bereits der zukünftigen Gottesherrschaft adäquat geworden (M. 5, 7). Findet sich statt einer solchen Anerkennung in der Bergpredigt bei L. vielmehr eine Ermahnung zur Barmherzigkeit (6, 38), so stände das an sich nicht im Widerspruche mit einander, da die Jünger was sie schon sind, noch immer mehr werden müssen. Aber hier liegt auch der Ton darauf, daß sie so barmherzig werden sollen wie Gott, d. h. daß sich ihre Barmherzigkeit auf alle erstrecken soll, ohne Freund und Feind hierbei zu unterscheiden (zu vergl. M. 5, 48). In diesem Zusammenhange faßt nun bei L. Jesus seine Ermahnungen in „die goldene Regel“ zusammen (6, 31), die M. als Zusammenfassung alles in der Bergpredigt über die rechte Menschenliebe Gesagten zur Erläuterung des im Gesetz und Profeten Geforderten an ihren Schluß gestellt hat (7, 12). Hier ist nicht nur wie 3. Mos. 19, 18 die Selbstliebe als Maßstab der geforderten Nächstenliebe hingestellt, sondern die Erkenntnis der Pflichten der andern gegen einen selbst als Maßstab für die eigene Erfüllung der Pflichten gegen andere Menschen. Vorausgesetzt ist hierbei, daß das sittliche Urteilsvermögen die Pflichten anderer gegen einen selbst gemeinlich viel deutlicher empfindet, als die eigenen gegen die anderen. Da ein jeder wünscht, daß die andern ihre Pflichten gegen ihn vollkommen erfüllen, so ist in der Tat diese Bestimmung des Maßes der Menschenliebe unüberbietbar. Überbietet demnach die goldene Regel das Gebot 3. Mos. 19, 18, indem es seinen Sinn vertieft, so läßt Jesus dadurch die Moral des Judentums weit hinter sich, die es nur zu einer negativen Parallele gebracht hat („Was dir verhaßt ist, tue nicht deinem Nächsten, das ist das ganze Gesetz und alles andere ist die Auslegung.“ Rabbi Hillel). Das Motiv der Unterlassung von bösen Handlungen gegen die andern gemäß dem Wunsche, daß auch sie einem selbst nichts Böses

antun, ist nicht notwendig Menschenliebe, sondern kann auch Menschenfurcht sein. Es handelt sich daher hier um eine weit niedrigere Moral, wie sich denn derartige Formulierungen auch bei Heiden finden. Noch deutlicher aber zeigt sich die Unüberbietbarkeit der Forderung Jesu, wo er von der Liebe der Jünger zu einander redet. Denn erscheint Mk. 10, 44, M. 20, 27 f. die Preisgabe des Lebens für einander als der Gipfel der Dienstbeflissenheit gegen einander, so ist der Maßstab der Selbstliebe weit überholt. Ist letztere nicht nur 3. Mos. 19, 18, sondern auch in der goldenen Regel irgendwie als berechtigt hingestellt, so erkennt Jesus doch keine andere Betätigung derselben an, als die Fürsorge für die Erlangung der ewigen Seligkeit. Auch der Besitz der ganzen irdischen Welt vermöchte den Verlust derselben oder auch nur eine Schädigung der Seele als des wahren Selbst des Menschen im Hinblick auf seine ewige Bestimmung nicht aufzuwiegen (Mk. 8, 30 f., M. 16, 26, L. 9, 25, zu vergl. Mk. 8, 35, M. 16, 25, L. 9, 24). Daher soll man unerbittlich alles abtun, was einen zur Sünde verführen und so der ewigen Seligkeit, der Anteilnahme an der zukünftigen Gottesherrschaft berauben könnte, sei es einem auch so lieb und (scheinbar) unentbehrlich, wie Auge, Hand und Fuß (Mk. 9, 43—48, M. 18, 9, 5, 29 f.).

Im Hinblick auf beiderlei Verhalten aber, dem gegenüber Gott und dem gegenüber den Menschen, ist zu sagen, daß die neue Gerechtigkeit, die Jesus fordert, sich in gleicher Weise auf Gesinnung, Worte und Werke erstreckt. Nur die Worte und Werke sind gut, die aus einer guten Gesinnung hervorgehen, eine gute Gesinnung äußert sich notwendig in guten Worten und Werken. Bei wem eines dieser drei Stücke böse ist, bei dem sind auch die andern böse. Der bei ihm etwa bestehende Anschein, als ob die andern Stücke gut wären, kann nur durch Heuchelei erzeugt sein (M. 5, 19; 7, 20, 28; L. 13, 27; M. 13, 41; 12, 34 f., L. 6, 43 f.; Mk. 7, 21, M. 15, 19; Mk. 4, 21—23 und alle Stellen, wo Jesus von Heuchlern redet, so bes. von den pharisäischen Schriftgelehrten, z. B. Mk. 7, 6, M. 15, 7 f.; 23, 27 f.). Der heuchlerischen Gerechtigkeit gegenüber ist die von Jesus geforderte Gerechtigkeit wiederum unüberbietbar, weil sie den ganzen Menschen in den Dienst des Guten stellt und daher eine aufrichtige ist, die das Böse aus seinem ganzen religiös-sittlichen Verhalten entfernt, ihm nirgends in seinem Wesen einen letzten Versteck gönnt.

§ 4. Das der gegenwärtigen Gottesherrschaft entsprechende Verhalten.

Offenbart sich bereits gegenwärtig die Gottesherrschaft durch die Austreibung der Dämonen, so soll man diese Offenbarung Gottes als solche anerkennen und sie nicht in unlogischer (Mk. 3, 23—27, M. 12, 25 f. 29, L. 11, 17 f. 21; ferner M. V. 27, L. V. 19) und gotteslästerlicher Weise (Mk. V. 28 f., M. 31 f.) als solche des Satans verdächtigen, dessen Herrschaft über die Menschen sie vielmehr zerstört. Auch soll man der gegenwärtigen Gottesherrschaft nicht Vorschriften machen, wie sie sich zu offenbaren habe, etwa vom Himmel her, sodaß ihr göttlicher Wundercharakter unzweifelhaft sei (L. 11, 16. 29, M. 12, 38—41, 16, 1—12, Mk. 8, 10—21). Ein solches Wunder vom Himmel her soll nach Mk. diesem Geschlecht überhaupt nicht gegeben werden, nach L. und M. in einer Weise, daß es ebensowenig ihr Verhalten bestimmen kann, wie das mit Jona geschehene Wunder das der Niniviten. Sondern wie diese gemäß der Gerichtspredigt des Jona ihr Verhalten eingerichtet haben, so ist auch dieses Geschlecht darauf angewiesen, auf die Predigt Jesu hin ihr Verhalten zu der gegenwärtigen Gottesherrschaft einzurichten. Weil sie das aber nicht tun, so werden sie vom Satan alsbald in noch stärkerem Maße beherrscht werden als je zuvor (L. 11, 24—26, M. 12, 42—45). Aber auch seine Jünger muß Jesus vor diesem zeichensüchtigen Sinn der Pharisäer und des Herodes, resp. der Sadduzäer, als vor einem schlimmen Sauerteige warnen (Mk. 8, 15—21, M. 16, 6—12, zu vergl. Mk. 6, 14, L. 9, 9; 23, 8). Sie sollten sich vielmehr durch die Wunder, wie Jesus sie tut, zum rechten Verständnis der gegenwärtigen Gottesherrschaft anleiten lassen, welche die vom Satan angestiftete Not der Menschen auf Erden bricht, sei es Krankheit, sei es Hunger. Bezeichnet L. 12, 1 den Sauerteig der Pharisäer als ihre Heuchelei, so würde sie ja in der Tat auch ein Wunder vom Himmel nicht zu der Anerkennung dessen veranlassen, daß in Jesu Tun die Gottesherrschaft bereits gekommen sei. Sondern in derartigen Forderungen verrät sich ihre und des ganzen Geschlechts tatsächliche Unlust, die Träger der Offenbarung Gottes als solche anzuerkennen, wie die einander entgegengesetzten Maßstäbe beweisen, die von ihnen an sie je nach Belieben angelegt werden. Hatten sie doch Johannes dem Täufer denselben

Vorwurf dämonischer Besessenheit gemacht, obgleich er in seinem Verhalten zur Welt Jesu gerade entgegengesetzt war (M. 11, 16—19, L. 7, 31—35). Sie wollen eben nicht die göttliche Vollmacht Johannis und Jesu anerkennen (M. 21, 23—33). Trotz ihres oft mangelnden Verständnisses werden die Jünger zusammen mit dem weiteren Jüngerkreise, wie er unter Zöllnern und Sündern angeworben wird, von dem nach Art zum Spiel unlustiger Kinder zum Glauben unlustigen Geschlecht L. 7, 35 als Kinder der sich offenbarenden göttlichen Weisheit von Jesu unterschieden, nach M. 11, 19 als solche, die diese wegen ihrer Werke, nämlich der Taten Jesu, wodurch er die Herrschaft des Satans bricht und die Gottesherrschaft schon gegenwärtig herbeizwingt (zu vergl. V. 5 u. 12), als sich offenbarend anerkennen. Sagt Jesus von den galiläischen Städten, daß sie sich durch die Krafftaten Jesu nicht zur religiös-sittlichen Umkehr haben bewegen lassen (M. 11, 20—23, L. 10, 13—15), so sagt er von der jüdischen Zeitgenossenschaft überhaupt mit den Schriftgelehrten an der Spitze, daß sie nicht auf seine Predigt hin umgekehrt seien und auf solche Weise wie jene eine schlimmere Gesinnung verraten haben, als im Alten Testament erwähnte und zeitgenössische Heiden sie besitzen (M. 12, 41 f., L. 11, 31 f.). Sie haben nach der Deutung des Sämansgleichnisses das Wort Jesu entweder bloß mit den Ohren gehört, aber ihr Herz war zu hart es aufzunehmen und daran zu glauben (Mk. 4, 15, M. 13, 9, L. 8, 12), sodaß der Teufel es wieder wegnehmen konnte, um sie unter seiner Herrschaft zu behalten. Oder ihre Empfänglichkeit dem Worte gegenüber war nur oberflächlich, indem der Grund des Herzens hart blieb, sodaß innere oder äußere Anfechtung sie zur Aufgabe des Glaubens an dasselbe veranlaßte (Mk. 4, 17, M. 13, 21, L. 8, 13). Oder ihr Herz war so voll weltlicher Sorgen, Liebe zum Reichtum und Vergnügungssucht, daß es wohl zur Aufnahme des Wortes Gottes Raum hatte, aber nicht zum Sichdurchsetzen des Guten in ihm (Mk. 4, 19, M. 13, 22, L. 8, 14). Im Unterschiede von ihnen sind es die Jünger, in deren Herzen sich die Gottesherrschaft gegenwärtig bereits durchsetzt, weil sie das Wort Jesu vertrauensvoll, mit Freuden und mit Verständnis aufnehmen, daran trotz der sich um seinetwillen erhebenden Drangsal und Verfolgung und der damit gegebenen Versuchung beharrlich festhalten, sich nicht von ihm durch Sorgen, Reichtum, weltliche Begierden und Vergnügungen abwendig machen lassen, sondern in seinem Verständnis wachsen. Denn

dessen Maße entsprechend wird ihnen das Geheimnis dargeboten, welches in dem trotz aller Hindernisse bereits gegenwärtigen Sich-durchsetzen der Gottesherrschaft besteht (Mk. 4, 25, L. 8, 18 Schluß; Mk. 4, 11, M. 13, 11 f., L. 8, 10). Sie sind es, die das aufgenommene Wort je nach Vermögen in mehr oder weniger reiche Betätigung umsetzen (Mk. 4, 20, M. 13, 23), resp. dabei verharren (L. 8, 15). Um sich den kostbaren Schatz der gegenwärtigen Gottesherrschaft anzueignen ist man gern bereit, sich von allem Irdischem zu lösen, einerlei ob man zufällig auf ihn stößt oder beim Suchen nach sonstigen idealen Gütern (M. 13, 44 f.). Wie Jesus hier an seine Jünger denkt, so ermahnt M. 18, 12 er auch diese, ihren Mitjüngern unaufhörlich ihre Verschuldungen gegen sie zu vergeben, um des (nach V. 23) zu den Gütern der gegenwärtigen Gottesherrschaft gehörenden überschwenglichen Schuld-erlasses seitens Gottes würdig zu werden. Denn schon gegenwärtig beseitigt der Königswille Gottes, was die Gemeinschaft derer mit ihm stört, in welchen sein Wille sich durchzusetzen begonnen, nämlich ihre früheren Verschuldungen.

Als solche, welche infolge innerer Umkehr Schulderlaß von Gott erlangt haben (L. 5, 8. 10) und denen das Wort, durch welches sich die gegenwärtige Gottesherrschaft durchsetzt, als ein Netz anvertraut ist (M. 13, 47), sollen die Jünger als Menschenfischer auch andere in die gegenwärtige Gottesherrschaft hineinziehen (Mk. 1, 17, M. 4, 19, L. 5, 11). Wie bei Jesus selber so erscheint auch bei den Jüngern als die notwendige Voraussetzung dafür die Vernichtung der Satansherrschaft durch Austreibung der die Menschen fesselnden Dämonen und Heilung der Krankheiten überhaupt (Mk. 6, 7, M. 10, 10, L. 9, 12; nach L. 10, 1. 8 auch bei einem weiteren Jüngerkreise). Und wie Jesus (nach M. 15, 24. 26, Mk. 7, 2 f.) sich selbst nur zu Israel gesandt weiß, um seine Verlorenen durch Predigt und Krankenheilung zu erretten, deren er nur ausnahmsweise Heiden teilhaftig macht (Mk. 7, 23, M. 15, 28), so sendet er (nach M. 10, 6) auch seine Jünger ausschließlich zu den heilsbedürftigen Israeliten, verbietet ihnen aber zu den Heiden und Samaritern zu gehen. Aber schon das „zuerst“ Mk. 7, 27, wie die nicht seltenen Weissagungen Jesu von der größeren Empfänglichkeit der Heiden für die gegenwärtige Gottesherrschaft, von ihrer Anteilnahme an der Zukünftigen und von der Frohbotschaftsverkündigung an sie vor dem Eintritt des Weltendes stempelt dieses Verbot als ein bloß zeitweilig geltendes

(Mk. 12, 9, M. 21, 41. 43, L. 20, 11; M. 22, 8, L. 14, 22; M. 8, 11, L. 13, 28 f.; Mk. 13, 10, M. 24, 14).

Da die Kraft zu den Krankenheilungen ein reines Geschenk der göttlichen Gnade ist, so sollen nach M. 10, 8 die Jünger nicht Geld dafür nehmen. Aber den nötigen Lebensunterhalt sollen sie von denen, für welche sie wirken, annehmen (M. 10, 10, L. 9, 3, 10, 7), jedoch mit dem gerade Dargebotenen zufrieden sein (Mk. 6, 10, M. 10, 11, L. 9, 4, 10, 7). Weil sie Vertrauen haben sollen auf die Wirkungskraftigkeit ihrer Botschaft, daß sie stets empfängliche Seelen finden werden, die ihnen auch das zum Leben Nötige geben werden, sollen sie die sonst notwendige Ausrüstung zur Reise mit Geld, Speise und über das, was sie am Leibe tragen hinausgehender Kleidung unterlassen (Mk. 6, 8, M. 10, 9). Mit den Unempfänglichen aber sollen sie sich nicht aufhalten (ebenso nicht mit Begrüßung der ihnen auf dem Wege begegnenden Bekannten L. 10, 3, zu vergl. 9, 61), keinem die Gabe Gottes aufdrängen (Mk. 6, 11, M. 10, 14, L. 9, 5). Mit letzterer sich auch sonst findender Mahnung (M. 7, 6) steht die andere, aus dem Bereiche der gegenwärtigen Gottesherrschaft die Unwürdigen nicht auszuschließen (M. 13, 28) nur in scheinbarem Widerspruch. Denn hier handelt es sich nicht um die erstmalige Aufnahme in die Gottesherrschaft, sondern um eine bereits vorhandene, freilich nur scheinbare Hineingehörigkeit in dieselbe infolge einer erheuchelten Gerechtigkeit. Diese aber ist von wirklicher Gerechtigkeit schwer zu unterscheiden, während Empfänglichkeit und Unempfänglichkeit gegenüber der Missionspredigt sich offen zu äußern pflegen. Ein derartiges Ausschließen wäre ein unberechtigtes Vorgehen dem jüngsten Gericht (13, 41). Wie auf die Wirkungskraftigkeit des ihnen anvertrauten Wortes Gottes, so sollen die Jünger sich auch auf den Schutz Gottes für ihre Missionsreise verlassen, daher sich nicht mit Schutz Waffen versehen, seien es auch die primitivsten wie der Wanderstab (M. 10, 10, L. 9, 3; Mk. 6, 8 wird er als zur einfachsten Reiseausrüstung gehörig konzidiert). Äußerlich wehrlos sollen sie sich innerlich gegenüber Verfolgungen mit der Schutzwaffe lauterer Klugheit ausrüsten (M. 10, 16, L. 10, 3). Schlangen gleich sollen sie sich ihnen durch die Flucht entwinden. Gerade diese Flucht wird dazu dienen, die Frohbotschaft in möglichst viele Städte Israels zu bringen und so das ihnen von Jesus insgeheim Mitgeteilte überall offenkundig zu machen (M. 10, 17. 23). Weil Jesus daran liegt, will er nicht, daß sie schon durch den ersten

Gegensatz, auf den sie stoßen, sich aufreiben lassen, wie überhaupt nicht durch diese ihre erste Mission. Nur darf nicht Menschenfurcht das Verhalten der Jünger zu den gegenwärtigen und zukünftigen Verfolgungen bestimmen (M. 10, 26. 28. 33), wie sie sich etwa in Verleugnung äußert (V. 33). Denn sie werden (nach M. 10, 19 f., L. 21, 14, Mk. 13, 10) nicht auf ihre eigene Klugheit allein angewiesen sein, sondern der h. Geist oder Jesus als der zu Gott erhöhte wird ihnen das rechte Verteidigungswort in den Mund legen.

Wie die Zwölf bei ihrer Berufung zu Menschenfischern alles verlassen haben, so nimmt Jesus Mk. 10, 29, L. 18, 29 andere in Aussicht, die um der Frohbotschaft, um der gegenwärtigen Gottesherrschaft willen, dasselbe tun werden. In der Tat bietet L. 9, 59—62 Beispiele dafür, wie Jesus auch andere aufforderte, mit Hintansetzung der nächsten verwandtschaftlichen Pflichten sich sofort in den Dienst der gegenwärtigen Gottesherrschaft zu stellen. Denn deren Ausbreitung verträgt keinerlei Aufschub. Doch zeigt M. 19, 10—12, daß das Verlassen der Ehefrauen seitens der Jünger um der Frohbotschaft willen nicht als Verzicht auf die Ehe gedacht ist. Jesus mutet nicht einem jeden Jünger einen solchen Verzicht zu Gunsten der gegenwärtigen Gottesherrschaft zu, wie er und Johannes der Täufer ihn geübt haben, weil nicht jeder zu einer derartigen völligen Unterdrückung der Sinnlichkeit imstande ist. Sonst aber ist die Preisgabe des Irdischen um der Frohbotschaft willen bis aufs Äußerste, bis zur Drangabe des irdischen Lebens selber in der Verfolgung zu treiben (Mk. 8, 35).

III. Teil.

Jesu Stellung hinsichtlich der Gottesherrschaft und das entsprechende Verhalten zu ihm.

§ 5. Jesu Stellung hinsichtlich der zukünftigen Gottesherrschaft etc.

Hat Jesus den Ruf Johannis des Täufers zur Umkehr angesichts des baldigen Kommens der Gottesherrschaft aus Judäa nach Galiläa gebracht (Mk. 1, 14 f. zu vergl. mit V. 4, M. 4, 17 zu vergl. mit 3, 2), so scheint er damit nur die Stellung eines Profeten beansprucht zu haben. In der Tat hat Jesus das landläufige Wort vom Schicksal des Profeten ausdrücklich auf sich angewandt (Mk. 6, 4, M. 13, 57, L. 4, 24). Oder man könnte meinen, daß er seine höhere Stellung sich nur nach Analogie derer, die er Johannes den Täufer zuerkennt, gedacht hat (M. 11, 9—11, L. 7, 26—29). Aber neben diesem allergrößten Profeten, der das Kommen der Gottesherrschaft nicht nur weissagt, sondern als unmittelbar bevorstehendes vorbereitet und in dieser heilsgeschichtlichen Stellung zugleich der größte Mensch überhaupt ist, ist für einen andern in gleicher Stellung kein Raum. Und hat er seine Jünger, obgleich sie an sich von geringerer persönlicher Bedeutung sind, wegen ihrer Zugehörigkeit zur Gottesherrschaft, sofern sie gegenwärtig bereits vorhanden ist, sogar größer als Johannes genannt, so doch erst recht sich selbst. Nimmt man die weiteren Verse (M. 11, 12 f., zu vergl. L. 16, 16) hinzu, so hat Jesus einen scharfen Schnitt gemacht zwischen der Zeit der alttestamentlichen Vorbereitung, die auch noch Johannes umfaßt, und der Zeit seiner und seiner Jünger Wirksamkeit. So wird denn Jesus jenes Wort vom Profetenschicksal nicht in seinem buchstäblichen Sinne

auf sich angewandt haben. Tatsächlich zeigt er sich (Mk. 8, 28, M. 17, 14 f., L. 9, 19) mit der Volksmeinung nicht zufrieden, wenn sie ihn für einen der alttest. Profeten erklärt, auch nicht, wenn für Johannes den Täufer. Denn er ist nach seiner eigenen Aussage mehr als ein alttestamentlicher Profet, z. B. Jona (M. 12, 41, L. 11, 31) oder sonst ein alttestamentlicher Gottesmann, sei es auch ein Salomo (M. 12, 42, L. 11, 31). Ja sogar über den, der als der alttestamentliche Offenbarungsträger gilt, über Moses, stellt er sich in der Bergpredigt mit seinem zu dessen Gesetz gegensätzlichen majestätischen „ich aber sage euch“ (M. 5, 21 f.; 27 f.; 31, 33 f.; 38 f.; 43 f.). Schaltet er hier nach seinem Gutdünken mit dem Gesetz, so bezeichnet er sich Mk. 2, 28, M. 12, 8, L. 6, 5 ausdrücklich als Herrn des Gesetzes, indem als Herrn des in ihm angeordneten Sabbaths. Nennt er sich in diesem Zusammenhang auch größer als der Tempel (M. 12, 6), so kommt dieser hier als Zusammenfassung des alttestamentlichen Heils überhaupt in Betracht, sofern letzteres ja kultisch zur Mitteilung kommt. Nach M. 23, 8. 10 ist er nicht ein Lehrer neben andern, sondern der eine Lehrer, neben dem kein anderer in Betracht kommt.

Dieser Einzigartigkeit seines Lehrertums, die alles Profeten-tum überbietet, steht nur parallel die Christuswürde, die ja an sich eine einzigartige ist. Er überragt alle Profeten, auch Johannes den Täufer, weil er der erwartete Kommende ist (M. 11, 2, 6, L. 7, 19. 23), der geweissagte Gesalbte (L. 4, 18 f.). Sein anscheinend nur profetisches Tun ist dennoch auch geweissagtes Charakteristikum der messianischen Zeit (Jesaias 35, 5. 6, 61, 1). Dem entspricht es, daß er sich den Zuruf „Davids Sohn“, der zweifelsohne nicht im Sinne bloßer Geschlechtszugehörigkeit, sondern im messianischen Sinne gemeint ist, nicht nur gefallen läßt, sondern durch hülfreiches Tun sich zu ihm bekennt (Mk. 10, 48, L. 18, 38—40, M. 20, 30—32; 9, 27; 15, 22), ja schließlich als ihm durchaus zukommend mit einem Schriftwort verteidigt und mit einem überaus starken Bildwort in Anspruch nimmt (M. 21, 9. 15; L. 19, 38). Hat doch Jesus nach einhelligem Bericht der Evangelisten selber den Einzug in Jerusalem zu einem messianischen gestaltet im Hinblick auf die Weissagung (Sacharja 9, 9: Mk. 11, 2, L. 19, 30 f., M. 21, 2—4; zu vergl. die Gestaltung seiner Gefangennahme L. 22, 36—38 im Hinblick auf Jesaias 53, 12) und sich vor dem Synedrium auf feierliche Anfrage, nach M. auf feierliche Beschwörung, zur Messiaswürde förmlich bekannt (Mk.

14, 61, L. 22, 67, M. 26, 63), vor Pilatus im Sinne der jüdischen Königswürde (Mk. 15, 2, M. 27, 11, L. 22, 3). Dennoch kann er die Antwort nicht im selben Sinne gemeint haben, wie es die Frage war, im irdisch-politischen. Hat er doch jeden Eingriff in die Sphäre weltlicher Machthaber abgelehnt (L. 12, 14; Mk. 12, 17, M. 22, 21, L. 20, 25) und die Anwendung von Waffengewalt verboten, da für ihn nur göttliche Hilfe in Frage kommt (M. 20, 52, zu vergl. 22, 51). Schon die letztere Begründung weist darauf hin, daß er solches nicht deswegen tut, weil er sich den Messias kleiner, sondern weil er sich ihn größer vorstellt, als das Volk. Woher sollte der Messias bloß Davids Sohn sein, ein König wie jener, der vor ihm noch die Stammvaterschaft voraus hätte, da ihn David selber doch als seinen Herrn bezeichnet hat, weil ihm nicht etwa nur ein irdischer Thron, sondern die Anteilnahme am göttlichen Weltregiment zufallen wird (Mk. 12, 35—37, M. 22, 41—46, L. 20, 41—44). In demselben Sinn hat Jesus die Antwort des hohen Rats bejaht, wie seine weitere Erklärung zeigt, indem hier noch als ein zweites das Weltenrichtertum zum Vorschein kommt (Mk. 14, 62, M. 26, 64, L. 22, 69). In dem Sinne der Mitregentschaft bezeichnet er sich M. 22, 1 als den Sohn des himmlischen Königs, für den dieser das Hochzeitsmahl ausrichten, d. h. einst die Gottesherrschaft aufrichten wird. Damit wechselt aber, daß Jesus selber als der König erscheint, wo von seiner Stellung als des Weltenrichters die Rede ist (M. 25, 31. 34. 40; L. 19, 12. 27). Daran ist wohl auch L. 14, 16—26 gedacht, wenn hier Jesus (zu vergl. V. 24) im Unterschiede von M. 22, 1—14 selber auch der Ausrichter des Mahles ist. Alle diese Stellen, in denen Jesus das messianische Königstum für sich in Anspruch nimmt, haben deutlich endzeitlichen Sinn. Er ist nicht schon jetzt der Herrscher und Richter der Welt, sondern erst in Zukunft wird ihn Gott dazu machen und als solchen senden. Dann ist aber sein Bekenntnis zur Davidssohnschaft und jüdischen Königswürde, wie überhaupt zur königlichen Messianität bloß als vorausgenommenes zu verstehen. Er ist „der Kommende“ nicht schon durch sein jetziges Auftreten (M. 11, 3, L. 7, 19; M. 21, 9, L. 19, 38), sondern wird es erst durch sein zukünftiges sein (M. 23, 29, L. 13, 15). Und nun tritt sowohl dort, wo Jesus von seiner zukünftigen Weltherrschaft redet, als auch wo von seinem Weltenrichtertum, als auch in sonstigem endzeitlichen Zusammenhang die Selbstbezeichnung als „der Sohn des Menschen“ hervor. Der doppelte griechische Artikel

weist darauf hin, daß sie nicht Übersetzung des aramäischen *bar nâsch* = ein Menschenkind, ein Mensch, jemand ist, sondern von *bar nâscha'* = das Menschenkind, der bestimmte Mensch. Dieser ist Jesus nicht im Sinne des ur- und vorbildlichen Menschen, in dem die Idee der Menschheit zur vollen Realisierung kommt, auch nicht der Mensch, dem nichts Menschliches fremd ist. Diese Begriffe könnten griechisch sein, sind aber durchaus unjüdisch und daher für Jesus heute mit Recht abgelehnt. Erst recht nicht bezeichnet Jesus damit sein menschliches Wesen im Unterschiede von seinem göttlichen. Denn es ist ja nicht Niedrigkeits- sondern Hoheitsprädikat. Der Ausdruck Mk. 13, 26, M. 24, 30 f., L. 21, 26, daß der Menschensohn mit den Wolken des Himmels kommen wird, führt auf die Quelle dieser Selbstbezeichnung Jesu und damit auf ihren Sinn. Schon in den Bilderreden des Henochbuches (cap. 37—71) und später im 4. Esrabuch ist der Menschensohn, resp. der Mensch, jener Mensch in Anlehnung an Daniel 7, 13 ff. der Mensch, dem Gott das Weltgericht und die Weltherrschaft übergeben wird, d. h. der Messias im universal-transzendentalen Sinne. Mit dieser Selbstbezeichnung, die Jesus nicht angedichtet sein kann, da sie dem Urchristentum als Messiasbezeichnung nicht geläufig ist (im Neuen Testament außer im Munde Jesu nur noch Apostelgesch. 7, 56), hätte sich Jesus in strikten Gegensatz zu der national-diesseitigen Messiasvorstellung der Masse seiner jüdischen Zeitgenossen gestellt. Nicht erst in der eschatologischen Rede, sondern schon bei Cäsarea Philippi nimmt Jesus in diesem apokalyptischen Sinne¹⁾ die Messianität für sich in Anspruch (Mk. 8, 38, L. 9, 21, M. 16, 27, zu vergl. 10, 33). Ebenso in dem Bekenntnis vor dem hohen Rat (Mk. 14, 62, M. 26, 64, L. 22, 69), wo sie geradezu einen Kommentar dafür bietet, in welchem Sinne Jesus die ihm zugemutete Messianität versteht. Besonders oft steht diese Selbstbezeichnung Jesu bei L. in endzeitlichem Zusammenhang (12, 39; 17, 22, 26; 18, 8; 21, 36). Die Endzeit heißt bei ihm geradezu „die Tage des Menschensohnes“ (17, 22), wie bei

1) Deswegen darf man aber Jesus noch nicht in die Reihe der jüdischen Apokalyptiker vom Verfasser des Danielbuches bis zum Verfasser des 4. Esrabuches und weiter einstellen. Denn es ist doch ein gewaltiger Unterschied zwischen Schriftstellern, die in ihre endzeitlichen Gemälde auch die Figur eines Messias von übermenschlicher Macht und Herrlichkeit einfügen, und einem Manne praktisch religiöser Wirksamkeit, der sich mit dieser Figur identifiziert. Mit dadurch ist Jesus epochemachend geworden.

M. „die Ankunft“ (nicht Wiederkunft) „des Menschensohnes“. Also die von den Profeten geweissagte Ankunft des Messias ist noch nicht in Jesu jetzigem Auftreten erfüllt, sondern sie wird erst in seinem Erscheinen zum Weltgericht erfüllt sein.

Daß Jesu messianisches Bewußtsein auf die Zukunft weist, zeigen vollends die überaus zahlreichen, deutlichen und eindrucklichen Ermahnungen zu dem rechten Verhalten zu seiner Ankunft und zu ihm als dem einst kommenden. Dem mitgekreuzigten Übeltäter verheißt Jesus für seine Erwartung seines Kommens in seine (resp. in seiner) Königsherrschaft nach L. 23, 43 die sofortige Seligkeit. Diejenigen, die nicht wollen, daß er so kommt, wird nach L. 19, 12. 27 ein schweres Gericht treffen. Ja er wird überhaupt erst kommen, wann Glaube an ihn als den kommenden auf Erden vorhanden sein wird (M. 23, 39, L. 13, 25). Gegenüber dieser hier, in der eschatologischen Rede Mk. 13, M. 24 u. 25, L. 21 und in den Bruchstücken solcher Reden M. 10, 17—42, L. 12, 32—59, 17, 20—37 so bestimmt ausgesprochenen Erwartung kann es sich L. 18, 8 nur um einen Zweifel in momentaner Anfechtung handeln. Seine Ermahnungen aber sind an seine Jünger gerichtet und greifen nur gelegentlich über ihren Kreis hinaus. Sie sollen sich recht verhalten gegenüber den Vorzeichen seines Kommens, den sich je länger je mehr steigenden Haß und die Verfolgung geduldig ertragen (Mk. 13, 9—13, M. 24, 9—14, L. 21, 11—18; M. 10, 17—39), den falschen Profeten seiner sofortigen Ankunft und den falschen Christussen nicht glauben (Mk. 13, 21—23, M. 24, 23—27, L. 17, 23 f.), sich nicht durch jedes außergewöhnliche Ereignis in Unruhe versetzen lassen, als ob deswegen seine Ankunft unmittelbar bevorstände. Im Hinblick auf diese selbst sollen sie wachen, Lust und Sorge dieser Welt, die ihre Nüchternheit und Wachsamkeit beeinträchtigen könnten, meiden (M. 24, 37—39, L. 17, 26—28, 21, 30—36), zumal der Termin der Ankunft trotz ihrer Vorzeichen unbekannt ist (Mk. 13, 35, M. 24, 42, L. 12, 40; M. 25, 13). Zu jeder Zeit sollen sie bereit sein (M. 24, 41, L. 12, 35—40). Denn die Ankunft kann sich verzögern. Diese auch im Falle der Verzögerung vorhandene Bereitschaft will das Gleichnis von den zehn Jungfrauen bei M. versinnbildlichen (25, 1—13). Dann kann aber ihr zeitweiliges Schlummern nur diese Verzögerung veranschaulichen wollen, nicht etwa besagen, daß man die bereite Wachsamkeit zeitweilig aufgeben dürfe. Die Mahnung zu wachen gilt nach Mk. 13, 37 nicht nur den Jüngern, sondern allen. Aber

M. 24, 45—51, L. 12, 41—46 ist von einem spezifischen Verhalten der Jünger im Hinblick auf die Ankunft Jesu die Rede, nämlich von ihrer treuen Pflichterfüllung gegenüber denen, über welche sie in religiöser Hinsicht gesetzt sein werden. Von treuer Pflichterfüllung überhaupt redet Mk. 13, 33—35. Nach dem Gleichnis von den anvertrauten Talenten M. 25, 14—30 oder Minen L. 19, 11—27 haben alle die Pflicht, mit dem Worte Jesu und den darin enthaltenen religiösen Erkenntnissen sich eifrig zu beschäftigen, um diesen anvertrauten Besitz bei sich selber zu vermehren. Von der Erfüllung dieser Pflicht hängt das ewige Geschick ab, das Jesus bei seinem Kommen als der Richter zuteilen wird. Wenn er aber kommt, dann soll man ihm ohne Zögern entgegengehen, ohne nach dem Irdischen zurückzublicken (L. 17, 31—33).

Die Ermahnungen Jesu an seine Jünger zum rechten Verhalten zu seinem Kommen haben nur einen Sinn unter der Voraussetzung, daß sie es erleben werden. Das ist von Jesus auch direkt ausgesprochen worden, wenn auch nicht hinsichtlich aller ohne Ausnahme (Mk. 9, 1, M. 10, 28, L. 9, 27). Andererseits aber, wie schon hier gemäß Mk. 8, 34, L. 9, 13 das Wort auch an einen weitem Kreis gerichtet ist, so sagt Jesus Mk. 13, 30, M. 24, 34, L. 21, 32, daß noch ein Teil seiner Generation, seiner Zeitgenossenschaft, sein Kommen erleben wird, dieses vor ihrem Aussterben eintreten wird. Einen noch genaueren Termin aber kann und will er nicht angeben (Mk. 13, 31, M. 24, 36¹).

1) Was die Erfüllung, resp. Nichterfüllung dieser Weissagung anlangt, so verweist man entweder darauf, daß doch wenigstens die Zerstörung Jerusalems, die in der eschatol. Rede als Teil des Endgerichts selber erscheint (Mk. 13, 14—20, M. 24, 15—22, L. 21, 20—24) von einem Teil seiner Zeitgenossen erlebt worden ist. Oder man macht sich das Hinweggehen über die lange Zwischenzeit zwischen der Zerstörung Jerusalems und dem Endgericht durch die Analogie der räumlichen Perspektive anschaulich: Jesus habe die zukünftigen Ereignisse plastisch in einem visionären Bilde geschaut, dessen Vordergrund die Zerstörung Jerusalems, dessen Hintergrund den Untergang dieser Welt zeigte; die zeitliche Entfernung dieser Ereignisse konnte an ihm natürlich nicht abgelesen werden. Oder schließlich, man redet unverhohlen von einem Irrtum Jesu. Einen solchen würde er aber mit der gesamten alttestamentlichen Weissagung des Endes teilen, die stets die Schilderung der Endzeit an die zunächst erwarteten religiös beurteilten politischen Ereignisse knüpft. Die zuversichtliche Erwartung des baldigen Eintritts der Endvollendung ist nicht intellektualistisch, sondern religiös zu beurteilen, wenn man ihr gerecht werden will, nämlich als Ausdruck des tiefen Unbefriedigtseins von dem religiös-sittlichen Zustande dieser Welt und der hochgespannten Sehnsucht nach dem Heil. Und diese religiös gestimmte Erwartung ist wie anfangsweise

§ 6. Jesu Stellung hinsichtlich der gegenwärtigen Gottesherrschaft etc.

Jesus hat seine Messianität nicht rein zukünftig gedacht, wie er die Gottesherrschaft nicht rein zukünftig gedacht hat. Soweit er die Gottesherrschaft schon gegenwärtig durch Krankenheilung und Frohbotschaftsverkündigung aufrichtet, ist er schon gegenwärtig der Messias. Aber wie die gegenwärtige Gottesherrschaft nur eine Realweissagung auf die zukünftige ist, so besteht die gegenwärtige Messianität Jesu in dem real begründeten Anspruch auf die zukünftige; letztere bleibt die eigentliche, wie die zukünftige Gottesherrschaft die eigentliche ist. Die gegenwärtige Messianität ist nur eine Art Vorstadium für die zukünftige. Aber gerade auf seinem Bewußtsein, in gewissem Sinne schon gegenwärtig der Messias zu sein, gründet sich Jesu Gewißheit, daß er es einst im Vollmaße sein werde. Macht Jesus aus diesem seinem Bewußtsein gegenwärtig noch ein Geheimnis, so entspricht es dem, wie er aus dem gegenwärtigen Vorhandensein der Gottesherrschaft ein Geheimnis macht, das sich nur seinen Jüngern enthüllt. Damit, daß er sich überall, nicht nur in den eschatologischen Reden an die Jünger, den Menschensohn nennt, verrät er sein Geheimnis nicht, da diese apokalyptische Messiasbezeichnung nicht populär war, wie das Mißverständnis des Volkes M. 9, 8 noch ausdrücklich beweist. Weil man gemeiniglich nicht weiß, wer der Menschensohn ist, ist das Reden gegen ihn im Unterschiede von der Lästerung des heiligen Geistes vergebbar (M. 12, 37, L. 12, 10). Aber schon gegenwärtig hat der Menschensohn als solcher übermenschliche Würde und Vollmacht. Er ist größer als der größte der Weibgeborenen, weil er nicht nur wie dieser die Gottesherrschaft und das Kommen des Messias unmittelbar vorbereitet, sondern erstere bringt und letzterer selbst ist (M. 11, 10—14. 18, L. 7, 27—28, 33 f., zu vergl. M. 9, 14—16, L. 5, 37 f., Mk. 2, 18—22). Als Menschensohn ist Jesus Herr auch über den Sabbath, wie über die andern alttestamentlichen Institutionen, da er größer

bei den Profeten, so in vollendetem Maße bei Jesus in sittlicher Hinsicht eminent fruchtbar geworden, indem gerade sie die ganze Zeitgenossenschaft umspannende Ethik ausgelöst hat. Alle denkbaren Pflichtverhältnisse in ihr müssen nach dem Willen Gottes gestaltet werden, da alle Menschen so bald sich gemeinsam vor dem Richterstuhle Gottes werden zu verantworten haben.

als der Tempel ist (Mk. 2, 27, M. 12, 6, L. 6, 5). Er beansprucht die göttliche Vollmacht, Sünden zu vergeben, was von seinen Feinden als Gotteslästerung empfunden wird (Mk. 2, 7. 10, M. 9, 3. 6, L. 5, 21. 32), und beweist sein Recht darauf durch eine über Menschenkraft hinausgehende Heilung. Der Menschensohn hat als solcher den Beruf, vom ewigen Verderben zu erretten L. 19, 20, was kein Mensch vermag. Daß ein so hohes Wesen es schlechter hat als die Tiere, ist daher im höchsten Grade paradox (M. 8, 20, L. 9, 58). Findet man an all diesen Stellen vom Menschen im allgemeinen geredet, so wird man dem Zusammenhang nur ungefähr, aber nicht ganz gerecht. Daß das Reden gegen Menschen vergebbar ist, ist zu selbstverständlich, als daß es in einen solchen Gegensatz zur Lästerung des Geistes gestellt werden könnte. Nicht weil auch er Mensch ist, kann Jesus größer als der größte Mensch sein. Es bleibt unverständlich wie Jesus einem jeden Menschen das Recht zusprechen konnte, über den Sabbath und die sonstigen alttestamentlichen Institutionen frei zu verfügen. Nicht jeder Mensch kann die Vollmacht haben, Sünden zu vergeben, da ja nicht ein jeder die Macht hat, einen Kranken mit Erfolg aufzufordern, gesund aufzustehn. Die triviale Wahrheit, daß Menschen es unter Umständen schlechter haben als die Tiere — wobei noch das „unter Umständen“ hinzugedacht werden muß, denn es steht nicht da — ist keine Antwort auf das Angebot, Jesu Jünger zu werden.

Da demnach „der Menschensohn“ in nicht eschatologischem und doch messianischem Sinn in so mannigfaltigen Aussagen vorkommt, wird man nicht von einer irrtümlichen Anwendung des rein endzeitlichen Terminus auf den auf Erden wandernden Jesus seitens der Evangelisten reden dürfen. Weil „der Menschensohn“ keine landläufige Messiasbezeichnung war, konnte Jesus sich so nennen und doch seinen Jüngern verbieten, zu sagen, daß er der Messias sei (Mk. 8, 29, M. 16, 20, L. 9, 21); oder von seiner Verklärung auf dem Berge zu reden, da in ihr seine Messianität bezeugt und dargestellt wurde (Mk. 9, 3. 7. 9, M. 17, 3. 5. 9, L. 9, 30. 35. 36); ferner die Dämonen beschwichtigen, die als überirdische Geister sein Geheimnis kennen (Mk. 1, 34; 3, 12; L. 4, 41). Weil Jesus seine Wundertaten gemäß Jesaias 35, 5. 6, 61, 1 als messianische Zeichen ansieht (M. 11, 5, L. 7, 21; 4, 18—23), verbietet er auch, von ihnen zu reden (Mk. 1, 43, M. 8, 4, L. 5, 14; Mk. 5, 37. 43, L. 8, 51. 56; Mk. 7, 36, 8, 26; M. 12. 14 f., nur an letzterer Stelle wird das zu der Feindschaft der Pharisäer in Beziehung gesetzt; das

Gegenteil kommt nur einmal gegenüber einem Heiden in heidnischem Gebiet vor (Mk. 5, 18—20, L. 8, 39).

Doch so deutlich ist der messianische Charakter der Heilungen Jesu nicht, daß das Vertrauen, welches er von den Kranken fordert, als bewußte Anerkennung seiner als des Messias gemeint sein könnte (Mk. 5, 34. 36, M. 9, 22. 26, L. 8, 48. 50), wie es sich Mk. 10, 48. 52, L. 18, 41 f., M. 9, 27—29 von selbst darbietet. Nicht ein allgemeines Vertrauen auf Gottes Hilfe ist hier überall gemeint, sondern eines zu dem sofortigen Tun Jesu. Denn Mk. 1, 40, M. 8, 3, L. 5, 13 führt Jesus ausdrücklich die Heilung auf seinen Willen zurück, M. 9, 28 auf sein Können, Mk. 10, 51, L. 18, 41, M. 20, 32 auf sein Tun. Je Größeres von Jesu Können und barmherzigem Willen erwartet wird, desto erfreuter zeigt er sich (M. 8, 10, L. 7, 9; M. 15, 28). Diese Stellen dürfen nicht dahin verstanden werden, als ob Jesus den großen Glauben der Bittsteller als alleinige Ursache der Heilung bezeichnete, ebenso nicht Mk. 6, 5, M. 13, 58 dahin, als ob der mangelnde Glaube allein schon das Nichtzustandekommen von Heilungen erkläre, und nicht vielmehr das Nichtkönnen Jesu auf ein entsprechendes Nichtwollen als die eigentliche Ursache zurückgehe. Denn Mk. 2, 5, M. 9, 2, L. 5, 20; M. 8, 13, L. 7, 9 genügt Jesu schon der Glaube der Angehörigen der Kranken, um seinen auf Heilung gerichteten Willen auszulösen. Nach L. 17, 17—19 erwartet er, daß ihm persönlich für die Heilung gedankt werde, wenn auch dieser Dank letztlich Gott gilt.

Doch sind die Heilungen nicht Selbstzweck, sondern stehen im Dienst des seelsorgerischen Berufes, den Jesus als der Messias = Menschensohn hat, die Sünder zur Umkehr zu rufen, die Verlorenen zu erretten. Das geht daraus hervor, daß nach M. 11, 21. 23, L. 12, 13 gerade die Krafftaten genannt werden, worauf hin die galiläischen Städte hätten umkehren sollen. Gelegentlich hilft auch Jesus einem Kranken zunächst aus seiner seelischen Not durch Sündenerlaß, um diesen dann durch die Hilfe aus seiner leiblichen Not als gewiß zu bestätigen (Mk. 2, 5, M. 9, 2, L. 5, 20), und entläßt eine Sünderin nach der Bestätigung des Sündenerlasses mit demselben Wort, mit welchem er sonst die Geheilten entläßt (L. 7, 50), indem er auch hierfür Dank entgegennimmt und erwartet (V. 41—43). Ferner benützt er die Krankenheilung als Gleichnis für die Bekehrung der Sünder (Mk. 2, 17, M. 9, 12 f., L. 5, 31 f.). Wirkt er die Umkehr in den Menschen durch seine berufsmäßige Predigt des Worts, so ist er auch als Prediger der

Menschensohn M. 13, 37, sofern er als solcher die Gottesherrschaft schon gegenwärtig in den Menschenherzen durchsetzt.

Daher ist das rechte Verhalten zu ihm nicht ein äußerliches zu seiner Person, sondern zu ihm als Prediger des Wortes Gottes. Nur indem man dieses aufnimmt und den darin ausgesprochenen Willen Gottes tut, wird man sein wahrer Verwandter (Mk. 3, 34 f., M. 12, 49 f., L. 8, 21), Gastfreund, Volksgenosse (L. 10, 39. 41; 13, 36), Jünger (M. 7, 21—23, L. 6, 46), weil man dadurch ihm in sittlicher Hinsicht wesensähnlich wird. Demnach genügt Jesus nicht die bloß äußerliche Anerkennung seiner als des Messias etwa auf seine Krafftaten hin, sondern ihn „Herr“ im religiösen Sinne zu nennen, ist man erst berechtigt, wenn man sich durch seine messianische Bekehrungspredigt hat zum Tun des Willens Gottes bringen lassen. Das ist der tiefste Grund des Messiasgeheimnisses. Denn sein Wesen als des Gottessohnes ist nach M. 11, 27, L. 10, 22 ebenso ein Geheimnis, wie das Wesen Gottes ein Geheimnis ist. Wie Jesus dieses nur offenbart, wem er es offenbaren will, nämlich seinen wahrhaften Jüngern, so offenbart Gott sein Wesen als des Gottessohnes nur diesen (M. 11, 25, L. 10, 22; M. 16, 16). Als der Sohn Gottes ist Jesus der Messias, wie das Abwechseln der beiden Bezeichnungen (besonders deutlich) L. 4, 41 beweist. Damit ist aber nicht bewiesen, daß die Gottessohnschaft Jesu mit Menschenmaß zu messen ist. Denn Jesu Messianität ist nicht mit Menschenmaß gemessen. Durch den Sohngottesnamen wird vielmehr Jesus seinem Wesen nach in die Nähe Gottes gestellt. Daher lassen ihn die Evangelisten nur von Gott selber mit ihm bezeichnet werden und zwar in Situationen, wo die überirdische Welt sich über ihm öffnet (Mk. 1, 10, M. 3, 16 f., L. 3, 22; Mk. 8, 7, M. 17, 5, L. 9, 35), oder vom Teufel, indem von ihm Jesu damit übermenschliche Kraft zugetraut wird (M. 4, 3. 6, L. 4, 3. 9), oder von den Dämonen, die ihm als Gottessohn die Macht zutrauen, sie der ewigen Qual, dem Abyssus mit seinem ewigen Verderben zu überweisen (Mk. 3, 11 f., L. 4, 41; Mk. 5, 7, M. 8, 29, L. 8, 28; 4, 34). Erkennt ihn auch einmal ein Mensch als den Sohn Gottes, so wird das sofort von Jesus auf direkte Offenbarung Gottes an ihn zurückgeführt (M. 16, 16 f.) und dieses Bekenntnis als ein ganz außerordentliches mit den höchsten Verheißungen belohnt (V. 18—20). Es handelt sich eben hier auch um das tiefste Geheimnis des Selbstbewußtseins Jesu. Sonst findet sich nur noch einmal in den Evangelien diese Bezeichnung Jesu im Munde der Jünger (M. 14, 33),

aber auch in einem Zusammenhange, wo Jesus sich durch sein Wandeln auf dem Meere als überirdisches Wesen erweist. Auch wo sich diese Bezeichnung in bloß hypothetischer Weise im Munde seiner Gegner findet (M. 27, 40. 42), wird sie doch in dem Sinne gebraucht, daß der, welcher sie beansprucht, übermenschliche Kraft besitzen und Gott sehr nahe stehen müsse. Nicht anders steht es, wo sie im Munde von Heiden vorkommt (M. 27, 54). Und Jesus selber bekennt sich vor dem hohen Rat zu ihr im Sinne des Anspruchs auf die baldige Teilnahme an der göttlichen Weltregierung und dem Weltgericht (Mk. 14, 62, M. 26, 64, L. 22, 69 f.). Beansprucht er solches als der zukünftige Messias, so zeigt es sich hier besonders deutlich, daß sein Messiasbewußtsein sich auf sein Sohngottesbewußtsein gründet. Letzteres gibt ihm das innere Recht, die so hohen Messiasprädikate (auch die apokalyptischen) auf sich zu beziehen. Weil er als der Sohn Gottes der Messias ist, ist er nicht Davids Sohn, sondern sein Herr, kann er den Menschen die Sünden vergeben, was nur Gott kann, ruft er alle zur Umkehr und fordert er alle auf, um Sündenvergebung zu bitten, ohne je sich selber mit einzuschließen. Will er trotzdem nicht gütiger Lehrer genannt werden (Mk. 10, 18, L. 18, 19; zu vergl. M. 20, 15), so doch nur, weil es Gottes Güte und Gnade ist, die ihn gesandt hat, die Verlorenen zu erretten. Weil Gott in einzigartiger Weise sein Vater ist, nennt er ihn nie „unser Vater“, indem er die Jünger mit einschliesse, sondern immer nur „mein Vater“, „euer Vater“ (das „Vaterunser“ ist vom Standpunkt der Jünger aus formuliert). Als der Sohn Gottes kommt er eben nicht als der erste der menschlichen Söhne Gottes zu stehen, sondern stellt sich zwischen Gott und die Engel, indem er letzteren überlegen ist (Mk. 13, 32, M. 24, 36). Daß mit diesem Wesensverhältnis zu Gott auch ein Ursprungsverhältnis mitgemeint ist, legt L. 1, 35, 3, 3—38 wenigstens nahe (doch ist hier von der Gottessohnschaft selbst in zwiefachem andern, nur hier vorkommenden Sinn die Rede). Aus diesem überragenden Selbstbewußtsein Jesu ist es zu verstehen, daß er Neutralität ihm gegenüber für unmöglich erklärt: in der Stellung zur Gottheit gibt es eben nur ein entweder-oder (M. 12, 20, L. 11, 33, zu vergl. mit dem nur scheinbar, nämlich bei relativer Schätzung dessen, was absolut gemeint ist, kontradiktorischen Ausspruch Mk. 9, 38, L. 9, 49). Diejenigen, denen allein er seine göttliche Hoheit offenbart hat, stellt er in ein Verhältnis unbedingter Abhängigkeit von sich. Daher bedeutet seine Nachfolge

die Aufgabe aller bisherigen Beziehungen, beruflicher und häuslicher Art (Mk. 1, 17, M. 4, 19 f., L. 5, 10; Mk. 2, 14, M. 9, 9, L. 5, 27; Mk. 10, 28 f., M. 19, 27—29, L. 18, 28—30). Scheint die Forderung an den Reichen, vor der Nachfolge allen Besitz wegzugeben (Mk. 10, 21, M. 19, 21, L. 18, 22), im Vergleich mit dem Ausbleiben einer solchen Forderung an Zakchäus (L. 19, 8 f.) eine seelsorgerische gegenüber der sonderlichen Liebe des ersteren zu Geld und Gut zu sein, so zeigt L. 12, 33, daß es sich vielmehr um eine allgemeingültige Forderung an die ständigen Nachfolger Jesu handelt (zu vergl. L. 22, 28). Sie steht auf einer Linie mit der Forderung an sie, die Beziehungen zu den Verwandten völlig abubrechen (M. 8, 21 f., L. 9, 59—61). Es entspricht das dem, wie Jesus selber seine Jünger als seine einzigen wahren Verwandten gegenüber seinen leiblichen erklärt (Mk. 3, 31—35, M. 12, 46—50, L. 8, 19—21).

Das Verhältnis, in welches Jesus seine Jünger zu sich stellt, ist ein religiöses. Daher erscheint als die Grundgesinnung ihm gegenüber Glaube, Vertrauen in religiösem Sinn. Das ist die eigentliche Jüngerresinnung (L. 22, 31 f.; Mk. 9, 42, M. 18, 6). Da es aber noch gering ist und deswegen die Jünger selber in religiöser Hinsicht noch gering sind, so geht Jesus darauf aus, es zu stärken. Als es ihm einmal nach Mk. 4, 40, M. 8, 26, L. 8, 24 f. durch übermenschliches Tun gelingt, da äußert sich das gestärkte Vertrauen in einer Frage, die von der übermenschlichen Kraft Jesu auf sein übermenschliches Wesen schließt. Nach Mk. 8, 17, M. 16, 8—11 hat sich dieser Glaube auf die Einsicht in die übermenschliche Kraft Jesu zu gründen. Den Glauben seiner Jünger an sein übermenschliches Wissen stellt Jesus (nach Mk. 11, 2 f., M. 21, 2 f., L. 19, 30 f.; Mk. 14, 13, L. 22, 10—12; 5, 4—6; M. 17, 27) wiederholt mit Erfolg auf die Probe. Nicht so erfolgreich ist immer der Versuch, sie sich an seinem übermenschlichen Tun beteiligen zu lassen (Mk. 6, 32, M. 14, 6, L. 13, 3; Mk. 9, 28, M. 17, 19; 14, 31), obgleich es auch hier an entgegengesetzten Erfahrungen nicht fehlt (M. 14, 29; L. 10, 17; M. 7, 12, zu vergl. Mk. 6, 7, M. 10, 8, L. 10, 9, 9, 1). Die Voraussetzung solch' wunderbaren Tuns ist für die Jünger eine spezifische Art von Glauben, nämlich an die ihnen selber infolge ihres Zusammenhanges mit Jesus eignende Kraft; er ist noch schwerer zu erringen, als das Vertrauen zu Jesus selbst und seiner Wunderkraft. Die Schwierigkeit, ihn zu erlangen, steht aber in umge-

kehrtem Verhältnis zu der Größe des für die wunderbaren Taten nötigen Maßes. Während Jesus den Glauben an seine Wundermacht nach M. 8, 10, L. 7, 9, M. 15, 18 möglichst groß wünscht, so genügt nach Mk. 11, 22, M. 21, 21 (zu vergl. 17, 20, L. 17, 56) für die Jünger schon ein geringstes Maß von Selbstzuversicht oder von Vertrauen auf Gott, daß er ihnen die Kraft gibt, — um die größten Wunder zu tun. Da aber die in ihm und seinen Jüngern vorhandene Kraft dieselbe ist, und sie sie infolge des Zusammenhangs mit ihm besitzen, so verlangt Jesus von den Menschen dasselbe Vertrauen zu seiner Jünger Wundermacht wie zu seiner eignen (Mk. 9, 19, M. 17, 17, L. 9, 41). Weil aber überhaupt die Jünger, was sie als Jünger in religiös-sittlicher Hinsicht sind, ihm verdanken, so schätzt Jesus das Verhalten der Leute zu ihnen als solchen ganz so ein, wie das zu ihm selber (M. 10, 40, L. 9, 41, 10, 16; ferner M. 10, 14, L. 10, 10—12 verglichen mit M. 11, 21—24, L. 10, 13—15; ferner M. 25, 40. 45). Aber auch die Jünger sollen zu einander sich dem entsprechend verhalten, daß es sich hierbei im Grunde um ein Verhalten zu Jesus selbst handelt (M. 18, 10; Mk. 10, 4, M. 19, 14, L. 18, 16; Mk. 9, 37, M. 18, 5, L. 9, 48; ferner Mk. 9, 42, M. 18, 6, zu vergl. mit Mk. 14, 21, M. 26, 24).

§ 7. Jesu Übergang von der letzteren Stellung zur ersteren etc.

Hat Jesus als der im Leibesleben stehende Mensch sein Kommen in den Wolken des Himmels zum Endgericht geweissagt, so ist die notwendige Voraussetzung dazu seine in den Evangelien bezeugte Weissagung von seinem Tode und seiner Auferstehung. In der Tat erscheint in dem Gleichnisworte L. 12, 49—51 sein Tod als Voraussetzung des Eintritts der Vorzeichen des Endes. Gehört dieses wie das gleichlautende Gleichniswort Mk. 10, 38, M. 20, 22, dem hier ein anderes ähnliches an die Seite tritt, in die letzte Lebenszeit Jesu, so hat er nach Mk. 2, 20, M. 9, 15, L. 5, 35; M. 12, 40 schon in früherer Zeit seiner Wirksamkeit gleichnisweise von seinem Tode, resp. seiner Auferstehung geredet. Macht er sie seit dem messianischen Schweigegebote zu Cäsarea Philippi auch zum Gegenstande deutlicher Belehrung, so geschieht das doch nur seinen Jüngern gegenüber. Auch dies ist ein Geheimnis, welches in das Messiasgeheimnis hineingehört, weil er als

der Menschensohn leiden, sterben und auferstehen wird (Mk. 8, 31, M. 16, 21, L. 9, 22; Mk. 9, 30, M. 17, 22; Mk. 10, 22, M. 20, 17, 19, L. 18, 31—34). Vielleicht wirkt hier Daniel 7, 21 mit ein, wonach das Horn des vierten Tieres mit den Heiligen Krieg führt und sie überwältigt, welche dem Menschensohnähnlichen des Traumgesichts entsprechen. Denn auf eine Schriftweissagung weist das „muß“ hin. Doch da auch diese Aussagen (vergl. oben S. 42) über das Geschick des Menschensohnes paradox klingen, so ist es wahrscheinlicher, daß erst Jesus vom Menschensohn auch Niedrigkeit, Leiden und Sterben aussagt, demnach dessen Notwendigkeit auf andere Schriftaussagen gründet, als im Daniel. Das „nach drei Tagen“ als Termin der Auferstehung bei Mk., welches M. u. L. gemäß der Erfüllung in „am dritten Tage“ korrigiert haben (doch M. nicht konsequent, zu vergl. 12, 40; 27, 63), ist bloß schematischer Ausdruck für kürzeste Frist (zu vergl. Hosea 6, 2). Doch zeigt nicht nur L. 22, 37 sondern auch das „für viele“ Mk. 10, 45, M. 20, 28; Mk. 14, 24, M. 26, 28, daß Jesu Leidensweissagung auch an Jesaias cap. 53 orientiert ist (vergl. bes. V. 11 f.). Man würde sonst „für alle“ erwarten. Nach den ersteren Stellen besteht sein Dienst für die Menschen darin, daß er für viele sein Leben als Lösegeld hingibt, damit sie aus einer Gefangenschaft frei werden. Nach den Abendmahlsworten besteht diese Gefangenschaft in der Schuldverhaftung Gott gegenüber infolge der Sünde. Vergeblich hatte Jesus seine Zeitgenossen durch seine Predigt zur Umkehr von ihrem sündigen Wandel zum Leben in Gott zu bewegen gesucht (M. 11, 20—24, L. 10, 13—15; M. 23, 37 f., L. 13, 34 f.; 19, 41—44). So will er denn sein Leben für sie in die Schanze schlagen, um sie schließlich doch aus dem Verderben zu reißen (M. 23, 39, L. 13, 35). Jesus bezahlt das Lösegeld, indem er sein Blut als Schuldopfer vergießt (zu vergl. Jesaias 53, 10), damit den vielen ihre Sünden vergeben werden und sie so der durch Jesu Blut vermittelten gnadenreichen Verfügung Gottes unterstellt werden, wie Moses nach 2. Mos. 24 mit Opferblut das Volk unter die durch ihn vermittelte Verfügung Gottes stellte (in den „Bund“ mit Gott aufnahm, der ganz einseitig Gottes Werk ist). Seinen Leib gibt er in den Tod, um sein sühnendes Blut darzubieten. Bei L. (22, 19) wird schon der Leib als solcher bezeichnet, der zugunsten der Jünger in den Tod gegeben wird, und der das Blut enthaltende Becher wird die neue Verfügung genannt gegenüber der alten mosaischen, weil durch

das zu vergießende Blut die Verfügung vermittelt werden soll (V. 20).

Weil es zu dem von der Schrift geweissagten Beruf des Messias gehört, gewaltsam ums Leben gebracht zu werden, hat Jesus den Versuch, ihn davon zurückzuhalten, als einen gottwidrigen abgewiesen (Mk. 8, 33, M. 16, 12); die von den Jüngern als Verschwendung getadelte Salbung in Bethanien als Voraussetzung seiner Einbalsamierung verteidigt (Mk. 14, 8, M. 26, 12); den Versuch, seine Gefangennahme mit dem Schwert zu verhindern, alsbald zum Stillstand gebracht (M. 26, 52, L. 22, 51). Aber diese göttliche Notwendigkeit seines Leidens und Sterbens, rechtfertigt noch nicht die menschlichen Werkzeuge desselben (Mk. 14, 48, M. 26, 55, L. 22, 52); und der Jünger, durch dessen Verrat vor allem sich solches vollzieht, hat sich damit nicht nur in einen es aufhebenden Widerspruch zu seinem Jüngerverhältnis gestellt (M. 26, 50, L. 22, 48), sondern eine unvergebbare Sünde begangen (Mk. 14, 21, M. 26, 64, L. 22, 22).

Jesus hat aber nicht nur seine Jünger von der gottgewollten Notwendigkeit seines eignen gewaltsamen Sterbens zu überzeugen versucht, sondern sie, und wer sich etwa jetzt noch, wo sich diese Aussicht eröffnet, ihm anschließen will, von der für sie vorhandenen Notwendigkeit, ihm auch darin nachzufolgen. Die Jüngernachfolge wird angesichts des Todes Jesu zu einer Nachfolge in den Tod. Nur dadurch vermögen sie ihre Seele für das ewige Leben zu erretten (Mk. 8, 33 f., M. 16, 32—35, L. 9, 23f.). Denn die Feindschaft auch der nächsten Anverwandten gegen die Jünger gehört zu den Vorzeichen des Endes. Werden sie die Jünger eben wegen ihres Glaubens an Jesu hassen und anfeinden, so sollen die Jünger, da sie infolge dessen in die unausweichliche Notwendigkeit versetzt sind, zwischen ihren Verwandten und Jesus zu wählen, sich für Jesus entscheiden, die pflichtmäßige Liebe gegen Jesus höher stellen als die gegen die Verwandten (M. 10, 34—39, L. 12, 49—54), ja sich von den Verwandten, die sie um ihrer Jesusnachfolge willen anfeinden oder sie auch nur zu dem Zwecke davon abhalten wollen, damit sie leben bleiben und ihnen dienen, so völlig loslösen, als ob sie sie haßten (L. 14, 25—28). Nur in solcher Entschiedenheit kann die Nachfolge bis zu ihrem Ziele durchgeführt werden (V. 29—30).

Steht zu diesen hochgespannten Forderungen die tatsächliche Schwäche der Jünger in einem schneidenden Kontrast, so hat Jesus

über die Vergeblichkeit der bis zuletzt fortgesetzten Versuche (zu vergl. L. 22, 35—37; Mk. 14, 37 f., M. 26, 40 f., L. 22, 46), sie zu einem würdigen Verhalten gegenüber dem Leiden, dem er entgegend, zu erziehen, sich mit Schriftworten zu trösten gesucht (Mk. 14, 27 f., M. 26, 31 f.) und die Zuversicht nicht aufgegeben, daß später ihr Glaube erstarken werde (L. 22, 31) und sie ihm dann auch auf dem Leidens- und Todeswege nachfolgen würden (Mk. 10, 39, M. 20, 13).

In dieser Zuversicht hat er ihnen beim letzten Mahl einen Ersatz für seine leibliche Gegenwart, deren sie alsbald durch seinen Tod beraubt werden würden, bis zum Anbruch der zukünftigen Gottesherrschaft bieten wollen. Daher folgt nach den Abendmahlsworten bei Mk. und M. mit starkem Akzent die Erklärung, daß in dieser Zwischenzeit Jesus nicht ihr Tischgenosse sein werde; bei L. wird mit dieser (hier verdoppelten) Erklärung die ganze Feier eingeleitet (22, 16, 18). Statt dessen will er in dieser Zwischenzeit, wenn sie Brot essen und Wein trinken, unsichtbar (zu vergl. M. 18, 20) in ihrer Mitte weilen und sich selbst ihnen mit seinem Leib und sühnenden Blut zur Nahrung geben, um sie des Ertrages seines Todes teilhaftig zu machen, sie und alle diejenigen, welche in Zukunft durch ihre Wirksamkeit gleichfalls seine Anhänger werden. Weil das zu genießende Blut Jesu das Blut ist, welches kraft göttlicher Verfügung diesen vielen in der Zwischenzeit zwischen Tod und Ankunft Jesu Sühnung und Schuldverlass vermittelt, so ist, trotzdem es nicht ausdrücklich gesagt ist wie hinsichtlich des Leibes bei L. (22, 19), an einen regelmäßig zu wiederholenden Genuß, weil an einen Ersatz der fehlenden sichtbaren Gegenwart Jesu gedacht.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: офиціальный и научный.

Въ офиціальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
